

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Հ. Գ. ԻՆՃԻԿՅԱՆ

ՕՍԽԱՆՅԱՆ ԿԱՅՍՐՈՒԹՅԱՆ
ԲՈՒՐԺՈՒԱԶԻԱՆ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1977

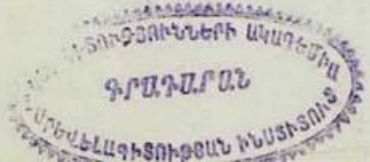
1-60

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

О. Г. ИНДЖИКЯН

БУРЖУАЗИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1977

Монография посвящена особенностям формирования и развития многонациональной буржуазии Османской империи. В работе исследованы факторы, обусловившие затяжной характер развития капиталистических отношений в стране. Книга охватывает период со второй половины XIX столетия до крушения Османской империи.

Ответственные редакторы:

БАЗИЯНЦ А. П.

ЧАХМАХЧЯН Х. М.

ШАМСУТДИНОВ А. М.

10601
N 703(02)—77 31а—76

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «буржуазия Османской империи» в литературе встречается редко. У отдельных авторов оно идентично понятию «турецкая буржуазия». Между тем это понятие имеет собирательное значение, так как включает национально различные группы буржуазии османского государства.

В данной работе рассматриваются особенности процесса зарождения и дальнейшего развития капиталистических отношений и буржуазии прежде всего инонациональной, немусульманской, — греческой, армянской, еврейской. Но общий исторический фон и общие условия развития для всех групп буржуазии позволили осветить также некоторые стороны формирования и развития и других групп буржуазии империи — славянской, турецкой, арабской и т. д. Речь идет об определении общих закономерностей становления всей многонациональной буржуазии Османской империи в условиях ее упадка и разложения феодализма. Этими соображениями и обусловлено название книги. Естественно, наличие большого количества армянских источников и литературы предоставило автору широкие возможности подтверждения отдельных выводов преимущественно примерами, взятыми из этих источников.

Следует сказать также, что задачей исследования является не систематическое изложение истории становления немусульманской буржуазии, а выявление тех основных особенностей формирования и развития инонациональной буржуазии, которые определили ее влияние на экономическую жизнь страны.

К их числу относятся: влияние турецкого феодального строя на развитие капиталистических отношений, роль Османского государства, его военно-бюрократической верхушки, его политики, а также мусульманской религии и шариата, постоянно воздействовавших на ход развития всей страны; различия культурно-экономического уровня господствовавшего турецкого народа и христианских народов, отражение этого явления на развитие самой турецкой и инонациональной буржуазии; значение национальной политики правящих кругов для указанных процессов; место и роль раз-

личных национальных групп буржуазии в экономике страны; влияние иностранного капитала на формирование капиталистических отношений и развитие буржуазии Османской империи.

Изучение этих особенностей помогает более глубокой разработке и правильному пониманию истории Османской империи и населявших ее народов. С другой стороны, исследование подобных проблем, в процессе которого выявляются новые факты, приводит к необходимости пересмотра некоторых прежних выводов и положений. «История,—говорил В. И. Ленин,—несет с собой и новые факты и новые способы исследования, требующие дальнейшего развития теорий»¹.

Для изучения объективных закономерностей и условий зарождения и развития капиталистических отношений в Османской империи важное значение имеет ленинское указание о том, что капитализм втягивал колонии лишь в обмен *товаров*, «но еще не в капиталистическое производство... Империализм есть, между прочим, вывоз *капитала*»².

При исследовании указанных проблем автор исходил из марксистской установки о том, что «действие общих закономерностей проявляется в различных формах, отвечающих конкретным историческим условиям, национальным особенностям»³.

Освобождение стран Востока, быстрый политический и культурный рост его народов делают особо актуальным изучение их социально-политической истории с марксистско-ленинских позиций. Это важно также и для укрепления демократических сил стран Востока, для повышения их идейно-политического уровня.

Следует учесть, что в отдельных трудах проявлялось известное недоверие к буржуазии стран Востока, к ее политическим потенциям. Подобная недооценка практически приводила к игнорированию демократических стремлений определенной части буржуазии, ее роли в борьбе за создание антиимпериалистического, антифеодального фронта. Вместе с тем имелись факты переоценки роли национальной буржуазии.

Эти тенденции проявлялись также при характеристике национальной и ионациональной буржуазии Турции.

Известно, что Ленин проводит четкую грань между различными группами буржуазии, отмечая важную роль ее передовых слоев в демократических преобразованиях, непосредственным результа-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 202.

² Там же, т. 30, стр. 35.

³ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, Москва, изд. Полит. литературы, 1971, стр. 6.

том которых явилось бы свободное буржуазное развитие стран Востока. «А в Азии есть еще буржуазия,—писал Ленин в 1912 г.,—способная представлять искреннюю, боевую, последовательную демократию, достойный товарищ великих деятелей конца XVIII века во Франции»⁴. Социальной опорой этой демократической буржуазии Ленин считал крестьянство. Характеризуя другую, либеральную прослойку буржуазии, Ленин указывал, что ее представители «более всего способны к измене»⁵, особенно в условиях полуколониальной страны, где они обычно останавливались на полдороге, не доводили до конца борьбу за осуществление задач буржуазной революции, приспособлялись к феодальным верхам и государственной бюрократии. В Турции сильна была именно эта последняя группа буржуазии, в то время как почти не была заметна деятельность первой.

Одной из главных задач данной работы является подробное изучение внутренних социально-экономических процессов, происшедших в Османской империи в конце XIX—начале XX веков. Наличие ряда общих трудов по истории Турции, а также преобладание известных точек зрения относительно роли иностранного капитала и капиталистического развития в специфических условиях военно-феодального Османского государства, потребовало новых поисков, в частности более тщательного изучения периодических изданий, материалов советских архивов и специальной литературы. Это было обусловлено и тем, что статистики в Турции не существовало. Такой подход содействовал тому, что отдельные явления, элементы различных процессов, новые и уже известные факты выступили в виде единой исторической цепи. На их основе автор выдвигает некоторые новые положения.

В течение веков инациональная буржуазия играла значительную роль в экономической жизни обширного Османского государства. С ее деятельностью было связано развитие основных отраслей производства, ремесел и торговли. Конечно, не все слои инациональной буржуазии стремились к утверждению в империи капиталистических порядков. Наряду с турецкими и другими мусульманскими феодалами и военно-бюрократической верхушкой, опорой султанской власти были также некоторые верхние слои инациональной буржуазии, помещики и чиновники—выходцы из христианских народов. Греческие фанариоты, армянские амиры и еврейские банкиры постоянно финансировали мероприятия Османского государства. Естественно, что освободительная борьба поко-

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, т. 21, стр. 402.

⁵ Там же.

ренных народов была направлена не только против ненавистного режима, но и против его опоры, против перечисленных слоев «османского» общества. Но рассматривая этот вопрос в целом, автор основное внимание уделил тем слоям буржуазии, которые были активными носителями новых отношений.

Показ процесса становления буржуазии затруднен из-за скудости статистических и других данных. На основе выявленных новых фактов, тщательного анализа всех имеющихся данных в работе показано, что наряду с крупными городами прибрежной полосы, буржуазия в изучаемый период формировалась и в глубинных районах страны, на ее окраинах. В работе определены направления деятельности, «специализация» различных национальных групп буржуазии в экономике империи. В связи с этим приводятся соответствующие таблицы, в частности об участии их капиталов в отдельных отраслях хозяйства. Более детальный анализ процесса формирования и деятельности буржуазии Османской империи в целом и ее отдельных групп, несомненно, задача будущего. Ведь даже турецкие историки и социологи, не располагая обобщающими данными, вынуждены удовлетворяться лишь отдельными фактами и примерами (Д. Авджиоглу и другие). Всестороннее освещение деятельности многонациональной буржуазии империи, видимо, возможно только коллективными усилиями научных работников ряда стран, ибо история Османской империи в конечном счете есть история всех населявших ее народов.

Данная работа, как *опыт* социологического исследования, на наш взгляд, представляет интерес в особенности в двух отношениях.

Во-первых, история буржуазии Османской империи в советской туркологии разработана еще недостаточно. Автор делает попытку восполнить этот пробел, хотя и не считает, что эта обширная проблема получила в работе исчерпывающее освещение. Она может быть полностью раскрыта лишь на основе тщательного изучения турецких источников, а также материалов на греческом языке и языках балканских и других народов. В книге использованы русская, европейская и турецкая литература и отчасти пресса, особое внимание уделено армянским источникам, о значении которых для исследования истории Османской империи речь пойдет ниже.

Во-вторых, отдельные положения и выводы исследования, несомненно, характерны для исторического пути развития капитализма и буржуазии ряда других стран Востока.

В центре данного исследования находятся внутренние социально-экономические и политические проблемы. И это не случайно. Как справедливо отмечает советский турколог Г. З. Алиев, вопро-

сы внутренней жизни Турции и связанные с ними проблемы исследованы еще недостаточно⁶.

Следует сказать, что в советской историографии имеется немало работ, в том числе монографий, авторы которых освещают проблему развития капиталистических отношений в Турции⁷. Однако нет специальных трудов, посвященных формированию и развитию буржуазии Османской империи. Исключение составляет книга Д. И. Вдовиченко, в которой показано развитие турецкой национальной буржуазии после прихода ее к власти в результате победы кемалистского движения. Основное внимание в ней уделено периоду после второй мировой войны⁸.

Среди главных вопросов развития капиталистических отношений в Турции весьма важное значение имеет земельный вопрос. Это одна из наиболее исследованных в литературе проблем. Поэтому мы касаемся ее по мере необходимости, с тем чтобы показать трансформацию феодальных порядков, изменения взаимоотношений землевладельцев и крестьян, влияние товаро-денежных отношений на фискальную систему, вмешательство центральной власти и ее местных органов в аграрные отношения, а также влияние всех этих явлений на развитие капитализма в Турции.

Для правильного понимания аграрной проблемы решающее значение имеют высказывания К. Маркса, содержащиеся в «Конспекте книги М. Ковалевского»⁹. Земельные отношения в Турции рассматриваются также в использованном архивном материале и в работах досоветских авторов: Дм. Бакрадзе¹⁰, А. М. Коллюбакина¹¹, Н. А. Ленского¹², Я. Д. Маламы¹³, А. Руппина¹⁴, Р. Терме-

⁶ Г. З. Алиев. Турция в период правления младотурок (1908—1918). М., 1972, стр. 4.

⁷ Алибеков И. В. Государственный капитализм в Турции, М., 1966; Моисеев П. П. Аграрный строй современной Турции, М., 1970; Новичев А. Д. Очерки экономики Турции до мировой войны, М.—Л., 1937; Его же. Экономика Турции в период мировой войны, М.—Л., 1935; Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, М., 1962 и ряд статей.

⁸ Д. И. Вдовиченко. Национальная буржуазия Турции, М., 1962, стр. 6.

⁹ К. Маркс. «Конспект книги М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», Советское востоковедение, №№ 3, 4, 5, 1958; «Проблемы востоковедения», № 1, 1959.

¹⁰ Дм. Бакрадзе. Исторический очерк турецкой системы землевладения, Тифлис, 1889.

¹¹ А. М. Коллюбакин. Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции, Тифлис, 1888.

¹² Н. А. Ленский. О правовом положении землевладения в Турецкой Армении, Пг, 1916.

¹³ Я. Д. Малама. Описание Эрзерумского вилайета, СПб, 1874.

¹⁴ Артур Руппин. Современная Сирия и Палестина. (пер. с немецкого), Пг, 1919.

на¹⁵, а также А-до¹⁶, Атома¹⁷, Мурадяна¹⁸, Хажака¹⁹ и ряда других.

Исследование этой проблемы продолжается и в последующие периоды. Ей посвящены специальные работы А. Амбаряна²⁰, П. Моисеева²¹, А. Новичева²², Е. Саркисяна²³. Земельным отношениям в Турции посвящено немало страниц в справочниках по аграрному вопросу и крестьянскому движению²⁴, в работах А. Алимова²⁵, И. Бутаева²⁶, Х. Габидуллина²⁷, Д. Завриева²⁸, Ирандуста²⁹, А. Шамсутдинова³⁰ и др. Этот вопрос освещен в книгах Д. Арсланиана³¹, турецких авторов Х. Авни³², С. Аксоя³⁵, К. Булутоглу³⁴, М. и О. Сенджеров³⁵, И. Хюсрева³⁶ и других исследователей.

Научно-методологической основой данного исследования явились труды классиков марксизма-ленинизма, в которых рассматривается процесс разложения феодального строя и развития капита-

15 Р. И. Термен. Отчет о поездке в санджак Хекяри Ванского вилайета в 1906 г., Тифлис, 1910.

16 Ա. Գօ (Հովհ. Տեր-Մարտիրոսյան), Վանի, Բիթլիսի և Էրզրոմի վիլայիթները, Երևան, 1912:

17 Առոմ (Հ. Շահերկյան), Պետական վերանորոգությունն և հողալին հարցը, Կ. Պոլիս, 1910:

18 Ա. Մուրադյան, Հողատիրությունը Թուրքիայում, «Մուրե», 1899, № 10:

19 Փ. Խաժակ, Հարկերը Տաճկաստանում, Բարու, 1903:

20 Ա. Ս. Համբարյան, Ագրարային հարաբերությունները Արևմտյան Հայաստանում (1856—1914), Երևան, 1965:

21 П. П. Моисеев. Аграрный строй современной Турции.

22 А. Д. Новичев. Аграрный вопрос в Турции накануне кемалистской революции. Записки ИВАН СССР, т. V, М., 1935; Его же, Крестьянство Турции в новейшее время, М., 1959.

23 Е. К. Саркисян. Аграрная политика Османского правительства в Западной Армении во второй половине XIX в., Ереван, 1957.

24 Аграрный вопрос и крестьянское движение. Справочник, т. IV, М., 1937.

25 А. А. Алимов. Революция 1908 года в Турции, Сб. Пробуждение Азии в 1905 году и революции на Востоке, Л., 1935.

26 И. Бутаев. Проблемы Турции, Л., 1925.

27 Х. З. Габидуллин. Младотурецкая революция, М., 1936.

28 Д. С. Завриев. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции, Тбилиси, 1947.

29 Ирандуст. Движущие силы кемалистской революции, М.—Л., 1928.

30 А. М. Шамсутдинов. Национально-освободительная борьба в Турции 1918—1923 гг., М., 1966.

31 Дикран Арсланиан. Система сельского хозяйства в Османской империи, Л., 1932.

32 Н. Авни. Bir yarım müstemleke oluş tarihi, İstanbul, 1932.

33 Aksoy Suad. Türkiye'de toprak meselesi, İst., 1969.

34 К. Bulutoglu, Türk vergi sistemi, İst., 1967.

35 М. Sencer, Osmanlı toplum yapısı, İst., 1969.

О. Sencer, Türk torlumunun tarihsel evrimi, İst., 1969.

36 I. Hüsrev, Türkiye köy iktisadiyatı, Ankara, 1934.

лизма, в том числе «Капитал» К. Маркса и «Развитие капитализма в России» В. И. Ленина. Важное значение имеют их высказывания о процессе первоначального накопления капитала, учение об аграрном вопросе, а также замечания о так называемом «прусском пути» развития капитализма и его специфике в условиях стран Востока, в частности в Турции, об «азиатском способе производства». Широко использованы известные марксистские положения о турецком феодализме, о формах землевладения и землепользования при государственной собственности на землю, о роли Османского государства и мусульманской религии в жизни обширной многонациональной империи.

Говоря о путях развития Турции, о ее будущем, Маркс и Энгельс отмечали способность и выносливость турецкого народа, трудолюбие турецкого крестьянина. Однако гнилость турецких порядков, разложение верхушки, феодальный гнет и произвол были тормозом на пути прогресса страны. В этом была одна из главных причин отсталости Османской империи. Славяне, греки, армяне, евреи, стоявшие на более высоком уровне развития, также не были в состоянии, как отмечали основоположники марксизма, пробить себе дорогу свободного капиталистического развития. В Османской империи не было гарантии неприкосновенности имущества собственника и безопасности его жизни. Это служило серьезным препятствием для развития капитализма и буржуазии. Но переход к империализму, создание мирового рынка усилили процесс разложения феодальных отношений и в Османской империи. Здесь с конца прошлого столетия происходил заметный процесс внедрения капитализма во многие поры жизни. Пониманию этих явлений в турецкой действительности помогают ленинские обобщения и выводы о перерастании одной формации в другую. В. И. Ленин, высказываясь об условиях общественного развития, отмечал, что «Россия в очень многих и очень существенных отношениях, несомненно, представляет одно из азиатских государств...»³⁷. Это замечание позволяет проводить аналогии и делать обобщения о сходности социально-экономических явлений в различных странах, в частности применительно к азиатским странам и России.

В своей работе автор исходил также из принципиальных установок КПСС, других коммунистических и рабочих партий и Коминтерна по отношению к буржуазии стран Востока и ее политики. В этой связи заслуживает внимания выступление представителя Коммунистической партии Турции на международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве (1969 г.), в котором от-

³⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 401.

мечалось, что Турция является «и жертвой и орудием империалистической политики»³⁸.

В работе использованы материалы и источники многих архивов Советского Союза, в том числе фонды архива Внешней политики России, Центрального государственного военно-исторического архива, архива Военно-морского флота, исторических архивов Москвы, Ленинграда, Грузии и Армении, а также рукописные фонды архивов Матенадарана и Музея искусств и литературы Армянской ССР. Многие из этих материалов впервые вводятся в научный оборот. Использован также ряд сборников и публикаций архивных документов, как например, «Материалы для описания Азиатской Турции и Батумской области» (приложение к VII тому ИКОИРГО, Тифлис 1882), «Сборник географических, топографических, статистических материалов» (выпуск XVI, СПб, 1896), «Сборник Главного управления Генштаба» (вып. XI, 1910), «Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Османской империи», «Турецкий сборник», «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 г.», Архив Армянской истории, т. XIII. Следует учесть, что в этих публикациях подбор материалов, оценка фактов и событий нередко исходит из империалистических интересов европейских держав и царской России. Однако в них содержится весьма богатый фактический материал, в частности статистические данные, а также объективный анализ отдельных явлений.

Вместе с тем нами использованы ценные советские публикации: сборник секретных документов МИД России под редакцией Е. А. Адамова, «Раздел Азиатской Турции», трехтомник «Освобождение Болгарии от турецкого ига (1875--1879)», изданный Академией наук СССР совместно с Болгарской Академией наук, «Геноцид армян в Османской империи», изданный решением президиума АН Арм. ССР под редакцией проф. М. Г. Нерсисяна. Определенные данные и положения почерпнуты из сборников статей «О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.)», «Века неравной борьбы», «Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока»³⁹ и т. д.

Особо весомый вклад в разработку проблем турецкой истории вносят советские исследователи. Наши туркологи многое сделали как для освещения общей истории Османской империи и Турецкой

³⁸ Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, М., 1969, стр. 243.

³⁹ Выходные данные ряда произведений, использованных в работе, приводятся в тексте.

республики, так и для выявления особенностей развития этой страны и населявших ее народов. В частности, по теме нашего исследования следует отметить, ценные работы А. Ф. Миллера, в которых разработан ряд важных социально-экономических и политических проблем. Среди них: «Мустафа-паша Байрактар», «Краткая история Турции» и другие. Важное значение для нас имеют историко-экономические труды А. Д. Новичева. Они богаты цифровыми данными, обобщенными статистическими сведениями, ценность которых подчеркивается отсутствием турецкой статистики.

Интересный фактический материал содержат книги и статьи А. А. Алимова⁴⁰, Г. Астахова⁴¹, В. А. Гурко-Кряжина⁴², Б. М. Данцига⁴³, Е. Ф. Лудшуйейта⁴⁴, М. Павловича⁴⁵, А. Н. Хейфеца⁴⁶, В. И. Шпильковой⁴⁷.

Непосредственное отношение к нашей теме имеют книги и статьи Г. З. Алиева, И. Бутаева, А. И. Валуевского, Х. З. Габидулина, Э. Ю. Гасановой, Д. Е. Еремеева, А. Д. Желтякова, Р. П. Корниенко, Ю. А. Петросяна, Е. К. Саркисяна, А. С. Тверитиновой и других, а также работы досоветских авторов В. Викторова-Топорова, И. И. Голобородько, Г. Х. Инсарова, М. В. Кечеджи-Шаповалова, В. К. Лисенко, А. Н. Мандельштама, А. Тырковой, Т. Хитрово, П. А. Чихачева, статьи Атрпета, А. Тер-Арутюнова, В. Тотомянца, И. Флеровского и других. Эти работы касаются экономических проблем Турции и развития в ней капитализма.

Весьма полезны статьи революционных деятелей Р. Люксембург, В. В. Воровского, Б. М. Кнунянца, А. Г. Зурабова и других о Турции. Будучи современниками младотурецкого движения, они оценивали его как продукт противоречивого социально-экономического развития страны. Особое внимание они уделяли социальным силам, участвовавшим в историческом развитии.

Важный вклад в современную туркологию вносят болгарские ученые. Изучая историю своего народа, они освещают также от-

⁴⁰ А. А. Алимов. Турция; Очерки по истории Востока в эпоху империализма, М.—Л., 1934.

⁴¹ Г. Астахов. От султаната к демократической Турции. Очерки из истории кемализма, М.—Л., 1926.

⁴² В. А. Гурко-Кряжин. История революции в Турции, М., 1923.

⁴³ Б. М. Данциг. Турция, М., 1949.

⁴⁴ Е. Ф. Лудшуйейт. Турция. Экономико-географический очерк, М., 1955.

⁴⁵ М. Павлович (М. Вельтман). Революционная Турция. Величие и падение Оттоманской империи (Старая Турция)... М., 1921.

⁴⁶ А. Н. Хейфец. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918—1929), М., 1964.

⁴⁷ В. И. Шпилькова. Империалистическая политика США в отношении Турции (1914—1920 гг.), М., 1960.

дельные этапы истории Османской империи, особенно период турецкого господства на Балканах и его влияние на экономическое, политическое и культурное развитие балканских народов. В этом отношении ценны исследования Н. Т. Тодорова о развитии капитализма в Болгарии в XIX столетии. В отличие от Д. Косева, который, как и многие турецкие и другие авторы, считают возникновение капиталистических отношений в Турции продуктом лишь внешнего влияния, Н. Тодоров рассматривает прежде всего внутренние факторы социально-экономического развития и правильно объясняет его исторические закономерности. Политику султанского правительства автор считает постоянно действующим тормозящим фактором. Говоря о европейском воздействии, он полагает, что в отдельные периоды «мирного» развития оно играло определенную положительную роль в укреплении капиталистических отношений на Балканах.

Убедительны выводы академика Ивана Снегарова об отрицательном влиянии турецкого владычества на экономику, культуру, быт и другие стороны жизни балканских народов. Заслугой болгарских ученых является широкое привлечение материалов отечественных архивов, их аргументированная критика фальсификаторских измышлений турецких историков, в том числе и таких видных, как И. Х. Узунчаршылы и Э. З. Карал—авторов многотомной «Османской истории»—об «освободительной миссии турок», о «прогрессивной роли» османского господства на Балканах⁴⁸.

Положительной оценки заслуживает вышедший на болгарском языке труд турецкого марксиста Халиса Окана, в котором дается правильная общая оценка развитию капитализма в Турции. По своему содержанию и выводам она примыкает к аналогичной литературе, вышедшей в СССР и в других странах социализма.

Что касается работ турецких буржуазных исследователей, то для них характерны абстрактность рассуждений, порою отсутствие конкретного материала и научного анализа, а также замалчивание вопросов, связанных с национальной политикой правящих кругов, с участием представителей покоренных народов в историческом процессе, в экономической и культурно-политической жизни страны. Даже наиболее передовые из них зачастую не в состоянии преодолеть эту ограниченность. Так, например, Йылдыз Сертель, известный социолог Доган Авджиоглу, много лет редактировавший журнал «Ен» и другие в своих работах по существу обходят вопрос о роли нетурецких народов в жизни и истории Турции.

---

⁴⁸ См. «Исторически перегляд», 1963, № 3, стр. 89—99.

Подобный подход проявляется особенно при освещении проблем экономической истории. Между тем известно, что турецкая буржуазия в течение длительного времени в экономической жизни страны играла второстепенную роль по сравнению с инациональной буржуазией. Как видим националистические традиции мешают многим турецким авторам объективно освещать прошлое своей страны. По-видимому этим следует объяснить отсутствие в турецкой историографии специальных работ по рассматриваемому вопросу.

Очевидно, что разработка проблем капиталистического развития Турции, формирования буржуазии, показ ее значения и места привели бы к необходимости констатации активности и динамичности славянского, греческого, армянского, еврейского капитала в жизни империи, равно как и негативной роли турецких верхов и их экономической политики в развитии страны.

Примечательно, что еще более чем 40 лет назад Казимир Василевский, один из первых советских ученых, изучавших аграрный вопрос в Турции, справедливо указывал, что общей чертой большинства турецких исследователей является «отрицание и замазывание национального вопроса в Турции и стремление все выдавать за «национальное», «турецкое» и т. д.». Он был убежден, что это весьма «неблагоприятно отражается как на научности, так и на психологии читателя, знающего турецкую действительность...»⁴⁹.

Следует однако, отметить появление за последнее время серьезных исследований, в которых рассматриваются такие вопросы, как социальный строй Османской империи, процесс развития капитализма, земельные отношения, история крестьянства и рабочего класса Турции и т. д. Из этих трудов, принадлежащих перу прогрессивных турецких ученых и общественных деятелей, укажем следующие: «Турция и проблемы социализма» Бехидже Боран, «Османский общественный строй» Музаффера Сенджера, «Историческое развитие турецкого общества» Оя Сенджер, «Экономические проблемы Турции» Х. Озгена, «Развитие капитализма в Турции и рабочий класс» Куртана Фишека и другие.

Авторы этих работ по сути дела приходят к выводу, что азиатский способ производства, государственная собственность на землю создавали условия, которые мешали разложению османского общества и возникновению капитализма. «Наши историки, изучавшие структуру османского общества, — пишет М. Сенджер, — не только не стремились приобщить ее к определенному общему типу,

⁴⁹ Казимир В-ий. Турецкая экономика в описании самих турок, «Новый Восток», 1930, № 8, стр. 241.

но наоборот, выявляли особенности, отделявшие ее от общих типов»⁵⁰. Признавая факт возникновения капиталистических отношений в экономике страны, М. и О. Сенджер, К. Фишек и другие вместе с тем утверждают, будто это явилось результатом влияния Запада, «импорта» капитализма. Этой теории фактически придерживаются Э. З. Карал, Т. З. Туная, О. Конкер, Т. Мюмтаз и другие. Они говорят о неизбежности европейского пути развития, о неминусимой «европеизации» Турции. И естественно они стремятся сравнивать положение Турции лишь с европейскими странами, объяснять причины ее отставания тем, что якобы желания турок не были поддержаны другими народами империи, в частности арабами, которые не поняли важности процесса европеизации (Т. Мюмтаз). Причины провала попыток проведения реформ, начиная с танзимата и до конца существования империи, отдельные авторы видят в многонациональности государства, в неодинаковости уровня развития подвластных народов и этнических групп (Я. А. Абадан, Б. Савджи)⁵¹. Иные историки (Э. З. Карал и др.) главной причиной отставания Турции объясняют невежеством правителей, государственных верхов, не знакомых с европейской цивилизацией. Встречаются и утверждения, будто все это—результат отхода от законов шариата, от ислама. Сторонников подобных взглядов можно встретить не только среди представителей мусульманского духовенства, но даже среди турецких государственных деятелей, интеллигенции. Вместе с тем некоторые авторы, в том числе из младотурок, пытались объяснить отставание своей страны более серьезными, социально-экономическими факторами, искали реальные пути ее развития (Сабахэддин). Другие предлагали перенять европейские экономические формы, например, кооперацию, как возможный путь прогресса (М. Субхи, в ранних произведениях А. Джеват)⁵². Однако нам пока не известны такие экономические исследования турецких авторов, в которых был бы дан глубокий анализ внутренних причин отставания Турции, факторов, мешающих ее развитию по капиталистическому пути. Даже специальное исследование Исмаила Джема по данной теме не дает ясного ответа на этот вопрос⁵³. Правда, в произведениях Хусейна Авни, Ниязи Беркеса, Кенана Булутоглу, Исмаила Хюсрева, Нурдогана Таджалана, Х. Джиллова, Т. Чавдара и многих других, критикуется экономическая политика верхов, социальное неравенство, произ-

⁵⁰ *Muzaffer Sencer, Osmanlı toplum yapısı, s. 44.*

⁵¹ *Prof. dr. Yavuz, Abadan, prof. Bahri Savci, Türkiye'de Anayasa gelişmelerine bir bakış, Ankara, 1959, s. 29—30.*

⁵² *Ahmed Cevad, İktisad-i inkılap, İst. 1912, s. 12.*

⁵³ *Cem I., Türkiye'de geri kalmışlığın tarihi, İst, 1971.*

вол и разорительная фискальная система, отмечаются обнищание деревни, пагубное влияние иностранного капитала и другие отрицательные моменты, характерные для военно-феодалного Османского государства. Но и в этих трудах нет цельной системы научного разбора социального строя Турции и тяжелых последствий ее феодального режима.

Примечательно, что провал экономических реформ младотурок отдельные авторы (Аффан Хикмет) связывают в основном с «неправильной внешней политикой страны», с режимом капитуляций, оставляя в тени подлинные внутренние причины⁵⁴.

О тяжелых последствиях реакционной политики османских правителей не только для христианских, но и подвластных мусульманских народов империи писали и лишут их представители, в том числе арабские историки. Об этом говорится в книге Амина Саида «Восстание арабов в XX веке», в коллективном труде Амина Шакера, Саида аль-Арьяни, Мухаммеда Мустафа Ата «Турция и арабская политика от османов до Ататюрка». «Без преувеличения можно сказать,—пишут авторы этого труда,—что все недостатки, которые мы ныне обнаруживаем у арабов в личном или в общественном плане, являются последствием османского колониализма, который несколько веков подряд давил своей ненавистной тяжестью грудь арабов»⁵⁵. Однако имеются арабские авторы, которые придерживаются противоположной точки зрения. Создание крупного феодального государства они считают шагом вперед по сравнению с мелкими, раздробленными владениями. Под эгидой этого государства в определенные периоды улучшились условия торговли, оживились местная промышленность и рынки—так утверждает, например, египетский историк Тофик Пырро в работе «Арабы и турки в период установления османской конституции» (Каир, 1960 г.)⁵⁶. Исчерпывающий ответ на поставленный вопрос, видимо, мы будем иметь в новых разработках арабских исследователей, занимающихся проблемами экономической истории своих стран в период их нахождения под властью Османской империи.

В произведениях европейских буржуазных авторов, содержа-

⁵⁴ См. Yeni çağ, 1964, № 11—12, s. 654.

⁵⁵ شاکر امین، سعید العریان، محمد مصطفى عطا، ترکیا و
السیاسة العربیة من خلفاء آل عثمان الی خلفاء اتاتورک، ص ۵۵
برو توفیق، العرب والترك فی العهد الدستوری العثماني،⁵⁶

القاهرة ۱۹۶۰

щих значительный фактический материал, оценка явлений внутренней жизни Турции, как правило, носит пристрастный характер. События и факты трактуются ими зачастую в интересах той или иной державы. Так, М. А. Убичини, Е. Энгельгардт, Виталь Кине и другие, освещая историю Османской империи XIX века, выступают как сторонники усиления европейского, особенно французского влияния. Со своей стороны английские дипломаты и другие деятели (М. Мак-Коль, Ф. Грин, Эм. Диллон, Х. Ф. Линч и т. д.) поддерживают британскую политику по отношению к Турции.

Тенденциозность в освещении этих вопросов в работах ряда авторов проявляется и в том, что усиление европейского влияния в империи объясняется лишь деятельностью местной компрадорской буржуазии, состоявшей в основном из греков, армян, евреев и других, расширением ее экономических связей с Западом. Тем самым затушевывается колониальный, империалистический характер политики великих держав по отношению к Турции.

Для нашей темы важное значение имеют произведения, освещающие сущность движения младотурок и их экономической политики. Из них укажем упомянутый двухтомный труд Догана Авджиоглу «Общественный строй Турции», работы Фируза Ахмеда «Младотурки...», П. Феша «Константинополь в последние дни Абдул Гамида» и другие. В сборнике «Оттоманское законодательство» А. Билюпти и Ахмеда Сеада, в книге А. Сарру «Младотурки и революция» приводятся законодательные акты и другие материалы, освещающие экономическое состояние Турции и ее финансов. Из других работ о младотурках отметим книгу Э. Ф. Найта «Революционный переворот в Турции». Этот автор, изучавший Турцию в течение 30 лет, хорошо знавший многих младотурецких и других политических деятелей, представителей интеллигенции, во многом тенденциозно, с туркофильских позиций освещал исторические события. Восхваляя турецкий деспотический режим, по существу оправдывая господство турок над другими народами, он считал, что это господство основано на «лучшем из прав, на праве завоевания». Э. Ф. Найт рассматривает в основном политические отношения, сводя все беды Турции лишь к политическим факторам. Экономический анализ у него слаб. Характерно, что Найт восхваляет младотурок, подчеркивая их англофильство. Он находит необходимым поддерживать младотурок, ибо во время англо-бурской войны, «когда вся Европа поносила нас, одни турки, особенно те представители образованных классов, которые примкнули к младотурецкой партии и правят теперь страной, сочувствовали нам»⁵⁷.

⁵⁷ Э. Ф. Найт. Революционный переворот в Турции, СПб, 1914, стр. 43.

Известно, что в период правления младотурок усилилась полукOLONиальная зависимость Турции от иностранных держав. Это свидетельствовало о слабости самой турецкой буржуазии и в то же время говорило о преемственности политики правящих кругов старой и «новой» Турции, об активизации политики империалистических держав в зависимых странах. Младотурецкая верхушка, как и прежние правители, действовали в угоду иностранному капиталу, менялась лишь ее политическая ориентация. Накануне первой мировой войны в Турции усилилось влияние кайзеровской Германии. Это в конечном итоге привело ее к участию в войне на стороне германо-австрийского блока, что, однако, не означало, как полагает канадский ученый Ульрих Трумпенер, ее превращения в «беспомощного сателлита рейха»⁵⁸. Младотурки преследовали далеко идущие политические цели. Войдя в сделку с империалистическими державами, они стремились приостановить развал империи и компенсировать ее территориальные потери. Таким образом, на деле внешнеполитическая ориентация правящих кругов Турции обуславливалась внутренним состоянием государства, его политическим и экономическим развитием.

Богатый и разносторонний материал, относящийся к возникновению и развитию инонациональной, а также турецкой буржуазии, содержится в армянских источниках, в литературе и периодике.

Общезвестно, что армяне в течение веков жили во многих странах мира. Экономическими и культурными очагами армян являлись многие административные, промышленные и торговые центры Запада и Востока. Здесь издавались книги, газеты, журналы на армянском языке. Примечательно, что первая печатная армянская книга была издана в 1512 г. в Венеции, а первая армянская газета вышла в Мадрасе.

Из «Библиографии армянской периодической печати (1794—1967)»⁵⁹, изданной государственной публичной библиотекой Армянской ССР и насчитывающей около 4 тысяч названий, следует, что за период от издания первой печатной газеты до установления Советской власти в Армении (1794—1920) только в странах Азии и Африки выходило 664 периодических издания. Основная часть их приходилась на Османскую империю.

⁵⁸ Ulrich Trumper, *Germany and the Ottoman Empire 1914—1918*, Princeton, New Jersey, 1968. Цитируется по рецензии Р. Г. Слакяна в «Вестнике общественных наук АН Арм. ССР». «Լրաբեր հասարակական գիտություններ», 1969, № 12, էջ 91—92.

⁵⁹ Հայ պարբերական մամուլի մատենագիտություն (1794—1967), համահավաք ցանկ, Երևան, 1970, էջեր 14—15.

Кроме того, около 680 армянских газет и журналов издавались в России, в Европе и Америке.

Важные экономические и культурные центры армян находились в Османской империи, в состав которой входила и Западная Армения. Армянское население являлось одним из наиболее значительных национальных меньшинств империи и составляло около 3-х миллионов человек, большая часть которых проживала в Западной Армении. Не случайно, что в империи выходило 80 процентов армянских газет и журналов, издававшихся в странах Азии и Африки. Эти издания на территории империи распределялись следующим образом:

Д а т ы	Место издания			Всего в Османской империи
	Константинополь	Измир	Провинции	
До 1880 г.	106	24	13	143
1881 - 1908 г.	96	6	27	129
1909—1920 г.	180	22	83	285
Итого:	382	52	123	557

Как видим, самым крупным армянским издательским центром был Константинополь, где по данным видного западноармянского общественного деятеля Тороса Азатяна выходило более 300 названий. Другие важные очаги армянской культуры находились в Закавказье, где также издавалось много армянских газет и журналов, особенно в Тбилиси (около 200).

По утверждению Т. Азатяна ежедневные тиражи газет «Мшак» и «Нор-дар» на Кавказе доходили до 1200—1500 экземпляров, в то время как «Аревелк» и «Бюзандион» в Константинополе в 1908—1914 гг. выходили тиражом до 7000—8000 экземпляров⁶⁰.

Издававшиеся здесь газеты и журналы выражали интересы различных слоев: от буржуазных и мелкобуржуазно-демократических элементов армянского народа до консервативно-клерикальных кругов, амира, компрадоров и т. д. По содержанию они были общественно-политическими, литературно-культурными, но также торгово-экономическими и т. д. органами. Они отвечали главным образом, требованиям буржуазного развития общества, борющегося против феодальных порядков, установившихся

⁶⁰ «Ժամանակ», Քառասունամյա Հիշատակարան, պատասխանք Թորոս Ազատյանի, Իսթանբուլ, 1948, էջ 3:

обычаев и традиций прошлого, господствовавшего произвола, притеснений и своеволия военно-чиновничьих верхов.

Экономическую жизнь страны освещали главным образом, следующие издания: «Торговая газета» («Джередие тиджарет терджумасы»), выходявшая в Константинополе в 1850-х годах, еженедельник «Бюракн», который издавался там же в 1906—1908 гг., а также печатавшиеся в Турции солидные ежедневные газеты: «Бюзандион» (осн. 1886 г.), «Сурандак» (осн. 1899), «Жаманак» (осн. 1908), «Азатамарт» (осн. 1909) и ряд других, регулярно публиковавших официальные материалы, дневники заседаний меджлиса, правительственные сообщения и т. д. Выпускались газеты и журналы под названием: «Сокровище ремесел», «Экономист», «Руководство для торговцев», «Торговля», «Вестник земледелия», «Агроном», «Ежегодник агронома», «Крестьянин» и т. д.

Разумеется в центре внимания этой периодики находилась социально-экономическая и культурная жизнь Западной и Восточной Армении. Но в ней содержалась систематическая и богатая информация, в том числе экономического характера, также о России и Османской империи. С 70-х гг. XIX века и на страницах журналов «Пордз» («Опыт»), «Аракс» «Базмавен» («Полягистор»), «Мурч» («Молот»), «Арор» («Соха»), «Нор осанк» («Новое течение»), «Горц» («Дело») и других публиковались экономические обзоры и информация о состоянии хозяйства Западной Армении и Османской империи, о строительстве дорог, портов, промышленных предприятий и т. д. Редактор журнала «Мурч», экономист А. Арасханян часто выступал с анализом причин отставания Турции, и в частности Западной Армении. Многие периодические издания содержали ежедневную объективную информацию об экономической жизни страны. Например, еженедельник «Бюракн» и газета «Торговля» писали о поступлении в константинопольский порт различных товаров, указывая фамилии импортеров, купцов-покупателей, цены на товары, сообщали детальные данные о промышленных предприятиях и турецком экспорте, о портах вывоза и т. д. Такая информация содействовала оживлению торговой деятельности. Не случайно в начале 1907 г. константинопольская торговая палата, в специальном послании отметила, что «Бюракн» печатает «полезные советы и статьи об османской торговле»⁶¹. Оно было подписано председателем палаты Абудзаде Мехметом бей-эфенди, его заместителем, двумя советниками и 20 членами. Выражая в политике консервативные взгляды, этот еженедельник и некоторые другие армянские буржуазные органы печати выступали за

⁶¹ «Բյուրակն», շաբաթաթերթ, 17. 2. 1907, № 15—16, էջ 340.

развитие промышленности и сельского хозяйства, расширение дорожного строительства, за экономические реформы и нововведения, которые могли стимулировать рост капиталистических отношений в Западной Армении и во всей Османской империи. Периодические издания содержат ценный материал также в области законодательства.

Деятельность армянской печати в Турции стала более разнообразной после младотурецкого переворота, когда были введены некоторые свободы. Она освещала важнейшие мероприятия правительства и местных органов власти, публиковала дневники заседаний парламента, информировала о деятельности банков, предприятий и т. д. Таким образом, пресса, в том числе и армянская, является важнейшим источником для изучения социально-экономической и политической жизни Османской империи.

Наряду с периодическими изданиями, в армянских типографиях Константинополя, Измира, Вана и других значительных центров⁶² печатались путевые заметки, исследования, учебные пособия и иная литература, которая также представляет определенный интерес для исследователя.

Из этой литературы отметим книгу А. Натаняна, содержащую описание Палу, Харберда и других санджаков (Константинополь, 1883 г.) и ряд работ представителя крупной торговой буржуазии А. Мырмяна о развитии торговли в Турции, о деятельности армянских торговых домов за 1790—1890 гг. и другие.

Специальные труды посвящены отдельным социально-политическим и экономическим проблемам. Так, Г. Хажак в 1903 году опубликовал исследование о налогах в Турции, Р. Берберян — серию статей о финансах страны, Атом — несколько работ о реформах и земельном вопросе, А. Мурадян — о системе земледелия в Турции и т. д. Около двух десятков книг армянских авторов посвящено младотурецкому движению. В ряде произведений описывается жизнь и деятельность видных политических деятелей и представителей интеллигенции Османского государства. За последнее столетие и особенно после первой мировой войны во многих странах появились сотни изданий армянских и других авторов, в которых освещается положение армянского народа в империи, его взаимоотношения с соседними народами, произвол турецких властей, систематические погромы и геноцид армян, организованный турецким правитель-

---

⁶² Первая армянская типография в империи была основана в 1567 году в Константинополе. Всего в стране в разное время насчитывалось 155 армянских типографий, в том числе 104 в столице империи. См. Հայ պարբերական մամուլի մասին ազգայնագիտության, էջեր 613—615.

ством в годы первой мировой войны. В изучении и освещении этих вопросов особенно большая работа проделана советскими армянскими историками⁶³.

Вместе с тем следует сказать, что материалы армянских источников и литературы используются далеко неудовлетворительно при освещении истории Османского государства и в основном привлекаются для изучения истории армянского и, частично, курдского народов. Между тем известно, что в силу сложившихся исторических обстоятельств армянские авторы часто выступают как объективные и сведущие исследователи многих проблем. Нередко они сами являлись очевидцами и участниками описываемых событий. Армянская пресса и литература, отражая интересы различных слоев буржуазного общества, освещали многие явления и проблемы истории Османской империи, с различных социально-политических позиций. Сопоставление этих материалов позволяет исследователю глубже и детальней осветить те или иные аспекты изученных вопросов. Ценность названных источников особенно возрастает, если учесть, что из газет и других периодических изданий на турецком языке и языках народов, входивших в состав Османской империи, в библиотеках и архивах Советского Союза наиболее полно представлены армянские издания. Они в значительной мере восполняют недостаточность источников на других языках еще и тем, что содержат важнейшие социально-экономические материалы, перепечатанные из европейской и турецкой прессы.

В заключение следует отметить, что, возможно, вне поля нашего зрения остались некоторые архивные материалы, отдельные работы или статьи в периодических изданиях. В силу указанных и других обстоятельств автор не считает данное исследование ис-

---

⁶³ Е. К. Саркисян. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны, 1962, *Его же*. Политика Османского правительства в Западной Армении и державы в последней четверти XIX и начале XX вв., 1973; С. В. Овнанян. Армяно-болгарские связи и армянские колонии в Болгарии во второй половине XIX века, 1968, и др. Մ. Գ. Ներսիսյան, Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարը Բուլղարիայի ընդհանուր ղեկավարության ղեկավարությամբ, 1955, Մ. Պ. Աղայան, Մեծ Հոկտեմբերը և Հայաստանի աշխատավորության պայքարը Սովետական իշխանության համար, 1962, Ռ. Փ. Հովհաննիսյան, Արևմտահայ ազգային-ազատագրական շարժումները և Կարինի «Պաշտպան Հայրենյաց» կազմակերպությունը (19-րդ դ. 70—80 թթ.), 1965, Ա. Ս. Համբարյան, Ազրաբային հարաբերությունները Արևմտյան Հայաստանում (1856—1914), Զ. Ս. Կիրակոսյան, Առաջին համաշխարհային պատերազմը և արևմտահայությունը, 1965, Ա. Ն. Մեացախանյան, Հայ ժողովրդի ողբերգությունը ռուս և համաշխարհային հասարակական մտքի գնահատմամբ, 1965, Ս. Ս. Մարկոսյան, Արևմտահայության վիճակը 19-րդ դ. վերջերին, 1968, Հ. Ղազարյան, Արևմտահայերի սոցիալ-տնտեսական և քաղաքական կացությունը 1800—1870 թթ., 1967:

черпывающим. Его следует рассматривать как одну из первых попыток научного изучения большой и важной проблемы.

Для автора были весьма полезны замечания и предложения, высказанные при обсуждении работы в институтах востоковедения АН СССР и АН Арм. ССР, за что он выражает свою признательность всем участникам обсуждения.

ГЛАВА I

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИЗМА В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В конце XVIII—начале XIX веков Османская империя переживала социально-экономический и политический кризис. Существовавшая государственная собственность на землю уже не соответствовала требованиям времени и по существу носила формальный характер. Завершался период разложения военно-ленной системы, постепенно расширялось частное землевладение, усилилась эксплуатация крестьян. В сфере политических отношений и государственного управления разложение господствующих порядков проявлялось в росте сепаратизма и местничества, фаворитизма, в игнорировании законов империи со стороны центральной и местных властей, в отсутствии всякой борьбы с коррупцией, взяточничеством и чудовищным произволом административных и судебных органов.

Военно-бюрократическая верхушка Турции наряду с ограблением собственного народа выкачивала огромные доходы из завоеванных стран, фактически являвшихся турецкими колониями. Помимо общей дани, подвластные народы платили другие налоги, на что указывал К. Маркс. В «Конспекте книги М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» он отмечал, что по мусульманским, в частности по турецким законам, «движимая собственность признается целиком принадлежащей завоевателям, а за недвижимость покоренное население платит харадж»¹. Значение налогов—этого важного источника финансирования можно понять, если учесть, что процесс отпадания нетурецких территорий был длительным и вплоть до конца первой мировой войны покоренные народы подвергались нещадной эксплуатации и прямому грабежу.

В. И. Ленин в «Тетрадах по империализму», отмечая, что Турция принадлежит к числу тех азиатских стран, которые империа-

¹ См. «Советское востоковедение», № 4, 1958, стр. 15.

листы «особенно усердно рвут на части»², вместе с тем указывал, что ей самой подвластны колонии и зависимые страны. В таблице, показывающей империалистические, колониальные державы и их владения в 1914 году, в качестве зависимых единиц приводятся Сирия и Аравия и далее—Армения, Курдистан, Месопотамия³. Известно, что все эти страны входили в Османскую империю. Согласно салнаме турецкого правительства за 1876 год, численность прямых подданных империи составляла около 23 млн., а вместе с населением вассальных стран—более 47 млн.⁴ Но феодальной Турции, ставшей к концу XIX столетия полуколонией империализма, с трудом удавалось держать в подчинении покоренные и зависимые народы. В подвластных странах приходилось размещать воинские гарнизоны и усиливать их во время частых национальных восстаний и антиправительственных выступлений. Наряду с этим применялся подкуп отдельных светских и духовных деятелей этих народов⁵.

Сохранение господствующего положения Турции на обширной территории покоренных стран не способствовало ее прогрессу, пытало консерватизм и реакцию турецких феодальных и военно-чиновничьих кругов, жаждавших сохранения былого могущества и внешнего блеска империи.

Важнейшими признаками социально-экономического строя стран Востока, в том числе и Турции, оказавшими воздействие на процесс развития капиталистических отношений, явились многоукладность экономики и существование различных социальных организмов и структур.

Для иллюстрации этого достаточно сослаться на наличие таких явлений и институтов, как: патриархально-родовые отношения у арабских народов, в Курдистане и некоторых других районах страны; отношения феодального подчинения, различные виды феодальных налогов и ренты—натуральной, отработочной и денежной; частичное свободное землевладение и производство предметов домашнего ремесла для внутреннего потребления и для рынка; значительная прослойка торговой буржуазии и элементов капиталистического производства.

«Наличие многоукладности,—отмечает А. И. Левковский,—основной показатель переходного периода от господства одной со-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 276.

³ Там же, стр. 281.

⁴ «Տրամադրանք» («Базмавел», журн. мхитаристов), Վենետիկ, 1877, Կ. 35, էջ 192.

⁵ См. Лазарев М. С. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке, М., 1960, стр. 49—50.

циально-экономической формации к другой»⁶. Многочисленные факты и примеры подтверждают справедливость такого вывода в отношении Османской империи.

Изучение истории переходного для Турции XIX века позволяет правильно понять сложившиеся здесь сочетания различных социальных и экономических форм, классовых, национальных и религиозных взаимоотношений, политических и культурных связей, а также проследить борьбу нарождающихся и развивающихся капиталистических элементов с феодальными институтами.

Следует указать и на процесс постепенного превращения Турции в полуколонию империализма, что привело к ее финансовому закабалению. Это использовалось империалистическими державами для давления на Турцию и вмешательства в ее внутренние дела. Другими путями их проникновения в экономику страны был режим капитуляции, приобретение концессий, неэквивалентная внешняя торговля. Прямым результатом этого явилось разорение местной промышленности и ремесла, увеличение вывоза сельскохозяйственного сырья и товаров, усиление эксплуатации крестьян. С другой стороны, это обусловило рост посреднической торговли, создало питательную почву для появления и развития определенных групп буржуазии, особенно компрадорской.

Примечательно, что в условиях усиления влияния великих держав в Османской империи турецкие правящие круги довольно умело использовали противоречия между ними для сохранения политической независимости страны и проведения самостоятельной внутренней политики. Им нередко удавалось обходить требования, навязанные извне.

Диалектика этого противоречивого явления заключалась в том, что и державам, и правителям Турции был необходим союз, направленный на сохранение существующего порядка вещей, выгодного обоим партнерам как в экономическом, так и в политическом плане. Обе стороны на деле выступали против осуществления действительных коренных реформ, столь нужных Турции, хотя они и не раз торжественно заявляли о своих благих намерениях в этой области. В силу указанных обстоятельств постепенное формирование буржуазии, как неизбежного продукта современного прогресса, привело к тому, что новый класс, в первую очередь господствующей турецкой нации, оказался прочно связанным с феодальными слоями. Это наложило свой отпечаток на идеологию и политику турецкой буржуазии.

⁶ См. А. И. Левковский, Многоукладные страны. Почему? «Азия и Африка сегодня», № 7, 1970, стр. 7.

Следует подчеркнуть, что для успешного развития экономики и капиталистических отношений в Турции имелись благоприятные природно-географические и сырьевые условия. Это дало О. Коймен, представительнице турецкой делегации на V международном конгрессе экономической истории, основание заявить: «С чисто экономической точки зрения перспективы развития хозяйства Османской империи были не хуже и не лучше, чем у тех государств, которые до 1830 и после 1870 гг. сумели их успешно реализовать»⁷.

Чем же объяснить, что Турция не смогла подняться хотя бы до уровня среднеразвитых государств? Почему господствующие круги Турции не реализовали столь благоприятные условия, богатые людские и материальные резервы для экономического и культурного процветания страны?

Ответы на поставленные вопросы кроются в самом характере военно-феодального Османского государства. Созданное в ходе победоносных войн, оно явилось военной державой, правители которой были озабочены тем, чтобы накопления в виде трофеев, награбленного добра, а также дани, взимаемой с покоренных народов, концентрировались в руках государства и армии. В соответствии с этим государственная власть преследовала в основном одну главную цель — сбор налогов. Отсутствовал непосредственный контроль над хозяйственной жизнью страны, ибо правители в этом тогда не нуждались. При военно-ленной системе половина завоеванных земель отдавалась ленникам за военную службу в виде тимаров и зеамегов, пятую часть составляли хассы и вакуфы, десятая часть отводилась крепостным гарнизонам⁸. До тех пор, пока основным занятием правящего феодального класса являлась война, пока этот источник кормил и обогащал его, такое распределение земли считалось удовлетворительным. Однако уже с конца XVI века, вследствие роста доходности земли, началась концентрация ленов в руках не только военачальников, но и административных лиц, торговцев, ростовщиков и других богачей. Османский автор XVII века К. Гёмурджинский отмечает, что «до 992 (1584 г.) села и пахотные поля были в руках мужей сабли и сынов очага, и чужие и всякая сволочь не имели к ним доступа»⁹. Но с этого времени началось разложение военно-ленной системы. В этой связи Лео отмечает, что если прежде Анатолия выставляла до 70 тысяч конного войска, то

⁷ О. Коймен. Империализм свободной торговли. Османская империя. V Международный конгресс экономической истории, Ленинград, 10—14 августа 1970 г., изд. Наука, М., 1970, стр. 10.

⁸ См. А. Ф. Миллер. Мустафа паша Байрактар, М.—Л., 1947, стр. 29.

⁹ В. Д. Смирнов. Кочубей Гёмурджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции, СПб. 1873, стр. 121.

с разбазариванием земельного фонда число это снизилось до 3—4 тысяч¹⁰.

Следствием концентрации земель и материальных богатств явились усиление сепаратизма, эксплуатации крестьян, более частые их восстания. Естественным результатом этих процессов было также ослабление централизованного государства и отпадение *завоеванных* территорий. Стремясь выправить это положение, господствующие круги вновь прибегли к испытанному средству—к обновлению и укреплению армии, теперь уже за счет казны и увеличения налогов. Как правильно отмечает Х. Окан, «вся энергия государства направлялась на создание боеспособной армии»¹¹. Следует также отметить, что государственная собственность на землю, как и характер землепользования, не благоприятствовали развитию земледелия. Порой целые округа отдавались мусульманскому войску в виде вознаграждения за службу. Сами же ленники пользовались временными и ограниченными правами. В этих условиях наиболее выгодной формой использования полученных земельных наделов явилась передача их для обработки непосредственным производителям—крестьянам райя. Воин-крестьянин получал жалованье, семена для посева, коня, оружие и по закону освобождался от налогов. Из этого М. Ковалевский делает вывод о том, что турки-завоеватели стремились сохранить государственную собственность на землю, а среди арабов например поощряли частную собственность¹². Но труд земледельца был малопроизводительным, что не стимулировало развитие земледелия, которым занимались в основном покоренные народы. Те же причины еще более отрицательно сказывались на хозяйстве крестьянина-турка, часто покидавшего свой земельный надел для несения военной службы и даже отвыкавшего от мирного труда. Для него выгоднее было заниматься скотоводством, являющимся менее обременительным делом. Все это вело к деградации сельского хозяйства. Современный турецкий социолог М. Сенджер указывает, что «в связи с уменьшением доходов от войны и торговли, государство в поисках новых средств свое внимание обращало на внутренние источники...». Основная тяжесть государственных расходов ложилась на райя¹³. По мнению Сенджера, важное значение имело введение во второй половине XVI века системы ильтизам, открывшей «путь к структурным изменениям» в османском общественном строе¹⁴. Это содействовало

¹⁰ *Shu Un, birkirli donuklari, 3. un, 3, b. 125, 1969, t. 39.*

¹¹ Халис Окан. Развитие на капитализма в Турция, София, 1961, стр. 10.

¹² См. «Советское востоковедение», 1959, № 1, стр. 14.

¹³ *Muzaffer Sencer, Osmanli toplum yapisi, s. 292—297.*

¹⁴ Там же, стр. 288.

ослаблению феодальных отношений, прежде всего у нетурецких народов империи. У этих народов определенное развитие сельского хозяйства, ремесленного производства и торговли обуславливалось сокращением числа разорительных войн, ростом спроса на местные товары и некоторым усилением вывоза. Что касается мусульманского, в частности турецкого крестьянства, то оно продолжало пребывать на крайне низком уровне феодальных и дофеодальных отношений. Их сохранение было выгодно сипахиям, войнам-феодалам разных рангов, как и порабитителям нового типа—мультизамам, чиновникам, торговцам и т. д. Ими часто являлись греки, славяне, армяне, евреи, левантинцы, которые оказывались более приспособленными к новым условиям жизни.

Как известно, государственные акты и реформы, направленные на преобразование стран, обычно являются результатом назревших внутренних потребностей и социально-экономических перемен в жизни народов. Этого, однако, нельзя полностью отнести к Турции XIX века, когда здесь были провозглашены первые реформы. В своем фундаментальном исследовании «Мустафа паша Байрактар» А. Ф. Миллер отмечал, что в начальный период реформы в Турции не являлись следствием прогресса страны и народа, как это было в других странах. В Турции «главной, если не единственной, причиной реформ было стремление небольшой просвещенной группы правящего класса спасти этими реформами империю от надвигающейся гибели»¹⁵.

Подобную цель, несомненно, преследовали реформы периода танзимата, хотя в Гюльханейском Хатт- и шерифе и в Хатт-и Хумайюне учитывались и некоторые конкретные внутренние и внешние условия империи. В целом ничего не меняя в социально-политических отношениях, они вместе с тем отражали стремление определенных слоев господствовавшего класса к улучшению деятельности органов администрации империи.

«Правительства на Востоке,— писал Ф. Энгельс К. Марксу,— всегда имели только три ведомства: финансов (ограбление своей страны), войны (ограбление своей страны и чужих стран) и общественных работ (забота о воспроизводстве)»¹⁶. Проследим же, как видоизменились эти ведомства под влиянием новых условий, которые складывались в многонациональной Османской империи, особенно после упомянутых реформ.

Одной из главных задач государства по-прежнему являлась забота о пополнении казны из основного внутреннего источника,

¹⁵ А. Ф. Миллер. Мустафа паша Байрактар, стр. 73.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 221.

т. е. за счет налогов с населения. Налоговая система, особенно способ взимания податей, всегда являлась социальным бедствием для народных масс. Турецкие правители сбор налогов отдавали на откуп местным властям, требуя от них лишь внесения соответствующей суммы в государственную казну. Как отмечал К. Маркс, участие турок в экономической жизни страны выражалось в установлении «всевозможных произвольных и насильственных поборов»¹⁷. Правительство никогда не интересовалось, каким путем собирались налоги. Поэтому в Турции существовало хроническое недовольство населения произволом сборщиков налогов. Это позорное явление принимало столь беспрецедентные формы, что с XVI века турецкие султаны были вынуждены публиковать специальные «указы справедливости» (*adaletname*), формально запрещавшие административные и финансовые злоупотребления и провозглашавшие «начало нового периода, периода торжества справедливости»¹⁸.

Но, разумеется, все оставалось по-старому, эра справедливости никак не наступала. Факты произвола все множились, даже после правительственного извещения о том, что «с мухаррема месяца 1254 (1838) года взимание налогов передается сборщикам», назначенным государством¹⁹. Налоги, установленные в прошлые века, формально сохранялись и в последующие периоды, однако возрастали их абсолютные суммы, ибо они «никогда не удовлетворяли нужды правительства»²⁰. Правда, менялись их названия. Так, вместо подушной подати — «хараджа» с 1850 г. с христиан стали взыскивать военный налог «бедел-и аскери» (со всех лиц мужского пола), но от этого бедственное положение податного населения ухудшилось. «Из всех стран Европы,—писал П. А. Чихачев,—именно Османская империя подвергает свое население (особенно немусульманское) наибольшим материальным жертвам, ибо указанный налог—только ничтожная часть произвольных поборов, которыми местные власти систематически облагают жителей»²¹. Зло,

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 25.

¹⁸ См. „Beilagen“, 19r4, cilt 12, s. 629.

¹⁹ Քարիւ-ի Հովիտի տես՝ Օտար ազրութեբը Հայաստանի և Հայերի մասին, հատ. 7, Քարիւտան ազրութեբը, հ. Դ. Երևան, 1972, էջ 54; (Тарих-и Лютфи. Из сборника «Иноязычные источники об Армении и армянах», т. 7).

В сборнике имеется примечание: «В Турции налоги делились на две категории: шариатские и государственные. Шариатские налоги—это зекят, ашар, харадж и джезне. Исходя из этих основных налогов, устанавливались налоги на земледелие, скотоводство, торговлю, имущество и помещения, бытовые обычаи и т. д.—всего 350 названий. Государственные подати числом 97 назначались султаном для покрытия государственных расходов», стр. 230.

²⁰ Dr. Kenan Bulutoglu, Türk vergi sistemi, s. 2.

²¹ П. А. Чихачев. Великие державы и восточный вопрос, М., 1970, стр. 194.

как уже сказано, коренилось в самой системе фиска. Ежегодно в административном центре области происходили торги, на которых «продавались» должности сборщиков налогов—мюльтезимов. Формально право участия в них имели все, независимо от социального положения, религии, нации и т. д. Однако представителям местной власти было «заранее известно, кому какой участок попадет», ибо власти всегда находились «в тесном соглашении с покупателями»²².

Многочисленные факты свидетельствовали о таком сговоре местных богатеев с властями с целью распределения доходных мест и выкачивания налогов с населения. Английский вице-консул Эверт писал, что в начале 80-х годов XIX века разоренные войной и неурожаем крестьяне восточных районов подвергались репрессиям за невыплату податей, многих сажали в тюрьмы. Между тем «само правительство состояло должником по отношению к большей части жителей за провиант, забранный за последнюю войну... В прошлом, а также и в этом году право на сбор десятинных налогов в Тортумском, Гизкинском и Испирском дистриктах (каза) было куплено компанией, состоящей из членов эрзерумской администрации»²³.

Грабеж населения принимал особенно широкие размеры в результате перепродажи «вторичным мюльтезимам» права собирать налоги по мелким участкам²⁴. Подобные порядки фактически были узаконены и не вызывали каких-либо нареканий со стороны правительственных верхов.

В этом отношении примечателен следующий эпизод. В конце 90-х годов ускуйбский вали Халил Рифаат паша попытался улучшить систему сбора десятины. Он добился того, что на торгах победу одержали общинные советы деревень, которые на протяжении двух лет сами собирали налоги. Благодаря этому значительно возросли доходы казны. Однако власти не поддержали начинание Рифаата паши, более того, в его действиях усмотрели вред. Вали перевели в другое место, и старая система произвола была восстановлена. Несмотря на большое количество прямых и косвенных налогов, сборы с которых составляли огромные суммы (так, в 1898 году только сбор от ашара составил 40 процентов всех государственных доходов)²⁵, население, как указывали многие авторы жалова-

²² Г. Х. Инсаров. Турция и Македония, журн. «Вестник Европы», кн. 4-я, апрель 1903. СПб, стр. 678.

²³ См. М. Г. Роллен-Жекмен. Армения, армяне и трактаты, Сборник. Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 г., II изд., М., 1896, стр. 72.

²⁴ Dr. Kenan Bilutoglu, Türk vergi sistemi, s. 141.

²⁵ См. «Вестник Европы», 1903, кн. 4, стр. 680—681.

лось не столько на обременительность самих налогов, сколько на незаконные дополнительные обложения²⁶.

Произвол в этой области не поддавался учету, однако обобщение имеющихся фактов позволяет воссоздать, примерно, следующую картину. Взыскивая налоги, мюльтезимы, как правило, не выдавали квитанций (в некоторых случаях оставались деревянные бирки). Это давало им возможность повторного взимания налогов. Нередко же, пользуясь неграмотностью налогоплательщиков, сборщики указывали гораздо меньшую, чем они получали, сумму налога, и вновь его взыскивали.

Размер налога, как и цены на сельскохозяйственные продукты, сборщики устанавливали по своему усмотрению. Так, за ашар они вместо 1/8 взыскивали 1/7 часть урожая.

В случае отсутствия денег у налогоплательщиков сборщики государственных налогов (тахсильдары) безжалостно конфисковывали у них землю, скот, дом и другое имущество. Для возмещения недоимок, это имущество продавалось, причем по ценам гораздо ниже своей стоимости. Тем самым создавались новые источники наживы для сборщиков. В армянском еженедельнике «Голос страны» был приведен следующий характерный факт. В селе Цвастан, близ Вана у крестьян было отнято и продано для погашения недоимок 70 овец за 2251 куруш, в то время как их настоящая цена составляла 4360 курушей. Всего 50 процентов и менее платили за конфискованных быков, пшеницу, проданные насаждения фруктовых садов. Такой грабительский расчет был учинен с крестьянами и при продаже их другого имущества²⁷.

Подобным притеснениям особенно подвергалось немусульманское население, которому приходилось платить гораздо больше налогов, чем мусульманам. Так, проф. Эм. Диллон писал: «в Эрзеруме, где существует 8000 магометанских домохозяйств, мусульмане платят 395 тысяч пиастров, между тем как христиане, которых по числу домохозяйств насчитывается только 2000, вносят 430 тысяч пиастров»²⁸. Таких примеров можно привести немало²⁹.

²⁶ Խաժժիկ. Հարկերը Տաճկաստանում, Ե. Քոֆչյան, Երիտասարդ թուրքերը և հայերը, Թիֆլիս, 1909. Ե. Կ. Տարկեսյան. Аграрная политика османского правительства в Западной Армении во второй половине XIX века; *Его же*, Политика османского правительства в Западной Армении. Ա. Ս. Համբարյան, Ազրարային հարաբերությունները Արևմտյան Հայաստանում (1856—1914), Ս. Ս. Մարկոսյան, Արևմտահայության վիճակը 19-րդ դ. վերջերին, Հայկ Ղազարյան, Արևմտահայերի սոցիալ-տնտեսական և քաղաքական կացությունը 1800—1870 թթ.:

²⁷ «Երկրի լայնը», 1907, № 13, էջ 13:

²⁸ Проф. Эм. Диллон. Положение дел в Турецкой Армении. Сборник «Положение армян...», стр. 339, Խաժժիկ, указ. произв., стр. 68.

²⁹ Ե. Քոֆչյան. Երիտ. թուրքերը և հայերը, Ա-դո, Վանի, Թիֆլիսի և Էրզրումի վի-

Не меньшим злом, чем система взимания государственных налогов, являлись незаконные поборы, своевольные и разбойничьи действия местных властей, феодалов, племенных вождей, беков, ага и ростовщиков, выступавших от имени султана, со ссылкой на шариат. Из множества таких отрицательных фактов и явлений отметим лишь те, которые оказывали непосредственное влияние на экономическую жизнь страны.

Чиновники, являвшиеся, по выражению одного журналиста, «деспотами, вылитыми из страха» (страх перед начальством, деспотизм по отношению к народу), материально не обеспеченные государством, предпринимали все для удовлетворения своих нужд и для обогащения. Они присваивали значительную часть собранных налогов, а остальное посылали в столицу лишь после неоднократных напоминаний и требований из центра. Между тем с населения взимались громадные суммы, часть которых оседала в карманах больших и малых чиновников. О безграничных возможностях их обогащения за счет народа можно судить по тому, что, например, в 1888 году в Трапезундском вилайете общая сумма собранных налогов, после вычета расходов на местные нужды, составила более 20 млн., а в Эрзерумском вилайете—14 млн. пиастров³⁰.

Таким образом, в процессе взимания налогов сборщики и чиновники всех рангов не только обирали народ, но и беззастенчиво присваивали немалую часть средств, предназначенных для казны. О том, что эта болезнь приняла общегосударственные масштабы и хронический характер, говорят следующие факты.

Е. Толчан в книге «Младотурки и армяне», ссылаясь на данные французского исследователя В. Кине, пишет, что для ремонта 472 км дорог в Эрзерумском вилайете с населения в течение года взыскивали большие средства, либо требовали поставки 123.924 рабочих, 1.267 ремесленников, а также 5.727 арб, 4.380 лошадей и другой тягловой силы. Несмотря на это дороги оставались в прежнем состоянии, а собранные средства попадали в карманы чиновников, подрядчиков и помещиков³¹.

О таких же явлениях сообщал с Балкан французский вице-консул Валлон. Для ремонта дорог в одной из каз в 1896 г. было собрано 1.700 лир (40 тыс. фр.), но эта сумма не была использована по назначению. «Деньги истрачены на другие потребности, а дороги остаются в том же положении, как их создала природа и испор-

*լալիքները, Դիվան հայոց պատմության, գիրք ԺԳ, Թիֆլիս, 1915: А. М. Колубакин. Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции; Ролен-Алекмен. Сб. «Положение армян...»; Г. Х. Инсаров, Турция и Македония. Ч. II. Западная часть. Ազրաբայի հարաբերությունները Արևմտյան Հայաստանում; ³⁰ *Cabinet Vital. La Turquie d'Asie, Paris, 1891, t. 1, pp. 35, 176.**

³¹ Ե. Տոլչան. Երկրաշարժը Թուրքիայի և հայերը, էջ 31:

тили люди»³². Порою действия властей были столь разнузданны, что их трудно было отличить от поведения разбойничьих шаек. Об этом свидетельствует следующий факт. Когда под давлением общественного мнения турецкое правительство решило оказать материальную помощь пострадавшим в результате подавления Македонского восстания 1903 года, то комиссии, выделенные для определения нужд отдельных семейств, не торопились с выдачей им и без того мизерных пособий. В ряде же случаев турецкие вооруженные отряды, после ухода чиновников, выдававших пособия, отбирали у жителей деньги, «подвергая непокорных жестоким побоям»³³.

По законам шариа, высокопоставленное лицо или путешественник—мусульманин имел право в пути следования требовать от христиан на трое суток бесплатный ночлег, пропитание для себя и сопровождающих его лиц, а также корм для лошадей. Эта повинность стала настоящим бедствием для населения. На постой «в гости» приезжали не только должностные лица, но и помещики, беки и шейхи, военные и полицейские чины и т. д. Часто они приезжали большими группами, задерживаясь на целые недели, ели, пили, насильничали, угоняли скот, крали добро, уводили женщин и девушек. Это зло грозило крестьянам разорением. Примечателен следующий факт. В Македонии мютесериф одного санджака собрал при помощи жандармов дорожный налог. В следующем году он решил действовать иначе. Он послал разбойников под видом рабочих якобы для ремонта дорог. Последние целый месяц сидели на шее крестьян, «отдыхая днем и занимаясь грабежом ночью». Добычу они делили с жандармами, не получавшими жалования. Крестьяне в отчаянии не знали, как избавиться от этой язвы. Наконец, они отправили делегацию к мютесерифу с новыми пятьюдесятью лирами. Только после этого разбойники ушли³⁴.

Ярким проявлением беззакония властей были многочисленные необоснованные аресты, особенно богатых людей. Это создавало широкие возможности для вымогательства, требований выкупа со стороны должностных лиц. Вымогательство нередко делало богатого нищим, а вымогателя богатым. Например, как писал Э. Диллон, начальник Битлисской тюрьмы Абдулкадер «истратил на свой дом 500 фунтов и, говорят, два или три турецких купца ведут торговлю на его деньги, между тем он получает всего 50 шиллингов в месяц жалованья»³⁵.

³² «Вестник Европы», 1903, кн. 4-я, стр. 681.

³³ «Вестник Европы», 1903, кн. 12, стр. 811.

³⁴ «Вестник Европы», 1903, кн. 4, стр. 689.

³⁵ Э. Диллон. Положение дел в Турецкой Армении. Сборник «Положение армян...», стр. 358.

Как видим, способы разбоя и грабежа были самыми разнообразными и изощренными.

В истории Османского государства, в его возвышении и падении войны, как уже говорилось, имели решающее значение. Именно поэтому военное ведомство и его деятельность находились в центре внимания правителей страны.

Видный турецкий историк Джебеляль Нури указывал на два обстоятельства, сыгравшие важную роль в исторических судьбах турецкого народа: «Во-первых, легче было приобрести обилие товаров и богатств в стране врага, участвуя в войнах и побеждая; во-вторых, воинственным отрядам опьяненным победами привилегированного народа казались непривлекательными искусство и ремесла»³⁶. Сравнивая турецкое воинство с римским, автор считал, что сила последнего заключалась в том, что его собственный народ обладая высоким уровнем экономического и культурного развития, надежно обеспечивал его тыл.

В общем аспекте рассматриваемой проблемы чрезвычайно интересным является то обстоятельство, как подчеркивает Х. Иналджик, что еще «в XVI веке османские правители придали новый смысл институту халифата, связав его с идеей священной войны против неверных»³⁷.

В. Д. Смирнов, анализирувавший причины разложения Османской империи, писал: «Турки-османы всю энергию отдавали созданию армии и сами говорили, что их государство «саблей добыто и саблей только может быть поддержано»³⁸.

Изучение военных реформ Селима III, Мустафы Байрактара, Махмуда II, а также реформ более позднего времени, подтверждают этот вывод.

Для формирования и укрепления нового корпуса войск при Селиме III, было учреждено казначейство, созданы пороховые заводы, обслуживающие мастерские, военно-инженерное училище, типография для печатания карт и т. д. Байрактар продолжил эту линию. Ликвидация в 1826 г. янычарского войска, этого разложившегося продукта турецкого феодализма, должна была расчистить путь для реорганизации армии по европейскому образцу. Такая армия была необходима для сохранения целостности распадавшегося обширного феодального государства. Но лишь к концу первой по-

³⁶ *Celal Nurl*, *Tarihî tedennîlatı Osmanlıye*, İst. 1912, s. 53.

³⁷ *Иналджик Халил*, Османская империя. Классический период. 1300—1600, Лондон, 1973. См. Реферативн. журн. «Общественные науки за рубежом», серия 9, востоковедение и африканистика, № 3, 1975, стр. 165.

³⁸ В. Д. Смирнов. Кочубей Гемурджинский, стр. 211.

ловины XIX века удалось ввести воинскую повинность для мусульман и реорганизовать армию с помощью европейских инструкторов. Однако поражение турецкой армии в Крымской войне показало, что она еще не созрела как современная военная сила. Иного и не могло быть в стране, имевшей прогнивший тыл и иностранных союзников, которые не желали, чтобы Турция стала действительно сильной и независимой.

Наряду с этим в турецкой армии, как и во всех других государственных сферах империи, по-прежнему царили косность, невежество, шовинизм и религиозный фанатизм.

Анализируя причины жалкого состояния османской армии, где основной контингент составляли турки, каждый из которых «сам по себе неплохой солдат», Ф. Энгельс отмечал, что инструктора-иностранцы, являясь «гяурами» оставались чуждыми туркам, поэтому мало что могли изменить в существовавшем порядке вещей. Далее Энгельс писал, что «пока турки останутся правящей нацией в стране, они не подчинятся людям, которых в душе презирают, считая их гораздо ниже себя». Но основная причина подобного застоя—это общее положение в империи вследствие чего армия постоянно чувствовала «недостаток в оружии, обмундировании, боевых припасах и продовольствии...»³⁹.

В этой характеристике, очевидно, содержится ответ на вопрос: почему некогда грозное турецкое оружие теперь, в условиях общего экономического и политического кризиса империи, не представляло уже серьезной силы и не одержало ни одной победы вот уже в течение более чем двух с половиной веков, вплоть до войны 1919—1922 годов.

Следует отметить, что регулярная и иррегулярная армии в определенном смысле оказывали отрицательное влияние на внутреннюю, в частности экономическую жизнь страны. Армейские гарнизоны, особенно после войны 1877—1878 гг. и в связи с оживлением политической жизни в стране, размещались во многих городах и селах. По данным генерал-майора Аверьянова, в начале XX века в Турции имелся 491 батальонный округ, из коих 322 округа, или две третьих, приходились на азиатскую часть Османской империи, являвшейся «центром тяжести и источником средств ее военного могущества»⁴⁰. Подсчеты показывают, что на каждые 6 тысяч квадратных километров территории приходился один батальонный округ регулярных войск.

³⁹ К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 11, стр. 490.

⁴⁰ Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Османской империи, СПб, 1912, стр. 5.

Наряду с этим на территории каждого из восьми армейских корпусов находились также редифные инспекции—нерегулярные подразделения, а в восточных районах страны еще и иррегулярная конница Гамидие. Следовательно, территория страны была насыщена войсками и в мирное время, а в период войны и чрезвычайного положения число их могло возрасти втрое. Соответственно росли расходы на содержание армии. Однако, как говорилось выше, финансовое и иное довольствие, поставляемое казной, расходовалось по карманам начальства, а солдаты и нижние чины оставались без обеспечения и вынуждены были перебиваться как могли. Вся тяжесть содержания войск падала на население тех мест, где находились гарнизоны. До революции 1908 года гарнизоны имелись почти во всех казах и во многих деревнях. Например, в селе Учкилиса казы Диадин Баязетского санджака, состоявшем всего из 27 семейств, был размещен гарнизон из 20 человек, которые полностью кормились за счет крестьян, получая от них «масло, сыр, птицу, яйца, молоко, мацони, йогурт и все необходимое»⁴¹.

Мютесериф Мушского санджака в начале 80-х гг. XIX века объявил, что власти не намерены признавать расходы по содержанию войсковых частей, произведенные населением в годы минувшей войны и после нее. Он отказался компенсировать эти расходы в счет налогов, приказав взыскать недоимки за «прошедшие два года»⁴².

Для удовлетворения потребностей войск власти не останавливались ни перед чем. Так, в конце 90-х гг. солдаты гарнизона, расположенного в казе Зейтун Марашского санджака, для отопления казарм варварски вырубали знаменитые плодовые сады и виноградники, являвшиеся основным источником доходов населения округа⁴³. Перед подобными жестокими актами, своеволием военных начальников и местных властей мирные жители оказывались особенно беззащитными в местах дислокации иррегулярных войск.

Особое внимание правительство уделяло мусульманской коннице гамидие. Это иррегулярное войско стало формироваться в начале 90-х гг. в основном из курдов. В 1899 году оно насчитывало 63 полка, «из коих 50 выставляли курды, 9—племена арабского происхождения, 3—карапапахы, 1—туркмены»⁴⁴. Быстрому формированию гамидие способствовало и то обстоятельство, что курд-

41 Ա.—Դօ. Հուշեր Տաճկա-Հայաստանի ճանապարհորդութիւնից, «Նոր հոսանք», 1913, № 45, էջ 794.

42 Հ. Գ. Վարդաբեյան. Արևմտահայերի սոցիալական և ազգային ճնշման ուժեղացումը Բեկիւնի կոնգրեսից հետո, «Գաղտնա-բանասիրական հանդես», 1964, № 3, էջ 75.

43 «Մուրճ», 1901, № 2, էջ 44—47.

44 ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1006, л. 4.

ским и другим вождям были обещаны чины, ордена, денежные награды, ликвидация недоимок и освобождение от всех податей и повинностей, за исключением ашара и агнама, а также предоставление свободных казенных земель тем аширетами, которые выставляли подразделения конницы. Однако в последующий период рост рядов гамидие затормозился, появились признаки его разложения. Об этом свидетельствует тот факт, что за 7 лет (1899—1906) было организовано всего три новых полка и притом не из местных курдов⁴⁵.

К этому времени части гамидие фактически потеряли свои боевые качества, они предавались разгульной жизни, занимались грабежами мирных караванов и армянских сел. К тому же они стали совершать набеги на турецкие села, отказывались платить налоги (гамидийцы Ванского вилайета не платили за 1891—1898 гг.) и даже не вносили собранные подати. Поэтому некоторые представители турецких властей и командиры регулярной армии стали весьма отрицательно отзываться о них. Начальник эрзерумской крепости и командир 7-й стрелковой дивизии Абук-паша, хорошо знавший гамидийцев, указывается в одном из архивных документов, «относится к ним с нескрываемым презрением и неоднократно высказывался, что они даже не разбойники, а просто воры, которых напугать не трудно»⁴⁶.

Стремление большей части молодых турок и других мусульман посвятить себя военной карьере отрицательно сказывалось на экономической и культурной жизни этих народов.

На состояние экономики Турции пагубно действовали постоянно растущие военные расходы. Достаточно сказать, что армия поглощала более одной трети государственного бюджета⁴⁷. Отрицательным последствием такого положения вещей для турецкого народа довольно верную оценку дал К. Ататюрк: «Кто воюет мечом, в конце концов терпит поражение от тех, кто воюет сохой, и уступает им место. Так случилось с Османской империей. Болгары, сербы, венгры, румыны привязались к сохе, они обеспечили свое бытие, укрепили свои силы, а наша нация слонялась за такими вот фатихами-завоевателями, не работала у себя на родине и в итоге была побеждена ими»⁴⁸.

Анализ деятельности «третьего ведомства» — ведомства общественных работ показывает, что в государстве османов мало в

⁴⁵ Там же, л. 6.

⁴⁶ Там же, л. 15.

⁴⁷ См. «Военный сборник», 1905, № 12, стр. 318.

⁴⁸ К. Ататюрк. Избранные произведения и речи, М., 1966, стр. 269.

чем сказывалась забота о воспроизводстве. Она должна была явиться, как указывал Энгельс, одной из главных функций этого учреждения, хотя внешне оно проявляло интерес к различного рода нововведениям. Поверхностные реформы коснулись прежде всего администрации, органов центральной и местной власти, не затронув важную сферу—экономику. Однако и эти нововведения по существу оканчивались неудачей. Так, например, после смерти Селима III Байрактар повторил попытку создания коллегиального управления. Но коллегиальность носила зачаточный характер, проявляясь лишь в отдельных случаях, в частности в деятельности «Совета 12-и» или в кругу так называемых «Рушукских друзей» М. Байрактара.

Понадобилось еще 30 лет для учреждения министерств по европейскому образцу. В конце 30-х годов образовались министерства финансов, внутренних и иностранных дел, в 1847 году—министерство просвещения, в 1868 году—министерство общественных работ. Несмотря на стремление определенных правящих кругов к «европеизации» страны, даже в конце XIX века система государственного управления в империи сильно отставала от западного образца. Например, органы центральной власти и ведомства не имели соответствующей узкой специализации. Так, в министерство земледелия, созданное в 1894 году, наряду с профилирующими управлениями (земледелия, скотоводства, лесов) входили также управления рудников, торговли, ремесел и т. д. В его ведении находились земледельческий банк, несколько высших и средних сельскохозяйственных учебных заведений и школ⁴⁹. Следовательно, определенное значение имели административные реформы, которые проводились начиная с 1834 г., когда указом султана Махмуда II территория империи была разделена на вилайеты (эалеты), санджаки и «независимые воеводства», со своими соответствующими органами управления.

Самым значительным событием в реформаторском движении в Турции следует считать провозглашение 11(23) декабря 1876 г. конституции, выработанной Мидхат-пашой и его друзьями. По этой конституции все жители империи объявлялись «османцами» (ст. 8), провозглашались некоторые буржуазные свободы: свобода личности (ст. 10), совести, собственности (ст. 21) и другие. Запрещались захват имущества, незаконные штрафы и трудовая повинность (ст. 24), а также обложение налогами не предусмотренными законом (ст. 96). Не допускалось прекращение действия какой-либо из статей конституции (ст. 115). Однако, вопреки этому, статья 113

⁴⁹ Հ. Արամյանց (Ս. Գ. Շվառ), Գյուղատնտեսի օրացույց, 1914, Կ. Պոլիս, էջ 125:

предоставляла султану право объявлять осадное положение и приостанавливать действие конституции, если «где-либо на территории империи будут замечены признаки восстания»⁵⁰.

В речи султана, произнесенной при обнародовании конституции, торжественно заявлялось, что принципы, лежащие в ее основе, «соответствуют положениям шери, исходят из наших чаяний, склонностей и огромного нашего желания обеспечить всем благополучие и счастье»⁵¹.

Общеизвестны перипетии жестокой борьбы сторонников и противников конституции и парламента, которая велась на протяжении ряда последующих месяцев. Борьба завершилась поражением конституционалистов. 2(14) февраля 1878 года великий визирь Ахмед Вефик-паша прочел на заседании парламента ферман султана о роспуске последнего на неопределенное время в связи со сложным политическим положением в стране⁵². И это время продолжалось более 30 лет. А ведь при открытии парламента султан говорил о положительных изменениях в отношении признания прав народов и демократических свобод, утверждал, что «единственное спасение страны заключается в применении конституции»⁵³.

А. М. Колюбакин, наблюдавший за попытками обновления Турции, писал, что страна «находится в переходном состоянии на пути к упорядочению своего владычества и к введению, если не полной пражданственности, то ее зачатков, и в настоящее время правительственная власть этой страны уже не фикция, она делает несомненные успехи и имеет шансы утвердиться окончательно, однако при условии, что обстоятельства не остановят этого поступательного движения»⁵⁴.

В 60—70-х годах XIX века это движение коснулось многих сторон жизни—политики, экономики и культуры. В какой-то мере учитывались даже национальные интересы нетурецких народов. Так, были определены права греческого патриарха (1864), еврейской общины, болгарского экзарха (1870). В течение 1861—1864 гг. было предоставлено самоуправление Ливану. В 1860—1863 гг. вошла в действие т. н. «национальная конституция» западных армян,

⁵⁰ Журнал «Фирд», 1877, № 3, стр. 60—76. Следует отметить, что одним из первых переводов конституции был перевод на армянский язык, на который мы ссылаемся.

⁵¹ Там же, стр. 57—58.

⁵² См. «Урор», 1911, № 9, № 56—63.

⁵³ См. Said paşanın hatıratı, İst. 1910, т. I, стр. 14.

⁵⁴ ЦГВИА, ф. 82, оп. 80, ед. хр. 3049, 1888, л. 172.

явившаяся результатом трудов конституционной комиссии, составленной в 1854 году из армянских общественных деятелей. Однако статьи конституции постепенно сокращались (число их было доведено со 150 до 99), права жителей провинций урезывались. В таком виде Высокая Порта утвердила ее в мае 1874 года. В литературе отмечалось, что затяжка с принятием конституции была вызвана длительной и упорной борьбой армянских народных низов против своих богатеев—амира, ростовщиков, землевладельцев и духовенства. Эта борьба завершилась определенным успехом. При всех своих недостатках конституция «была новым, безусловно положительным явлением в жизни Турции и ее подданных—армян»⁵⁵. Подобные половинчатые реформы следует рассматривать как определенную уступку буржуазным кругам, в частности более развитых христианских народов империи. В этот же период были основаны лица, куда принимались представители различных народов. В государственный совет (Şurayı devlet) были допущены болгары, греки, армяне, евреи и другие. Однако они составляли лишь треть общего количества членов совета и не играли заметной роли в политической жизни Турции⁵⁶. Показателен и факт включения в 1868 году в состав правительства в качестве министра общественных работ (umumi pâlia naziri) армянина Григора Агатона, видного экономиста, ранее работавшего руководителем управления финансов и почт⁵⁷.

При всем этом национальная политика правящих кругов империи, как и прежде, являлась политикой угнетения и притеснения нетурецких народов. Она принимала все более жесткий характер по мере роста производительных сил и экономики страны. Как указывал Энгельс, это своеобразие турецкого режима объяснялось тем, что носителем «прогресса цивилизации» были «не турки», а представители других национальностей⁵⁸. В усилении этих народов турки видели угрозу самому существованию Османского государства и поэтому, используя свое монопольное право в управлении страной⁵⁹ они стремились душировать любые попытки и даже намек на их самостоятельность в политике и экономике.

⁵⁵ Г. М. Казарян. Социально-экономическое и политическое положение западных армян в 1800—1870 гг. Автореферат, Ереван, 1968, стр. 50.

⁵⁶ «Արթըր», 1910, № 6—7, էջ 103—104.

⁵⁷ Там же. Гр. Отян отмечал, что «Агатон поднялся до недоступной для христианина высоты. Как экономист он воспринимал значение и цену свободы, сознавал свою обязанность бороться за прогресс человечества независимо от родины и нации». См. Գրիգոր Օտյան. Մահճանադրական խորհրդի և ճանրի, Կ. Պոլիս, 1910, էջեր 172—173.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 25.

⁵⁹ Там же.

Подтверждением этому служат высказывания одного из видных политических деятелей периода танзимата—великого визиря Фуад-паши, автора проекта Хатты хумаюна 1856 года. Перед своей смертью, последовавшей в 1869 году, он составил политическое завещание, адресованное султану⁶⁰. Изложив свои соображения по внешней политике Османской империи, Фуад-паша отрицательно высказывался о христианских народах Турции, предостерегая против предоставления им самоуправления. Грецию он называл «страшной ничтожной по существу, но фактором раздражающим», славная история которой долго будет манить «этот эгоистический народ».

«Наша политика,—утверждал Фуад-паша, должна стараться насколько возможно изолировать греков от других наших христиан». Прежде всего надо подальше держать болгар от греков и русских, точно так же следует поступать с другими славянскими народами, армянами и евреями. Он советовал использовать на службе умных и способных деятелей этих народов, но ни в коем случае не давать им самостоятельности. Говоря о внутренней политике, Фуад-паша требовал направить все усилия «к единственной цели—к слиянию наших народов».

Кульминацией политического цинизма и великодержавного шовинизма автора завещания является его следующее утверждение: «Какая-нибудь Черногория, какое-нибудь Сербское княжество или Армянское царство не принесут никакой пользы ни самим себе, ни миру. Они могут быть только государствами более или менее химерическими, представляя собою несчастные остатки старых разделов человечества, неизбежную добычу всякого нового завоевателя,—политические тела, вредные для прогресса, опасные для спокойствия мира». Таким образом, этот турецкий реформатор путь прогресса для Турции видел, с одной стороны, в перенятии европейских форм управления—в «европеизации» страны, а с другой—в укреплении феодального многонационального государства посредством насильственной ассимиляции нетурецких народов, их «османизации».

В. И. Ленин отмечал, что «подавление национальностей» есть один из «могучих остатков средневековья, страшно задерживающий общественное развитие и рост пролетариата»⁶¹.

⁶⁰ Политическое завещание Фуад-паши впервые было опубликовано в «Revue de Paris» (I.XI.1896). Русский перевод был напечатан в журн. «Русская мысль», № 11, 1896 г., а переводы на армянском языке—в газетах за 1903 г., затем в журн. «Црор», № 6—7, 1910 г. Мы цитируем документ из указанных двух журналов: «Русская мысль», стр. 191—197; «Црор», стр. 177—187.

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 155.

Не вдаваясь в подробный анализ национальной политики Турции, отметим лишь, что ее задачи на деле одинаково трактовались как реакционными, так и многими прогрессивными деятелями.

В этой связи небезынтересно мнение стамбульской армянской газеты «Айреник» о тяжелых последствиях угнетательской политики турецких правителей не только для подвластных народов, но и для исторических судеб самой Турции. Воспользовавшись относительной свободой, наступившей после младотурецкого переворота, газета высказала некоторые довольно откровенные мысли о реакционной сущности национальной политики Турции. Насилия и жестокости, творимые османским правительством по отношению к покоренным народам явились, как считает автор статьи, одной из причин вмешательства иностранных держав в турецкие дела. Произвол, угнетение, захват чужого добра создавали богатства и обеспечивали полную достатка жизнь лишь одному поколению турок, интересы же потомков игнорировались. Единственно правильной линией развития для Турции автор считал разумное использование знаний, умения и трудолюбия всех ее народов.

«Греки, трудоспособный, цивилизованный элемент в этой стране,—продолжал он,—были ограблены, разгромлены. Они создали свое государство на части территории империи, которую турки потеряли. По тем же причинам евреи разбрелись по миру... Болгария отделилась при тех же неблагоприятных обстоятельствах. Теперь она развивается без крови и насилия. Турция потеряла Бессарабию, Молдавию, Валахию, Сербию, Черногорию, Боснию и Герцеговину. И после всех этих уроков—армянские погромы... Но ведь армяне—трудолюбивый и созидательный народ, они свыклись со своей судьбой и освоились на общей родине. Государство ежегодно получает громадную пользу от армянских предприятий, торговых заведений и налогов». Если бы им дали возможность развиваться, то они наряду с другими смогли бы противостоять нашествию иностранного капитала. Политика погромов и уничтожения богатств приводят к обнищанию всей страны. Автор отмечает, что в результате армянских погромов было «уничтожено и расхищено ценностей на 11 миллионов лир. Турки никогда не были так бедны, как при Абдул Гамиде»⁶².

Для Турции национальный вопрос являлся острым, поистине болезненным вопросом. И попытки разрешить его методами угнетения и террора оборачивались лишь во вред самой Турции, ее внутренним и международным интересам. Как отмечали некоторые авторы, национальная политика Турции оказывала «решительное влия-

⁶² «Հայրենիք», 4/17 օգոստոսի 1909.

ние не только на исход ее борьбы с другими государствами, но даже и на самое существование Османской империи»⁶³. Даже доброжелатели и друзья Турции, присоединяясь к такому мнению, считали нужным осудить шовинистическую политику, которая серьезным образом тормозила развитие страны⁶⁴. Тем более пагубно влияла эта жестокая политика на историческое развитие народов, оказывавшихся под османским владычеством. Как справедливо отмечает болгарский академик И. С. Снегаров, «турецкое феодальное государство было самым большим препятствием (подчеркнуто нами) на пути экономического и культурного развития покоренных народов. Именно по этой причине они никогда не примирялись с турецким владычеством, непрерывно боролись с оружием в руках за свое освобождение»⁶⁵.

В свою очередь, арабский автор Амин Саид в книге «Восстание арабов в XX веке» также считает период турецкого господства периодом регресса, когда «торговля переживала застой, пришло в упадок сельское хозяйство, бедность и нищета достигли ужасающих размеров. Нельзя было придумать ничего хуже, чем введение турками порядка, то есть систему откупов (ильтизам) при взимании государственных налогов». Попытки реформ,—продолжает автор,—не дали результатов. И лишь когда арабские страны «отделились от Турции, в короткий срок достигли более высокого уровня по сравнению с тем, на котором они находились в период турецкого господства, а некоторые из них намного обогнали и превзошли турок во всех областях, особенно в области просвещения и производства»⁶⁶.

Следует сказать, что многие сторонники капиталистического пути развития понимали жизненную важность для дела прогресса страны решения национального вопроса в рамках буржуазной демократии.

Деятели, стоявшие ближе к народу, яснее представляли себе необходимость коренных демократических преобразований в Турции, как неперемennого условия правильного решения национально-

---

⁶³ Томилов П. А. Отчет о поездке по Азиатской Турции в 1904 г., СПб., 1907, стр. 4.

⁶⁴ М. Шахтахтинский. Кризис мусульманской жизненной способности. Турецкий сборник. СПб. 1909; Ахмед Шуэйби. Административное право, Мир ислама, 1912, т. I; Список этот может быть продлен.

⁶⁵ Акад. И. С. Снегаров. Турското владичество—пречка культурното развитие на българския народ и другите балкански народи. Изд. Бълг. АН, София, 1958, стр. 201.

⁶⁶ Амин Саид. Восстание арабов в XX веке. Перевод с арабского. М., 1964, стр. 15, 18.

го вопроса. Так, в статье, опубликованной в 1906 году в армянском журнале «Мурч» и посвященной обзору событий в Турции, говорилось: «Великая революция в России⁶⁷ указала новый путь. Она доказала, что в государствах со смешанным населением улучшение жизни отдельных национальностей зависит от реформ и улучшения целого, если его составные части не имеют возможности отделиться и сохранить свое независимое положение»⁶⁸.

Как уже сказано, реакционная политика правящих кругов Турции тормозила экономическое и культурное развитие страны. На это указывали и многие иностранные исследователи и наблюдатели. Еще в 1858 году П. А. Чихачев писал: «Нынешний упадок в национальной турецкой промышленности объясняется отнюдь не неспособностью населения, а скорее преступным нерадением правительства, которое не сумело стимулировать труд в промышленности или хотя бы устранить препятствия, затруднявшие ее развитие»⁶⁹.

Подобные взгляды высказывались и некоторыми турецкими историками и деятелями, которые связывали отставание страны с неспособностью и деспотизмом властей. Например, редактор газеты «Мизан» Мурад-бей писал, что «деспотизм и зулум умертвили национальную жизнь и поставили нас в условия, когда мы постоянно регрессировали»⁷⁰.

Осман Нури, автор объемистого труда, посвященного периоду правления Абдул Гамида II, основными истончиками всех зол и причинами отставания Турции также считал внутренние факторы. По его мнению, болезненные явления ослабили империю и создали условия для проникновения чужестранцев.

«Нация,—пишет О. Нури,—изнемогала в когтях деспотизма,—от жестокости, несправедливости, зулума. В основе деятельности всех правительственных учреждений лежало казнокрадство, насилие и жестокость... И в армии среди офицеров, и на других должностях право и справедливость достигались либо взятками, либо высоким покровительством»⁷¹.

Б. Боран считает, что Османская империя не смогла идти в ногу с развитыми странами, в частности, по следующим причинам: во-первых, в период установления капиталистических отношений на Западе «османское общество прилагало все усилия для строи-

⁶⁷ Имеется в виду революция 1905 г.

⁶⁸ «Мурч», 1906, № 7, էջ 119.

⁶⁹ П. А. Чихачев. Великие державы и восточный вопрос, стр. 104.

⁷⁰ См. «Ազատութիւնը շարժո՞ւնք բանակին հաղթական մտարքն է Կ. Պոլիս», Կ. Պոլիս, 1909, էջ 91.

⁷¹ Osman Nuri, Ahdul Hamid sani ve devri saltanati, Ist., 1911, s. 1126.

тельства централизованного феодализма»; во-вторых, вследствие перенесения основных торговых путей, вызванного географическими открытиями, Турция наряду с другими странами Средиземноморья потеряла «былое торговое значение», и «крупные торговые и ремесленные центры Анатолии погасли и отстали»⁷².

Кемаль Ататюрк, «Первый человек» Турецкой республики оставание Османской империи рассматривал прежде всего как результат воздействия внешних факторов. Постепенное шествие империи «по нисходящей линии вырождения» он объяснял тем, что ее правители слушались советов извне, порою направляя свою политику в угоду внешним врагам Турции. Далее Ататюрк писал: «Если бы этот регресс происходил лишь в материальной области, это не имело бы никакого значения. К несчастью регресс наблюдался и в моральной области, несомненно, это был основной фактор, приведший нашу великую страну и великий народ к гибели»⁷³. Надо полагать, что К. Ататюрк нежелательный исход связывал с моральным поведением представителей верхушки, т. е. ее политикой. Ибо одни моральные факторы не могли бы привести громадное государство к упадку и разложению, послужить причиной катастрофы и разрушения жизненных устоев ряда народов.

В ряде работ, посвященных периоду танзимата и более поздних реформ, говорится об усилиях прогрессивных деятелей Турции, направленных на ликвидацию зол и пороков турецкой действительности. Вместе с тем в них признается тщетность этих усилий⁷⁴.

Иначе и не могло быть. Люди, призванные претворять в жизнь реформы и законы государства, сами нарушали их, своими бесконтрольными действиями низводили их ценность до стоимости бумаги, на которой писались и печатались эти законы и конституционные акты. В свое время Ф. Лассаль говорил, что конституция есть не что иное, как «фактическое соотношение общественных сил страны». В Турции это соотношение было не в пользу сил созидания. «Турецкая конституция,—писал Н. Рубакин,—оказалась ничем иным, как уступкой трудной минуте, своего рода «конституционным средством» для поддержки абсолютизма»⁷⁵.

Защитники и поборники турецкого самодержавия прекрасно сознавали свою силу, свои широкие возможности и поэтому без

⁷² В. Боран. *Türkiye ve Sosyalizm Sorunları*, s. 9.

⁷³ Мустафа Кемаль. *Путь новой Турции*, т. IV, М.—Л., 1934, стр. 56.

⁷⁴ *Ziya paşa*. *Arzihal*, 1st. 1894; *Halil İnalçık*, *Tanzimatın Uygulanması ve sosyal tepkileri*, *Bellekten*, cilt XXVIII, № 112, 1964; *Dr. Kenan Bulutoglu*, *Türk vergi sistemi*.

⁷⁵ Н. Рубакин. *Две конституции, турецкая и российская*, СПб, 1906, стр. 12.

опаски шли на нарушение и даже на ликвидацию законности. Это соответствовало классовым интересам хозяев страны—турецких феодалов и военно-чиновничьих кругов во главе с султаном. Нарушения исходили в первую очередь от самого султана и его правительства. Красноречивой иллюстрацией к сказанному является признание Абдул Гамида своему доверенному лицу, приведенное в докладной записке русского военного агента в Турции полковника Пешкова. В ней дается подробная характеристика взаимоотношений в верхах «османского» общества: «Я знаю,—говорил султан,—что кругом меня все грабят и даже наживают огромные состояния поборами и взятками, но в Турции нет людей, которые не будут грабить, если обстоятельства им позволят. Я предпочитаю оставлять у власти старых грабителей, они уже богаты, нажили себе состояние, и если продолжают грабить, то в размерах мне известных, на мелкую взятку они не пойдут; новые лица являются голодными, с неудовлетворенными аппетитами и, конечно, будут грабить больше, пока не насытятся; смена старых поэтому только ухудшит известное положение вещей, и для меня будет в то же время невыгодным, т. к. старых я держу в своих руках именно тем, что прошлое их мне известно и что в случае чего-либо им придется потерять слишком многое.

Они поневоле мне преданы, тогда как на преданность новых лиц, если им нечего терять, я положиться не могу...»⁷⁶.

Это любопытное заявление при всей своей необычности содержит определенную внутреннюю логику и точно характеризует прогнившую систему государственного управления. В период царствования Абдул Гамида, особенно накануне его свержения в печати и литературе нередко разоблачались махинации двора и правительственных чиновников. Пользуясь покровительством султана, они брали отнюдь не «мелкую взятку», а брали так, что сразу обогащались. Так, например, в течение 1905—1908 гг. достоянием гласности стали скандальные дела трех министров, в том числе Зихни-паши, занимавшего посты министра финансов, губернатора ряда провинций и министра общественных работ. Пренебрегая мелкими подношениями, он установил «минимальную сумму взятки в 500 тыс. франков». Зихни-паша, как говорили, «за Багдадскую дорогу получил около миллиона»⁷⁷. В свою очередь морской министр Желал-паша создал у себя в ведомстве условия, при которых чиновники соревновались в воровстве и продавали все, что было возможно, начиная от «званий, должностей, сырья и кончая пароходными

⁷⁶ АВГР, ф. Секретный архив, д. 178, л. 29.

⁷⁷ «Всррр дшрр», 1906, № 10, стр. 8.

трубами». Девять десятых средств, выделяемых на закупи, присваивались поставщиками и самим министром⁷⁸. Небезызвестный маршал Зеки-паша, начальник артиллерийских мастерских—Топхане, пользуясь правами министра, размещал заказы на орудия и снаряды в тех странах, где давали больше «бакшиша»—взятки⁷⁹.

Все это, как он заявлял, не было секретом для султана. И тем не менее он назначал своих фаворитов на высокие должности, одаривал их поместьями, деньгами, орденами. Стараясь предоставить sineкуры своим приближенным, султан расширил состав государственного совета и совета полиции, увеличив число их членов соответственно с 30 до 300 и с 20 до 150⁸⁰.

Огромные средства тратились на содержание султанского двора. Вместе с членами семьи (в одном только гареме было более 300 человек), он состоял почти из 12 тысяч душ. В месяц на них тратилось около 500 тыс. рублей. По данным П. А. Чихачева, в середине прошлого века расходы султана составляли седьмую часть всех доходов империи, в то время как в других странах подобные расходы были несравненно меньше. Так, в России они составляли 1/20, в Австрии 1/30, во Франции 1/50, а в Англии 1/200 часть государственных доходов⁸¹. Неусыпное внимание уделялось и огромной армии шпионов. В ней насчитывалось свыше 40 тысяч алчных и хитрых информаторов и осведомителей⁸². Орудием притеснения являлись и сами блюстители порядка—жандармы и полицейские, которые выполняли самые нечистоплотные поручения и поэтому подбирались подчас из отбросов общества. Полицейские нередко вступали в сговор с преступниками, с ворами и бандитами, получая свою долю из награбленного ими. Вместе с тем они старались ставить местных жителей в зависимое от себя положение. Даже бекчи (ночной сторож), тулумбачи (пожарник), кайыкчы (лодочник), знаменитые стамбульские хамалы—все старались использовать любую возможность заработать, извлечь пользу, не брезгуя ничем, вплоть до оказания услуг выщикам, запте, ворами и грабителям⁸³. О черни столицы Маркс писал, что она имеет «реальное право безнаказанно бесчинствовать»⁸⁴. Тесное переплетение восточного варварства с современной цивилизацией Маркс считал причиной того,

⁷⁸ Там же, № 5, стр. 5.

⁷⁹ Там же, № 8, стр. 9.

⁸⁰ Там же, № 5, стр. 8.

⁸¹ П. А. Чихачев. Великие державы и восточный вопрос, стр. 191.

⁸² «*Врррр дшйрр*», 1906, № 10, стр. 8—9.

⁸³ См. Б. Штерн. Большой человек. Перевод статьи помещен в №№ 9, 10, 11—12, журн. «Мурч» за 1905 г.

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 6—7.

«что этот центр теократической империи стал серьезной преградой для европейского прогресса»⁸⁵. Власти провинций, следуя верхам, также расхищали казну, грабили население, открыто брали взятки. Как правило, это сходило с рук губернаторам и другим провинциальным чиновникам. Более того, проворовавшие должностные лица взамен наказания нередко получали повышение по службе. В этом отношении характерна история Кямиль-паши, губернатора Алеппского вилайета. В 1879 году за превышение власти, взятки и разврат он был уволен с должности вали. Однако наказание показалось султану чрезмерным, и спустя несколько месяцев Кямиль-паша стал президентом комиссии по назначению чиновников, затем министром вакуфных владений. Он неоднократно назначался великим визирем, был награжден орденом.

Отсутствие порядка, авторитета властей, потакание с их стороны актам беззакония и произвола превратили местных беков, землевладельцев и ростовщиков в необузданных насильников. Возникли целые разбойничьи шайки, с которыми власти почти не боролись. Существовало даже мнение, что «разбойничество является как бы официально признанной привилегией господствующего народа, уничтожить которую правительство не решается из страха сделаться непопулярным»⁸⁶.

В Македонии, например, в 1895 году действовало 150 разбойничьих шаек, которые совершили около 4 тысяч вооруженных нападений с убийствами и грабежами⁸⁷. После подавления македонского восстания в 1895 г. турецкие власти явно поощряли их действия. Газеты сообщали, что за 6 месяцев было ограблено и сожжено 76 деревень⁸⁸. В этих налетах большей частью участвовали мусульманские элементы, имевшие право носить оружие и получавшие поддержку со стороны властей, в том числе судебных органов. В 17 деревнях казы Палу Диярбекирского вилайета только в 1877 году от насилий, разбоя, захвата имущества, поджога домов, угона скота и других притеснений пострадало свыше 4 тысяч жителей, главным образом армян. Среди них были и другие христиане, а также трудящиеся курды и турки⁸⁹.

Как видим, провозглашение реформ, имевших целью укрепить законность и улучшить деятельность органов власти, подчинить центру местных независимых и полузависимых правителей практи-

⁸⁵ Там же, стр. 239.

⁸⁶ «Вестник Европы», 1903, кн. 4, стр. 694.

⁸⁷ Там же, стр. 695.

⁸⁸ «Вестник Европы», 1903, кн. 5, стр. 132.

⁸⁹ Դիվան հայոց պատմութիւն, գիրք ԺԳ, էջեր 289—337.

чески не изменило положение вещей. И после этих реформ вновь назначенные вали и мютесерифы, кадни и мюльтезимы действовали по своему усмотрению.

Таковы были общие исторические условия в Османской империи в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. Правящая феодально-бюрократическая верхушка выступала за сохранение старых порядков в стране. Поэтому, отмечал Маркс, «жалкое крушение терпели все попытки турецкого правительства стать на путь цивилизации...»⁹⁰.

П. А. Чихачев, много лет проведший в Турции как дипломат и ученый и хорошо знавший страну, ее порядки и обычаи, убежденно писал: «Если за 20 лет, несмотря на требования самых решающих событий, несмотря на самые торжественные обещания, турецкое правительство не сделало ни единого шага на пути разрешения великих вопросов цивилизации и социального устройства, то это не столько потому, что оно «не хотело», сколько потому, что оно «не могло» и никогда не сможет...»⁹¹. Причины этого он видел в Турции, прежде всего, в социальном строе мусульманского государства.

Тем не менее эпоха реформ, безусловно, имела определенное положительное значение для дальнейшего развития страны. Сдвиги, происшедшие в Турции в указанный период, в известной мере отражали интересы и стремления либеральных помещиков, компрадором, крупных торговцев и финансистов. Как отмечал один из высокопоставленных чиновников империи Мкртич-бей Дадиан, реформы привели к их освобождению «от рабского подчинения», и «благодаря своему богатству» они стали занимать соответствующее положение в государственных органах⁹². В этом смысле некоторые реформы (земельный кодекс 1858 г., который расширил круг земельных владений, являвшихся частной собственностью, закон 1859 г., определивший право наследования недвижимости и земли, закон 1871 г. о порядке продажи недвижимости и другие)⁹³ содействовали прогрессу капиталистических отношений не только у христианских народов, но и у мусульман—турок, арабов и других. В этот период, особенно в крупных центрах страны, рядом с окрепшей инонациональной буржуазией появилась турецкая буржуазия, своя «разночинная» интеллигенция. Одним из политических резуль-

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 6.

⁹¹ П. А. Чихачев, указ. произв., стр. 12.

⁹² Мкртич-бей Дадиан. Армяне Османской империи, Тифлис, 1878, стр. 24.

⁹³ Das ottomanische Immobilienrecht. Von Dr. Emrich Fryda von Kaurimsky, „Weltwirtschaftliches Archiv“, Bd. 9, H. I, Jena, Januar, 1917.

татов указанных сдвигов явилось создание передовыми представителями турецкой интеллигенции тайной организации «Молодые османы». Ее возглавили первые турецкие «просветители» Ибрагим Шинаси, Намык Кемаль, Зия-бей, Али Суави-эфенди и другие. Вдохновителем этого движения был видный государственный деятель Турции Ахмед Мидхат-паша.

Освещение этих явлений имеет важное значение для изучения проблемы становления буржуазии Османской империи. По данному вопросу существует довольно обширная литература⁹⁴, в которой приводится много интересных фактов, даются правильные обобщения. Следует, например, согласиться с выводом Ю. А. Петросяна, что «со второй половины столетия началась открытая политическая борьба с феодально-абсолютистским режимом, направленная на создание необходимых политических условий, обеспечивающих экономический и культурный прогресс страны, ее развитие по капиталистическому пути»⁹⁵. Однако возможности такого развития были весьма ограничены в силу характера мусульманского военно-феодального теократического государства. Гражданская политика этого государства «зиждилась на религиозных догматах», которые запрещали ставить немусульманские народы «в одинаковое положение с мусульманами». Отход от этого обозначал бы «нарушение основного правила *символа веры* ислама»⁹⁶. Это обстоятельство ограничивало даже право султана олицетворяющего двуединую верховную власть: светскую—как глава государства, и духовную,—как халиф всех мусульман. При такой традиции политика султанского правительства, определявшая судьбу как мусульман, так и христиан, на деле в равной мере тормозила развитие и тех и других, она сталкивала их интересы на экономическом, политическом и духовном поприще. В качестве орудия господства правительство использовало ислам, который, по выражению Маркса, «ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными»⁹⁷.

Французский историк-востоковед Поль Жантисон характеризует такое положение как «крупный недостаток мусульманского

⁹⁴ См. Петросян Ю. А. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, М., 1958; ряд статей того же автора в публикациях Института востоковедения АН СССР; Желтяков А. Д., Петросян Ю. А. История просвещения Турции, М., 1965; Миллер А. Ф. Краткая история Турции, М., 1948; его же, 50-летие младотурецкой революции, М., 1958; ряд других работ того же автора и многих советских турковедов.

⁹⁵ Петросян Ю. А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX—начало XX вв.), М., 1971, стр. 309.

⁹⁶ М. Макколь. Султан и державы, СПб, 1897, стр. 156.

⁹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 167.

права», которое вместо того, чтобы «объединить все социальные слои населения в государстве, проводило линию разграничения между верующими и неверующими». Последние «никогда не могут стать гражданами в полном смысле этого слова. Они останутся рабами (ilotes)»⁹⁸.

Подобный порядок вещей фактически сохранился вплоть до краха империи. Ни возмущенные выступления прогрессивной общественности мира, ни вмешательство держав, преследовавших лишь свои корыстные цели, ничего не изменили в неравноправном положении нетурецких народов.

Таким образом, внутренние условия Турции, политика ее руководителей препятствовали внедрению элементов прогресса и цивилизации.

К. Маркс в статье «Греческое восстание» писал, что требование равенства между мусульманами, христианами и представителями других вероисповеданий означает полное отделение государства от церкви, религии от политики. «Но турецкое государство, как все восточные государства, имеет своей основой теснейшее переплетение и чуть ли не отождествление государства и церкви, политики и религии. Коран является для Турецкой империи и ее правителей одновременно источником веры и закона». В этих условиях требование равенства всех перед законом «неприменно означало бы на деле—заменить коран новым гражданским кодексом, другими словами означало бы—разрушить структуру турецкого общества и создать на его развалинах новый порядок вещей»⁹⁹. Как раз этого и не хотели делать османские правители, о чем свидетельствовал, например, ферман султана Абдул-Меджида. Стремясь успокоить реакционные круги Турции, напуганные Гюльханейским Хатт-и шерифом, Абдул-Меджид откровенно заявил: «До нас дошло, что люди, не понявшие смысла наших желаний, воображают и предполагают, что внутренний строй и политическое положение нашего государства будут изменены. Подобные ошибочные утверждения способствуют лишь затемнению общественного мнения»¹⁰⁰. Сказано ясно и недвусмысленно. Монарх, правивший в эпоху реформ—танзимата, не предполагал каких-либо изменений.

Даже среди наиболее передовых представителей турецкого общества трудно было найти людей, способных преодолеть нацио-

⁹⁸ *Paul Gentizon, Mustapha Kemal ou L'Orient en marche, Paris, 1929, p. 203.*

⁹⁹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 130.*

¹⁰⁰ *Engelhardt E., La Turquie et le Tanzimat, vol. I—II, 1884—1886, Paris, t. I, p. 50.*

нальную и религиозную ограниченность. А. Д. Желтяков пишет об Али Суави и его газете «Мухбир»: «Выступая за модернизацию просвещения и культуры, газета «Мухбир» в то же время призывала строго придерживаться догматов ислама и старых традиций в общественной жизни и в быту»¹⁰¹. В другом месте тот же автор отмечает, что характерной особенностью политического мышления Али Суави было введение и обоснование намечаемых реформ, «исходя из истории ислама, со ссылками на догматы Корана и шариата»¹⁰².

Между тем в некоторых исследованиях указываются трудности роста экономики и культуры Османской империи, но слабо оттеняется отрицательное воздействие идеологического—религиозного фактора на развитие стран Востока. Известно, что надстройка часто оказывает обратное воздействие на базис. Это присуще как феодальной, так и капиталистической формации, оно относится и к турецкому обществу. Как отмечал К. Маркс, в рассматриваемый период Турция выступала как «препятствие на пути к прогрессу»¹⁰³. В. И. Ленин указывал, что Турция переживала «долгое, мучительное падение и разложение, мучительное в особенности для всех трудящихся и эксплуатируемых масс народа»¹⁰⁴.

Таким образом, господствующие круги империи, опираясь на деспотическую монархию и идеологию ислама, используя, по выражению Маркса, «монополию на гражданские и военные должности»¹⁰⁵, боролись за сохранение феодальных порядков, тормозя развитие капиталистических отношений. Несмотря на эти серьезные препятствия, буржуазия шаг за шагом завоевывала позиции в экономике империи, предъявляла претензии на ведущее положение в политической жизни страны и участие в государственном управлении (парламент, конституция, национальные регламенты отдельных народов). В экономическом развитии страны турецкая буржуазия пока не имела ведущей роли, однако, будучи представителем господствующей нации, она становилась более активной в политике, чем буржуазия нетурецких народов. Вместе с тем непоследовательность и узы, связывавшие турецкую буржуазию с фео-

---

¹⁰¹ А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции. М., 1972, стр. 109.

¹⁰² А. Д. Желтяков. Из истории турецкой журналистики (газета Али Суави, «Мухбир»). Народы Азии и Африки, № 3, 1972, стр. 136.

¹⁰³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 25.

¹⁰⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 313.

¹⁰⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 25.

дальними слоями, мешали ей стать более решительной и независимой. С другой стороны классовые интересы вынуждали ее идти навстречу стремлениям инонациональной буржуазии, делая иногда определенные шаги для достижения реформ и нововведений, для установления конституционных порядков и буржуазных свобод в империи.

ГЛАВА II

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ ИМПЕРИИ

В работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» В. И. Ленин отмечает следующие два момента в историческом развитии капитализма: «1) Превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное и 2) Превращение товарного хозяйства в капиталистическое»¹. Мы попытаемся в этой же последовательности изложить основные вопросы данной главы, осветить становление капиталистических отношений в различных отраслях экономики, как и процессы расслоения феодального общества и образования буржуазии.

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Уровень экономического, социально-политического и культурного развития различных районов Османской империи свое наиболее рельефное отражение находил в сфере сельского хозяйства. Ни в одной другой отрасли так резко не проявлялись многоукладность экономики, борьба и переплетение интересов различных слоев населения. Вместе с тем столкновение классовых и социальных интересов в сельском хозяйстве происходило в особо жестоких условиях национального гнета и эксплуатации подвластных народов со стороны султанского режима и турецких феодалов.

Для правильного понимания данной проблемы важное значение имеют указания В. И. Ленина о том, что «капитализм в земледелии (равно как и в промышленности) не может развиваться равномерно: он толкает вперед в одном месте (в одной стране, в одном

---

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 87.

районе, в одном хозяйстве) одну сторону сельского хозяйства, в другом—другую и т. д.»².

Как отмечалось выше, серьезным препятствием на пути развития капитализма в сельском хозяйстве являлись государственная собственность на землю и другие формы феодальных отношений. В работе «О генезисе капитализма в странах Востока» справедливо указывается, что «государственная собственность на землю на определенном этапе стала задерживать рост элементов нового хозяйственного предпринимательства»³.

Прежде всего следует отметить, что в Турции не использовались громадные земельные площади. По утверждению В. Тотомьянца, обрабатывалась только десятая часть земель⁴. Опираясь на подсчеты П. А. Чихачева, Е. Топчян пишет, что использовалось около 40% всей малоазиатской территории, из которой на долю частных владений в прошлом веке приходилось всего 10%⁵. Ариадна Тыркова приводит данные министерства земледелия, согласно которым «в плодородной Европейской Турции обработано 3% земель», а в Триполитании—0,06%⁶. В докладной записке, датированной концом 1908 года, русский военный агент выражал мнение, что Турция могла бы конкурировать на международном хлебном рынке с Америкой и Россией, если бы в должной мере использовались плодородные земли. Между тем «три четверти арабских земель не обрабатываются, и даже под Стамбулом находятся обширные свободные поля»⁷. Другой автор считал ресурсы арабских стран и, в частности Месопотамии, «поистине фантастическими, принимая во внимание, главным образом их потенциальную мощь, ибо теперь только 1/20 часть годной для культур обрабатывается». Эти данные подтверждает и русский консул в Баоре А. Адамов⁸. По общей оценке, до первой мировой войны в Турции под сельскохозяйственные культуры использовалось не более 5—7% пригодной для обработки земли⁹. Правда, «Турецкий сборник» приводит более высокий показатель, отмечая, что в стране обрабатывалось 3/10 всей при-

² В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 311.

³ О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.), М., 1962, стр. 367.

⁴ См. «Современный мир», 1908, № 10, стр. 20.

⁵ В. Ռոպշյան, Երկրափոխության հարցերը և հայերը, стр. 38. Те же данные приведены в учебнике Մանգյան, Աշխարհագրություն, Օսմանյան պետության, Կ. Փոլիս, 1912, стр. 179.

⁶ «Вестник Европы». 1912, № 5, стр. 316.

⁷ ЦГА ВМФ, ф. 898, оп. 1, д. 6, л. 47.

⁸ М. В. Кечеджи-Шаповалов. Экономическая Турция, Пг., 1915, стр. 31.

См. также А. Адамов. О положении земледелия в Ираке Арабском.

АВПР. Новый турецкий стол, д. 7643, 1904, л. 3.

⁹ И. Бутаев. Проблемы Турции, стр. 45.

годной площади¹⁰. Это, однако, представляется преувеличением. П. М. Жуковский, ссылаясь на перепись 1927 г., также указывает, что обрабатывалось лишь около 5% всей территории страны¹¹. Плохое использование земли—основного богатства страны явилось характерной чертой отсталой экономики империи.

Турецкий исследователь Халис Окан в этой связи пишет: «Османские феодалы не занимались хозяйственной деятельностью, эксплуатацией земли и торговлей. Земля являлась источником дани. Главным источником обогащения были войны и связанные с ними грабеж, подати и рабство...»¹². Феодалы не очень придерживались границ земельных участков, в Турции вообще не существовало межевания. Лишь в феврале 1913 г. турецкий парламент, по настоянию депутатов-армян, принял закон об общем межевании земель, определял порядок их разграничения, регистрации и оценки¹³. Однако первая мировая война помешала проведению этого закона в жизнь.

Формы землевладения и землепользования в Турции соответствовали интересам военно-феодальной верхушки. Это особенно проявлялось в распределении земли.

Самыми крупными землевладельцами были султан и его сановники. Земли султана—«сение» составляли 37 млн денумов или 457.944 десятины. Они находились в вилайетах Аданы, Алеппо, Багдада, Басры, Бейрута, Дамаска, Мосула¹⁴. Только в Багдадском вилайете, по сообщению А. Адамова, 30% возделываемых земель составляли собственность султана, 20% были заняты вакуфами и столько же приходилось на долю частных землевладельцев¹⁵. Спустя 10 лет распределение земель в этом районе выглядело следующим образом: 60% принадлежало крупным, 15%—средним и 25%—мелким землевладельцам¹⁶.

Во второй половине прошлого столетия, специальными законами и правительственными указами в определенной мере были гарантированы права землевладельцев. Наряду с общегражданским законодательством (меджелле), в котором содержались общие положения о правах собственности («покупка и продажа», «залог»,

¹⁰ Турецкий сборник, под ред. Г. М. Бикермана, СПб., 1909, стр. 139.

¹¹ П. М. Жуковский. Земледельческая Турция, М.—Л., 1933, стр. XXIII.

¹² Халис Окан. Развитие на капитализма в Турция, стр. 18.

¹³ См. О правовом положении землевладения в Турецкой Армении. Записки приват-доцента Петроградского университета Н. А. Ленского, стр. 13.

¹⁴ Յ. Ս. Հաճիրաճ, Վճ. Ազրարաճիճի Հարարերուճիճուճները Արևմտյան Հայաստանում (1856—1914), էջ 55.

¹⁵ См. АВПР. Новый турецкий стол, д. 7643, 1904, л. 7.

¹⁶ См. Артур Руппин. Современная Сирия и Палестина, стр. 62.

«хранение», «наследство» и т. д.), были изданы отдельные извлечения из меджелле и другие законодательные акты, султанские ираде и указы, касавшиеся земельного права. Это составляло специальный свод земельных законов (Эрази Кануннамеси), в котором были представлены все правовые нормы, категории земель и земельной собственности.

Право владения фактически превращало держателя в собственника земли и предоставляло ему возможность передавать ее по наследству.

В 1867 г. право наследования от прямых потомков по мужской линии было распространено на восемь категорий кровных и полукровных родственников прямых и боковых линий. Наследники становились собственниками земельных участков, платили государственные налоги, с разрешения органов власти могли продавать и передавать принадлежащие им земли.

Известно, что самой старой формой собственности на Востоке являлся мюльк. Сюда входили пожалованные или приобретенные усадьбы, постройки, а также сады, виноградники, другие насаждения и т. д. Право мюлька исходило из законоположений шариата. Вместе с тем оно было определено также земельным законом от 21.IV(3.V) 1858 г. Земли мюлька составляли небольшую часть используемой площади. Другая форма собственности возникла на базе земель, называвшихся «эрази мирие» (точнее «эмирие»). Это были казенные земли. К концу XIX столетия, как уже отмечалось, значительная их часть стала собственностью частных лиц и организаций. «Владение землею эрази мирие,—писал Дм. Бакрадзе,— есть самая распространенная в Турции форма землевладения»¹⁷. Земельные управления вилайетов («эрази мемурие») обязаны были определить цену, занести ее «в кадастровые книги и на каждый участок выдать владельцу документ—кочан». Этот документ местных властей «должен был быть обменен впоследствии на окончательный документ—тапу, выдававшийся из центрального учреждения в Константинополе»—«дефтерхане»¹⁸.

Однако эти и другие законы имели номинальное значение, ибо царивший в стране произвол феодалов и властей фактически сводил их на нет. Все это особенно тяжело отражалось на судьбах христианского населения империи, которое в основном занималось земледелием, ремеслами и торговлей. Политика правительства

¹⁷ Дм. Бакрадзе. Исторический очерк турецкой системы землевладения, стр. 20.

¹⁸ ЦГВИА, ф. 400, оп. 1890, д. 36, л. 47; ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 77, д. 5876, лл. 21—23; журн. «Учитель», 1893, № 5, стр. 775—778.

ограничить землевладение болгар, сербов, греков, армян, евреев и других немусульманских народов задерживало развитие капитализма в сельском хозяйстве.

А. М. Колюбакин отмечал, что в районах Западной Армении и Курдистана христиане, особенно после восточной войны, постепенно лишались своих земельных наделов и собственности. В этих областях земельный надел на одно мусульманское хозяйство составлял в среднем 60—80 денумов. У мусульман в 6 1/2 раза больше земли, чем у христиан. Касаясь земельных наделов армян, А. М. Колюбакин приводит еще более разительные данные. Он пишет, что мусульмане «имеют пахотных земель в 10 раз больше, чем армяне, а с присоединением к каждой из этих групп крупных собственников соответствующих народностей отношения эти еще в большей степени изменяются в пользу мусульманских элементов»¹⁹.

На востоке страны, особенно в период формирования конницы «гамидие», как и после сасунской резни 1894—1896 гг., сплошное обезземеливание армянских крестьян и других собственников земли привело к появлению новых и укреплению старых феодальных владений курдских ага и беков, шейхов и племенных вождей. В своем докладе от 9 мая 1916 г. помощник начальника русского переселенческого управления А. Татищев определял существовавшее положение как «полную земельную неурядицу, вызванную систематическим стремлением турецкого правительства отнимать землю у армян, в пользу курдов»²⁰.

Положение земледельца-немусульманина ухудшилось и вследствие того, что при распределении земель местные власти практиковали своеобразную чересполосицу. Христианам они отводили наделы между участками, принадлежавшими мусульманам. Эти явления в политике турецкого правительства усилились после русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

В такрире, поданном центральным властям, армянский константинопольский патриарх писал, что после погромов было расхищено и распродано более 7 тысяч единиц земельных участков (размером свыше 100 денумов) и недвижимости (стоимостью более 100 лир), разграблено и разрушено 18 имений и общин, 16 кладбищ, 27 церквей и 13 монастырей²¹. Не намного лучше было и поло-

¹⁹ Колюбакин А. М. Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции, т. 1, ч. I, стр. 380.

²⁰ ЦГИАЛ, ф., 31, оп. д. 3С5, л. 43.

²¹ Копия перевода такрира, представленного армянским патриаршеством 7.IX 1909 г. высокому садразаму, министрам внутренних дел, юстиции и вероисповеданий по поводу земельного вопроса в османских вилайетах Анатолии. Машинопись, стр. 5, Архив Института востоковедения АН Арм. ССР.

жение мусульманского крестьянства. Ниязи Беркес, описывая бедственное положение турецкой деревни, отмечает: «При таком земельном режиме, в условиях подобных налогов и долгов исключалась возможность восстановления хозяйства большинства крестьян. Средний крестьянин не имел возможности ни освободиться от долгов, ни получить ссуду и техническую помощь. В этих условиях нельзя было мечтать о применении современных методов агрономии»²². Следует сказать, что часто крестьянин, порою даже землевладелец-помещик не был заинтересован в улучшении хозяйства, в обработке громадных пустующих земель. Вождь курдов хайдаранли Хосейн-паша говорил известному английскому путешественнику Линчу, что земли у них не обрабатываются, так как трудно вывезти урожай, нет рынков и путей сообщения²³. Когда Линч упрекнул крестьян селения Сач, находящегося на берегу озера Ван, в том, что они живут так неопрятно и бедно, не используют окружающие их село богатые земли, они ответили: «бесполезно работать, пока крестьянину не позволено пользоваться плодами своих трудов»²⁴.

Степень проникновения капиталистических отношений в экономику Турции определялась уровнем развития различных районов империи. В сельском хозяйстве эти отношения ранее всего стали развиваться на Балканах. Вслед за Европейской Турцией новые формы хозяйства появились в сельскохозяйственных районах, примыкавших к побережью Средиземного и Черного морей, расположенных вокруг таких крупных торгово-ремесленных центров, как Константинополь, Алеппо, Багдад, Бурса, Дамаск, Мосул и т. д. В этих районах за счет государственных земель росло частное землевладение, как правило, капиталистического характера. «Многие крупные землевладельцы,—отметил А. Руппин,—приобрели свои земли лишь в течение последних десятилетий». Закупались те участки, которые государство продавало с аукциона по очень низким ценам. Их приобретали главным образом городские капиталисты²⁵.

Утверждение частной собственности на землю явилось важнейшим условием зарождения нового капиталистического уклада, и это обстоятельство наиболее ярко проявилось в Европейской Турции. Основной формой хозяйствования на Балканах стали чифтлики. «Почти вся земля в Македонии составляет собственность так называемых турецких «чифтликчи»²⁶, писал Г. Х. Инсаров. По его

²² *Niyazi Berkes*, указ. произв., стр. 57.

²³ См. *Х. Ф. Б. Линч*. Армения, т. II, Тифлис, 1910, стр. 27.

²⁴ Там же, стр. 184.

²⁵ См. *А. Руппин*. Современная Сирия и Палестина, стр. 62.

²⁶ *Г. Х. Инсаров*. Турция и Македония, «Вестник Европы», кн. 4, 1903, стр.

подсчетом, общее число чифтликеров составляло здесь 15 тысяч, почти все они принадлежали туркам²⁷. В Азиатской же Турции чифтликеров было меньше. Однако и здесь постепенно образовалось частное землевладение. Так, константинопольский банкир Зарифи в Багдадском вилайете закупил более 50 тысяч гектаров государственной земли, которая засеивалась рисом и хлопком²⁸.

К концу XIX века крупных поместий, где выращивались технические культуры и производилось товарное зерно, стало немало и в районах Анатолии. Богатые хозяева приобретали поместья площадью в тысячи гектаров. Эти поместья «при лучших экономических условиях могли бы дать десятки и сотни тысяч рублей годового дохода». Известный анатолийский богач Хаджи Иззет-паша владел «селением Верхняя Мезра и громадными поместьями, в сумме площадью с целый уезд»²⁹. В Ване крупными поместьями владела ростовщическая семья Темир-оглы. Она также вела широкие торговые операции. Мусульманские богачи постепенно приобретали значительную недвижимость: дома, караван-сарай, бани, виноградники, пахотные земли. Среди оседлых курдских племен также имелись помещики, которые «владели обширными поместьями, занимались в больших размерах земледелием и овцеводством, для чего имели по несколько сот семей неплеменных курдов, а иногда и христиан, находящихся у них в постоянной зависимости в полном смысле этого слова...»³⁰.

Аналогичные явления наблюдались на арабских территориях империи. Так, земли сирийского города Хама (по данным ежегодника 1912 г., 45 тыс. населения) принадлежали «пяти большим семьям (имеется в виду род—И. О.), насчитывающим несколько тысяч членов, живущих за счет арендной платы за землю или городской наемной платы, получаемой от арендаторов и наемщиков». Вблизи многих городов, в частности, северной Сирии, «почти все деревни принадлежат богатым городским семьям»³¹.

Рост крупного землевладения, связанного с рынком, имел место и у немусульманских народов—славян, греков, армян, евреев, айсор и т. д. Так, в Македонии более 200 чифликтчи были христиане и евреи, их хозяйства концентрировались вокруг Салоник, Кастории и других городов. Крупные землевладельцы-греки старались

668. См также *Вл. Викторов-Топоров*. Аграрный вопрос в Македонии, «Русское богатство», № 3, 1910, стр. 38—40.

²⁷ «Вестник Европы», 1903, кн. 4, стр. 674.

²⁸ См. «Турецкий сборник», стр. 139.

²⁹ ЦГВИА, ф. 82, оп. 86 д. 3049, л. 353.

³⁰ Там же, л. 85.

³¹ *А. Руппин*, указ. соч., стр. 63.

приобретать земли в пригородных зонах. Это им удавалось большей частью в районах с преобладающим греческим населением.

В Западной Армении земли, наряду с помещиками—турками и курдами, сосредоточивались в руках богатых армян. А. М. Колубакин отмечает, что процесс этот усилился в 80—90 гг. прошлого столетия. Он пишет, что до войны 1877—1878 гг. собственниками земли были только христианские «монастыри и сельские общины, а богатые горожане владели недвижимой собственностью исключительно в городах, не решаясь, ни приобретать земли внутри страны, ни заниматься земледелием и скотоводством... Нам теперь известно до 30 селений, где городские армяне, в числе 43 фамилий, владеют более или менее значительными участками пахотных земель и покосов»³². В казе Палу известны были имена двух крупных помещиков—Хашматяна и Арпаджяна. Они жестоко эксплуатировали весь район, особенно армянское население. Но это не единственные примеры. Таково было положение также в Битлисе, Муше и Буланыхе, где особенно выделялись «два богача Кеворк Меликян из с. Ионджалу и Манук Мкртчян из Тегута»³³. Иногда помещики разных национальностей объединялись для совместной эксплуатации населения. В этой связи Колубакин писал: «В тех случаях, когда армяне-кулаки почему-либо не могут действовать самостоятельно, они входят в соглашение с влиятельными турками и курдами. Так, например, в Ване у могущественной турецкой фамилии Темир оглы всегда есть своя партия армян, обирающая вместе с турками своих единоплеменников-сельчан»³⁴.

Старания властей всячески ограничивать рост землевладения у христиан (не иностранных подданных) часто не приводило к желаемым результатам из-за продажности чиновников. Приобретение земель и иной недвижимости явилось весьма солидным источником для их обогащения. До первой мировой войны в Азиатской Турции было уже немало крупных землевладельцев из числа греков, армян, евреев. В то же время турки теряли свои чифтлики на Балканах. «Число крупных турецких землевладельцев,—писал Тухолка в 1910 г.,—за последние годы сильно уменьшается вследствие покупки их земель христианами, в особенности болгарами, возвращающимися из Америки. Со времени восстания 1903 г. турецкие беи, не будучи уверенными в завтрашнем дне и боясь политических осложнений в Македонии, охото продают свои владения...»³⁵.

³² А. М. Колубакин, указ. соч., стр. 355.

³³ Там же, стр. 143.

³⁴ Там же, стр. 144.

³⁵ АВПР, Новый турецкий стол, д. 7601, л. 4.

Землевладельцы, приобретающие новые поместья, свое хозяйство вели уже на капиталистической основе.

Парадоксально, но факт, что в условиях турецкой действительности происходил одновременный рост как феодального, так и капиталистического крупного землевладения. Феодальное землевладение состояло как из поместий старых родов деребеев и феодалов, владевших громадными земельными угодиями, так и земель новых помещиков, расширявших свои владения с благоволения турецкого правительства. Как уже отмечалось, многие военные и гражданские чины, шейхи и беки, путем насилия и разбоя наживали значительные земельные наделы за счет крестьян, главным образом христиан.

В конце XIX века расширялось также среднее феодальное землевладение. Однако феодалы средней руки вели свое хозяйство по примеру крупных помещиков. Как отмечает Дикран Арсланиан, «владельцы не проживают в своих имениях, а, в лучшем случае, находятся там для своего удовольствия только во время жатвы»³⁶.

Следует отметить, что крупное и среднее землевладение не было распространено «по всей стране, а группировалось вокруг больших городов». Страна же была залита морем мелких хозяйств, что создавало неблагоприятные условия для экономического развития. Да и крупное поместье чаще всего велось не как цельное хозяйство, а дробилось на мелкие участки, которые передавались крестьянам на арендных условиях. Подобные поместья превращались в «конгломерат крестьянских дворов, которые стали преобладающей силой в сельском хозяйстве». В условиях Турции они не имели перспектив значительного развития и стали «огромным злом»³⁷.

На сельское хозяйство страны оказывало значительное влияние также вакуфное землевладение. Внимательное изучение показывает, что буржуазное право собственности в определенном смысле пробивало себе дорогу и в церковное землевладение, которое в этот период значительно расширило свои границы, располагая в отдельных районах от 40 до 70% всей земельной площади.

Арази-мевгугие делились на три вида: собственные земли джами, мечетей и других чисто религиозных организаций, доходы от которых использовались только для нужд этих же организаций; земли, доходы которых шли на содержание школ, библиотек, частично больниц, дорог, на водоснабжение и другие общественные

---

³⁶ Дикран Арсланиан. Система сельского хозяйства в Османской империи, стр. 33.

³⁷ Там же.

нужды; земли, которые считались частными, или семейными, вакуфными владениями.

Если первые два вида образовались в результате пожалований султаном, его сановниками и богатыми людьми или отходили к церкви при отсутствии наследников, то последнее владение появилось, можно сказать, как результат господствовавшего произвола и беззакония. Стремясь уберечь земли от захватов со стороны государства, местных властей, землевладельцев и разбойников, владельцы участков дарили или продавали их по очень низкой цене (10—15% общей стоимости) мечетям или духовным конгрегациям. При этом они сохраняли за собой право обрабатывать сданный надел, передавать его по наследству и т. д. За это они платили налог лишь новым хозяевам в размере 3% (в других источниках—1%) урожая³⁸. «При подобном вакуфизировании собственная выгода играла большую роль, чем религиозность». Хотя хозяин терял «право собственности, однако он обеспечивал для себя и своих детей неприкосновенность владения, свободного от налогов»³⁹. Здесь уместно привести точку зрения Маркса, который определял вакф как «постоянную частную собственность»⁴⁰, не подверженную случайностям и произволу, дающую определенную возможность обеспечивать в какой-то степени жизненные условия номинального собственника земли. Как отмечала Р. Люксембург, «крестьянину из христиан часто не оставалось другого пути спасения, кроме как передать магометанской церкви участок земли *regoblationem* (условно даруемый) и затем арендовать его за проценты, но по крайней мере быть свободным от уплаты десятины»⁴¹. Этот процесс имел место не только среди христианского населения империи.

Положение вакуфного землевладения укрепилось в результате создания в 1863 г. министерства, которое в теократической Османской империи играло роль охранителя прав религиозных организаций.

Помещики применяли все формы феодальной эксплуатации: даровой труд («ангария»), различные формы отработочной ренты, барщину. Порой применялся и наемный труд. Эти формы господ-

³⁸ «Илриб», 1893, № 5, № 777.

³⁹ Das ottomanische Immobilienrecht..., s. 40—41.

⁴⁰ См. «Советское востоковедение», 1958, № 4, стр. 15.

⁴¹ Р. Люксембург. «Национальная борьба в Турции и социал-демократия», *Sächsische Arbeiter Zeitung*, № 234 от 8.X 1896 г. Продолжение статьи— в № 235. 236 той же газеты. Г. Б. Гарибджанян в сообщении «Вновь выявленная статья Розы Люксембург о восточном вопросе» приводит в переводе на армянский язык ее полный текст, см. *Բանբեր Երևանի համալսարանի* («Вестник Ереванского университета», общественные науки), 1971, № 2(14).

ствовали в Азиатской Турции, особенно в восточных ее районах и в Западной Армении. В горных селах, где находились эйлаги и кышлаки полуоседлых и кочевых курдов, воля курдского помещика, бека и вождя племени была законом. Здесь не действовали законы империи, и целые деревни подчинялись беку, пользуясь его «покровительством». Крестьяне многих армянских сел, обрабатывали поля, пасли скот имущих людей аширетов, выполняли разные домашние работы. Кроме этого они облагались различными налогами и натуральными повинностями. Примером могут служить взаимоотношения двух армянских сел казы Кяваш Ванского вилайета—Хортенц и Мчканц—с двумя курдскими аширетами. Село Хортенц, состоявшее из 25 дворов, выплачивало ежегодно «своему» аширату: «50 баранов, 625 пудов леченого хлеба, 5 пудов масла, 120 пар шерстяных чулок». Село Мчканц (13 дворов) отдавало курдам «26 баранов, 126 пудов хлеба, 3 пуда масла и 80 пар чулок, два двора обязаны были доставлять в течение лета к столу главного их предводителя кур и яиц»⁴².

Преобладающей формой эксплуатации являлась испольтчина, что не исключало и барщину на землях и в домашнем хозяйстве феодала. При этом крестьянин-арендатор обязан был платить государственные налоги—от урожая (ашар) и поземельный налог (арази вергиси) вместе с долгами и их процентами (земельному банку). То, что оставалось после этого, делилось между землевладельцем и арендатором, причем первому нередко доставалось больше половины. Если же семена принадлежали землевладельцу, то ему дополнительно полагалось 9—10% урожая. В итоге от 75 до 86% урожая отдавалось землевладельцу. Арендатор должен был еще платить такие налоги, как военный, дорожный и т. д. Поэтому часто он вынужден был продавать весь урожай, оставляя для себя продукты лишь на несколько месяцев. Чтобы заставить крестьян работать, землевладелец часто прибегал к насилию. Так, в казе Вардо «один курдский помещик с вооруженной бандой в 10—12 человек угнал на покос своего сена несколько десятков крестьян, которые трое суток работали на помещика, кормили его и вооруженных охранников»⁴³.

В одном из тогдашних армянских журналов приводится следующий рассказ издольщика из Муша: «Половину урожая пшеницы отдаем землевладельцу, доставляя ее хозяину в город. Зимой мы обязаны кормить его лошадей, буйволов. Кроме того, летом 2—3 месяца он со своим семейством и слугами живет у своего кре-

⁴² А. М. Колубакин, указ. соч., стр. 132—135.

⁴³ См. «Архив армянской истории», т. 13, стр. 91.

стьянина, который должен заботиться о всех его потребностях и еде»⁴⁴.

В течение многих десятилетий издольщина являлась господствующей формой землепользования в Османской империи. Она отличалась многообразием форм, условий договора и часто сопровождалась внеэкономическим принуждением.

Армянский писатель Атрпет, путешествовавший по Эрзерумскому вилайету в 1879 г., отмечал, что издольщик «всем семейством в 10—15 человек работает на земле феодала, используя его же скот; собранный урожай зерна, масло и молочные продукты делят поровну»⁴⁵. В казе Орду Трапезундского вилайета аренда (иджар—*icaj*) выплачивалась натурой с определенного количества возделываемых культур. Кроме этого каждая семья обязана была работать на землях феодала три дня в неделю. Тот, у кого был тягловый скот, должен был один день пахать, другой день сеять. Крестьянин, имевший лошадь, обязан был отвозить семью ага на эйлаги и привозить ее домой⁴⁶. В ряде мест помещики *часть аренды брали деньгами*.

Редактор газеты «Мшак» (орган армянской либеральной буржуазии) Григор Арцруни, публицист и общественный деятель, в одном из своих публичных выступлений в 1879 г., касаясь экономического положения западных армян, подчеркивал стесненные условия для развития капитализма в рамках турецкого феодального государства, указывал на произвол властей и других работодателей. Он отмечал, что при высокой цене на урожай «мюльтезим взимает лишнее» натурой, чтобы выгодно сбывать продукты на рынке. Когда же цены низкие, он произвольно завышает их и «требует налог деньгами»⁴⁷. Таким образом, рыночная цена определяла поведение сборщиков налогов. «В последнее время,—говорил Арцруни,—бремя налогов опять увеличилось, так как государство не стало брать бумажные знаки...»⁴⁸. Деньги часто обесценивались, что являлось предлогом для произвольного увеличения суммы налога. Другой причиной, побуждавшей чиновников и землевладельцев взимать налог или аренду *«иногда натурой, чаще деньгами*, являет-

⁴⁴ «Գրական և պատմական հանդես» (Литературный и исторический журнал), кн. 1, М., 1888, стр. 228.

⁴⁵ Արցրիմ, 1878—1928—50-ամյա ոսկյա հորիզան հալ հեղափոխության (Атрпет. Золотой юбилей армянской революции) (1878—1928), Ленинкан, 1927 (рукопись), стр. 12.

⁴⁶ «Մուրճ», 1899, № 10, стр. 1214.

⁴⁷ Արցրուհի Գր. Քարթրայ հայերի տնտեսական դրսևյունը, Քիֆլիս, 1894, էջ 31.

⁴⁸ Там же, стр. 32.

ся малый спрос и дурные пути»⁴⁹. Общей тенденцией являлся переход к взиманию налогов деньгами. В конце века во многих районах страны «государственные налоги с крестьян взимались деньгами, золотой монетой, а если серебром, то исходя из золотого курса»⁵⁰.

Результаты изнурительного труда семьи земледельца за сезон сельскохозяйственных работ не обеспечивали ее нищенское существование, а тем более погашения налогов и долгов. Поэтому на рынок отправлялось все, даже кормящий крестьянскую семью скот, который гоняли «в город, чтобы продать, раздобыть хотя бы мелкую монету и как-то спастись от когтей сборщика налогов»⁵¹.

Аренду за десятину платили в зависимости от расположения земель—в горной местности, в предгорьях или около городов, от 5,5 до 20—25 курушей⁵². Как отмечал Д. Арсланиан, «не существует двух хозяйств, где одинаково регулировались бы отношения между землевладельцем и издольщиком...»⁵³. Но положение различных категорий зависимых крестьян было почти одинаковым. А. С. Амбарян в своем исследовании об аграрных отношениях в Западной Армении выделяет следующие категории крестьян: свободные, батраки, зависимые крестьяне и рабы. К числу зависимых относились: мараба или мриба (марабаджилик)—испольщико или издольщико; крестьяне, обязанные принимать у себя на зимний период бека с его людьми и скотом, содержать их до ухода на летние пастбища—яйлагы; крестьяне, которые добровольно или насильно переходили под покровительство какого-либо феодала и платили ему за это кафырлык—плату за покровительство, оказываемое магметанам христианину; наконец, крестьяне, юридически или фактически находившиеся еще в крепостной зависимости⁵⁴.

Справедливо утверждение А. С. Амбаряна о том, что в Западной Армении и других частях Азиатской Турции труд батраков использовался мало. Главная тяжесть сельскохозяйственных работ падала на зависимых крестьян⁵⁵.

По утверждению одного крупного помещика из Кастамону, ему не было выгодно нанимать со стороны людей, поскольку польный труд, применявшийся в его имении, обходился дешевле,

⁴⁹ ЦГВИА, ф. 82, д. 3053, л. 134, подчеркнуто нами.

⁵⁰ А. Мурадян, указ. произв., «Унрб», 1899, № 10, стр. 1212—1213, подчеркнуто нами

⁵¹ Атрпет, указ. соч., стр. 13.

⁵² «Унрб», 1899, № 10, т. 2 1215—1216.

⁵³ Д. Арсланиан, указ. соч., стр. 42.

⁵⁴ К. У. Հաճախընթաց, указ. произв., стр. 68—76.

⁵⁵ Там же, стр. 7.

чем труд наемного рабочего⁵⁶. Это не могло содействовать развитию новых отношений в сельском хозяйстве. Прав Д. Арсланиан говоря, что издольщина несовместима с прогрессом⁵⁷.

В западных районах Турции признаки проникновения и развития капиталистических отношений были более очевидными. Они проявлялись в применении наемного труда, в большом разнообразии типов хозяйств. В отдельных районах натуральная рента заменялась денежной, налоги с крестьян взыскивались звонкой монетой, продукт крестьянского труда все чаще превращался в меновую стоимость, в товар, развивалось домашнее ремесло. При этом непосредственный производитель—крестьянин лишался орудий производства, в первую очередь земли, превращаясь в пролетария.

«Всюду,—писал Ф. Энгельс,—где личное отношение было вытеснено денежным отношением, натуральная повинность—уплатой денег, там место феодального отношения заступало буржуазное»⁵⁸. В Турции этот процесс только начинался. Однако освобождавшиеся таким путем рабочие руки не находили себе достаточного применения вследствие слабого развития капитализма. В Западной Армении и других районах, населенных христианами, эти экономические явления усугублялись политическими факторами: национальными притеснениями, необеспеченностью имущества и личности христиан. В силу этих обстоятельств молодежь часто оставляла свою семью, очаг и вынуждена была скитаться по стране, претендуя лишь, как выразился депутат турецкого парламента Н. Тагаварян, на труд «грузчика и любую грязную черную работу» в Константинополе, других портовых городах и за рубежом. Чтобы заработать на жизнь, они проводили вне дома по 5—10 лет, т. е. почти всю свою молодость. Число отходников росло из года в год. При наличии работы родственники или земляки тянули за собой в города новые группы людей. Так, если из Мушского санджака, например, в начале 1880-х годов уходило на заработки не более 200 человек в год, то в 1885 г. ушло уже 500, в 1886—1500 человек. С каждым годом увеличиваясь, «эта цифра достигла 2000—3000 чел.»⁵⁹.

В статье, опубликованной в 1889 г. в журнале «Аракс», указывалось, что в восточных вилайетах империи эти явления охватили все районы от Кайсери до Баязида, что в Западной Армении не

⁵⁶ Аграрный вопрос и крестьянское движение. Справочник, т. IV, М., 1937, стр. 175.

⁵⁷ Д. Арсланиан, указ. произв., стр. 47.

⁵⁸ Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, М., 1937, стр. 442.

⁵⁹ Միշիկ Բժշեհ, Հարազատ անտնային Տարոնի, Կահիրե, 1962, էջ 27:

было семьи, которая не имела бы своего пандухта (скитальца). В одной из деревень на 250 хозяйств приходилось около 400 отходников, в другой на 200 хозяйств 300 отходников и т. д.⁶⁰ Автор описывает тяжелые условия жизни крестьян, их нужду, притеснения, земельный голод, процесс обезземеливания. Он приходит к выводу, что причины «отходничества явно экономические»⁶¹.

Отходничество и пролетаризация крестьян явились лишь одной стороной процесса обезземеливания. Другая состояла в увеличении числа полупролетариев—издольщиков, испольщиков и в постепенном формировании сельской буржуазии—кулачества, а также среднего крестьянства.

Важную особенность развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве отмечает в своем ценном труде об экономике Турции проф. А. Д. Новичев. Он пишет, что оснащение сельскохозяйственной техникой происходило столь медленно, что вплоть до первой мировой войны «решающим фактором в капиталистическом производстве оставался ручной труд батраков, который оплачивался крайне низко». По подсчетам автора, за рабочий день, длившийся 15—16 часов, батрак получал лишь 20—50 копеек. Довольно часто выплата производилась натурой. И все же сезонные работы настолько вошли в обиход, что «Аданский хлопковый район в сезон уборки привлекал от 50 до 70 тыс. рабочих»⁶².

Характерно, что при подсчетах населения в общее число жителей города Аданы (в начале XX века—45 тысяч) включались «отходники или рабочие числом в 12—15 тысяч человек, которые ежегодно два—три месяца проживают здесь для лушения и очистки хлопка»⁶³. Начиная с 1880-х годов, Аданский вилайет и соседние санджаки принимали в год около 100 тысяч сезонных рабочих⁶⁴. Многие портовые города и крупные центры привлекали разоренных крестьян, готовых наняться на работу на любых условиях. Этот пример хорошо иллюстрирует мысль В. И. Ленина о том, что признаком развивающихся капиталистических отношений становится появление множества «рабочих рынков, где собираются тысячи рабочих и куда съезжаются наниматели»⁶⁵.

⁶⁰ «Цршри», 1889, дфрр II, тз 3.

⁶¹ Там же, стр. 9.

⁶² А. Д. Новичев. Очерки экономики Турции до мировой войны, стр. 81.

⁶³ Z. U. tfrfrlyshb, Bywzhrsrfrly rshsrshb, 2-ry zrrst., Чбббшрл, 1903—1905, тз 370, полк. Путья, Записки о Малой Азии, сб. геогр. топогр. и статист. матлов, по Азии, вып. 46, СПб., 1896, стр. 123.

⁶⁴ И. Бутаев, указ. соч., стр. 46—47.

⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 238.

Границы применения наемного труда постоянно расширялись. В районе Яффы из 7499 человек, проживавших в 17 хозяйствах, 2381—являлся наемным рабочим, столько же было ремесленников и представителей других профессий. Примечательно, что колонисты составляли менее 1/3 общего числа жителей⁶⁶.

Анализируя состояние, уровень развития и степень механизации хозяйств феллахов в районе Лидды (мутасерифлик Иерусалима), Артур Руппин отмечает три типа хозяйств: простое хозяйство арабского крестьянина, основанное на землях среднего качества в 100 дёнумов, без применения наемной силы, с чистым годовым доходом в 750 франков. Хозяйство, выросшее на хорошей почве, размером также в 100 дёнумов. Применяется труд двух сезонных рабочих в течение нескольких месяцев. Из 2680 франков общего дохода выплачивается: наемным рабочим 160 франков, за подвоз урожая на наемном верблюде—100 франков, столяру и охраннику—по 20 франков. Таким образом, этот хозяин выплачивает 300 франков за наем, что составляет более 11% дохода. Третий тип—более крупное хозяйство в 500 дёнумов, где используется примитивный инвентарь, плуги и сошники. Из общей суммы дохода в 8150 франков выплачивается: 5 соарендаторам—1/5 урожая или 1400 франков, 3 сезонным рабочим—450 франков, полевым сторожам—300 франков, за наем верблюдов—200 франков натурой, пастухам и сельским сторожам—350 франков натурой. Итого около одной трети дохода идет на выплату арендаторам и оплату по найму, из коих более 30% производится деньгами⁶⁷. Эти данные подтверждаются и другими авторами на примере других хозяйств в Сирии⁶⁸. Подобные примеры иллюстрируют положение в наиболее развитых прибрежных районах Средиземноморья.

В чифтликах Европейской Турции наемный труд применялся довольно широко. Как отмечает Тухолка, помещики-мусульмане «пользуются наемным трудом христиан»⁶⁹. За свою работу они получали «определенную годовую плату, выражавшуюся в 80—100 кг. зерна, 100—120 пиастрах денег, 3—5 литрах керосина и 20—30 кг бобов. Это—плата за годовой труд отца семьи, его жены и всех детей»⁷⁰. Так платил мусульманин-чифтликчи. «Несколько лучше положение батраков у крестьян-собственников. Здесь они полу-

⁶⁶ А. Руппин, указ. соч., стр. 82.

⁶⁷ Там же, стр. 87—91.

⁶⁸ Губерт Аугаген. Очерки природы и сельского хозяйства Сирии и Палестины, Пг., 1918, стр. 87.

⁶⁹ АВПР, Новый турецкий стол, д. 7601, л. 4.

⁷⁰ Журнал «Русское богатство», № 3, 1910, стр. 41.

чают от 500 до 600 пиастров жалованья и значительно лучше питаются»⁷¹.

Такие явления имели место и во внутренних районах азиатской части страны, особенно вокруг городов и торговых центров. Даже в курдских аширетах наблюдалось «развитие отношений найма как в оседлом, так и в кочевом хозяйстве». А. Шамилов указывает на 5 типов батраков, из коих 3 занимались посезонно или аккордно⁷². Побывав в 1916 г. в освобожденных русской армией районах Эрзерумского вилайета, агроном В. Вартанянц отмечал примитивный характер земледелия. Ничтожную техническую оснащенность хозяйств объясняется, отмечает автор, не только невозможностью приобретать машины вследствие бедности, но и тем, что «рабочие руки были очень дешевы. 80 коп.—1 рубль в сутки на своих харчах и 50 коп.—на хозяйских. Этим турки объясняли, почему у них мало сельскохозяйственных машин для уборки трав и хлебов»⁷³. Следовательно, наемный труд в тех или иных формах и масштабах применялся в стране почти всюду. В. И. Ленин в труде «Развитие капитализма в России» отмечал, что сочетание разнохарактерных форм труда является естественным и свойственным «всякой переходной эпохе»⁷⁴.

Другими немаловажными показателями развития буржуазных отношений было постепенное превращение земли в предмет купли и продажи и постоянный рост цен на нее. В этом определенную роль играло также проникновение иностранного капитала в сельское хозяйство, активное стремление иностранцев приобретать земли. С конца 60-х гг. XIX столетия цены на земли непрерывно росли и накануне мировой войны поднялись в 10 раз⁷⁵. В начале XX столетия в Анатолии (Балькесире) день земли стоил около 15 франков⁷⁶. Дальше на восток, в зависимости от места расположения, стоимость ее колебалась от 2—3 до 40—80 лир (1 лира=22 франкам=8 р. 60 коп.)⁷⁷. В Сирии цены на день земли колебались от 0,5 франков (удаленность от ж. д., опасность нападения бедуинов и т. д.) до 30—50 франков (лучшие пашни на побережье). В Ливане они были выше в 10—20 раз⁷⁸. В западных районах виноградники

⁷¹ Там же.

⁷² А. Шамилов. К вопросу о феодализме курдов, Ереван, 1936, стр. 45—46.

⁷³ «Кавказское хозяйство», 1918, № 1—2, стр. 23—24.

⁷⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 187.

⁷⁵ См. Записку секретаря ген. консула в Иерусалиме В. К. Антонова об экономическом положении округа. ДИРКПП, 1913, № 29, стр. 23.

⁷⁶ Հմայակ Արամյանց, Գյուղատնտեսի տարեգրություն, էջ 40.

⁷⁷ См. журн. «Кавказское хозяйство» 1918, № 1—2, стр. 21.

⁷⁸ См. А. Руппин, указ. соч., стр. 98.

стоили от 100 до 400 франков за дёном. Земли под фиговыми плантациями оценивались примерно так же и даже дороже⁷⁹, а оливковые плантации стоили 2120 лир⁸⁰.

В конце прошлого столетия покупались и продавались также земли, еще недавно считавшиеся государственными. В отдельных районах продажа таких земель приняла столь значительные размеры, что некоторым исследователям существование государственных земель казалось номинальным. Например, А. Мурадян, посетивший районы Причерноморья, констатировал, что там «очень мало незанятых государственных земель, можно даже сказать, что их вовсе уже нет, так как большую часть законными или незаконными путями приобрели различные турецкие и черкесские беки и ага и превратили их в свою собственность»⁸¹.

Еще один характерный пример. В корреспонденции из Харберда сообщалось, что площади, занятые под шелковицей, расширялись, одновременно повышалась цена на тутовые деревья. Так, деревья, стоившие в начале века 4 лиры, осенью 1907 г. продавались за 10 лир⁸². Поэтому земледelec старался сажать шелковицу на лучших участках. По заявлению одного землевладельца, он со своих полей снимал примерно, на 1000 лир урожая, «а из высаженных в два ряда вокруг некоторых полей шелковиц получал больше дохода, чем от самих полей. По подсчетам автора корреспонденции, на площади, достаточной для высева 1 чарека (6 окка) пшеницы, можно посадить 800 тутовых деревьев. В первом случае доход не превысит, в среднем, 4 лиры, а во втором—через несколько лет хозяин будет иметь 50—60 лир⁸³. Такие перспективы вовлекали все большее число хозяйств в более выгодные и более денежные операции. Этим стали заниматься сельские ага-жулаки и отчасти средние крестьяне. Это означало, что основа, на которой зиждились турецкое феодальное землевладение и земельное право, к концу века стала подрываться и под влиянием растущей силы денег, чему активно содействовал торговый и ростовщический капитал. Ростовщик и купец стали неперемненными фигурами в деревне. Часто они выступали в одном лице. Беспросветная нужда крестьян, частые неурожай, отдаленность рынков, трудность превращения продуктов крестьянского труда в деньги и ряд других причин сделали ростовщика даже «нужным» для сельских жителей. Их безвыходное по-

⁷⁹ А. Д. Новичев, указ. произв., стр. 82.

⁸⁰ А. Андерлинд. Земледелие и скотоводство в Сирии и Палестине, СПб, 1892, стр. 24.

⁸¹ Ա. Մուրադյան, Հողատիրութեան Բնութիւնը, «Մուրճ», 1899, № 10, էջ 1209.

⁸² «Բյուրակն», 1908, № 8, էջ 265—266.

⁸³ Там же.

ложение, постоянная нужда в деньгах приводили к тому, что никаких норм процента на деле не существовало. Все зависело от желания ростовщика. Обычным был 50 или 60% на 100. Порой процент поднимался до 200—300⁸⁴. Карлайл Мак-Коан пишет, что ростовщики брали от 30 до 100%⁸⁵. Грабеж принимал гораздо большие размеры в тех случаях, когда крестьянин обязывался выплатить долг натурой в период уборки урожая. Тогда кредитор вынуждал его снижать цены на продукты на 25 или 50% по сравнению с рыночными.

Ростовщичество становилось наиболее прибыльным делом, им занимались землевладельцы и чиновники, духовные лица и монастыри, все, кто был в состоянии давать в долг. Оно становилось даже «единственным занятием» ага-кулака, его «единственным идеалом»⁸⁶. Ростовщик был особенно неговорчив и беспощаден в наиболее отсталых районах страны. В частности, «Анатолия стала раем для ростовщиков»⁸⁷. В былое время этим делом занимались купцы, саррафы из греков, армян, евреев, славян и левантийцев. Но чем больше чиновники и землевладельцы-мусульмане втягивались в орбиту товаро-денежных отношений, тем охотнее они прибирали к своим рукам сбор налогов и занимались ростовщичеством. А-до в своих путевых «Заметках» приводит немало подобных фактов. Он рассказывает, что богатые курды, жившие в Битлисе, протянули свои щупальцы до окружающих деревень и, занимаясь ростовщичеством, постепенно расширили свои земельные владения, так как крестьяне могли выплатить растущие долги только своими наделами. Так, из 60 хозяйств села Джрор только 5 не имели долгов. «За последние 15 лет из-за долгов потеряли половину своих земельных наделов 30 хозяйств и совершенно лишились земли 25 семейств»⁸⁸. Общая сумма долгов крестьян этого села превышала 1700 рублей. Г. Хажак писал в 1903 году, что среди сборщиков налогов раньше бывали «армяне, турки, греки, евреи, но за последние 10—11 лет абсолютно все мюльтезимы—мусульмане, турки и курды»⁸⁹. Далее он указывает, что ростовщики преследовали своих жертвы даже в местах отходничества и обычно взымали с бедных людей 100—160%. «9/10 этих молисачи (агенты ростовщиков—О. И.) являются турками и курдами и лишь 1/10—армяне»⁹⁰.

⁸⁴ Газета «Ушиш», 1880, № 2537.

⁸⁵ См. Карлайл Мак-Коан. Наш новый протекторат, М., 1884, стр. 102.

⁸⁶ Ленский Н. А., указ. произв., стр. 19.

⁸⁷ Niyazi Berkes, указ. произв., стр. 58.

⁸⁸ Журнал «Նոր հոսանք», 1914, № 6, стр. 947.

⁸⁹ Խաճախ, Հարկերը Տաճկահայաստանում, էջ 66.

⁹⁰ Там же, стр. 67. См. также Х. Г. Гулунян. Очерки истории армянской эко-

В статье «Подоплека движения в Эрзеруме» некий Джемил в конце 1906 г. отмечал, что мусульмане, главным образом турки, помимо политического господства, приобрели также экономические позиции, особенно после Сасунской резни 1894—1896 гг. В частности, они стали мюльтезимами, сборщиками ашара, вытесняя христиан, ограбленных в результате этих насилий и, следовательно, не имевших теперь ничего, что могло бы служить материальной гарантией, обязательной для сборщика. Кроме этого «христианин боялся бы объезжать села для сбора налогов... он не мог взимать столько, чтоб после внесения соответствующей доли государству, ему осталась какая-то часть. Требовать от крестьян, особенно у турок, он не посмел бы»⁹¹.

К. Маркс отмечал, что ростовщический капитал, с одной стороны, разоряет богатых земельных собственников, нуждающихся в деньгах, с другой—эксплуатирует и тоже разоряет мелких производителей. При этом в какой-то степени он уничтожает старый способ производства. Этот процесс «зависит всецело от исторической ступени развития и от обусловленных ею обстоятельств»⁹². «При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции»⁹³. Именно такова была роль ростовщичества в Турции в течение многих десятилетий.

Как известно, ростовщический и торговый капитал часто действуют сообща, как двойники, содействуя разорению сельского хозяйства. Вместе с тем в условиях развития капиталистических отношений торговый и ростовщический капитал могут стать предпосылкой нового способа производства. Но чем он сильнее, отмечает В. И. Ленин, «тем слабее развитие промышленного капитала (капиталистического *производства*), и наоборот»⁹⁴. С другой стороны, «самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала в нашей деревне *задерживает* разложение крестьянства»⁹⁵.

Таково диалектическое свойство ростовщического и торгового капитала—предшественника промышленного капитала. Таким об-

---

номической мысли XIX в., М., 1955, стр. 238. Утверждение А. Д. Новичева относительно роли армян в ростовщичестве («Очерки экономики Турции до 1-й мировой войны», стр. 69) нужно, видимо, отнести ко времени, предшествовавшему войне 1877—1878 гг. В «Турецком сборнике» под ред. Бикермана также отмечается, что коран запрещает заниматься мусульманам ростовщичеством и поэтому ростовщиками были христиане. Но на практике это выглядело иначе.

⁹¹ «Երկրի ձախը», 1906, стр. 14.

⁹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 143.

⁹³ Там же, стр. 146.

⁹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 177.

⁹⁵ Там же, стр. 178.

разом, в турецкой деревне рядом с ростовщицким развивался и торговый капитал. Он втягивал в рыночные отношения и крупных, и мелких производителей сельскохозяйственных продуктов. В начале нашего века более двух третей турецкого вывоза составляла продукция, поставляемая мелкими производителями⁹⁶. Товарная продукция зернового хозяйства, садоводства и огородничества постоянно расширялась (вывоз фруктов и овощей в 1910 г. составил 30% экспорта), увеличилась площадь под хлопок, табак, плантации маслин, шелковицы и других технических культур.

Скотоводство являлось важнейшей отраслью сельского хозяйства страны. По статистическим данным, только в Азиатской Турции в начале века насчитывалось 45 млн. овец, 7 млн. коз, 1 млн. ангорских коз и 3 млн. голов крупного рогатого скота⁹⁷. Это означало, что в среднем на каждого жителя страны приходилось до двух голов скота. Однако скотоводство велось почти дедовскими методами, оно было сконцентрировано в горных районах страны, в степях и пустынях Аравии. А вокруг Константинополя, Измира и других крупных городов интенсивное скотоводство только зарождалось. Санджаки Чаталджа и Измит, например, снабжали Константинополь молоком, мацони (йогурт), курами, яйцами, мясом, медом, древесным углем, товарами местного промысла и т. д.⁹⁸. На рубеже двух веков вокруг турецких городов появляется то, что В. И. Ленин назвал «пригородным хозяйством», где мелкий хозяйчик «торгует всем понемногу: ...продуктами своего сельского и дворового хозяйства—хлебом, кормом для скота, молоком, мясом, овощами, ягодами, рыбой, лесом и пр...»⁹⁹. Росло молочное хозяйство и птицеводство. Животноводческие продукты становились все более важным сырьем для местной промышленности и предметом вывоза (в 1910 г. вывоз шерсти составил 10% всего экспорта)¹⁰⁰. Дальнейшее развитие капиталистических отношений было связано с применением агротехники и механизации в отдельных хозяйствах. Это повлекло за собой увеличение товарности сельскохозяйственного производства, его специализацию и усовершенствование.

Необходимость механизации была признана самим правительством. В ноябре 1874 г. специальным ирадэ султана ввоз машин и сельскохозяйственных орудий освобождался от таможенных пошлин (первоначально на 15 лет). В законе было оговорено, что это

⁹⁶ М. В. Кечеджи-Шаповалов, указ. соч., стр. 6.

⁹⁷ «Република», 1907, № 5—6, էջ 113.

⁹⁸ խաճճիւմ. Աշխարհագրութիւն... ..., էջ. 219, 252—253.

⁹⁹ В. И. Ленин, ПСС, т. 3, стр. 306.

¹⁰⁰ М. В. Кечеджи-Шаповалов, указ. соч., стр. 6.

распространяется на «всякого рода машины и орудия, приводимые в действие паром или другой какой-нибудь силой...»¹⁰¹.

Предприимчивые дельцы, воспользовавшись этим, стали ввозить из России, Европы и Америки машины и орудия. Появились даже заведения, торговавшие только сельхозмашинами и инвентарем. Уже к концу XIX столетия из поставщиков этих орудий на первом месте оказались США. Американский консул в Смирне сообщает в своем отчете за 1900 г., что в окрестностях этого города «бросили соху и перешли к новейшим американским плугам. Последних сбывается ныне в Турции до 2000 штук в год. Жатвенные машины дороги, поэтому в год их привозится 300 штук»¹⁰². Американские экспортеры проникли в глубь страны и в 1901 г. создали в Харпите агентство по продаже земледельческих орудий. Внедрению техники значительно препятствовал консерватизм местного населения, которое «чрезвычайно неохотно соглашается менять старые способы обработки полей»¹⁰³. Имели место и такие явления, как поломка машин, порча орудий. И. Лепснус пишет, что после армянского погрома в Адане, в 1909 г., турецкие крестьяне разбили принадлежавшие армянам «сотни паровых молотилок и железных плугов, привезенных из Европы»¹⁰⁴. Но несмотря на все препятствия, новая техника постепенно проникала в сельское хозяйство, особенно в приморских районах. Здесь во всех более или менее крупных хозяйствах считалась выгодной молотильная машина, и «в окрестностях Смирны уже многие помещики ее ввели»¹⁰⁵.

Сельскохозяйственная техника более интенсивно применялась в Аданском вилайете, где на обширных плодородных плантациях «58—60 молотилок в день производили по 850—900 тонн зерна, что ускорило уборку, по сравнению с предыдущими годами, на 3 месяца. Имеется также 500—600 косилок»¹⁰⁶. В Конье, Анкаре, Эрзеруме и ряде других крупных торговых центров продавалось в год много сотен сельскохозяйственных машин и орудий.

Любопытно отметить определенную тягу молодежи к агрономической науке. В десятках сельскохозяйственных школ и училищ обучались сотни молодых людей. Они обучались также в высших сельскохозяйственных учебных заведениях Европы. Однако многие из выпускников этих заведений работали не по специальности. Так, из 58 специалистов, окончивших европейские вузы до 1896 года,

¹⁰¹ АВПР, Новый турецкий стол, д. 3701, л. 11.

¹⁰² «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1901, № 2, стр. 113.

¹⁰³ Там же, 1903, № 17, стр. 148.

¹⁰⁴ *Երևանի Ընթացիկ, Հայաստանի շարժերը, Կ. Պոլիս, 1919, էջ 258:*

¹⁰⁵ А. Руппин, указ. соч., стр. 69.

¹⁰⁶ «Քյարտկէ», 1906, № 19, стр. 453.

только 6 работали в качестве агрономов и 35 из них стали государственными служащими¹⁰⁷.

Обосновывая свои доводы и ссылаясь на примеры представляемого им вилайета (Сивас), депутат турецкого парламента доктор Н. Тагаварян объяснял это явление тем, что заниматься сельским хозяйством было невыгодно. Так, из-за отсутствия хороших дорог и близких рынков продукты на месте продавались в 2—5 раз дешевле, чем в Стамбуле. Это положение усугублялось произволом местных властей, богатеев-эксплуататоров, ростовщиков и купцов. Все это, отмечал Тагаварян, делало нерентабельным помещение капитала в сельское хозяйство, где «можно получить лишь 4%, в то время как в любой другой отрасли капитал, безусловно, в состоянии принести 10% прибыли»¹⁰⁸. Поэтому среди землевладельцев наблюдалась большая тяга к торговле и ростовщичеству, а крестьянин «совершенно равнодушен к своей земле, ибо он знает, что какой бы большой доход она ему ни дала, от этого его собственное положение нисколько не улучшится»¹⁰⁹.

Весьма незначительную роль в создании условий для развития сельского хозяйства играли открытые еще в 1867 г. сельскохозяйственные кассы (менефи сандыклары), предназначенные для кредитования сельскохозяйственного производства. В 1888 г. они объединились, был образован первый национальный банк Турции—*Сельскохозяйственный банк*. Он обслуживал в первую очередь крупных землевладельцев и чиновников. Землевладелец средней руки, состоятельный хозяин также мог получить ссуду, не превышавшую 50% стоимости заложенных земель. Ссуды бывали двух видов: под солидарную ответственность и обеспеченные ипотекой, под заклад. Первая давалась для приобретения семян, инвентаря и т. д. на срок от 3 до 12 месяцев, вторая—сроком от 1 года до 10 или даже 15 лет с годовым шестипроцентным ростом¹¹⁰. На деле этот процент был выше, он доходил до 9% годовых, не считая 0,5% суммы ашара, которая поступала в банк со дня его основания¹¹¹.

Часто по истечении срока заложенные земли продавались с аукциона. А. Руппин подсчитал, что в Сирии, в результате роста ипотечного долга и невозможности его погашения, сельскохозяйственный банк ежегодно прибегал к переводу земельных участков на свое имя или «к продаже с аукциона по отношению к 15—30%

¹⁰⁷ Sof. V. Տաղավարյան, *Երկրագործությունը, անտառաց և հանքաց զարգացումն ու շահագործումը*, Կ. Պոլիս, 1909, էջ 12.

¹⁰⁸ Там же, стр. 12—13.

¹⁰⁹ «Турецкий сборник», стр. 140.

¹¹⁰ См. журн. «Գործ», 1917, № 4, стр. 68; А. Руппин, указ. соч., стр. 99.

¹¹¹ «Գյուղատնտեսի տարեցույց», էջ 206.

ипотечных заемщиков»¹¹². А число последних росло с каждым годом. По официальным данным, в первый год существования банка, в 1889 г., им было выдано под заклад недвижимого имущества ссуды всего на 160 тыс. турецких лир, в 1900 г.—на 2923 тыс., в 1910 г.—на 5435 тыс., а в 1914 г.—на 6123 тыс. лир¹¹³. По тем же данным, чистый доход банка возрос с 77.885 тыс. в 1892 г. до 192.235 тыс. лир в 1910 г. и 211.759 тыс. лир в 1913 г. В годы войны он снизился до 20 млн. лир, а к концу войны, в 1917 г., превысил 454 млн. лир¹¹⁴. Таким образом, к началу первой мировой войны банк оттеснил на второй план мелких деревенских ростовщиков и стал крупным централизованным учреждением, монополизировавшим ипотечный кредит в Турции. В. И. Ленин определял подобную концентрацию капитала как результат развития капитализма в земледелии, характерной чертой которого являлся «*процесс отделения сельского хозяина от земли*». Разъясняя свою мысль, В. И. Ленин писал, что этот процесс «*выражается в двух формах: в арендной системе и в ипотечной задолженности*»¹¹⁵. Далее он отмечал, что все это приводит к росту крупного землевладения, ибо капитал банка или акционерного учреждения направляется «*не в производство, а в покупку земли*»¹¹⁶. Пример деятельности Сельскохозяйственного банка Османской империи также подтверждает, что капитализм уже внедрялся в земледелие, содействуя разложению феодальных порядков.

Если можно говорить об интенсивном развитии сельскохозяйственного производства в Турции под влиянием рыночной конъюнктуры, то это относится к техническим культурам и, в первую очередь, к табаководству. Возделывание табака, как одна из доходных статей сельского хозяйства, стало расширяться с конца XIX в., особенно после передачи в 1888 г. монопольных прав французской табачной компании. Эта компания всеми мерами—материальными поощрениями, уговорами, методами насилия добивалась роста производства. Усиленный вывоз и спрос внутри страны стимулировали расширение площадей под табак и повышение производительности труда в этой области. Это можно проиллюстрировать следующей таблицей¹¹⁷.

¹¹² А. Руппин, указ. соч., стр. 101.

¹¹³ İstatistik yilligi, cilt 7, 1934—1935, s. 448.

¹¹⁴ Там же, стр. 451.

¹¹⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 107, 109.

¹¹⁶ Там же, стр. 140.

¹¹⁷ İstatistik yilligi, cilt 7, 1934—1935, s. 332.

Годы	Производство в кг.	Площадь в денамах	Кол-во работников	Рост производства на одного работника
1884	22.479.950	192.262	140.000	160.46 кг.
1895	31.019.433	438.577	123.575	250.93 "
1905	43.178.058	453.469	132.099	259.73 "
1913	49.048.486	590.092	156.310	313.78 "

Как видим, за тридцать лет площади под табак увеличились в 3 раза и почти в 2 раза повысилась выработка на одного рабочего. Причем число работников возросло всего на 16 с лишним тысяч, а производство—более чем в 2 раза. Решающую роль в этом сыграли улучшение способов производства и усиление эксплуатации крестьян.

После ряда неурожайных лет весьма благоприятным оказался 1899 год. В этом году урожай пшеницы составил 114.961.739 пудов, а валовой сбор ячменя, ржи, овса, проса вместе взятых—84.027.123 пуда¹¹⁸. В 1905 г. картина несколько изменилась: пшеницы было собрано 111.600.000 пудов, других видов зерна—210.800.000 пудов¹¹⁹, т. е. в 2,5 раза больше, чем шесть лет назад. Общий рост продукции сельского хозяйства происходил почти повсеместно. Он отражал главную тенденцию, которая вела к расширению внутреннего рынка, внутренней и внешней торговли. Наряду с основными видами сельскохозяйственных культур, увеличивалось производство фруктов, масличных, пряностей и т. д. Так, по турецким статистическим данным, в Эгейском экономическом районе производство винограда с 36 тыс. тонн в 1904 г. повысилось до 57 тыс. тонн в 1908 г. и 69 тыс. тонн в 1913 г. Показатели производства инжира за те же годы соответственно составили 17.680, 23.100 и 32 тысячи тонн¹²⁰.

Примером быстрого реагирования предприимчивых хозяев на

¹¹⁸ АВПР, Новый турецкий стол, д. 3701, 1901, л. 6.

¹¹⁹ «Турецкий сборник...», стр. 143. Уменьшение посевов и урожая пшеницы можно объяснить также общим ростом ее мирового производства. Так, мировой урожай в 1904 г. составил 400 млн. кварталеров, в 1905 г.—421 млн. кварталеров, а в 1906 г.—437 млн. кварталеров. (См. «Република», 1907, № 36, стр. 1330). В этом сказались влияние мирового рынка на экономику империи, возможность дешевле купить пшеницу извне.

¹²⁰ Увеличение производства и закупки инжира привело к росту пошлины, которая была определена в 1889 г. в 1 р. 20 к. за пуд, позже 1 р. 50 к., в 1890 г. 1 р. 80 к., в 1894 г. 2 р. 34 к., в начале 1900 г.—2 р. 70 к., «а в конце года было надбавлено еще 50%, что составило 4 р. 05 к. с пуда, т. е. вдвое дороже стоимости самого инжира». (АВПР, Посольство в Константинополе, 1909, д. 3036, л. 9).

повышение спроса на внутреннем и международном рынках может служить рост производства кунжута (сезам). Кунжутное масло—пищевой продукт, сырье для парфюмерной и текстильной промышленности, из кунжутных семян получают тахин и другие продукты. В 1885 г. из Турции через порт Мерсин было вывезено всего лишь 212 кг кунжута, в 1896 г.—8339, а через год—12.653 кг. Если в первые годы продавалось кунжута на 80—100 тыс. лир, то через 20 лет эта сумма возросла до 350—400 тыс. лир. «Из 300 видов вывозимых товаров кунжут, по стоимости, занимает 14 место. Хотя нет точных данных об употреблении кунжута внутри страны, можно с уверенностью сказать, что примерно столько же продается на внутреннем рынке»¹²¹.

Значительное влияние на сельское хозяйство и развитие капиталистических отношений в деревне оказывал рост железнодорожных перевозок. Так, например, по железной дороге Хайдар-паша—Анкара в 1893 г. (в год введения в эксплуатацию дороги) было перевезено в Стамбул 51300 т. зерна, а в 1911 г. цифра эта возросла до 262.146 тонн. Другими словами, за 18 лет перевозки увеличились в пять с лишним раз¹²².

С ростом спроса на товарное зерно хлеботорговцы и купцы старались любой ценой укрепить свои позиции в деревне, захватить право откупщиков ашара и других налогов. В Ираке, например, они добивались своей цели с помощью подкупленных старост, «сплошь и рядом принуждая земледельцев уступать им по весьма низкой цене и ашар, и весь остальной урожай»¹²³.

По свидетельству источников, в районе Мосула многие земли принадлежали богатым горожанам, арендаторы которых обязаны были поставлять 1/10 часть урожая с неполивных и до 1/2 урожая с орошаемых участков¹²⁴. Поступавшее таким образом зерно продавалось либо непосредственно самим помещиком, либо через торговца-оптовика. Такая картина наблюдалась и в других районах. Например, крупный землевладелец, купец и предприниматель Хашматян из города Палу, взимал с крестьян села Тепекей «не 50% сбора, а от 60 до 70%, обязывал последних перевозить пшеницу в Палу, а иногда и в Харпут, смотря по тому, куда продан им хлеб данного урожая»¹²⁵. Объектом купли и продажи являлись не только зерно и технические культуры, но и другие продукты. По данным А. Амбаряна, в Западной Армении и смежных областях на

¹²¹ «Репершён», 1906, № 41, т. 2 971—972.

¹²² А. Д. Новичев, указ. соч., стр. 76.

¹²³ АВПР, Новый турецкий стол, д. 7643, 1903, л. 12.

¹²⁴ П. Томилов. Отчет о поездке по Азиатской Турции в 1904 г., стр. 286.

¹²⁵ ЦГВИА, ф. 82, оп. 86, д. 3053, л. 135.

рынок вывозились рис (в Мосул и другие города), фрукты, ягоды и овощи в свежем и сухом виде (с известной специализацией отдельных сортов и видов по районам и мелким поселениям. Например, далеко за пределами Ванского вилайета были известны яблоки села Артамет), хлопок, табак, масличные растения и их семена (лён, конопля, маслины, анис и т. д.). Из Харпутской долины хлопок вывозился в Эрзерум, Сивас, Битлис, Диярбекир и даже в Европу. Внутренний (Константинополь, Алеппо, Бейрут, Дамаск, Смирна, Трапезунд, Урфа и т. д.) и внешний рынок поглощали также большое количество крупного и мелкого рогатого скота и продуктов скотоводства¹²⁶.

В результате развития рыночных отношений происходила специализация сельского хозяйства по крупным экономическим районам и вилайетам, даже по отдельным санджакам. Специализация зависела не только от внешнего рынка, она была вызвана также местными потребностями.

В вилайете Мамурет эль Азиз к началу 90-х годов наблюдалось постепенное вытеснение пшеницы посевами хлопка. В районе Палу, на отдельных плодородных участках долины реки Мурад-чай, до 25% культивируемой земли было занято под хлопковые плантации¹²⁷, причем половина урожая хлопка вывозилась за пределы казы и вилайета (главным образом в соседние вилайеты), остальная часть *обрабатывалась на месте*. Наблюдатели отмечали, что хотя «ткацкое дело ведется исключительно кустарным способом», но оно поставлено «довольно хорошо». В городе Палу и селах насчитывалось до 140 ткацких заведений, дававших сносный заработок 500—700 работникам¹²⁸.

В плодородной долине Мурад-чая важным подспорьем для земледельцев были виноделие, садоводство, обработка опиумного мака, шелководство, пчеловодство, различные ремесла. Р. Бекгулянц, перечисляя особенности, условия быта и развития армянских сел Эрзерумского вилайета, указывает, что «крестьяне здесь не только земледельцы, но и ремесленники, почему они и скорее восстанавливают свое благосостояние»¹²⁹. Сочетание двух видов занятий, как отмечает автор, дает им возможность находиться в постоянной связи с городами и местными рынками, что в свою очередь обеспечивает развитие и ремесла, и земледелия, разумеется, в спокойное, «мирное» время. Можно привести много примеров, показы-

¹²⁶ А. С. Амбарян, указ. соч., стр. 164—171.

¹²⁷ ЦГВИА, ф. 82, д. 3053, л. 137.

¹²⁸ Там же, л. 160. Подчеркнуто нами.

¹²⁹ Р. Бекгулянц, указ. соч., стр. 66.

вающих рост производительности сельского хозяйства и дальнейшую его специализацию даже во внутренних районах.

А. М. Колюбакин отмечает наличие этих процессов еще до Восточной войны. В Мушко-Буланыхской равнине, в районах Чабакчура, Хнуса, Кеги, Терджана, Эрзерума, Эрзинджана, Вана, Харпута и Дерсима армяне, пишет он, «всегда занимались земледелием в больших размерах повсюду, где это было возможно по условиям местности, имели много рогатого скота, а в некоторых частях значительные стада овец, вели и другие отрасли сельского хозяйства—огородничество, садоводство, пчеловодство, виноделие, разводили хлопок и т. п.»

Уровень земледельческого производства Колюбакин связывает с плодородием почвы, склонностями и традициями населения (курды в большинстве скотоводы, турки занимаются скотоводством и земледелием, но лучшие земледельцы—греки и армяне), а также с расположением обрабатываемых площадей. Однако все это, как и хлебопашество, контролировалось «богачами и разными кулаками-посредниками». Самые значительные хозяйства, занимавшиеся садоводством и виноградарством, «принадлежат крупным собственникам туркам-агаларам, армянам-горожанам и кызылбашам, и крестьяне арендуют их. Почти повсеместно в Западной Армении различные подсобные отрасли хозяйства составляют большое подспорье к хлебопашеству. Здесь есть целые села, где население почти совсем не занимается земледелием, живя преимущественно разными ремеслами—ткацким, башмачным, кузнечным и другими»¹³⁰.

Нельзя, конечно, игнорировать влияние экспорта, его положительное и отрицательное значение для развития сельского хозяйства. Но, несомненно, связь с внешним рынком не являлась единственным фактором, воздействовавшим на экономическую жизнь такой огромной и многоукладной страны, как Османская империя.

Поэтому развитие капиталистических отношений, образование слоя буржуазии из землевладельцев-помещиков, связанных с рынком, расслоение крестьянства, выделение кулачества, обезземеливание крестьян и другие явления нужно считать результатом, главным образом, внутренних процессов и особенностей, которыми и было обусловлено состояние сельского хозяйства страны. Явные, как и подспудные, малозаметные процессы подтачивали феодальный уклад. Суад Аксой, исследовавший земельную проблему в Турции, отмечает постепенную трансформацию земельной собственности из феодальной и полуфеодальной в буржуазную в конце

¹³⁰ А. М. Колюбакин. Материалы для военно-статистического обозрения..., т. 1, ч. I, стр. 119, 220.

прошлого столетия¹³¹. Отдельные авторы, основываясь на значительном развитии капиталистического хозяйства, утверждали даже, что эти хозяйства велись по типу американских фермеров и имели товарный характер¹³². Однако на деле это были спорадические явления, которые не могли оказать существенного влияния на сельское хозяйство империи в целом. Высказывались и противоположные точки зрения. «Турция—капиталистическая,—отмечал В. Тотомянц,—только в своих главных городских центрах. Вся же внутренняя часть Малой Азии находится еще в состоянии натурального хозяйства»¹³³.

Медленный прогресс сельского хозяйства империи объяснялся и тем, что в условиях беззакония и произвола значительная часть богатства накапливалась в руках паразитических элементов, составлявших многочисленный слой господствующей верхушки и не заинтересованных в улучшении способа сельскохозяйственного производства.

В Турции были слабы силы, боровшиеся против феодальных порядков. Редкие крестьянские выступления не находили активной поддержки даже со стороны буржуазных слоев. Сама турецкая буржуазия, которая формировалась медленно, была связана с землей либо непосредственно, либо косвенно. Многие ее представители, являясь чиновниками, мюльтезимами, военными, имели свои поместья и плантации, служившие основными источниками богатства. Эти слои не очень были заинтересованы в коренных изменениях. Борьба молодого буржуазного класса носила поверхностный характер, ее целью являлось обогащение и захват земли, что было нетрудно при наличии денег и поддержки властей. Вместе с тем существовавшие земельные отношения серьезно мешали развитию нетурецкой буржуазии, которая более активно и деятельно добивалась изменений существовавших порядков, в частности в сельском хозяйстве.

Анализ земельных отношений показывает, что хотя в стране и существовали отдельные хозяйства типа американских фермеров (главным образом хозяйства немецких и еврейских колонистов), в целом сложившиеся условия вели к утверждению *прусского пути развития в сельском хозяйстве*. Медленное развитие капиталистических отношений, относительная устойчивость феодальных порядков, всемогущество помещиков и властей, забитость крестьян—все это привело к тому, что даже само крестьянство не всегда активно до-

¹³¹ См. *Saad Aksoy*, Türkiye'de toprak meselesi, s. 40—43.

¹³² См. А. Рунин, указ. соч., стр. 79.

¹³³ «Современный мир», 1908, № 10, стр. 17.

бывалось решения аграрного вопроса, хотя последний и стоял на повестке дня.

В угнетенном положении крестьянства, в нерешенности аграрного вопроса и в отсталости сельского хозяйства повинны были в первую очередь господствующие круги и правительство. «Османское государство,—писал Исмаил Хюсрев,—превратилось в жандармское правительство, содействующее эксплуатации крестьян»¹³⁴. Надстройка активно влияла на базис в направлении консервации существовавших отношений. К подобному же выводу пришли многие. Д. Е. Еремеев писал, что на пути перехода к новым формам общественного строя «важнейшим препятствием... была необеспеченность частной собственности из-за произвола султанского правительства и местных пашей»¹³⁵. Турецкая буржуазия и в дальнейшем не желала «пойти на какое-либо ограничение крупного феодального землевладения и проведение земельной реформы, что явилось одной из причин замедленного развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве и сохранения в нем сильных пережитков феодальных и полуфеодальных отношений»¹³⁶.

Решающее влияние на земельные отношения оказывали национальные и религиозные различия. Мусульмане, в первую очередь турки, а также арабы, курды, албанцы, пользовались покровительством властей и закона. Это сыграло большую роль в росте мусульманского землевладения, главным образом за счет крестьянства христианских народов.

«Помещики в Македонии (так называемые *спаги*) — турки и магометане,—писал В. И. Ленин,—крестьяне же—славяне и христиане. Классовое противоречие обостряется поэтому религиозным и национальным»¹³⁷. Это явление было характерно не только для Македонии. Оно было повсеместным, за исключением сугубо мусульманских районов страны. Конечно, имели место случаи, когда и помещики-христиане эксплуатировали мусульманских крестьян. Национальные и религиозные различия, являясь разъединяющими факторами, отрицательно влияли на процесс поляризации крестьянства, мешали сплочению сельских трудящихся разных национальностей на позициях социальной борьбы. Эти факторы неблагоприятно отражались и на экономике страны. В сложившихся условиях носителями буржуазно-прогрессивных отношений среди крестьян зачастую являлись представители христианских народов

¹³⁴ I. Hüseyin, указ. произв., стр. 131.

¹³⁵ Д. Е. Еремеев, Этногенез турок. М., 1971, стр. 176. Подчеркнуто нами.

¹³⁶ Якуб Демир, Халис Окан. Турция: пути развития, «Проблемы мира и социализма», № 5, 1965, стр. 68.

¹³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 186.

(славяне, греки, армяне, халдеи и другие). Наряду с этим в ходе классовой борьбы, особенно в периоды ее активизации, имели место также совместные выступления крестьян-мусульман и христиан против деспотизма властей и феодальной реакции. Этому способствовали постоянно продолжавшиеся акты насильственного захвата крестьянских земель и имущества со стороны помещиков, ростовщиков и чиновников.

По свидетельству одного из источников, во второй половине XIX века в этой борьбе «мирного земледельца с феодалом *настоящее крестьянство из мусульман* (будь то турки или курды) не принимает участия и, наоборот, даже *заинтересовано* в том, чтобы *победа осталась за армянским крестьянством*, ибо она *облегчит* положение и мусульманского крестьянства»¹³⁸.

Таким образом, процесс развития капиталистических отношений охватил и сферу сельского хозяйства Османской империи. Однако рассмотренные выше исторические, социально-экономические и политические факторы главным образом *внутреннего порядка* тормозили развитие этого необратимого процесса. Отдельные приходящие обстоятельства, свойственные господствовавшим порядкам и влияние иностранного капитала усилили отрицательное воздействие указанных факторов.

Прав П. П. Моисеев, который, рассматривая совокупность аграрного вопроса в период после кемалистской революции, отмечает в сельском хозяйстве Турции наличие множества переходных форм в результате чего турецкая деревня «завязла» на длительное время. Он подчеркивает, что «...в зависимости от методов и приемов эксплуатации непосредственного производителя, т. е. от способов реализации прав собственности на землю, можно более или менее четко выделить помещиков старого типа, помещиков, персонафицирующих переходные формы эксплуатации, и помещиков капиталистического толка»¹³⁹.

Естественно, что консервация старых форм в основной отрасли—в сельском хозяйстве задерживала общий прогресс страны, влияла на развитие промышленности и торговли.

РОЛЬ ТОРГОВЛИ, РЕМЕСЕЛ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЭКОНОМИКЕ ИМПЕРИИ

Через территорию Малой Азии, до ее завоевания турками, проходили мировые пути, в течение веков шла оживленная торговля между Западом и Востоком, между Европой и Азией.

¹³⁸ ЦГИАЛ, ф. 408, оп. 77, д. 270, л. 5—6.

¹³⁹ П. П. Моисеев. Аграрный строй современной Турции, стр. 87.

Великие географические открытия несколько уменьшили значение этих путей, а «...падение Константинополя и турецкие завоевания в Передней Азии и на Балканском полуострове в XV веке, почти полностью закрыли торговый путь на Восток через Малую Азию и Сирию»¹⁴⁰.

Эту общепризнанную историческую истину обходят турецкие исследователи. Они, наоборот, утверждают, что «под эгидой рах монгоlica, созданного великими монгольскими императорами в Азии, Анатолия в XIII веке превратилась как бы в столбовую дорогу между Востоком и Западом». Более того, турки будто бы особо заботились об обеспечении торговых путей, а в XVI веке, в целях дальнейшего развития торговли, «делали попытки захватить и присоединить к своим владениям центры производства шелка в северном Иране, а также Ширван и Гилян»¹⁴¹. Хотя эти акции действительно имели место, однако условия в Османской империи были столь неблагоприятны, что торговые караваны избегали путей, проходивших через территорию Турции.

Военно-феодальный строй стал серьезной помехой развитию торговли, и она начала хиреть. Несмотря на это, некоторые крупные города и порты—Константинополь, Измир, Бейрут, Бурса, Александрия, Басра, Багдад, Алеппо, Трапезунд и ряд других оставались значительными торговыми центрами даже в худшие времена «варварского феодализма».

Проникновение капиталистических отношений, некоторый рост производительных сил в XVIII и в начале XIX веков послужили толчком к развитию торговли, увеличению продукции местного производства.

Характерно, что указанные явления происходили почти одновременно с процессом разложения империи. Как отмечал в статье «Турки и прогресс» принц Сабахэддин, «результаты удачных войн, захваченные острою сабли богатства и добыча явились причиной деморализации», обширные территориальные завоевания «имели весьма тяжелые социальные последствия». В то время как покоренные народы занимались «земледельческим, промышленным и торговым трудом, турецкий элемент, будучи завоевателем, покидал свой дом, оставлял свои земли и в качестве военного и служилого люда рассеивался по всему миру, а как общественная сила он рас-

¹⁴⁰ Всемирная история, т. IV, М., 1958, стр. 85.

¹⁴¹ См. Халил Иналджик. «Международные торговые пути и Османская империя» (резюме доклада на V Международном конгрессе экономической истории), М., 1970, стр. 1, 4.

творялся в бескрайней империи»¹⁴². Низкий уровень хозяйственной жизни завоевателей объяснялся и тем, что они вели экстенсивное скотоводство, а земледелие находилось у них на самом низком уровне, велось примитивными методами, удовлетворяло, главным образом, собственные нужды. Как отмечалось, это было также следствием господства государственной собственности на землю.

Развитие хозяйственной жизни империи привело к тому, что в начале прошлого столетия господствующие круги стали проявлять значительный интерес к экономическим вопросам, проявлять заботу о регламентации производства и торговли¹⁴³. Одним из первых шагов был перевод на турецкий язык французских коммерческих законов. Однако они не могли иметь серьезного влияния на ход дел, пока вопросы решались на основе шариата, согласно которому в спорных случаях следовало руководствоваться традициями, установившимися в данном районе. Это учитывалось и при разработке гражданского законодательства. Например, по статье 36 меджелле, обычаи и традиции (урф ва адет) равносильны закону, т. е. если нет специальных законов для данного случая, обычаи вполне могут их заменить во всех областях, в том числе и в торговле¹⁴⁴. Организованное в 1847 г. специальное министерство торговли и земледелия не имело сколько-нибудь заметного влияния на эти отрасли.

Тем не менее после периода танзимата наряду с другими были изданы законы о коммерческих и смешанных судах (1860), создавались местные «коммерческие суды (мехкеме тиджарет) в составе председателя и четырех членов—судей: по два представителя от мусульман и христиан»¹⁴⁵. В 1863 году появился закон о морской торговле. В марте 1874 года правительство объявило об отмене внутренних таможенных пошлин, что было осуществлено лишь в 1900 году¹⁴⁶. Для дальнейшего развития торговли в столице и в вилайетах были организованы торговые палаты. Некоторые из них развернули довольно активную деятельность. В справке «О торговле в Турции и ее торговых установлениях в 1898—1899 гг.», составленной по турецким источникам, А. М. Петряев указывал, что торговые палаты в столице состояли из 24 членов, представлявших

---

¹⁴² Исследование Сабахэддина напечатано в журнале «La Revue». Мы цитируем его по еженедельнику «*Երկրի ձայնը*», 1907, № 10, стр. 4.

¹⁴³ См. журн. «*Փրժ*», 1876, № 1, էջ 382.

¹⁴⁴ См. еженед. «*Բյուրիկն*», 1908, № 19, стр. 584.

¹⁴⁵ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1006, л. 28.

¹⁴⁶ См. Ю. А. Петряев. Новые османы..., стр. 23.

торговые сословия, в вилайетах—из 12, в санджаках—из 8, в казах—из 4 человек¹⁴⁷.

Конечно, многие из указанных законов и учреждений существовали лишь на бумаге, а действительность являла собой другую картину. Расширение торговли шло мучительно и медленно, некоторое оживление наступило лишь во второй половине, точнее—в последней четверти века. Так, город Ван до 60-х годов прошлого столетия имел торговые связи лишь с «соседним городом Битлисом и с Персидским Азербайджаном; европейские товары сюда не доходили, а товары, производимые в Ване, дальше Битлиса не вывозились»¹⁴⁸. В Муше было всего 10—15 лавочек, в которых продавались предметы одежды для горожан и крестьян. Лавочник и не мечтал добраться даже до Эрзерума или Трапезунда, он довольствовался закупками товаров в Битлисе. Так было проще и дешевле. Простыми были и взаимоотношения торговцев, которые «производили расчеты, вручая целое кисе (кошелек в 500 курушей), в случае когда товар покупался или продавался без посредника, ходатая и векселя»¹⁴⁹.

Приведенные примеры относятся только к внутренним районам страны. В то же время Константинополь, Измир, Трапезунд, Бейрут и другие крупные города являлись важными центрами внутренней, внешней и транзитной торговли. В них зародились и почти до середины прошлого столетия существовали ремесленные и торговые цехи. Именно в этих городах сложилась компрадорская буржуазия, разбогатевшая на посреднической торговле, а затем прибравшая к рукам финансовые операции—амира, сарафы, менялы. Оптовая торговля была их монополией. Несколько десятков крупных торговых домов Константинополя (чаще специализированных) снабжали товарами сотни и тысячи купцов средней руки для продажи их мелким торговцам. Как отмечал один из деятелей крупной торговой буржуазии А. Г. Мырмрян, эти купцы в определенный период почти монополизировали «все операции по розничной торговле с мелкими купцами в больших центрах и в провинции». Однако с начала 1880 года крупные торговые дома сами стали прибирать к рукам сделки с розничными торговцами, в результате чего «купцы среднего достатка, прозванные одачи, вынуждены были постепенно уступать свои позиции и наконец исчезли с арены, став жертвами жадности и жажды наживы крупных коммерсантов»¹⁵⁰.

¹⁴⁷ АВРР, «Новый турецкий стол», д. 3701, 1901, л. 9.

¹⁴⁸ «Ширин», 1904, № 8, стр. 20.

¹⁴⁹ «Беркери джиде», 1907, № 27, стр. 12—13.

¹⁵⁰ «Торговцы и их финансовый мир в Турции 1740—1890», стр. 34.

Подобные изменения, по-видимому, были связаны с выгодностью розничной торговли, дававшей более высокую прибыль. Об этом свидетельствуют следующие примеры. Экспортная фирма Ogosdi-Bak, занимавшаяся оптовой и розничной торговлей, в 1899—1914 гг. выплачивала своим пайщикам дивиденды по акциям в среднем от 10 до 14%¹⁵¹. Во внутренних районах (Битлис, Харпут, Хнус, Кеги и т. д.) этот процент был выше. Здесь процент прибыли от торговли «европейскими товарами колеблется между 75 и 100. Чаще большие доходы приносят торговле главные предметы отпуска (вывоза)—овцою и шерстью, (так в тексте—*О. И.*), в большом количестве отправляемых к портам Средиземного моря»¹⁵². У рядовых провинциальных торговцев коммерческая прибыль составляла от 3 до 20%¹⁵³. Постепенный отказ купцов внутренних районов покупать товары только в Константинополе явился еще одной причиной втягивания оптовиков в розничную торговлю. Со столицей стали конкурировать Салоники, Измир, Трапезунд, Самсун. «Купцы Карасу, Айдына, Коньи покупали товары в Измире, торговцы Эрзерума и Эрзинджана обращались в Трапезунд»¹⁵⁴. При исчерпании кредита в этих городах они вновь обращались в Константинополь. По мнению торгового еженедельника «Бюракн», такие явления особенно часто наблюдались к началу XX века, что «определенно указывает на децентрализацию торговли в стране»¹⁵⁵. Правильнее было бы называть эти явления не децентрализацией, а развитием торговли.

Следует сказать, что ускорению оборота торгового капитала мешала существовавшая форма кредита. Оптовики отпускали товар в кредит своим клиентам из Румелии и Анатолии «на срок от 120 до 140 дней, а клиентам из Константинополя и его окрестностей—на 61—91 день»¹⁵⁶. По истечении срока должник являлся к своему оптовику, вносил деньги за проданный товар и брал новую партию. К концу XIX столетия кредит стал основой взаимоотношений между торговцами. Сроки уплаты кредита часто не выдерживались по разным причинам: неблагоприятные условия, болезнь, неудачи или недобросовестность купца. Заметным явлением стали так называемые банкротства многих купцов. Об этом говорят отчеты торговых палат, приговоры судов, пресса и другие источни-

151 А. Руппин. Указ. произв., стр. 167.

152 ЦГВИА, ф. 82, оп. 24, д. 3049, л. 115.

153 См. «Упрб», 1904, № 8, № 22.

154 «Упрб». 1906, № 51—52, № 1203.

155 Там же, 1907, № 5—6, стр. 99.

156 А. Г. Мырман, указ. соч., стр. 59.

ки информации. В докладной записке от 31 июля 1903 г. русский генеральный консул в Константинополе отмечал, что «банкротства» турецких купцов стали частыми. Эти «банкротства и объявления несостоятельности среди местных торговцев практиковались в последнее время как легкое средство наживы и спекуляции. Установлено, что многие турецкие купцы закупают огромное количество товаров в кредит у иностранных коммерсантов, затем быстро перепродают их, приобретают недвижимость, которую переводят на имя своих родственников или знакомых»¹⁵⁷. После этого они давали новые фиктивные обязательства, увеличивали свой пассив. Эти явления подчас принимали значительные размеры, особенно если кредит брался у греческих, армянских или еврейских коммерсантов.

Заинтересованные в расширении своего дела, провинциальные купцы старались сами или через посредников установить тесные контакты со «своими» кредиторами и центрами. Они платили посредникам до 2% стоимости закупаемых товаров. Должники часто не спешили с выполнением своих обязательств. Как отмечал еженедельник «Бюраки», срок фактически тянулся «месяцы и годы, но... кредиторы не теряли надежды и терпеливо ждали дня выплаты»¹⁵⁸.

Состоятельные купцы в провинции (магазачи) также отдавали оптом товар лавочникам. Последние либо обязывались возвратить ссуду через неделю после продажи, либо «выдавали векселя на 31, 61, 91 день. Кредитная сумма не превышала 100—150 лир»¹⁵⁹.

На самой низкой ступени торговой иерархии стояли коробейники (бохчачи), бравшие у лавочников товары в кредит на сумму до 50 лир, сроком на 160—180 дней, под довольно значительные проценты. После торговой операции, приносящей обычно 150—200 лир, им оставалась пятая часть прибыли—30—40 лир. Подобные операции совершались весьма своеобразно. «Весною бохчачи продает крестьянам товар в кредит и осенью собирает долг натурой—исходя из существующих цен, требует шерсть, пшеницу, тифтик (козий пух) и т. д. и все это передает магазачи или лавочнику, забирая новую партию товара»¹⁶⁰. Последние наживались и на продаже этих продуктов, и на процентах, взыскиваемых с бохчачи.

Посредничество являлось выгодным делом и привлекало людей разных профессий. Так, в Эгейском экономическом районе по-

¹⁵⁷ АВПР, Политархив, д. 1638, л. 1.

¹⁵⁸ «Бюраки», 1906, № 8, стр. 172.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же, стр. 173.

средниками, как правило, становились хозяева верблюдов, перевозивших инжир. Забирая у крестьян инжир, они привозили его в Измир. «Продав на фруктовом рынке товар и получив деньги (7 курушей за кантар—56,45 кг), они тут же расплачивались с крестьянами и при этом сами определяли наиболее выгодную для себя цену на инжир, с чем крестьяне вынуждены были соглашаться». В Измире инжир закупали комиссионеры, которые сортировали его и перепродавали купцу-экспортеру. Переходя через многие руки—девечи (хозяйина верблюда), лавочника, комиссионера, экспортера, инжир, естественно, дорожал, увеличивались накладные расходы. Надо было платить «за мешок, за сшивание его краев, за их расшивку, за рабочего, перебрасывавшего мешки, за хранение и т. д.»¹⁶¹. Неудивительно, что торговые посредники быстро становились состоятельными людьми.

Посредническая торговля имела свои направления. Одни посредники по поручению крупных торговых домов и обществ, занимались лишь переброской их товаров. Другие, являясь представителями экспортеров, закупали местные продукты и отправляли их по адресам, третьи организовали ввоз импортных товаров. Например, из 30 крупных купцов Коньи перевозкой занимались торговцы железными изделиями Г. Ашчян, О. Максудян и другие. Закупку и отправку экспортируемых продуктов и сырья производили Алайбейзаде Садык бей, Джиерзаде Хаджи Али Дервиш, Парлакзаде Хаггы Эфенди, Василиаки Лукидис, Серафим Гогониос оглы, Б. Кютенян, С. Меймарян, К. Тирацуян, О. Даниелян, братья Сарафяны, Хаджи Назар Палтаян и др. Принимал, распределял или продавал импортный товар Григор эфенди Кетиджян¹⁶².

Как видим, на рубеже двух веков посредническая торговля приобрела важное значение и ею занимались люди различной национальности и вероисповедания. Несомненно, деятельность такого рода являлась одним из путей формирования торговой, а также компрадорской буржуазии. Следует подчеркнуть, что сравнительно быстрое развитие торговли во второй половине прошлого столетия в крупных городах и центрах шло в основном в направлении дальнейшей ее специализации. К примеру, в Алеппо имелись коммерсанты, занимавшиеся только закужкой и продажей шерсти, только торговлей кожей или коврами, мануфактурой или красками, шелком, галантерейными или скобяными товарами и т. д. Здесь купцы В. Екавов и братья Джиерджяны были известны как коммиссионе-

¹⁶¹ *Nurdogaz Taslan*, Ege'de Kurtuluş Savaşı başlarken, Milliyet, 11. IX. 1970. s. 5.

¹⁶² «*Република*», 1906, № 15, № 359—360.

ры по торговле с Анатолией, Р. Казале—как банкир, занимавший-ся также экспортом и импортом различных товаров. Албер Хомси, Насри Хомси и Ж. Андреа вели только банковские операции, Карл Кох, Шюб и К^о, Золингер и К^о—комиссионные операции и т. д.¹⁶³. Эти крупные дельцы имели своих агентов, комиссионеров и посредников более мелкого масштаба. Такова была общая картина внутренней торговли в азиатской части империи вплоть до первой мировой войны. Из сказанного можно сделать вывод, что начиная с 80-х годов прошлого столетия характерными тенденциями развития торговли, особенно в крупных центрах империи, были общий рост товарооборота и внедрение новых форм организации торговли.

Торговые операции нередко финансировались банками. Некоторые наиболее солидные торговые дома организовывали собственное производство готовой одежды, обуви, предметов первой необходимости. Тем самым рост спроса привел к организации мастерских и фабрик капиталистического типа.

«Развитие купеческого капитала,—отмечает К. Маркс,—составляет один из главных моментов, содействовавших переходу феодального способа производства в капиталистический»¹⁶⁴. Это замечание справедливо и в отношении экономики Турции описываемого периода. Шел процесс образования новых крупных торговых центров страны, создавались большие складские хозяйства, улучшались дороги, делались попытки обеспечить личность купца и его собственность, расширялась сеть торгово-кредитных учреждений и банков, торговый капитал концентрировался в руках крупных купеческих домов, акционерных обществ и других коммерческих объединений. На рубеже двух веков в империи имелось довольно много городов, в том числе 8 с населением от 100 тыс. до 1 млн. и более человек, 15—от 50 до 100 тыс. и около 120 городов, в которых проживало 10 тыс. и более человек¹⁶⁵ (см. таблицу).

Города империи множеством торговых, хозяйственных, административных, политических и культурных нитей были связаны с менее значительными населенными пунктами, что явилось важным условием для образования внутреннего рынка в громадной стране.

Процесс формирования внутреннего рынка, по определению В. И. Ленина, связан с ростом торгового земледелия и имеет ряд признаков. Это—специализация, которая «вызывает обмен между различными земледельческими районами, между различными зем-

¹⁶³ Там же, стр. 381—382.

¹⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 1, стр. 365.

¹⁶⁵ См. *Annuaire Oriental Commerce, Industrie, Administration, Magistature de L'Empire Ottoman*, 1912, Constantinople, p. 40—48.

Рост населения некоторых городов Османской империи

(по данным энциклопедий, отдельных справочников и *Annuaire Oriental* за 1912 г.)

	В р е м я		
	Середина XIX века	Конец XIX века	Канун I-й мировой войны
Константинополь с пригородами	1033.885	1200.000	2500.000
Измир	210.000	250.000	400.000
Адрианополь	70.000	80.000	110.000
Салоники	более 100.000	120.000	130.000
Бейрут	66.000	80.000	120.000
Дамаск	150.000	150.000	155.000
Багдад	120.000	145.000	120.000
Иерусалим	более 41.000	55.000	60.000
Айдын	ок. 35.000	36.250	45.000
Адана	ок. 30.000	33.000	42.000
Кайсери	ок. 50.000	50.000	60.000
Урфа	ок. 50.000	55.000	55.000
Ангора	ок. 40.000	35.000	38.000
Трапезунд	35.000	45.000	56.000
Эрзерум	57.000	ок. 39.000	60.000
Эрзинджан	30.000	23.000	23.000
Ван	45.000	27.000	38.000
Диярбекир	35.000	35.000	43.000
Битлис	25.600	28.890	40.000
Мараш	—	15.000	25.000

ледельческими хозяйствами, между различными земледельческими продуктами». Другим признаком является рост «спроса сельского населения на продукты обрабатывающей промышленности», третьим—рост спроса «на средства производства», на новые сельскохозяйственные машины и орудия. «Наконец, в-четвертых, создается спрос на рабочую силу», т. е. рост хозяйства делает необходимым использование труда «батраков и поденщиков»¹⁶⁶. Развивая положения К. Маркса по данному вопросу, В. И. Ленин рассматривал эти исторические явления в аспекте классового расслоения сельского населения, «Разложения крестьянства на буржуазию и пролетариат»¹⁶⁷.

¹⁶⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 309—310.

¹⁶⁷ Там же, т. 1, стр. 256.

Как отмечалось выше, в Османской империи происходила специализация сельского хозяйства и, начиная с 1880-х годов, уже имелись районы преимущественно зерновые, хлопководческие, табаководческие, скотоводческие, фруктовых и огородных культур и т. д. На этой основе развивались капиталистические отношения и появлялись местные рынки, возникали и расширялись своего рода зональные рынки, что в свою очередь, содействовало росту производства товаров, внедрению новой техники и орудий производства, увеличению спроса на рабочую силу. Разумеется, это прежде всего относилось к крупным торгово-промышленным центрам и городам. Но к началу XX столетия даже небольшие города и крупные деревни стали производить товары, которые вывозились на рынки других районов. Между ними установились довольно тесные торговые связи. В итоге торговля достигала такого уровня, когда происходило новое разделение производства между отдельными городами, в каждом из которых преобладает своя особая отрасль промышленности¹⁶⁸.

Балыксир, небольшой город в округе Карасу, имевший всего 13 тысяч жителей, наладил производство грубошерстной материи (аба) для верхней одежды. Ее покупали не только соседние районы, абу вывозили в большом количестве купцы из Бурсы, Дарданелл, Родосто, Измира и других мест¹⁶⁹.

Харпут получал платяную материю (мануса) из Айнтаба и Диярбекира, шелковые ткани—из Диярбекира и Алеппо, покрывало (язма) для женщин—из Токата, Малатин и т. д.¹⁷⁰

Сивас производил в год 60 тысяч пар шерстяных чулок, которые вывозились в Алеппо, Диярбекир, Айнтаб¹⁷¹.

Сырую и обработанную кожу из Алеппо привозили в Диярбекир, Муш, Урфу, Малатию, Палу, Арабкир, Северк, Гюмуш-Маден и ряд других санджаков¹⁷².

Продукция прядильных предприятий Мерзифона вывозилась в вилайеты Анкара, Худавендикяр, Конья и в некоторые соседние санджаки¹⁷³.

Аналогичных примеров можно привести много. Эти все более расширявшиеся торговые связи явились прямым результатом роста производства потребительских товаров, дальнейшего развития производительных сил и капиталистических отношений вглубь.

168 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 53.

169 *«В. пр. ш. б.», 1907, № 3—4, стр. 88.*

170 Там же, № 25, стр. 612.

171 Там же, № 26, стр. 1035.

172 Там же, № 39, стр. 1431.

173 Там же, 1908, № 8, стр. 229.

В. И. Ленин писал: «каждый шаг вперед земледельческого капитализма означает *рост* внутреннего рынка, который по теории Маркса, именно земледельческим капитализмом и создается...»¹⁷⁴. Это имело место и в Турции. Однако процесс формирования внутреннего рынка происходил здесь весьма неравномерно, хотя и охватил все вилайеты страны.

Важную роль в образовании рынка сыграли многочисленные ярмарки, проводившиеся в ряде областей. Так, в четырех соседних вилайетах—Кастамону, Сивас, Трапезунд, Анкара—к началу XX века существовало более 10 чередовавшихся по времени ярмарок¹⁷⁵. На них съезжались главным образом оптовики, которые в случае неудачи на одной из ярмарок, переезжали на другую. Наблюдалась тенденция стабилизации заказов и закула оптом, устанавливались и расширялись контакты с отдельными компаниями и торговыми домами, что избавляло торговцев от лишних забот и транспортных расходов.

Торговые компании шли навстречу этому стремлению. Они стали систематически направлять своих агентов для заключения сделок, налаживания связей, поисков новой клиентуры и т. д. Коммивояжеры отправлялись в «свои» провинции на длительное время, порой на год. Стабильность коммерческих связей обеспечивала и создание отделений торговых домов по основным видам специализированной торговли. Например, в конце XIX века торговый дом братьев Ибраносян в Константинополе имел свои отделения в Трапезунде, Самсуне, Сивасе, Мерзифоне, Чоруме, Йозгате, Амасье, Токате, Зиле и других местах¹⁷⁶. Через эти отделения он развернул обширную торговлю мануфактурой и другими товарами, приобрел солидную клиентуру во всех провинциях Азиатской Турции. Конкурентная борьба за влияние в провинции шла между Константинополем и Смирной, Александреттой и Бейрутом и другими торговыми центрами. Агенты торговых предприятий Смирны отправлялись в Конью, Анталию, Мерсин, Адану, на все острова Средиземного моря. Они специализировались по отдельным видам торговли и по районам, знали местный спрос, людей, методы торговли, сезонные потребности, вкусы и т. п. Им было дано право взыскивать недоимки и долги¹⁷⁷.

На Балканах и в европейской части империи, торговля находилась на более высоком уровне. Здесь сказывалось непосредствен-

¹⁷⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 490.

¹⁷⁵ См. «*Нюмраһы*», 1906, №№ 35, 39, 42, 44.

¹⁷⁶ *Գրականության և արվեստի թանգարանի արխիվ*, Տ. Բ. Ազատյանի, րաժ 3, № 83:

¹⁷⁷ См. «*Нюмраһы*», 1907, № 38, стр. 1400—1403.

ное влияние более передовых форм и методов организации торговли европейских стран. Кроме того, все более растущая автономия создавала возможности для быстрого развития торговли, избавляла ее от произвола и разбоя, царивших в остальной части империи. Правда, это не относилось в равной мере ко всем частям региона. Как правильно отмечает известный болгарский автор Д. Косев (хотя и переоценивает влияние внешней торговли на экономическую жизнь указанного региона), «Греция, Сербия и Румыния оказались в более благоприятных условиях, чем Болгария». Последняя в первой половине XIX века была «внутренней провинцией Турции», поэтому первоначальное накопление капитала и развитие капиталистических отношений здесь «началось позже и совершалось медленнее»¹⁷⁸. Но после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и в Болгарии ускорилось развитие этих отношений, торговли и промышленности, ибо с уходом турецкого феодального класса с освобожденных территорий «на первое место вышли болгарская буржуазия и буржуазная интеллигенция, сформировавшиеся в условиях феодального режима»¹⁷⁹. Последнее обстоятельство имело свое тормозящее влияние, и феодальные пережитки долго еще давали себя чувствовать. Роже Портал отмечает и другое явление подобного рода. После освобождения Болгарии многие городские жители-турки уехали, «города болгаризировались», вдоль железных дорог и шоссе возникли новые города, но все они были небольшими. Начиная с 1885 года, в течение почти 50 лет «пропорция городского населения (20% из 100) не изменилась»¹⁸⁰.

Товаро-денежные отношения проникали во все поры хозяйства страны, они сказывались в постепенном росте посевных площадей и урожаев, особенно товарной их части.

Примечательно, что в торговые связи вовлекались также приграничные районы Турции и соседних государств.

В своем исследовании о Западной Армении (1876 г.) Я. Малама отмечал: «Эрзерум служит центром кожевенной торговли, куда привозятся невыделанные кожи с Кавказа александропольскими и частью ахалцихскими армянами и где небольшая часть их распродается на месте, а большая покупается купцами, приезжающими

¹⁷⁸ Д. Косев. «Къем изаснявана на някой проблеми от историята на България през XVIII и началото на XIX в.», «Исторически преглед», 1956, № 3, стр. 30—31.

¹⁷⁹ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Сб. док., т. III, 1878—1879 гг., М., 1967, стр. 9.

¹⁸⁰ Roger Portal, *Les Slaves, Peuples et nations*, Paris, 1965, p. 368.

ми из Диярбекира и Харлута»¹⁸¹. Кожевенное сырье и шерсть накапливали здесь для пересылки через Трапезунд в Европу.

В одном из номеров журнала «Аракс» указывалось, что состоятельные курды и беки приобретали «весной годовалых овец за 10—15 курушей (80 коп.—1 р. 20 коп.). В течение года их пасли на жирных пастбищах, затем везли в город и продавали каждую овцу по 80—100 курушей (6—8 рублей) скототорговцам из Алеппо»¹⁸².

Немецкий путешественник Эдмонд Науман также отмечал, что в Эрзеруме процветала оптовая торговля овцами. Скот у курдов приобретали кушцы-перекушчики, которые, в свою очередь, перепродавали его крупным скототорговцам. Последние составляли отары из десятков тысяч овец и отправляли их через Трапезунд, Самсун, Алеппо, иногда через Яффу в Европу или Египет¹⁸³. Нередко эти перегоны длились до трех месяцев, и в пути скот терял до 14% живого веса.

В сообщении из Вана отмечалось, что торговлю скотом здесь вели местные купцы-турки, у которых его покупали «богачи-таджиры (торговцы) из Алеппо. Это наиболее выгодная область торговли, дающая в год тысячи лир прибыли»¹⁸⁴.

При экстенсивном сельском хозяйстве убытки в неурожайные годы были особенно велики, в частности сильно оскудевали запасы кормов. В такие времена скот продавался в большом количестве. Сказанное можно иллюстрировать на примере 1896—1897 годов, когда из-за нехватки кормов цены на скот упали в 2—5 раз, и овца, в обычное время стоившая 40—50 пиастров (курушей), продавались всего за 10—12 пиастров. В свою очередь это привело к вздорожанию молочных и других основных сельскохозяйственных продуктов, «цены на которые увеличились почти вдвое против цен, существовавших в 1896 году»¹⁸⁵.

В такие периоды обогащались скупщики-посредники. В то же время на этой нездоровой основе росла торговля продуктами скотоводства, в особенности шерстью и кожами. Так, в 1905—1906 гг. экспорт шерсти составил 13.083.240 кг на общую сумму 50.053.566 курушей¹⁸⁶, в 1910 году сбыт шерсти за границей дал 131 млн. ку-

¹⁸¹ ЦГВИА, ф. 450, д. 107, л. 45—46.

¹⁸² «Արար», 1889, գիրք Ա, էջ 12.

¹⁸³ Ա. Նանովի, Էրզրում, Քիչիս, 1896, էջ 30.

¹⁸⁴ «Քյուրախն», 1906, № 44, էջ 1050.

¹⁸⁵ «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1899, № 33, стр. 263.

¹⁸⁶ «Քյուրախն», 1906, № 44, էջ 1050.

рушей¹⁸⁷. В эти годы было вывезено кож соответственно на 60 с лишним и 77 млн. курушей.

На развитие торговли серьезное влияние оказывали и такие факторы, как состояние внутренних дорог и их безопасность. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что уровень внутренней торговли зависит «от существующих средств сообщения, от обусловленного политическими отношениями состояния общественной безопасности на дорогах (как известно, в течение всего средневековья купцы передвигались вооруженными караванами) и от обусловленного соответствующей ступенью культуры большего или меньшего развития потребностей, имеющих место в доступных сношениям областях»¹⁸⁸.

Пока колесный и гужевой транспорт были основным видом передвижения внутри Турции, о благоустроенных дорогах не думали ни в столице, ни на местах. По имевшимся проселочным дорогам перевозки совершались, главным образом, в летние месяцы и в сухую пору весны и осени. В сезон дождей и зимой многие дороги совершенно не функционировали. Как отмечали очевидцы, в такие периоды трудно было передвигаться даже в иных городах. В конце 1858 года в одном из своих «Писем из Турции» П. А. Чихачев указывал, что в состоянии путей сообщения, он «не обнаружил здесь каких-либо изменений, проехав, как и 20 лет назад, верхом на лошади по обширным необработанным, диким и малонаселенным районам страны. Как и прежде, здесь нет никаких дорог, не наблюдается даже стремление прорыть судоходный канал»¹⁸⁹.

Поражение Турции в войне 1877—1878 гг. заставило правящие круги сделать определенные выводы, и вскоре, в 1881 году, началось строительство шоссейных дорог. Они строились довольно ускоренными темпами, но недоброкачественно. Плохо была проложена даже такая важная дорога, как Трапезунд—Эрзерум—Ван. Длина участка Эрзерум—Ван составила около 400 верст, и в сухую погоду его можно было пройти за 8 дней. Однако нагруженные вьючные животные покрывали этот путь летом «за 13 дней, а весной—даже за 18. Причиной таких задержек бывало порою отсутствие погонщиков, из-за чего товары купцов часто лежали неделями в каком-либо городке»¹⁹⁰.

В донесении американского консула в Харпите за 1902 г. о состоянии торговли в Азиатской Турции отмечалось удорожание

¹⁸⁷ Кечеджи-Шапалов, указ. соч., стр. 8.

¹⁸⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 52—53.

¹⁸⁹ П. А. Чихачев, указ. соч., стр. 116.

¹⁹⁰ «Ирши», 1889, члрр II, тз 7.

товаров вследствие дальности перевозок и плохих дорог. Особенно неблагоприятными были условия зимою и ранней весной, когда «дороги покрывались грязью, а горы снегом», и перевозка товаров на телегах была затруднена. Их переброска обходилась дешевле весною и ранним летом, когда по краям дорог в изобилии росла трава и расходы на корм скота сводились к минимуму¹⁹¹. В одной газетной информации за 1909 г. сообщалось, что из Трапезунда до берегов Ванского озера при самых благоприятных условиях можно было добраться за 15—17 дней. Однако дальше «из Адилджеваза до Вана, товары приходилось перебрасывать на дедовских суденышках»¹⁹².

Протяженность вымощенных камнем дорог в стране к концу 80-х годов превысила 10 тысяч километров. В следующие 20 лет было построено еще около 12 тысяч километров. Таким образом накануне первой мировой войны общая длина шоссейных дорог составила более 22 тысяч километров¹⁹³. Приведенные цифры отражают определенное улучшение условий торговли в империи. Однако дороги по-прежнему были далеко небезопасными, особенно во внутренних районах империи. Даже в начале XX столетия караваны купцов все еще должны были иметь вооруженную охрану. Вооружались сами купцы или они нанимали охрану. Бывало также, что хозяин каравана просто входил в соглашение с курдскими разбойниками и, уплатив известный выкуп, получал «пропуск или даже охрану от нападений других курдских аширетов»¹⁹⁴. Такое положение вполне отвечало желаниям местных властей. Они сами были непрочь поживиться за счет ограбления караванов или же получить определенную мзду «за обеспечение безопасности торговли». Несмотря на все эти трудности значительные выгоды от торговых операций, связанные с ростом производства, заставляли торговцев преодолевать опасности, расширять торговлю и районы своей коммерческой деятельности.

В рассматриваемый период продолжала развиваться также транзитная торговля. Издавна была известна дорога, по которой шли товары из Турции в Иран. Она начиналась в Трапезунде, проходила через Эрзерум и ряд других городов и кончалась в Тавризе.

Ф. Энгельс отмечал, что «главными центрами караванной торговли с внутренней Азией, с долинами Тигра и Евфрата, с Персией

¹⁹¹ См. «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1903, № 17, стр. 148.

¹⁹² «Ушак», т. IX, 1909.

¹⁹³ խաբըշահ, Աշխարհագրութիւն..., էջ 165.

¹⁹⁴ П. Томилов, Отчет о поездке по Азиатской Турции в 1904 г., стр. 192.

и Туркестаном» являлись Константинополь и Трапезунд¹⁹⁵. С ростом международной торговли на этих путях скрещивались интересы великих держав. Торговля Трапезунда становилась «серьезной политической проблемой», являлась «источником новых столкновений интересов России и Англии во внутренней Азии»¹⁹⁶. Об этом речь пойдет дальше. Здесь же необходимо отметить важное экономическое значение транзитных торговых путей для такой отсталой страны, как Османская империя. Говоря о торговле с Персией через Константинополь, Трапезунд и Эрзерум, П. А. Чихачев отмечал, что этим путем вывозились продовольственные и промышленные товары, медикаменты и т. д. Он считал, что «транзитная торговля для Эрзерума—жизненно важный вопрос, и ее потеря была бы для Османской империи серьезной катастрофой»¹⁹⁷. Конечно, известный ученый и путешественник несколько преувеличивал последствия нарушения транзитной торговли. Однако он был прав в том, что экономический импульс многих районов, расположенных на транзитных путях, во многом зависел от торговли. Корреспондент константинопольской армянской газеты «Бюзандион», подробно описывая торговый караванный путь Трапезунд—Тавриз, подчеркивал, что находившиеся на этом пути населенные пункты, будь это деревушка, большое село или поселок городского типа, являлись местами остановок караванов и благодаря этому процветали, расширяли свои границы. Некоторые же поселения возникали на месте стоянок торговых караванов. «Каракилисе и Диадин были просто поселками сельского типа, а теперь (в конце 1890-х годов—И. О.) стали городами». Характерно, что центр Алашкертской долины Топрак-кале, оставаясь в стороне от этого пути, захирел. «Во всех поселениях, расположенных по этой дороге, все продается и покупается, и не только пищевые припасы и корм для скота, но даже оставленные животными нечистоты, которые превращаются в князья и используются в качестве топлива»¹⁹⁸. Важность транзитной торговли для этих мест станет яснее, если принять во внимание, что проходившие караваны состояли «из 300—500, порою 800—1000 или даже 1500 навьюченных животных»¹⁹⁹. Такие караваны путь от Трапезунда до Тавриза проходили в течение 30 дней. Дорога была разбита на три примерно равные десятидневные отрезка: до Эрзерума, оттуда до ДIZE у персидской границы и от ДIZE до Тавриза. В месяц на Тавриз шло около трех караванов по 1500

¹⁹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 12.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ П. А. Чихачев, указ. произв., стр. 102—103.

¹⁹⁸ «Византизм», 9. XII. 1896.

¹⁹⁹ Там же, 7.XII, 1896 г.

верблюдов. Понятно, что в зимние месяцы не было оживленного движения, оно имело место в теплое и сухое время, в течение 6—8 месяцев в году²⁰⁰. Каждые 5—6 дней через данный населенный пункт только в одну сторону проходили 2—3 больших каравана. Тем же путем они возвращались обратно, нагруженные коврами, другими изделиями персидского производства, сухими фруктами (изюм, миндаль, сливы, фисташки, финики). Из Ирана сухофрукты вывозились главным образом в Турцию (66%), а оттуда они переправлялись в другие страны²⁰¹.

В этих условиях получали прибыль не только сами купцы, но и все те, кто принимал участие в торговле. В частности, большую выгоду имели владельцы верблюдов, которые обычно отправляли с караванами своих слуг-погонщиков. Их прибыль исчислялась, исходя из расчета 600—800 курушей с одного кара-кantara (230 кг.), что составляло обычную поклажу каждого верблюда. Деньги, за вычетом путевых расходов, передавались хозяевам, которые сами учиняли расчет с погонщиками. Таким образом, хозяева верблюдов занимались своим делом, оставаясь в Тавризе, Хое, Урмии, Салмасте и других городах. Некоторые из них имели до 1000—1500 верблюдов²⁰².

Товары перевозились также «на арбах, запряженных волами и буйволами, в сопровождении вооруженной охраны»²⁰³. На товарах, отправлявшихся из европейских стран, на французском языке всегда обозначалось название головного пункта транзитной торговли—«Трапезунд». Транзитной торговлей в Трапезунде занималось около четырех десятков коммерсантов, которые часто выполняли также функции представителя различных иностранных торговых домов и акционерных обществ.

Не менее оживленную транзитную торговлю вели Константинополь, Измир, Александретта, Мерсин, Синоп, Самсун и многие другие приморские города и торговые центры (Алеппо, Анкара, Айнтаб, Конья, Дамаск и т. д.). Даже в небольших городах она велась в столь значительных масштабах, что А. М. Колюбакин в своем «Военно-статистическом обозрении Азиатской Турции» отмечает, что в конце 1880-х годов Харпут со своим 20-тысячным населением играл большую роль в торговле «всей северо-восточной части Азиатской Турции, имея почти одинаковое значение с Эрзе-

²⁰⁰ «Република», 1907, № 5—6, էջ 137.

²⁰¹ См. А. Хацаб, Экономическое положение современной Персии и ее торговля с прочими странами, «Мир ислама», 1912, т. I, № 2, стр. 178.

²⁰² «Република», 9. XII. 1896.

²⁰³ «Արք», 1899, № 5, էջ 732.

румом и далеко оставляя за собой Ван и даже Битлис. В Харпуте и Мазре насчитываются до 200 более крупных фирм и до 400 мелких. Первые ведут всю оптовую торговлю как по привозу, так и, в особенности, по вывозу, а вторые занимаются розничной торговлей»²⁰⁴.

Для такой морской державы, как Османская империя, в экономических связях между отдельными районами страны и с другими государствами особое значение приобрел торговый флот. Непосредственно после войны 1877—1878 гг. она располагала 300 парусными судами и вместе с Египтом имела 33 парохота, занимая 15-е место в мире. Этот флот был сильно устаревшим. Даже сравнение с такой небольшой европейской страной, как Бельгия, имевшей 25 парохотов с гораздо большим тоннажем (35461 тонна), было не в пользу Турции (гонлаж 33-х турецко-египетских парохотов составлял 30467 тонн)²⁰⁵. За последующие тридцать лет турецкий флот увеличился. Число парусных судов достигло 879 при общем тоннаже 178262 т, а число парохотов — 104 (63210 т). Общая грузоподъемность 983 судов составила 241.472 тонны²⁰⁶. В другой работе приводятся несколько завышенные данные на тот же период: парохотов—110 (водоизмещение в 69440 т.), парусных судов—936 (202609 т)²⁰⁷. Однако эти расхождения незначительны.

При сравнении вышеприведенных показателей становится очевидным, что торговый флот Турции вырос не за счет увеличения мощности или водоизмещения кораблей, а в результате увеличения их общего количества. Это объясняется ростом числа судовладельцев, которыми часто становились коммерсанты, имевшие связи с заморскими странами. По принципу «пусть плохое, но свое» создавались общества турецкоподданных торговцев-экспортеров. Последние были заинтересованы в использовании всех возможностей для расширения торговли. Поэтому за 10—15 лет до первой мировой войны, наряду с крупными, в число действующих портов были включены и такие небольшие приморские города, как Орду, Уние, Гелиполу и другие. В целом империя располагала 24 большими и малыми портами на Средиземном море, 9—в проливах и на Мра-

204 ЦГВИА, ф. 82, оп. 86, д. 3053, стр. 452.

205 «Решиди-наме», 1878, т. 36, ст. 189.

206 Кечеджи-Шаповалов, указ. соч., стр. 15.

207 Ишак-паша. Улуслар-наме, ст. 200. По Б. Даркоту водоизмещение военного торгового флота составляло всего 110 тыс. т. (см. его «География Турции», М., 1959, стр. 160). В исследовании А. Д. Новичева, со ссылкой на немецкий источник, приводятся несколько преувеличенные данные, но в целом и они не меняют общей картины—растет количество судов, уменьшается их тоннаж (см. Очерки экономики Турции до мировой войны, стр. 168).

морном море и 10—в Черном. Порты на Красном море и в Персидском заливе не имели особого значения для собственно имперской торговли²⁰⁸. Росло также каботажное судоходство, которым пользовались местные торговцы. С увеличением судооборота расширилось и обслуживание заходящих в порты кораблей и их экипажей.

«В Стамбуле из немусульманских элементов образовалась целая прослойка, которая разбогатела благодаря ведению лоцманской службы, морской торговли продовольственными товарами, продажи питьевой воды и угля. Приобретенные капиталы она вкладывала, главным образом, в строительство»²⁰⁹.

Лоцманскую службу, как правило, выполняли греческие моряки, а потребность в продовольствии, в топливе, как и другие нужды удовлетворялись греческими купцами и предпринимателями.

Несомненно, оживление деятельности портов и увеличение судоходства влияли на рост торговли и укрепление позиций местной буржуазии. Морская торговля при активном участии иностранного капитала росла из года в год. Так, например, в 1900 г. стамбульский порт посетил 14.391 корабль водоизмещением 10.485.222 тонн. В последующие годы имел место неуклонный рост этих показателей:

1906 г.—15.877 кораблей	18.684.547 тонн
1909 г.—17.792 »	16.214.974 »
1910 г.—20.297 »	19.176.398 »
1913 г.—18.496 »	17.427.732 » ²¹⁰ .

Общая тенденция расширения судоходства характерна и для других портов империи. Возьмем для примера два следующих за Константинополем важнейших порта—Измир и Трапезунд.

Общее число судов, посетивших Измир:

1909 г.— 6.076	2.835.011 тонн
1910 г.— 6.096	2.884.223 »
1911 г.— 1.885	2.331.518 » (без парусн. судов).

Общее число судов, посетивших Трапезунд:

1906 г.—15.902	1.343.210 тонн
1909 г.— 8.267	809.561 »
1910 г.— 6.940	777.642 »
1911 г.— 7.362	1.213.134 » ²¹¹ .

²⁰⁸ *İstanbul'un, Uzunçarşılı'nın, t. 2 201—204.*

²⁰⁹ *Hüseyin Avni, Bir yarım müstemleke oluş tarihi, s. 58.*

²¹⁰ Там же, стр. 56.

²¹¹ *А. Д. Нозичев, указ. произв., стр. 281.*

Турецкие порты становились центрами сосредоточения товаров, сырья, сельскохозяйственных продуктов, предназначенных для транспортировки за рубеж или в другие пункты империи. Это явилось значительным стимулом для роста товаро-денежных отношений и для развития буржуазии.

Более значительным фактором экономического развития было железнодорожное строительство. Оно началось в 1856 году и осуществлялось иностранными компаниями медленными темпами. В 1880 году было опубликовано правительственное заявление, в котором в высокопарных выражениях говорилось о намерении правительства вывести страну из затруднительного положения, развивать «свои источники, увеличить свои богатства и усилить доходы, словом, чтобы она могла вновь приобрести прежнее могущество и престиж»²¹². Иностранцам концессии давались первоначально на строительство небольших отрезков. «Эти короткие линии были продолжением английских и французских паровых линий на территории Турции. Основной целью постройки этих линий было обеспечение проникновения английских и французских товаров в турецкую приморскую полосу и вывоз турецкого сырья»²¹³. Строительство железных дорог тянулось годами. Обеспеченные километрами гарантиями, иностранцы не спешили с его завершением. За 62 года (1856—1918) на территориях, входивших в пределы современной Турции, было построено всего около 4100 км. железных дорог²¹⁴. В среднем в год строилось до 50 км²¹⁵. К 1911 году картина распределения железных дорог в Османской империи была такова²¹⁶:

	Всего км.	На 100 км.	На 10 тыс. жителей
Европейская Турция	1683	2,5 км	3,5 км
Малая Азия	3857	0,57	3,2
Сирия	682	0,91	6,8

²¹² Вестник финансов, промышленности и торговли, 1896, № 8, стр. 419.

²¹³ А. Х. Сафрастьян. Размещение и развитие железных дорог Турции (рукопись диссертации), 1948, стр. 29.

²¹⁴ См. Б. Даркот, указ. произв., стр. 155; А. Новичев, указ. произв., стр. 132.

²¹⁵ А. Х. Сафрастьян, указ. произв., стр. 108.

²¹⁶ В. К. Лисенко. Ближний Восток как рынок сбыта русских товаров. СПб., 1913, стр. 63; А. Х. Сафрастьян, указ. произв., стр. 95.

Как видно из таблицы, дороги были проложены главным образом в Европейской Турции, в западных районах Малой Азии и на побережье страны, т. е. на территориях, наиболее развитых в экономическом отношении.

Вступление капиталистического мира в эпоху империализма привело к ускорению освоения поделенных земель. В этом процессе одним из самых показательных явлений было повсеместное оживление железнодорожного строительства. В условиях обострения конкурентной борьбы между великими державами медленные темпы строительства могли привести к потере концессий, рынков и сфер влияния. По данным, приведенным В. И. Лениным, с 1890 по 1913 год протяженность железных дорог в Европе увеличилась на 122 тыс. км., в США—на 143 тыс., в колониях—на 128 тыс., в самостоятельных и полусамостоятельных государствах Азии и Америки—на 94 тыс. км. В последних двух группах стран, вместе взятых, было построено 222 тыс. км. Отсюда Ленин делает вывод: «Быстрее всего развитие железных дорог шло, следовательно, в колониях и в самостоятельных (и полусамостоятельных) государствах Азии и Америки»²¹⁷.

О развитии железнодорожного строительства В. И. Ленин более подробно говорит в «Тетрадах по империализму»²¹⁸. В них приводятся итоговые показатели по странам и континентам. По длине железных дорог среди азиатских стран первое место занимала Индия (за указанные годы соответственно 27 тыс. и 55.761 км.), хотя здесь протяженность выросла всего в 2 с лишним раза. За эти же годы в Китае она выросла почти в 50 раз (200 и 9.854 км.), а в Малой Азии—около 7 раз (800 и 5468 км.). Эти данные наглядно демонстрируют направленность политики империалистических держав накануне первой мировой войны. В центре внимания Англии находились Индия и Дальний Восток. Но она отнюдь не упускала из виду и Малую Азию. В то же время французский империализм проявлял большую активность на территориях Османской империи.

Кажущееся противоречие—медленные темпы строительства и общий быстрый рост железных дорог в Азии—объяснялось политическими и экономическими интересами держав. К. Маркс указывал, что проведение железных дорог в Индии «может быть легко использовано для сельскохозяйственных целей, а именно для устройства водохранилищ,... для снабжения водой местностей, расположенных вдоль железнодорожных линий. Таким путем можно сильно расширить систему искусственного орошения...»²¹⁹.

²¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 395.

²¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 462—468 и 470—473.

²¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 226.

Такого рода задачи в прямом смысле не стояли перед европейскими державами в Османской империи. Они добивались обеспечения своих экономических выгод и общеполитических позиций по принципу сохранения равновесия влияния, т. е. сохранения статус кво. Несомненно этим можно объяснить медленные темпы строительства железных дорог в Турции. Вместе с тем турецкое правительство гарантировало высокие прибыли путем предоставления им непосредственного контроля над поступлением налогов в отдельных вилайетах в течение длительного срока.

Так, за 578 км. железнодорожной линии Хайдар-паша—Анкара, построенной в 1893 г. и контролируемой немецким банком, Общество азиатских железных дорог продолжало получать километрические гарантии вплоть до первой мировой войны.

Народ не только строил железные дороги, но и оплачивал их. Хотя строительство протекало в тяжелых условиях, оно притягивало рабочих, собирало их в определенных местах. Почти повсеместно появлялись посредники и вербовщики рабочей силы, возникали населенные пункты, развивались подсобные отрасли производства и обслуживания.

Появление железных дорог в развитых капиталистических странах К. Маркс определил как «увенчание дела» промышленного прогресса, которое дало громадный толчок «концентрации капитала», ускорило и в огромной степени расширило «космополитическую деятельность ссудного капитала». Однако для неразвитых стран, где «капитализм захватывал только незначительный верхний слой общества», железнодорожное строительство «поощряло и даже вынуждало» внезапное создание и расширение «их капиталистической надстройки в размерах, совершенно не пропорциональных остову общественного здания, где великое дело производства продолжало осуществляться в унаследованных исстари формах. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что в этих государствах создание железных дорог ускорило социальное и политическое размежевание...»²²⁰.

Этот процесс, прикрытый господствовавшими в Османской империи феодальными отношениями, проявлялся тем явственнее, чем ближе подходил конец империи, чем заметнее становилась в ее недрах социальная и национальная борьба.

Проведение железных дорог сыграло значительную роль в разложении старых и в утверждении новых капиталистических отношений. Но, как и предвидел К. Маркс, строительство железных дорог в странах, «вывозящих главным образом сырье», усилило нище-

²²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 291.

ту народных масс в связи с увеличением налогов. Наряду с этим Маркс отмечал и другую причину обнищания трудящихся масс. Он указывал, что «с того момента, как всякий продукт местного производства получил возможность превращаться в космополитическое золото, многие товары, *бывшие ранее дешевыми* из-за отсутствия широкого сбыта, как, например, фрукты, вино, рыба, дичь и т. п.; стали *дорогими* и были, таким образом, изъяты из потребления народа»²²¹. Этот процесс в Османской империи хорошо прослеживается при сопоставлении цен, относящихся к середине прошлого века и к кануну первой мировой войны. По данным торговой прессы, одно кило (240 окка) мягкой пшеницы высшего сорта в 1857 году стоило 25—26, твердой 25—30 курушей²²². Через 50 лет, т. е. в 1907 г., цены на пшеницу поднялись соответственно до 38 и 38—39 курушей²²³, на кукурузу с 21—21,20 до 26,06 курушей за пуд, на инжир—с 25—30 до 50 курушей. Бобы поднялись в цене с 1,5—1,8 курушей за окка до 4, сырая кожа на 50—100%²²⁴ и т. д. Конечно, на колебание цен влияли и факторы иного характера. Например, отсутствие механизации и современных средств сообщения приводили к повышению цен на отдельные товары (оливковое масло, сухофрукты и т. д.). Но введение в эксплуатацию отдельных участков железных дорог также не могло повлиять на цены немедленно.

Следует сказать, что железнодорожные компании умело приспособились к местным условиям и оказывали влияние на ускорение торговых оборотов. В первый период эксплуатации отдельных участков дороги перевозка товара стоила больших денег, в связи с чем поступали жалобы со стороны купцов и предпринимателей. Переброска по дороге Алеппо—Бейрут, например, обходилась дороже, чем обычным способом, т. е. верблюдими караванами. Когда представители торговых компаний обратились в управление дороги, им было обещано, что стоимость перевозок по железной дороге Алеппо—Бейрут составит лишь половину стоимости перевозки на верблюдах на более дальнее расстояние—от Алеппо до Искандеруна». Это было обоюдовыгодно и перспективно²²⁵. Одновременно железнодорожные компании получили право на некоторые ограничения перевозок грузов по шоссе. Общество железной дороги Хайдар-паша—Эскишехир—Анкара в начальный период взимало огра-

²²¹ Там же, стр. 292.

²²² „Ceridei Ticaret tercuimesi“, 5.XII.1857 г. (армянописьменная газета на турецком языке, вышло всего несколько номеров в Константинополе).

²²³ „Арашакъ“, 1907, № 36, ½ 1231.

²²⁴ Там же, № 59, стр. 1783.

²²⁵ Там же, 1906, № 37, стр. 881.

нительные взносы на все товары, перевозимые из Анатолии в Измит не по железной дороге.

Прибыли железнодорожных компаний увеличивались не только за счет километрических гарантий, но и благодаря росту пассажирских и грузовых перевозок. Это можно видеть на примере участка Хайдар-паша—Анкара. Движение здесь открылось в 1889 г., вскоре, как показывает таблица, дорога стала довольно популярной.

Годы	Длина ж. д. в км	Км. гаран- тий в франках	Перевозки:	
			пассажи- ров	грузов в тоннах
1889	92	8.444	650.189	14.912
1890	116	9.872	629.351	53.229
1895	578	6.177	973.189	91.956
1900	578	9.503	1.125.932	231.353 ²²⁸

В 1911 году перевозки пассажиров возросли до 2.709.276 человек, перевозки грузов—до 425.027 тонн²²⁷.

Приведенные данные говорят о том, что железные дороги стали активным фактором хозяйственной жизни, они ускорили переход страны на путь капиталистического развития.

Рост производительных сил обусловил также развитие средств связи, хотя в почтовой службе сохранялись средневековые пережитки. И после вступления Турции в 1874 г. во Всемирный почтовый союз продолжали существовать старые порядки. Так, местные отделения почты принимали письма в открытом виде. Тем самым облегчалась работа цензуры и взимание платы за письмо по количеству листов.

Почтовые учреждения находились под строгим политическим надзором и нередко подвергались преследованиям, порой по незначительному поводу. Известно, что в 1897 г. городская почта в Константинополе была закрыта в связи с тем, что армянский комитет воспользовался ею для рассылки прокламаций²²⁸.

До конца XIX века в горных районах страны почтовая связь осуществлялась через вооруженных жандармов, раз в неделю до-

²²⁶ Pech F. Manuel des Societes Anonimes, fonctionnant en Turquie, Paris, 1911, p. 64.

²²⁷ А. Д. Новичев, указ. произв., стр. 276—277.

²²⁸ См. Вестник Европы, 1903, кн. 4, стр. 687.

ставлявших почту. Однако в ряде районов (Дерсим, Палу, Чабакчур и др.) отсутствовала и такая связь, что «стесняло торговлю и экономические связи с этими местностями»²²⁹.

Таким путем почта доходила до места назначения с большими задержками. Например, письма из Трапезунда в Эрзерум доставлялись за 6—7 дней, из Константинополя в Багдад за 18—20 дней, из Тбилиси в Эрзерум—более, чем за 15 дней²³⁰.

Средства связи в Османской империи развивались крайне медленно. Примечательно, что к концу правления Абдул Гамида имелось всего 1024 почтовых станции и было проведено немногим более 188 тысяч км. телефонных проводов—в 3—4 раза меньше, чем в небольшой Швейцарии²³¹.

В период господства младотурок положение несколько улучшилось. К 1912 году число почтовых отделений в стране превысило 1300, телеграфных отделений было 1017. Следует, однако, отметить отсутствие должной загрузки почтовой сети. «В год на одного человека приходится в Швейцарии 95 писем, в Англии—65, в Германии—41, во Франции—27, а в Турции всего одно письмо, и на четыре человека—одна телеграмма»²³².

Развитию средств связи мешали не только закоснелые турецкие порядки, но и иностранные компании. Последние в 80-х годах XIX века основали в империи свои почтовые и телеграфные отделения и препятствовали местной почтовой службе. Тем не менее накануне мировой войны Турция располагала уже определенной, местами довольно развитой сетью связи, благоприятствовавшей общему прогрессу страны.

Таким образом, капиталистическое развитие Османской империи потребовало расширения транспортной сети, улучшения деятельности средств связи, что в свою очередь содействовало оживлению экономической жизни, в частности торговли. Это привело к дальнейшему укреплению позиций и влияния торговой буржуазии, к улучшению форм и методов ее деятельности. Подтверждением сказанного может служить отмена внутренних пошлин. В 1893 г. был отменен сбор на зерно, а в 1900 г. внутренние пошлины были полностью ликвидированы. Это явилось серьезным шагом вперед на пути окончательного формирования общенационального рынка.

Об усилении торговой буржуазии говорило появление целого ряда обществ и товариществ, которые вели специализированную

²²⁹ ЦГВИА, ф. 82, д. 3053, л. 68.

²³⁰ «Република», 1907, № 25—26, № 613, «Улурда», 1889, № 9, № 1431.

²³¹ Република, 1908, № 106.

²³² Խաճճյան. Աշխարհագրություն, № 176.

торговлю определенными видами товаров. Торговое законодательство определяло три категории таких объединений: *коллективное* товарищество, при котором участники вкладывали все свое имущество и сообща отвечали за состояние дел; *коммандитное*—«товарищество по вере», куда часть участников входила со всем имуществом, а другая часть лишь субсидировала или участвовала внесением определенной суммы; *анонимное*—товарищество, куда обычно вовлекались более мелкие собственники, которые становились пайщиками и имели право продавать свой пай или ценные бумаги другому²³³. Перенятые из европейской практики и приспособленные к местным условиям, эти типы капиталистических компаний возникали не только в сфере торговли, но и в промышленности, строительстве, горном деле и всюду, где была выгодна и возможна их организация.

Торговый еженедельник «Бюракн» отмечал появление анонимных обществ: по торговле коврами в Измире с участием трех торговых домов, в Ушаке—с участием 17 торговцев²³⁴, по торговле шелком и греной—в Бурсе²³⁵. Крупные коммерсанты Адабазара объединились в двух коллективных обществах²³⁶. Подобных фактов приводилось немало в других газетах и журналах, выходявших в конце XIX—начале XX веков.

Показателем заметного роста торговли явилось также вовлечение в постоянные торговые связи, наряду с небольшими городами, некоторых крупных сел. К примеру, в конце XIX века в Измитском районе в своеобразные торговые центры превратились села Партизак, Арсланпек и Овачык. Сюда из окрестных районов приходили «лазы, черкесы, турки, греки, армяне и другие с целью приобретения продовольственных товаров, различных материй, трикотажа, семян»²³⁷. Такое явление было характерно для многих сел, расположенных вокруг более или менее крупных торговых и промышленных центров.

Капитализм привел в движение известные слои сельского населения. Подобные передвижения имели место также из внутренних районов в центральные и приморские города империи. А. Д. Новичев приводит следующие данные: «Население 12 главных городов сократилось с 340.000 до 256.213 чел., т. е. на 15,7%; население такого же количества главных городов побережья возросло с 1.196.000

233 См. «*Բյուրակն*», 1907, № 19—20, էջ 108—110.

234 Там же, № 21, стр. 857—862.

235 Там же, № 9—10, стр. 199.

236 Там же, 1906, № 45—46, стр. 1101—1102.

237 Գ. Յէգէրեան. Պատմութիւն Արսլանպեկի, Փարիզ, 1971, էջ 110—111.

до 1.350.267 чел., или же на 12,5%, а без Стамбула—с 305.000 до 476.702 чел., т. е. на 56%»²³⁸. В крупных городах разбогатевшие переселенцы становились купцами, предпринимателями, пополняя таким образом ряды буржуазии.

Темпы этого процесса зависели от многих обстоятельств. Но после определенных количественных накоплений буржуазные отношения проникали также во внутренние районы страны и разлагали феодальные порядки независимо от национальной принадлежности и религии населения.

Примером может служить вилайет Конья, центр оживленной внутренней и внешней торговли. Здесь имелась большая группа купцов, связанных с другими городами страны и зарубежными торговыми фирмами. Еженедельник «Бюраки» приволил следующий список компаний и крупных торговцев мануфактурой: «Аба-оглу и К°, Кюнлукчу заде и К°, Ташбаши заде Мехмед эфенди, Мюфти заде и К°, Халепли Юсуф Шар (представитель банков Мидилли и Салоник), Халепли Кости Суха, Селим Хадат, Рызгалла Хайеат, Кеотяхялыян, Палтаян, Юван Сакаллоглу, братья Телли оглу»²³⁹. Простое перечисление этих фамилий, известных не только в Коньинском вилайете, говорит о далеко зашедшем процессе формирования буржуазии и среди мусульманских народов империи.

Однако путь развития Турции был своеобразным. Законы, правительственные и местные учреждения, организации, чиновники, призванные содействовать развитию страны, чаще всего выступали в качестве тормозящего фактора, в частности во внутренней и внешней торговле. Эти учреждения и должностные лица вносили путаницу, чинили препятствия с единственной целью *нажиться*. Для того, чтобы перевезти товар из одного вилайета в другой или вообще вывезти его за пределы казы, купец или крестьянин-собственник обязан был выполнить следующие формальности: получить право на выезд от мухтара своей сельской общины, от местной гражданской администрации; представить справки отделения сельхозбанка о том, что его земля не заложена и что он уплатил все налоги. Если земледелец хотел продать пшеницу, он должен был посетить также полицейский участок и жандармское управление, чтобы оформить документ о «благонадежности» и о том, что «нет возражений против переездов»²⁴⁰. Для получения разрешения на торговлю во всех этих инстанциях приходилось давать взятку, «бакшиш».

²³⁸ А. Д. Новичев. Очерки экономики Турции..., стр. 117.

²³⁹ «Републик», 1906, № 6, № 128.

²⁴⁰ См. журнал «Улус», 1905, № 8, № 36.

В одном из донесений о состоянии турецкой торговли в 1904—1905 гг. отмечалось, что ее расширению, кроме общей отсталости страны, плохих дорог, рутины, мешали и другие обстоятельства: небрежное отношение к товарам в таможне; произвольная оценка стоимости товаров и незаконное отнесение их к низким сортам; отсутствие официальных тарифов по разгрузке товаров и их хранению на складах; необоснованные претензии лиц, владевших монопольным правом разгрузки и погрузки, произвольное обложение товаров со стороны местных властей, отсутствие твердых железнодорожных тарифов, единых мер и весов, монетной системы и т. д. Указывая на эти отрицательные явления, автор заключает: «Произвол служащих свил себе прочное гнездо для полной эксплуатации торговли в свою личную пользу. Хотя администрация иногда показывает добрую волю к сокращению зла, но оно вскоре вновь появляется, но под другой формой»²⁴¹.

В статье «Национальные и экономические отношения в Турции» И. Флеровский писал, что турецкая торговля была «поставлена в условия, невозможные для ее развития. Мелочный контроль, прямые запрещения султана организовывать турками финансовые предприятия, особенно в коллективно-акционерной форме, отсутствие путей сообщения и т. д., все это мало благоприятствовало развитию турецкой коммерции»²⁴².

Особенно серьезным препятствием, преодоление которого было невозможным в 99 случаях из 100, являлась продажность чиновников всех рангов. «Рышвет» — подкуп был первым шагом при совершении любой операции. За взятку можно было провозить и вывозить все что угодно — «запрещенные вещи и бракованные товары», можно было «одеть солдат в старую одежду и обеспечить успех сомнительным финансовым предприятиям»²⁴³.

Авторы различного рода материалов, исследований, заметок, воспоминаний, документов и писем единодушно отмечают почти полное отсутствие у органов власти и чиновников всех инстанций желания оградить экономику страны от нашествия иностранного капитала. Десятки лет вплоть, до первой мировой войны, пошлины на ввоз в Турцию составляли всего 5—11% стоимости товара. Султанскому правительству нелегко было поднять их, но когда обстоятельства вынуждали, оно шло на это. Между тем внутренние пошлины и таможенные барьеры, которые необходимо было ликвидировать в интересах развития национальной экономики, как

²⁴¹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 38, № 8, л. 353.

²⁴² «Современник», 1915, кн. 3, стр. 191.

²⁴³ «Вестник Европы», 1903, кн. 4, стр. 688.

уже отмечалось, сохранялись вплоть до начала XX века. В Европейской Турции они доходили номинально до 12%²⁴⁴, в других местах—от 15 до 50% стоимости товара, перевозимого из одного места в другое²⁴⁵. Но и после ликвидации внутренних таможенных барьеров сохранились напряженность на дорогах, необеспеченность жизни и имущества купцов, произвол властей. В донесении за 1903 г. об условиях торговли в Азиатской Турции американский консул в Харпите обвинял султанское правительство в недостаточной охране общественной безопасности, в том, что в силу множества различных ограничений для коммерсантов армян и христиан вообще и ухудшения состояния кредита после кровавых событий 1895 г. «страна испытывает большие коммерческие затруднения»²⁴⁶. Изучая систему налогов, способы их взимания и экономическую политику правительства, Хажак отмечал, что действия властей в отношении христианского элемента обессиливали и экономически разоряли его, имели целью добиться «принятия им мусульманской веры или выезда, ухода с родной земли»²⁴⁷.

С ведома правительства повсюду в стране процветал разбой. Так, русский консул в Эрзеруме В. Н. Шаховский в июле 1900 г. писал об организованных нападениях и грабежах сел, городов, торговых караванов со стороны причисленных к «гамидие» аширатских курдов, «которым так сочувствует высшая власть и которые здесь непосредственно очень поддерживаются муширом Зеки пашой. Здешние власти, несмотря на постоянные жалобы коммерсантов, проявляют полное бездействие...». Далее консул отмечал, что местные власти бездействуют, т. к. боятся, что высшие инстанции будут недовольны, если разбойников притеснят. Примечательно, что недовольство проявляли, главным образом, коммерсанты-мусульмане, которые, собравшись перед правительственным зданием, кричали по адресу грабителей: «Эти люди истребили христиан, теперь пришла очередь мусульман»²⁴⁸. Другой автор считал разбой официально признанной «привилегией господствующего племени», уничтожить которую власти не решались, дабы при необходимости опереться на эту силу и быть популярными среди феодальной верхушки²⁴⁹.

²⁴⁴ См. Уч. записки Института славяноведения, 1958, т. XVI, стр. 147.

²⁴⁵ См. Раздел Азиатской Турции, под ред. Е. А. Адамова, М., 1924, стр. 6.

²⁴⁶ См. Вестник финансов, промышленности и торговли, 1903, № 17, стр. 147, 149.

²⁴⁷ խաճակ. Հարկերը Տաճկաստանում, էջ 68.

²⁴⁸ АВПР, Первый департамент, политархив, д. 1636, л. 32 и об.

²⁴⁹ См. «Вестник Европы», кн. 4, стр. 694—695.

Совершенно неудовлетворительной была деятельность столь важного для торговли звена, каким является таможня. Здесь царил полная неразбериха и произвол. Любопытна статья о гаможне гамидовских времен, опубликованная в журнале «Мусульманин». Ее автор бывший таможенный чиновник, рассказывал, что в основе всех операций лежал бакшиш, вымогаемый открыто. При невообразимой путанице, существовавшей на таможне, пропадали целые кипы и даже транспорты товаров. Часто их увозили и продавали, ибо никто конкретно не отвечал за это²⁵⁰. Разумеется, никто не думал и об ограждении товаров от порчи, о правильном их складировании и классификации. Масло лежало рядом с дорогим чаем или мукой. Недовольный чем-либо чиновник, оценщик, весовщик или другой служащий, не неся материальной ответственности, мог безнаказанно портить самые дорогие вещи. Так, одна крупная константинопольская торговая фирма не сумела угодить служащим таможни, и полученные ею роскошные венские стеклянные изделия, завернутые в старые газеты, были распакованы по «цензурным» соображениям и превращены в груды битого стекла. В другом случае пробуравили и сняли стальные листы с сейфов, принадлежавших одной французской торговой фирме, т. к. по указанию властей искали динамит²⁵¹. По договоренности со служащими таможни товар стоимостью в тысячи лир мог быть оценен всего в несколько сот лир либо вовсе освобожден от уплаты пошлины, хотя этим наносился ущерб таможне. Даже невостребованные товары продавались по низкой цене. Это явление стало обычным, оно положило «начало в Константинополе оригинальным магазинам и лавочкам, торгующими специально товаром, купленным дешево в таможне»²⁵². Следовательно, таможни должным образом не регулировали внешнюю торговлю и в какой-то мере мешали развитию внутренней торговли.

Немалый ущерб наносили хозяйству страны частые пожары. Следует отметить, что до 70-х годов XIX в. в Турции отсутствовало страхование имущества от пожаров и стихийных бедствий. Нередко пожары устраивались самими властями для наказания местного христианского населения или компенсации войску невыплаченного жалования. В донесении русского консула в Галаце А. С. Романенко, указывалось, что в 1877 г. местные башибузуки получили из центра указание «разорить поджогами» некоторые

---

²⁵⁰ См. «Мусульманин», 1911, Париж, № 6—7, стр. 293.

²⁵¹ Там же, стр. 296.

²⁵² И. А. Добровольский. Турция, Сербия и Болгария, СПб., 1912, стр. 37.

пункты Сулинской и Тульчинской губерний²⁵³. Пресса широко освещала случаи, когда власти распоряжались организовать поджоги рынков больших городов, принадлежавших христианам. Это происходило, как правило, в периоды, когда местный воинский гарнизон выражал недовольство полуголодным существованием или по какой-либо причине начиналось брожение среди солдат. Тогда «случайно» возникал пожар, на месте не оказывалось пожарных, и тушить пожар, спасти добро посылали воинские подразделения. Солдаты на самом деле «спасали» товары, пуще всех грабя и присваивая их. В Македонии от Янины до Престины не было более или менее крупных рынков, принадлежавших христианам, которые «не подвергались бы два-три раза поджогу, чтобы таким путем одеть и прокормить турецких и албанских солдат»²⁵⁴. Подсчитано, что за 40 лет (до 1890 года) в стране имело место более 29 крупных пожаров, уничтоживших целые населенные пункты, небольшие города или же огромные кварталы в центральных городах. За это время произошли также 7 сильных землетрясений, неурожай²⁵⁵. Все это наряду с войнами причинило хозяйству страны значительный урон. Только во время одного крупного пожара на рынке Вана, организованного 1 декабря 1876 г. представителями местных властей, спорело около 1000 магазинов и лавок, и это надолго задержало развитие торговли одного из оживленных коммерческих центров страны²⁵⁶. Чтобы продолжать свое дело, кушцы вынуждены были брать ссуды. Подобные обстоятельства часто играли роковую роль в судьбах местных коммерсантов. Если обратиться к многовековой истории торговли западных армян, писал Мырмян, то можно заметить недолговечность успехов многих торговцев. «Даже самые крупные торговые дома не смогли просуществовать более 50 лет»²⁵⁷.

Конечно при этом действовал и волчий закон капитализма— сильный поглощает слабого. Однако главное заключалось в том, что в Османской империи не обеспечивалась неприкосновенность имущества и личности купца. В данном разделе книги основное внимание уделялось выявлению и показу условий, которые определили формы, методы и темпы развития торговли в Османской империи. В нем мы попытались доказать, что торговля являлась той основной отраслью экономики, которая относительно быстро

²⁵³ Сборник «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. II, М., 1964, стр. 64.

²⁵⁴ «Упрб», 1905, № 8, т. 37.

²⁵⁵ «Рипршк», 1907, № 42, т. 1529—1531.

²⁵⁶ «Упрб», 1904, № 8, т. 21.

²⁵⁷ А. Г. Мырмян, указ. соч., стр. 139.

реагировала на рост производительных сил, содействовала развитию капитализма и буржуазии. В период генезиса капитализма, особенно на Востоке, торговля была фактором, определявшим экономический импульс страны. Поэтому торговая буржуазия, выросшая вместе с коммерцией, являлась самой значительной частью буржуазии Османской империи. О ее развитии более подробно речь пойдет в следующей главе.

* * *

Другой важной отраслью экономики, которая определяла прогресс хозяйства и в известной мере обуславливала социально-политическое развитие, являлось промышленное и ремесленное производство. Оно было связано с новой техникой и передовыми формами труда и в период успешного развития капиталистических устоев отвергало застой и консерватизм. Развитие промышленности разрушало феодальные отношения, ломало старые порядки и ограничения в любой стране. Новый способ производства менял характер ремесла, вытеснял старые цеховые корпорации, заменяя их капиталистической организацией труда.

Так было в передовых странах Запада. Что же касается Османской империи, то существуют различные точки зрения относительно того, в какой степени имел здесь место этот исторически поступательный процесс. Наиболее распространенным является следующий тезис: развитие производительных сил по капиталистическому пути началось в империи еще со второй половины XVIII века. Однако вследствие проникновения и усиления конкуренции европейского капитала в 30—50-х годах XIX века это развитие сильно затормозилось. Рубежом упадка местной промышленности и ремесленного производства считают Крымскую войну, усилившую развал страны. Этот вывод основан на целом ряде убедительных фактов. Например, Доган Авджиоглу, ссылаясь на документы комиссии по развитию промышленности (1866 г.), указывает, что только в Стамбуле и Ускударе за 30—40 лет количество станков уменьшилось с 3160 до 37²⁵⁸. А. Д. Новичев отмечает, что за первую половину XIX века производство текстильной и шелковой промышленности сократилось в десять раз²⁵⁹.

В ряде работ значительное внимание уделяется вопросу о путях и формах проникновения капиталистического способа производства в экономику Османской империи. Прежде всего укажем на точку зрения турецких авторов.

²⁵⁸ D. Avcioglu, Türkiye'nin düzani, s. 54.

²⁵⁹ А. Д. Новичев, указ. произв., стр. 92.

Халис Окан, приводя данные, главным образом по Европейской Турции, находит, что мануфактура возникла в стране «в течение XVIII века», путем разрушения ремесла и разорения ремесленников, часть которых «попала на работу в мануфактуру, другая часть превратилась в пауперов». Наступивший кризис империи Окан объясняет «прежде всего усиленным разложением феодальных производственных отношений»²⁶⁰. Тем самым он утверждает, что империя в процессе своего развития в общем шла по пути европейских стран.

Другой прогрессивный турецкий автор Музаффер Сенджер, основываясь на теории Маркса об азиатском способе производства, пытается доказать, что в Турции, вследствие наличия государственной собственности на землю, не существовало феодального строя. Исходя из этого, Сенджер считает, что об обычном пути развития капитализма в Османской империи не может быть речи. Здесь господствовал «азиатский способ производства», при котором всеильный контроль центра (государственная власть или командование армии) «не дал возможности появиться зародышам капитализма, подготавливавшимся внутренними противоречиями феодального способа производства»²⁶¹. Сенджер находит, что капитализм в таких странах, как Турция, продукт не внутреннего развития, а результат воздействия внешних факторов. В этом он солидарен с известным турецким буржуазным историком Омер Лютфи Барканом. Сенджер приводит следующие его слова: «Факторами, которые разрушили социальный и экономический строй Османской империи и направляли ее по пути разложения, являются не столько результаты противоречий, появившихся нормальным собственным развитием, сколько созревшие за пределами империи революционные силы»²⁶². Соглашаясь с подобной трактовкой, Сенджер заключает, что вторжение Запада, привнесение из-за рубежа капиталистических отношений свели на-нет «условия развития местного капитализма»²⁶³. Правильно представляя последствия «азиатского способа производства», Сенджер, однако, не вник в его природу. Он не учел общинный характер землевладения, препятствовавший становлению капиталистической собственности и основывавшейся на нем формы производства. Он не учел, что государственная собственность на землю является одной из форм феодальной собственности, что эти социальные структуры внутренне

²⁶⁰ Халис Окан, указ. произв., стр. 11.

²⁶¹ М. Сенджер, указ. произв., стр. 265.

²⁶² Там же, стр. 278.

²⁶³ Там же, стр. 302.

разлагаются в результате развития производительных сил. Куртан Фишек, автор другого исследования о развитии капитализма и рабочего класса Турции, также обвиняет иностранный капитал в развале местной промышленности и в уродливом развитии хозяйства страны. Проникновение капиталистических отношений в империю он связывает с привозом сюда генуэзскими купцами золота и серебра, взамен вывозимого сырья и товаров местной промышленности. Концентрация собственности, высвобождение рабочих рук, усиление зависимости от Запада—все это было связано с договорами, заключенными с европейскими державами в первой половине XIX века. Следует отметить, что государственным предприятиям трудно было конкурировать с иностранным капиталом, «что касается частных предприятий.—продолжает Фишек,—то они благодаря сотрудничеству с иностранным капиталом оказались более жизнеспособными»²⁶⁴.

Исмаил Джем также утверждает, что «европеизация и либерализация» экономики империи, т. е. предоставление иностранцам свободы торговли, введение законом гарантированного права частной собственности на землю, беспрепятственная деятельность частного капитала и ряд подобных явлений привели к эксплуатации страны и ее открытому грабежу. Танзимат усугубил этот процесс. «Европеизация,—пишет Джем,—усиливая общественное и экономическое разложение, стала одной из главных причин развала империи»²⁶⁵. Таким образом, указанные выше турецкие социологи, историки, экономисты не считают капитализм явлением, естественным для Османской империи. По их мнению, он не был продуктом внутреннего исторического развития, а был привнесен извне. Европейский капитализм не способствовал прогрессу страны, явился злом для империи и причиной ее развала. Они ставят в вину империализму и то, что Турция не стала развитой индустриальной страной. Д. Авджиоглу, И. Джем, М. Сенджер, К. Фишек и другие считают, что Турции был предназначен особый, некапиталистический путь развития*. Не подлежит сомнению, что в этих рассуждениях

²⁶⁴ *Dr. K. Flsek, Türkiye'de kapitalizmin gelişmesi ve işçi sınıfı, s. 40.*

²⁶⁵ *I. Cem, Türkiye'de geri kalmışlığın tarihi, s. 218.*

* Рецензируя работу Д. Авджиоглу об общественном строе Турции, доктор экономических наук П. П. Моисеев отмечает, что эта «некапиталистическая альтернатива предусматривает отнюдь не научный социализм, а так называемый «национальный» или «демократический» социализм, в основе которого лежит выдвинутая еще фабианцами идея перераспределения в пользу трудящихся материальных благ, без радикального изменения капиталистического способа производства». (См. «Новые книги за рубежом по общественным наукам», 1970, № 6, стр. 75). Для лучшего уяснения классового подоплека деятельности фабианцев, вспомним, что Ф. Энгельс считал основным их принципом «страх перед револю-

выступает буржуазный национализм, который мешает правильно-му пониманию исторических явлений прогрессивными турецкими исследователями.

Иного взгляда придерживаются другие буржуазные историки.

Один из них, Энвер Зия Карал, в свой многотомной работе по истории Османской империи причинами задержки развития промышленности Турции считает нехватку денег, рабочей силы и соответствующего научного уровня. В частности, он отмечает, что «османские государственные деятели не имели современных экономических знаний... Они не вели здоровой экономической политики». Анализируя социальную основу государственной политики, Карал обвиняет власть имущих в том, что они «не хотели, чтобы народ полностью избавился от дурманившего его невежества... ибо они лишились бы возможности жить за его спиной роскошной жизнью»²⁶⁶. Это объяснялось тем, пишет автор, что и султан, и вся верхушка империи были уверены, что лень и инертность охватили народные массы, укоренились во всех классах общества, и это стало «причиной всех несчастий».

Сам Карал считает панацеей от всех зол улучшение постановки народного образования²⁶⁷.

Примерно тех же взглядов придерживается профессор Стамбульского университета экономист Халюк Джиллов. В недавно вышедшей его книге слабые темпы экономического развития приписываются тому, что «в народе господствовал консервативный образ мыслей»²⁶⁸. В свою очередь Мюмтаз Турхан, отвергая довод, согласно которому недостаточный уровень цивилизации и культуры народа, как и мусульманская религия, якобы были причинами отставания турок, в книге «На какой стадии европеизации мы находимся?» вместе с тем пишет: «Турецкий народ не проявлял истинной заинтересованности в действительно научных начинаниях»²⁶⁹. Автор находит, что руководители империи не рассчитали возможности страны и повели народ по пути тяжелых войн и завоеваний новых территорий, освоение которых, как и покрытие долгов, образовавшихся в результате войн, оказались не по плечу турецкому

цией». (К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 39, стр. 7), а Ленин определил их взгляды и действия, как «самое законченное выражение оппортунизма и либеральной рабочей политики...» (В. И. Ленин, ПСС, т. 26, стр. 267). Это делало их одним из главных проводников влияния буржуазии на рабочий класс и трудящихся вообще.

²⁶⁶ E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, cilt VII, Ankara, 1956, s. 255.

²⁶⁷ Там же, cilt, VIII, 1962, s. 452.

²⁶⁸ Х. З. Джиллов. Экономика Турции, М., 1971, стр. 30.

²⁶⁹ Dr. Mümtaz Turhan, Gerçalışmanın neresindeyiz? Üçüncü baskı, İstanbul; 1961, s. 19—20.

народу. Поэтому он застрял на определенном этапе развития и стал отставать.

Высказываются и хвалебные отзывы по адресу государства османов. По мнению О. Коймен, «одним из наиболее важных факторов, отличавших в начале XIX в. оттоманскую экономику от западной, является роль двора, осуществлявшего деятельное руководство хозяйством». Ссылаясь на изданные хатти-хумаюны, ираде и приказы, автор утверждает, что они сыграли серьезную роль в управлении хозяйством и указывает «на заботу государства о защите интересов потребителей и о покровительстве турецкой ремесленной промышленности»²⁷⁰. В противовес этому принц Сабахэддин, говоря об отставании страны, искал пути его ликвидации в укреплении позиций тех демократических и революционных сил, которые были призваны свалить «жалкий режим»²⁷¹.

Ряд русских и европейских авторов отмечал, что существовавший режим сосредоточил в своих руках все руководство в больших и малых делах. Такой строжайший контроль отрицательно влиял на жизнь страны. Порой даже строительство «какого-нибудь моста на проселочной дороге и то подлежало решению центральной власти, с полным исключением личной инициативы...»²⁷².

Академик В. А. Гордлевский указывает на отрицательное влияние опеки властей, лишивших местных работников всякой инициативы. Весьма обширной была, например, компетенция дефтердара (главы финансового департамента). Он «определяет, есть ли омысл разрабатывать руду; для этого требует пробу (образцы руды) и отсылает в Топхане, в Стамбуле производится экспертиза». Больше того, дефтердар и его подчиненные могли интересоваться, какие еще ископаемые имелись в данном месте или в других рудниках, как организованы работы, выполняются ли задания. «Центр входит и в мелочи, например, в условия и стоимость провоза руды с места до порта»²⁷³.

Подобные высказывания в какой-то мере объясняют причины замедленных темпов развития капитализма в Турции, хотя и не всегда затрагивают экономические основы происходивших явлений.

Доктор исторических наук Н. Т. Тодоров, известный исследователь процесса зарождения и развития капитализма в Болгарии и Османской империи, высказывает ряд весьма убедительных со-

²⁷⁰ О. Коймен, указ. произв., стр. 5.

²⁷¹ См. Paul Fesch, указ. произв., стр. 390—392.

²⁷² «Вестник Европы», 1909, кн. 4, стр. 835.

²⁷³ В. А. Гордлевский, избр. соч., т. 3, стр. 232.

ображений по данному вопросу. Он использует указание Маркса о том, что к истории капитализма относится и вся предыстория капиталистической мануфактуры, рассматривая, таким образом, и период простой капиталистической кооперации, когда мануфактура находилась еще в зачаточном состоянии. Он отмечает, что уже на этом этапе капиталист постепенно прибирает к рукам функции надзора и управления, добивается разделения труда и его интенсификации, получения прибавочного продукта. Однако все это в Османской империи проходило весьма медленно и часто в завуалированной форме. «Только в трех отраслях,—продолжает Н. Тодоров,—которые обслуживали специфические потребности населения и оставались продолжительное время вне действия иностранной конкуренции, или в таких, к которым само правительство проявляло специальную заинтересованность, существовали условия для перехода к более высоким формам капиталистического производства»²⁷⁴. Это первый вывод Н. Т. Тодорова.

Ремесленное производство в империи развивалось в условиях принудительной государственной регламентации и не могло, по примеру цехов на западе пользоваться автономией. Отсюда следует, что труд ремесленников, принадлежавших нетурецким народам, приобретал общественную зависимость. Дальнейшая специализация цехов, верхушка которых постепенно втягивалась в оптовую торговлю, привела к тому, что цехи стали получать через купцов сырье и сбывать продукцию оптом. Тем самым подготовились условия для образования мануфактур. «Такое явление наблюдалось, прежде всего, в отраслях, связанных с производством товаров массового потребления». Это второй вывод автора.

Расширение производства вывело отдельные виды продукции за рамки местного рынка, на обширные территории империи. Это явление предполагало «широкое применение капиталов как в обеспечении сырья, так и в организации сбыта, что дало возможность ослабить противоречие между оптовым сбытом и мелким раздробленным характером ремесленного производства». Таков его третий вывод²⁷⁵.

Производство отдельных видов местных товаров находилось вне конкуренции. Соответствующие цехи устояли в обостренной конкурентной борьбе, которая особенно сильно проявлялась в крупных центрах и портовых городах и, наоборот, все еще была

²⁷⁴ Н. Т. Тодоров. Зарождение капиталистических отношений в текстильном производстве Болгарии в первой половине XIX в. Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, № 23, М., 1858, стр. 74—76.

²⁷⁵ Там же, стр. 84—85.

слаба в провинциях и отдельных районах страны в первой половине XIX века.

Н. Тодоров высказывает примечательную мысль о заинтересованности капиталистических элементов в сохранении цехов с целью удержать за собой их основной капитал, здания, выгодные условия эксплуатации рабочих и оптовую торговлю. Поэтому политика феодального государства до какого-то времени отвечала их интересам. Из этого действительно имевшего место парадоксального положения автор заключает, что «болгарские цехи в первой половине XIX века в ряде случаев стали очагами развития капиталистических отношений и представляли форму организации болгарской буржуазии»²⁷⁶.

Итак, Н. Тодоров справедливо считает, что в Османской империи существовали внутренние условия для развития капиталистических отношений, что и имело место. «Однако свободное развитие элементов капитализма тормозилось в высшей степени наличием турецкой феодальной системы...»²⁷⁷.

В своем исследовании о классическом периоде Османской империи известный турецкий историк Х. Иналджик, уточняя приведенную мысль, пишет относительно положения в кустарном производстве, что сохранение традиционной структуры цеха было обусловлено консервативной политикой правительства. Оно стремилось поддержать эснафов и цеховую монополию в ремесле. Правители страны вмешались в дела эснафов лишь в интересах казны, но обычно не касались внутренней жизни цеха. Подобную политику автор считает одной из причин экономического застоя и отставания в развитии капиталистических отношений²⁷⁸.

Эти выводы в равной мере относятся ко всем промышленным и ремесленным центрам, к таким, как Стамбул и Измир, Конья и Анкара, Алеппо и Эрзерум и т. д. Повсюду главную тормозящую роль играли обстоятельства внутреннего порядка. Причину медленного роста производительных сил, как уже сказано, следует искать прежде всего в прогнившем турецком общественном и государственном строе, задерживавшем экономический прогресс страны.

И. В. Алибеков, подводя итоги развития промышленности Османской империи, совершенно справедливо отмечает, что «внутренние факторы были сами по себе довольно многочисленны и существенны, чтобы достаточно сильно препятствовать развитию турец-

²⁷⁶ Там же, стр. 86.

²⁷⁷ Там же, стр. 87.

²⁷⁸ См. Реферативный журнал «Общественные науки за рубежом», серия 9, «Востоковедение и африканистика», № 3, 1975, стр. 167.

кой промышленности, если бы даже отсутствовали факторы, действовавшие извне»²⁷⁹.

Правильную оценку этой отрицательной роли османских порядков мы встречаем также у многих русских и западноевропейских авторов. Об этом пишут П. А. Чихачев²⁸⁰, А. М. Колюбакин, С. Тухолка, П. Томилов, Р. И. Термен, А. Петряев, В. Тотомянц, В. Гаджемуков, И. А. Добрынский, М. В. Кечеджи-Шаповалов, Г. Х. Инсаров, Ю. Лавринович, Ролен-Жекмен, М. Мак-Коль, Фр. Грин, Эм. Диллон, братья Линч, Поль Феш, Виталь Кине, В. Ланглуа, М. Убичини и др.

Наряду с этим, как было отмечено, некоторые турецкие и европейские авторы ищут причины всех зол Османской империи главным образом во внешних факторах.

Следует особо остановиться на точке зрения представителей угнетенных турецкой деспотией народов — основных носителей капиталистических отношений. Виновниками развала, отставания, произвола, которыми характеризовалось состояние Османской империи в XIX—XX вв., они также почти единодушно считают турецкие порядки и реакционные силы страны. Конечно, вмешательство великих держав и капиталистических монополий имело для турецкого и других, в том числе христианских народов империи, не менее пагубные последствия, чем преступная политика верхов Турции и государственного аппарата.

Развитию промышленности наряду с иностранной конкуренцией мешала сохранившаяся еще в прошлом столетии средневековая практика выдачи султаном и отдельными должностными лицами прав на временное или постоянное монопольное использование земельных угодий, лесов, рудников и т. д. Так, за услуги, оказанные двору, богатые финансисты (амира) из города Акн (Агын) вилаета Мамурет эль Азиз получили право эксплуатации рудников Кебан-Маден. Семья Арпиарян владела «монополией на разработку руд в районе Акна и Арабкира. На шахтах трудились многочисленные рабочие — армяне, турки, греки»²⁸¹. По словам Джеймса Мориера, медь, добытую из рудника плавил в трехстах мастерских, являвшихся одним частным предприятием»²⁸².

²⁷⁹ И. В. Алибеков, «О причинах промышленной отсталости полуколоннальной Турции», журн. *Études balkaniques* № 3, 1975, стр. 86.

²⁸⁰ См. П. А. Чихачев, указ. произв., стр. 72, 104, 107, 113, 118, 119, 123, 125, 129 и многие другие.

²⁸¹ Նսերշահեց Մսեր, Պատմութիւն կաթողիկոսաց էջմիածնի, Մոսկվա, 1876, էջ 38.

²⁸² Տմ. Հափրյան ձպ., Ուղեգրութիւններ, հ. 6, 19-րդ դ., Եր., 1934, էջ 292.

Захиревшие с течением времени рудники Аграна Мадена в конце века благодаря усилиям властей ежегодно стали давать 8—10 тысяч тонн меди. Из руды извлекались также железо (40%) и сера (30%). Плавка происходила на казенном заводе в пяти плавильных печах с применением кузнечных мехов и использованием вод Тигра²⁸³.

Вследствие подобных примитивных способов разработки руд и выплавки металлов турецкая металлургия теряла «32% на серебре, 12% на меди и 40% на свинце. И так как в Малой Азии добывается около 2 млн. кг. различных металлов, то общая потеря равняется ежегодно 400 тыс. кг. металлов...»²⁸⁴.

В своей «Географии» Ханджян связывает упадок производства металлических руд с варварским уничтожением окружающих лесов и с отсутствием топлива.

Как видим, естественные богатства в стране и в XIX веке эксплуатировались примитивными способами. Начиная с 60-х годов XIX века появляются законы, регламентирующие использование земли, лесов и других естественных богатств. В их основе лежали положения, юридически ограждавшие права граждан, и это создавало видимость того, что правительство шло навстречу интересам развивавшихся капиталистических элементов. Первым условием получения концессий на разработку руд, на право организации акционерных обществ и компаний, на создание промышленных предприятий было наличие турецкого подданства. В статье второй устава пароходного анонимного акционерного общества «Ширкет уль Хайрийе» в категорической форме говорилось, что «акции должны быть именные и принадлежать исключительно туркоподанным... кроме тех вдов иностранных подданных, которые до замужества своего были туркоподанными...». Устав предлагал обращать «самое строгое внимание на то, чтобы ни одна из акций «Ширкета Хайрие» не могла перейти во владение иностранноподданных»²⁸⁵.

На практике это требование удавалось обходить без особого труда, причем с ведома властей. Чтобы эти последние закрывали глаза, необходимо было посещать разного рода промышленные инстанции и ублажать их²⁸⁶. Сами власти обходили статьи закона о подданстве, основываясь на положении другого закона, по которому собственник земли—мюлька являлся хозяином и рудных богатств. Согласно пункту 107 краткого свода законов по земельному

²⁸³ «Восток», 1907, № 47, № 1696.

²⁸⁴ ЦГАВМФ, ф. 898, оп. 1, д. 6, лл. 47—48.

²⁸⁵ ЦГВИА, ф. 401, оп. 1889, д. 3, лл. 24—25.

²⁸⁶ Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 3818, л. 348.

вопросу, право эксплуатации ископаемых на землях вакф и землях, предназначенных для общественного пользования (метруке), предоставлялось в первую очередь тому, кто открыл руду. Он обязан был передать казне пятую часть рудных продуктов или их стоимости²⁸⁷. Вместе с тем было введено ограничение: при разработке рудных залежей, при строительстве предприятий собственник земли должен был иметь специальное разрешение казны²⁸⁸. В 1880—1890-х гг. одна за другой создавались смешанные и иностранные концессии. Правительство стремилось использовать их для увеличения денежных поступлений извне, хотя это не улучшило его финансовые дела. Для получения концессионного права был установлен взнос в 50—200 лир. Кроме того концессионер обязан был выплачивать «по 5 пара в год с каждого дёнума земли, эксплуатируемых залежей и отчислять в пользу фиска 5% с валового дохода»²⁸⁹. Если же добываемые продукты залегали в виде массивов, взималось еще 16—20%²⁹⁰. Столь незначительное обложение, конечно, не могло быть обременительным для иностранных капиталистов. В первое время они выступали в качестве соучастников местных компаний. Характерен следующий пример. В 1902 г. французская компания добивалась передачи ей в концессию Эреглийских угольных копей. Порты отказала. Затем было достигнуто соглашение о том, что «Ираклийское общество будет продолжать эксплуатировать участки не как собственник, а в качестве поверенного первоначальных (туркоподданных—И. О.) концессионеров»²⁹¹. Примечательно, что за несколько лет до этого, еще в 1896 г., это же общество получило концессию на Зонгулдакские угольные копи, расположенные недалеко от Эрегли и принадлежавшие до этого морскому министерству.

Однако местное производство еще далеко не удовлетворяло растущие потребности страны. Достаточно сказать, что в 1888 г. в Эреглийском районе было произведено всего 70—80 тонн угля, импортировано же из Англии 275.000 тонн²⁹². В последующие годы положение стало меняться в связи с увеличением местной добычи. Следует отметить, что если в эксплуатации запасов многих видов ископаемых предприниматели не проявляли особого рвения, то с углем дело обстояло иначе в связи с быстрым повышением спроса. Уголь закупали парохозяйства, железные дороги, предприятия и от-

²⁸⁷ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 77, д. 5876, л. 302.

²⁸⁸ ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть Генштаба, д. 40, ч. 1, л. 22.

²⁸⁹ АВПР, Новый турецкий стол, д. 3701, л. 19.

²⁹⁰ «Вестник финансов...», 1906, № 23, стр. 405.

²⁹¹ АВПР, Политархив, д. 1003, л. 8.

²⁹² *Avni Haseyin* указ. произв., стр. 46.

дельные граждане. Уже через год после заключения концессионного договора „Soslétè d'Heraclee“, добыто 40.360 и продало 16.000 тонн угля. В дальнейшем эти показатели постоянно росли. Вот соответствующие данные²⁹³:

1898 г.	было добыто	127.739,	продано	66.036 тонн
1900 г.	»	»	»	220.047 »
1902 г.	»	»	»	224.978 »
1905 г.	»	»	»	306.149 »
1910 г.	»	»		764.000,
1912 г.	»	»		810.180,
1914 г.	»	»		651.240, ²⁹⁴

Увеличение производства и продажи угля происходило с привлечением местного капитала. В целом доля участия местной буржуазии в добывающей промышленности была мизерной. Правда, отдельные компании, судя по составу руководства, казалось, представляли местный капитал. Например, общество по разработке свинца, цинка и других руд в Карасоу, основанное в 1900 году, имело в своем административном совете таких местных тузов, как Маврокордато (президент), Сурейя паша (вице-президент), Шукри паша, Хабиб Эфенди Мелхаме, П. Зарфи и т. д.²⁹⁵. Однако и такие компании не обходились без участия иностранного капитала.

В последней четверти XIX и в начале XX веков в горной промышленности Турции происходил очень медленный и мучительный рост. Было организовано министерство по горному делу, но министра Селима Мелхаме пашу, как второстепенного чиновника, не ввели в состав правительства. В 1869 г. открылось горное училище, оно просуществовало всего пять лет. В этот период были разведаны запасы многих руд, но их добыча была ничтожной (серебристого свинца—20 тыс. тонн, хрома—15 тыс., бораидов—18 тыс. тонн, морской пенки—на 30 тыс. лир и т. д.)²⁹⁶. Это производство находилось в руках греческих, армянских, еврейских предпринимателей и некоторых высокопоставленных турок. Последние, пользуясь своим положением, получали немалые доходы, постоянно пополняли ряды национальной буржуазии.

Определенную роль в зарождении и становлении буржуазии Османской империи сыграли государственные предприятия. Это

²⁹³ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 4179, л. 2. По другому источнику добыча за 1902 г. составила 338120 тонн.

²⁹⁴ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 2, д. 275, газ. «Акшам», 24.X.1928 г.

²⁹⁵ Pech F., указ. произв., стр. 127.

²⁹⁶ Ышббџшбџ, указ. произв., стр. 192—194.

были первые в Турции сравнительно крупные предприятия, которые оснащались современной техникой и являлись очагами подготовки кадров специалистов и руководителей промышленности*. Так возникли пороховой завод (1810) и бумажная фабрика (1820) в Бейкозе, текстильная фабрика (1826) в Эйюби, шелковая фабрика (1840) в Ерекёе, кожевенный завод для нужд армии (1842) в Бейкозе, суконная фабрика (1842—1844) в Измите, литейный завод около Сан-Стефано, построенный в 1820-х гг. и значительно расширенный в 1844—1845 гг., текстильная фабрика (1845) в Ерекёе для изготовления фесок. Тогда же в Измите была введена в эксплуатацию суконная фабрика. Наконец, в том же 1845 г. в Сан-Стефано был построен крупный сталелитейный завод²⁹⁷, руду для которого привозили с Принцевых островов, находящихся в 18 милях, уголь—из Гераклеи, за 30 миль от завода²⁹⁸. Здесь производство одного квинтала (ок. 100 кг) продукции обходилось в 50 пиастров, тогда как на рынке она продавалась за 42 пиастра²⁹⁹.

В строительстве почти всех этих предприятий принимал участие крупный армянский финансист, банкир и экономический советник двора Ованес амира. Он был основоположником династии Дадиянов—семейства банкиров, предпринимателей, строителей, архитекторов и государственных деятелей.

Из указанных выше предприятий 7 являлись военными заводами. Некоторые из них были объединены в знаменитом Топхане, который стал монопольным производителем орудий, винтовок, а с 1881 г.—и пороха. Остальные государственные заводы также фактически работали на армию. Эта группа предприятий находилась в центре внимания правительства военно-феодальной империи, тем более, что после Крымской войны и Русско-турецкой войны 1877—1878 годов необходимость их расширения стала очевидной. Русский военный агент в Константинополе, посетивший весной 1890 г. заводы и доки морского министерства, сообщал о пуске в 1888 г. нового сталелитейного завода, где отливались части корабельных машин, пушки и орудия. Среди перечисленных им предприятий были орудийная мастерская, оснащенная станками Круппа, чугунно-бронзолитейный завод, железоделательный завод с четырьмя паровыми молотами для изготовления броневых листов, механический

* Впоследствии некоторые из них, нажив капиталы, завели собственное дело (Дадиян, Мавримото и др.).

²⁹⁷ Вфг. Պարզայն, Դադյանի գործարարականը, Բիւրոս, Բ Հ., 1969, էջ 51—92.

²⁹⁸ А. И. Валуйский. К вопросу о создании первых младотурецких организаций, «Ученые записки», ИВАН, т. XIV, 1956, стр. 202.

²⁹⁹ Ublcni M. A., Lettre sur la Turquie, Paris, prem. part. 1853, p. 387.

завод по сборке моторов, котельная, основанные в 1884—1889 гг., электротехническая и минная мастерские, канатная мастерская, паровая хлебопекарня, доки и верфи. По мнению этого наблюдателя, военное ведомство располагало неплохой по тем временам промышленной базой, обеспеченной необходимым количеством специалистов, мастеров и рабочих, число которых превышало 3000³⁰⁰.

Как видим, правительство при необходимости могло реально содействовать развитию промышленности.

Многонациональная буржуазия в условиях Османской империи являлась активной силой в борьбе за социально-экономические преобразования. Она не была достаточно организована и сплочена, но уже стремилась к определенному классовому единству. Основой этого являлись общие экономические интересы, побуждавшие к совместным действиям. Ниже приводятся конкретные примеры, подтверждающие сказанное. Важно отметить, что в конце XIX—начале XX веков ремесло и частное промышленное производство, несмотря на иностранную конкуренцию, продолжали развиваться. По подсчетам Энвера Зия Карала, к началу нынешнего столетия в Турции насчитывалось более 1500 промышленных предприятий, не считая государственных. Правда, из них только 60 имели современное оборудование³⁰¹.

Среди отдельных отраслей ремесленного и промышленного производства по своему экономическому значению на первом месте находилось ковроткачество. Далее шли шелководство, производство текстиля и мануфактуры, одежды, обуви, кож, мебели, железных изделий, пищевых продуктов и т. д.

Быстрый рост ковроделия был связан с увеличением вывоза его продукции за границу, с возросшими потребностями внутреннего рынка и усилением транзитной торговли.

Если в 30-х годах XIX в. в стране имелись лишь три крупных центра по производству ковров—Кыршехир, Ушак и Кугле,—то через 70—75 лет их число превысило 25. В 30-х годах было выткано всего 50—70 тыс. кв. м. ковров³⁰², а в середине 90-х годов только четыре главных центра—Ушак, Гёрдез, Демирчи и Кугле—дали 367.875 кв. метров³⁰³, т. е. продукция выросла более чем в 7 раз. Из этого количества на долю Ушака приходилось 250.875 кв. метров. Для сравнения укажем, что в 1882 г. здесь было выработано

³⁰⁰ ЦГВИА, ф. 401, оп. 1890, д. 3, лл. 53—56.

³⁰¹ См. *E. Z. Karal, Osmanlı tarihi*, с. VIII, s. 455.

³⁰² См. *А. Д. Новичев*, указ. произв. стр. 270.

³⁰³ *Vital Cuinet, La Turquie d'Aste*. Paris, t. III, 1897, p. 408.

около 180 тыс. кв. метров ковров, 100 тыс. кв. м. было экспортировано и 40 тыс. продано в Турции и Египте³⁰⁴.

Исходя из данных, приведенных главным образом в газетах «Бюзандион» и «Бюракн», наиболее полно освещавших экономическую жизнь страны, в Турции ко времени младотурецкого переворота в ковровом производстве насчитывалось 20 тысяч станков и примерно 40 тысяч рабочих (один станок обслуживался, как правило, двумя рабочими). Крупные фабрики, читаем в корреспонденции из Сиваса, «в каждом районе имеют свои мастерские, в которых стоят по 10—15 больших станков. Работницам—от 8 до 20 лет. За каждым станком под руководством мастера работают до 7 учениц. Трудовой процесс в мастерской направляет главный мастер»³⁰⁵. Применявшиеся здесь станки стоили дороже, по 50—100 курушей, а те, которые использовались в селах и у городских ремесленников,—15—22 куруша³⁰⁶.

Ремесленники постепенно теряли свою самостоятельность и превращались порою в надомников крупных предприятий. Последние посылали им на дом шерстяные и шелковые нитки и все необходимое с «тетрадью, куда заносились вес и количество полученного материала... Число работодателей велико, каждый из них располагает 5—150 станками»³⁰⁷.

По официальным данным, в 1910—1912 гг. уже имелись фабрики, на которых работали сотни рабочих. На фабрике братьев Вайинос в Конье насчитывалось 500 рабочих, на фабрике в Нигде—200 и т. д.³⁰⁸. Централизация коврового производства продолжала усиливаться. Так, в 1906 г. четыре крупнейшие торговые и производственные организации в Измире создали общество «Синдикат» с капиталом в 400.000 лир. В Ушаке возникла компания из 17 богатых предпринимателей и купцов—«Османлы халилары ширкети», располагавшая капиталом в 50.000 лир³⁰⁹.

До первой мировой войны, отмечает Орхан Конкер, ковровое производство в Турции и торговля коврами были сконцентрированы в руках «семи крупных товариществ: четырех турецких (вернее туркоподанных, ибо там были также греки, армяне и евреи—И. О.), двух британских и одного американского»³¹⁰.

³⁰⁴ Ed. Dulaurier, En Turquie d'Asie, Paris, 1883, p. 224.

³⁰⁵ «Република», 1907, № 52, էջ 1846.

³⁰⁶ «Република», 21. I—3. II, 1902.

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Annuaire Oriental, pp. 1486, 1687.

³⁰⁹ «Република» 1907, № 18, էջ 762—764.

³¹⁰ Orhan Conker, Redressement économique et L'industrialisation de la Nouvelle Turquie, Paris, 1937, p. 96. Автор приводит следующие названия этих компаний: 1. Хафиз Рюшто и К^о. 2. С. А. и Тулуян; 3. Леон Фараджи; 130

Следовательно, и в условиях Османского государства в отдельных отраслях хозяйства наблюдалась тенденция к концентрации при постепенном превращении торгового капитала в промышленный. Это явление имело место и в шелковой промышленности. Шелководство в Османской империи имеет давнюю и богатую историю. В своем развитии оно прошло несколько этапов. Более высокого уровня оно достигло лишь в середине XIX века. Н. И. Шавров, автор специального исследования по данному вопросу, отмечает, что в 1845 г. в Бурсе была построена «первая паровая шелкомотальня Тадияном Эфенди в компании с Фалькштейном на 60 мотовил»³¹¹. В следующем году там были созданы еще две фабрики. В 1859 году в Турции действовало 69 фабрик и мастерских с 4200 мотовил, а еще через шесть лет—85 предприятий и около 5000 мотовил. Затем в результате болезни шелкопряда наступил десятилетний спад. Производство коконов упало с 4 млн. до 400 тысяч килограммов³¹². Возрождение этой отрасли было довольно бурным. Шелководством продолжали заниматься не только в традиционных районах (Бурса, Измит, Гейве, Бандырма, Алеппо, Бейрут, Салоники), но стали его развивать и в Анатолии (Кайсери, Амасья, Адабазар) и в Западной Армении (Харпут, Эрзерум, Ван, Диярбекир) и в др. районах, где оно приносило прибыль. По данным «Бюзандиона», в 1898 г. в Бурсе было 41 предприятие, в 1900 г. во всем округе Бурсы—88, в 1906 г.—131. По Н. Шаврову, от Бурсы до Измита, т. е. в основном районе шелководства, в 1901 г. насчитывалось 96 предприятий и 5000 мотовил, в 1907 соответственно 165 и 9200. Во всей Турции в 1906 г. было «310 шелкомотален с числом мотовил 20200, на которых разматывается 985 тыс. кг, или около 61,5—62 тыс. пудов шелка»³¹³. Производство шелка-сырца заметно росло, что можно проследить по следующей таблице:

1891 г. — 3.426.027 кг.	1898 г. — 4.950.315 кг.
1894 г. — 4.581.106 »	1899 г. — 6.146.620 »
1896 г. — 5.386.113 »	1900 г. — 5.132.563 » ³¹⁴

В начале XX века среди экспортеров шелка Османская империя вслед за дальневосточными и европейскими странами, занима-

4. Леон Хиришкович; 5. Альберт Алфандари; 6. The Oriental Carpet Manufacture Ltd., 7. Eastern Carpet Industry Lhoi.

³¹¹ Н. И. Шавров. Шелководство и шелковая промышленность в Турции, ч. I, Тифлис, 1907, стр. 285.

³¹² «Вестник финансов...», 1901, № 28, стр. 103.

³¹³ Н. И. Шавров, указ произв., стр. 240.

³¹⁴ «Вестник финансов...», 1901, № 28, стр. 104.

ла заметное место на мировом рынке. Она опережала Россию и Балканы. Так, в 1906 г. эти страны произвели 18.371 тонну грены и 2.624 т. сырого шелка. Доля Турции составляла 14.156 и 1.281 т. В 1907 г. общая продукция шелководства в Турции, России и на Балканах составила: грены 21.640 т., шелка-сырца 2931 т. На долю Турции приходилось соответственно 18.105 т. и 1.550 т.³¹⁵ К этому времени подавляющее большинство предприятий было оснащено паровыми машинами. Происходило дальнейшее техническое вооружение всего производства. Русский генконсул в Бейруте К. Петкович писал, что в 80-х годах в Ливане было уже около 60 паровых шелкопрядильных фабрик, на которых работало до 3.850 колес³¹⁶. Видимо, все это позволило Шаврову сделать следующий вывод: «В Турции шелкомотальная промышленность принадлежит к числу немногих отраслей фабричной промышленности, поставленных на один уровень с европейской»³¹⁷.

Наиболее распространенной отраслью производства являлась текстильная промышленность в широком смысле этого слова. Очевидно, к Османской империи применимо известное положение Маркса: «Ткачество было первой из мануфактур и оставалось главной из них»³¹⁸. До середины прошлого столетия ткачество процветало, во многих центрах страны возникли кооперация труда и мануфактурные формы производства. Продукция текстильных и других предприятий пользовалась известностью не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. Специализация производства дошла до такой степени, что появилось разделение труда между городами. Так, ткани, производимые в Амасье и Малатии, окрашивались в Алеппо и Токате, рисунок наносился в Мосуле, другие ткани из Зиле попадали для отделки в Амасью и Токат. Дальнейшее развитие таких взаимоотношений, отмечает А. Д. Новичев, привело к тому, что в первой половине XIX века «в Турции уже существовала не только, как выражается Маркс, общая предпосылка капиталистического производства—производство и обращение товаров,—но и сам капитализм в зачаточном состоянии, имелась уже капиталистическая промышленность на дому, имелись также отдельные крупные мануфактуры и фабричные предприятия»³¹⁹.

Какие же изменения произошли в местном производстве и ремеслах Турции в условиях усиления конкуренции, после мощных, разрушающих ударов европейской промышленности?

³¹⁵ «Репершль», 1908, № 29, № 918.

³¹⁶ К. Петкович. Ливан и ливанцы, СПб, 1885, стр. 169.

³¹⁷ Н. И. Шавров, указ. произв., стр. 239.

³¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 55.

³¹⁹ А. Д. Новичев, указ. произв., стр. 98.

Часть предпринимателей, особенно мелких, обанкротилась, обнищала и попала в ряды рабочих. Сохранились некоторые отрасли, необходимые местному потребителю. Вне конкуренции остались производства, занятые переработкой скоропортящихся или трудно перевозимых продуктов, первичная обработка которых на месте была целесообразна (грена, шкуры, оливки, виноград, другие фрукты и т. д.). И наконец, продолжали развиваться специфические виды местного ремесла—производство ковров, восточных тканей, меди, изделий из железа, дерева, местной обуви, безделушек и т. д.

Итальянский консул в Трапезунде Соланелли в книге о Западной Армении, изданной в 1881 году, с восхищением писал о работе эрзерумских мастерских, выделявавших покрывала для женщин (чаршаф). «Нитки были столь тонки, что их производство было не под силу европейским ткачам»³²⁰.

Г. Казарян, тщательно изучивший состояние ремесел в Турции, приходит к выводу, что в середине века местное производство специализировалось и группировалось «по городам и отраслям, и этот процесс продолжался, так как дальнейшее усиление вывоза европейских товаров заставило усовершенствовать ручное производство, противостоять чудодейственной силе машин»³²¹.

Несколько ускорилось и создание мануфактур, современных фабрик и заводов. В текстильной и других отраслях стали шире применяться привозные машины, пряжа, краски. Подчас рисунок местных тканей, цвет подбирались по вкусу потребителей извне.

В связи с увеличением спроса, в Стамбуле, Салониках, Измире и некоторых других крупных городах появились большие мастерские по шитью костюмов, пальто, других видов верхней одежды для мужчин и женщин. Улучшились дела торговцев готовой одеждой—«хазырчи». Провинциальные торговцы через стамбульских купцов заказывали одежду и «брали ее в большом количестве. В 1906 году особенно много закупали Дамаск, Бейрут, Алеппо, Салоники и др.»³²².

На выпуске современных чулок специализировалась фабрика в Адане, которая использовала привозные нитки и краски и производила в день 800—1000 пар. Ее продукцию вывозили в Измир, Бейрут, Кайсери, Тарсус, Мерсин, Дедеагач, Хаджын и во многие провинции Анатолии³²³.

³²⁰ См. «Բազմազան», հատ. 40, 1882, էջ 297.

³²¹ Հայկ Գազարյան, Արևմտահայերի սոցիալ-տնտեսական և քաղաքական կացութիւնը, 1800—1870 թթ., էջ 202—203.

³²² «Բյուրակ», 1907, № 1—2, էջ 10.

³²³ Там же, № 9—10: стр. 237.

Характерной особенностью текстильной промышленности конца XIX века, пишет А. Амбарян, было то, что большая часть предприятий работала на импортной пряже³²⁴. Определенные успехи были достигнуты в производстве местной пряжи. За счет усовершенствования методов производства прядильные фабрики в Едикуле, Салониках, Тарсусе и в других местах увеличили выпуск продукции и вырабатывали нитки 12 номеров. Качество ниток настолько улучшилось, что отдельные их виды «оказались вне конкуренции даже у английских прядильщиков»³²⁵.

В своем отчете о материальных ресурсах восточного военного театра, составленном в 1876 г., Я. Малама отмечает, что суконная промышленность Турции страдала от европейской конкуренции. Привозные продавались дешевле, потому что были хуже по качеству. Несмотря на это, «турецкие сукна все еще ценятся высоко на востоке и убить это прекрасное, особенно в Сирии, производство, будет очень трудно»³²⁶. По данным Маламы, в Сирии в этой отрасли было занято до 6000 рабочих. В Токате имелось 1500 станков, в Амасье — 2500, в Мерзифоне — 3000. Как сообщил еженедельник «Бюраки», в Мерзифоне ткачи составляли шестую часть населения³²⁷. Была введена в эксплуатацию суконная фабрика в Багдаде. Эрзерум, Трапезунд, Харпут, Битлис, Ван, Мосул, Басра были известны своими прекрасными сукнами и другими тканями. Текстильные механизированные фабрики Мавримото и Тарабани в Адане и Тарсусе в начале XX века перерабатывали в год до 20 тысяч кип хлопка, что составляло почти половину общего производства этого хлопкосеющего района³²⁸.

На изготовлении манусы в санджаке Кайсери было занято до 3000³²⁹, в Айнтабе—6000 рабочих обоего пола³³⁰. На двух крупных текстильных фабриках в Харпите производилось в год не менее 10000 кусков разных тканей, которые охотно покупались в соседних вилайетах³³¹.

Борьба за укрепление позиций местных предпринимателей происходила и в других отраслях производства, в частности в кожевенном деле, которое, несмотря на нередкие опады, занимало почетное место в хозяйстве страны. В этой отрасли первичная обра-

³²⁴ Ա. շահրաշահ, указ. произв., стр. 189.

³²⁵ «Вестник финансов...», 1897, № 28, стр. 64.

³²⁶ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3818, л. 349.

³²⁷ «Բյուրակն», 1908, № 8, էջ 231:

³²⁸ «Բյուրակն», 1906, № 19, էջ 453—454:

³²⁹ «Տարեցույց սիլուսթրահայութիան», Բուխարեստ, 1939, էջ 152:

³³⁰ «Բյուրակնիտն», 5/17. XI. 1898:

³³¹ Там же, 27.IV.1906 г.

ботка сырья производилась на месте. Часть полуфабрикатов вывозилась. Вместе с тем ввозилось немало готовой кожи, особенно для нужд крупных предприятий Стамбула и других центров, производивших обувь, пальто и полупальто.

Из многих сотен больших и малых предприятий по переработке кожевенного сырья Малама выделяет около 20 наиболее значительных, в том числе в Токате с 500 и в Смирне с 300 рабочими³³². Несколько оправившись от иностранной конкуренции, турецкое кожевенное производство пыталось стать менее зависимым от импорта сырья. Примерно с 1890 г., в течение 15 лет ввоз кожи в Турцию не увеличился. В Константинополе (Едикуле, Саказы), в Измире и в других местах имелись большие кожевенные заводы, которые были в состоянии обрабатывать не только местное сырье, но и ввозимые на 400 тыс. лир из Южной Америки, Китая и Индии шкуры крупного рогатого скота. Для производства обуви ежегодно импортировалось также на 250 тыс. лир подошвенного и на 350 тыс. лир лицевого материала. Импорт кожи, отмечал еженедельник «Бюракн», способствовал улучшению качества обуви, которую даже начали экспортировать³³³. По сообщению еженедельника, в конце 1907 г. в Турцию были ввезены только лучшие сорта кож, а импортировалось также на 250 тыс. лир подошвенного и на 350 тыс. бараньих шкур, в том числе 150 тыс. на предприятиях Стамбула и 330 тысяч на других заводах³³⁴.

Одновременно с расширением кожевенного производства происходила его специализация. Так, обработка шкур крупного рогатого скота производилась в Бейруте и Зиле, овечьих и козьих—в Хомсе, Хаме, Дамаске, в Айнтабе выделялись только козы шкуры. В эти города сырье поступало из Битлиса, Харпута, Сиваса, Диярбекира и других мест³³⁵.

Сохранило свое значение и производство изделий из железа, цветных металлов, дерева и глины, как и маслоделие, виноделие, консервирование, сушение и обработка фруктов и т. д.

Развитие этих отраслей ремесла и промышленности также стимулировало формирование промышленной буржуазии, главным образом инонациональной.

С другой стороны, как было отмечено, начиная с последней четверти XIX столетия, происходило *слияние торгового капитала с*

³³² ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3818, л. 348.

³³³ «Република», 1906, № 16, № 362.

³³⁴ «Република», 1907, № 50, № 1781.

³³⁵ См. А. Руппин, указ. произв., стр. 152.

промышленным, что вело к усилению капиталистических отношений. Так, в Арабкире в 1879 г. хозяевами 1600 ткацких станков по производству манусы были местные купцы³³⁶. В Анкаре действовала паровая мельница, принадлежавшая группе купцов и финансистов. Эта же группа в 1905 г. приступила к строительству второй паровой мельницы³³⁷. В Кайсери 18 коммерсантов были одновременно предпринимателями³³⁸. В Измире три торговых дома организовали производство штапельной ткани³³⁹. В Амасье хозяин чулочной фабрики был одновременно владельцем специализированного магазина³⁴⁰.

Перечень подобных примеров можно было бы продолжить. Но и сказанное подтверждает тот факт, что капитализм даже и по турецким категориям и масштабам развивался в империи вширь и вглубь. Отражением этого процесса было появление новых технических и других профессий—механиков, электриков, печатников, фотографов, художников, фармацевтов, химиков и т. п. В городах империи все больше становилось высокооплачиваемых специалистов—инженеров, техников, мастеров.

Начиная с 80-х годов XIX века в Турции стали подниматься вопросы профессионального образования. Вслед за школой шелководства, которая начала функционировать в Бурсе в 1888 г. под руководством известного агронома К. Торгомьяна, появились и другие. Часто они создавались усилиями крупных предпринимателей, благотворительных обществ, религиозных организаций. Прелодавание в них велось на национальных языках. Отражая дух времени, армянская газета «Восточная пресса» писала: «Сегодняшний рабочий, кроме получения начального образования, обязан совершенствоваться в своей профессии, посещать специальные мастерские, где обучают профессиям механиков, кузнецов, литейщиков, скульпторов, художников и где, наконец, готовят квалифицированных рабочих, столь нужных для фабрик и заводов»³⁴¹. По мнению газеты, в профессиональные школы с 2—3-годовалным сроком обучения следовало принимать молодых людей в возрасте 15—20 лет, имеющих начальное образование.

Одним из основных показателей развития капитализма является рост численности рабочего класса. Эта тема—предмет специального исследования. История турецкого рабочего движения в

336 Գ. Սրվաճմաշեց. Քարոս աղբար, մասն Բ, էջ 281.

337 «Բյուրաշիկ», 1906, № 9, էջ 214.

338 Там же, 1907, № 13—14, стр. 333—334.

339 Там же, № 19—20, стр. 465.

340 Там же, № 21, стр. 876.

341 «Արևելյան մամուլ», Կ. Պոլիս, 1904, էջ 825.

новейшее время уже освещена в советской исторической литературе³⁴². Формирование и развитие рабочего класса Турции в более ранний период затрагивается нами лишь в той степени, в какой это необходимо для анализа процесса формирования буржуазии в Османской империи.

Как и во многих других странах, в Турции рабочие прошли этап крепостнических форм труда. Афет Инан отмечает, что крестьяне деревень, расположенных поблизости от рудников, были прикреплены к ним и не имели права покидать свое местожительство. Они были освобождены от уплаты ряда налогов и податей³⁴³. Такое положение сохранилось до 70-х годов прошлого столетия. Гусейн Авни пишет, что в 1863 г. руководитель горного департамента утвердил устав, в котором определялся порядок использования рабочих в Эреглийских угольных копях. Крестьянам 14 каз вилайета Кастамону вменялось в обязанность «работать 15 дней на поле и 15 дней в шахтах»³⁴⁴.

Академик В. А. Гордлевский, изучавший изданные в 1931 году в Стамбуле документы «Рудники Турции в Османскую эпоху», пишет, что работавшие в рудниках были приведены сюда силой; «кто мог, откупался деньгами и бежал из этого кромешного ада... Население ненавидело рудники»³⁴⁵. Оно предпринимало любые меры, чтобы рудники не действовали, засыпало новые разработки и т. д. Принудительный труд применялся также на военных заводах и других государственных предприятиях. Не лучше было положение рабочих, особенно подмастерьев и учеников, занятых на частных предприятиях, в ремесленных мастерских, или работавших за гроши на дому.

Начало формирования рабочего класса в Турции следует отнести ко второй половине прошлого столетия, когда началось железнодорожное строительство (1856 г.) и появились современные промышленные предприятия. Правда, Куртан Фишек отодвигает начало возникновения рабочего класса на более ранний период. В подтверждение этого он приводит полицейскую инструкцию, изданную в 1845 году. В ней говорилось о «необходимости предотвращения восстаний путем закрытия организаций и обществ рабочих...» и наказания «квалифицированных рабочих и трудящихся,

³⁴² Р. П. Корниенко. Рабочее движение в Турции 1818—1963, М., 1965.

³⁴³ Afet İnan, Aperçu generale sur L'histoire économique de L'Empire turcottoman, Istanbul, 1941, p. 40. (См. А. И. Валуйский, указ. произв., стр. 200).

³⁴⁴ Avni Huseyin, указ. произв., стр. 47.

³⁴⁵ Академик В. А. Гордлевский. Избр. соч., т. III, стр. 258.

втайне готовящихся к оставлению рабочих мест»³⁴⁶. Отсюда Фишек делает вывод о существовании в стране групп организованных рабочих. Однако двумя страницами ниже стачки и выступления трудящихся он относит лишь на период после 60-х гг. XIX века. Фишек приводит список таких выступлений, имевших место с 1872 по 1906 гг. Разумеется, приведенный перечень нельзя считать полным, поскольку в нем отражены только выступления трудящихся столицы и некоторых крупных центров. Подобные явления отмечались и на периферии. Г. Срвандзтянц описывает забастовку ткачей Арабкира, вспыхнувшую летом 1879 г. в связи с тем, что «зарплату им выдали бумажными деньгами»³⁴⁷. А ведь в то время здесь имелось свыше 1600 станков, на каждом из которых работало, как минимум, по одному человеку.

Характерными чертами периода становления рабочего класса являлись его разрозненность и неорганизованность. Волнения и бунты были редкими, они возникали стихийно, причем выдвигались только экономические требования. Большинство рабочих трудилось на мелких, часто не связанных друг с другом предприятиях. В стране не существовало никакого трудового законодательства. Рабочий день и заработная плата не были нормированы и целиком зависели от усмотрения хозяев. Чем меньше было рабочих на предприятии и чем больше имелось среди них детей и подростков, тем выше была степень эксплуатации. Это обычное явление для периода неразвитого капитализма. Газета «Мшак» писала, что в городе Ване «мастера, в зависимости от своего достояния, держали от одного до восьми учеников. Только наиболее состоятельные из них, которых можно было перечесать на пальцах, могли держать по 8—9 учеников, хозяева средней руки имели 4—5 учеников, но и это было им тяжело»³⁴⁸. Далее отмечалось, что возраст учеников составлял 10—20 лет. В ковровой, шелкоткацкой, текстильной и некоторых других отраслях промышленности широко применялся детский труд. Предпочтение отдавалось малолетним девочкам (6—7 лет).

На предприятиях Бурсы работали главным образом женщины. «Через год-два работницу шелкоматальни легко определить по бледному, пожелтевшему и блеклому лицу. При первом же заболевании работница лишалась места, ибо в море нищеты и окружавшего город бедного населения без труда можно было найти замену». Наблюдатели отмечали также постепенное увеличение чис-

³⁴⁶ Kurthan Fisek, указ. произв., стр. 43.

³⁴⁷ Գ. Սրվանձյանց, указ. произв., стр. 281.

³⁴⁸ «Մշակ», 3. XI. 1907.

ла работниц-мусульманок, которым поручалась самая черная работа. Армянская пресса того времени указывала на примечательные факты объединения работниц-мусульманок и христианок на почве общих экономических интересов³⁴⁹.

Такого рода классовый союз становился довольно частым явлением как среди рабочих, так и среди предпринимателей. Это явление приобретало особое значение в период формирования буржуазии и ее антипода—пролетариата и в условиях господства феодальных порядков. Недостаточное развитие капитализма отрицательно сказывалось на положении трудящихся. Однако, проникая в жизнь городского (а затем и сельского) населения буржуазные отношения в феодальной стране все чаще определяли его социальную структуру, заработную плату наемных работников, стоимость жизни и благосостояние народа. Ряд фактов подтверждает эту мысль.

Несмотря на удорожание жизни, заработная плата в течение 20—25 лет, предшествовавших младотурецкой революции, находилась, примерно, на одном и том же уровне. Самый высокий дневной заработок имели рудокопы и плавильщики—18—20 курушей, а простые рабочие и ученики получали 8—10 курушей. Мастера—ковроделы, ткачи, надсмотрщики или управляющие мастерскими, в зависимости от района, получали от 5 до 12 курушей. Среди женщин высоко оплачивались мастера новых специальностей. Так, в Бурсе лаборанткам, изучавшим при помощи микроскопа грону, платили от 10 до 18 курушей³⁵⁰, в то время как ковровщицы и ткачихи получали лишь 3—8 курушей.

Путята сообщал, что в середине 90-х годов плотник в Харпите получал в день 8—20 курушей, рабочий шелкомотальных мастерских—12—25, каменщик—10—20, поденщик на полевых работах—3—5 курушей³⁵¹. Ссылаясь на данные английских дипломатов, он приводит подробный перечень цен на рабочий труд и на предметы оптовой и розничной продажи в г. Адане за февраль 1880 г. Пекарь и булочник получали от 1 р. 50 коп. до 2 р. 50 коп. в неделю, т. е. 3 1/2—6 курушей в день, слесарь—15—35 коп. в день, кирпичник—75 коп.—1 рубль, столяр—70—90 коп., плотник—50—70 коп., поденщик на сельскохозяйственных работах—35—60 коп., продавец в лавке—10—20 коп., мясник—10—11 р. 50 коп. в месяц, контор-

³⁴⁹ «*Բյուզնդիֆոն*», 13. XI. 1909 թ.

³⁵⁰ «Вестник финансов...», 1901, № 35, стр. 373.

³⁵¹ «Сборник географических, топографических, статистических материалов по Азии», вып. XVI, стр. 106. 1 куруш официально был равен 8 копейкам, в практических же расчетах—всего 5,56 коп.

щик—150—500 руб. в год, механик (по устройству водяных мельниц и оросительных колес)—20 руб. в месяц и т. д. Средняя дневная зарплата рабочих массовых профессий составляла для обоого пола 2—4, самая низкая 1,5—2 куруша³⁵². В конце XIX века, вследствие произвола чиновников, иностранной конкуренции, стихийных бедствий, банкротств и т. д., в ряде промышленных центров стали закрываться предприятия, появились безработные. Например, в Адабазаре без работы оказались ковроделы, ткачи и рабочие других профессий. Они обратились в газеты с просьбой оказать содействие в возобновлении традиционных производств и в создании новых предприятий. Рабочие доказывали, что это будет выгодно предпринимателям, поскольку оплата труда очень низкая—3—5 курушей в день³⁵³.

Довольно четкое представление о тяжелых материальных условиях жизни трудящихся и некоторых мелкобуржуазных слоев города можно составить, сопоставляя уровень заработной платы с ценами на продукты питания и предметы первой необходимости.

В этом отношении интересны данные, приведенные в газете «Голос страны», корреспондент которой изучил материальное положение многих семей гор. Вана. Из 115 семей (каждая в среднем из 5 чел.) только 10 имели избыточное зерно со своих полей, часть которого они продавали, 19 семей могли удовлетворить свою годовую потребность в хлебе. Подавляющее же большинство из них (86) вынуждено было изыскивать возможности для обеспечения себя зерном и другими продуктами. По подсчетам корреспондента, для каждой из этих семей на одно лишь пропитание требовалось не менее 8 курушей в день, в то время как поденная оплата одного работника равнялась 4—5 курушам. Примерные расходы такой семьи в год составляли: на пропитание 2300, на одежду 700, на топливо и освещение 350, а всего 3.350 курушей³⁵⁴.

По данным, приведенным Путьятой, цены на основные продукты питания составляли: хлеб—2—3 куруша за окку (3 фунта), мука—2,5, картофель—2—3, баранина—2—4, говядина—1,5—2, курица—3—4,5, рис—около 4, сахар 6—7, табак 36—40 курушей за окку, яйца 3 шт.—1 куруш, молоко 3 литра 3,5—4,5 куруша и т. д.³⁵⁵.

Следует отметить, что цены в столице и других крупных городах были гораздо выше, чем в провинции. Так, масло сливочное

³⁵² «Արժ», 1909, № 9, էջ 27.

³⁵³ «Բյուզանդիոն», 23. II—8. III. 1902.

³⁵⁴ «Երկրի ձայնը», 1907, № 22, էջ 13—14.

³⁵⁵ См. Путьяга, указ. произв., стр. 137—138; Ն. Տաղաճարյան, указ. произв., стр. 7—8.

стоило примерно в 2—3, а топленое в 2 раза дороже, чем в Эрзинджане³⁵⁶.

Эти, как и многие другие данные, говорят о том, что экономическая и политическая неустойчивость в стране пагубнее всего отражалась на трудящихся классах, особенно в больших городах. Как уже отмечалось, пролетариат Турции был очень слаб и неорганизован. Еще только возникали более или менее крупные рабочие центры, причем они распределялись крайне неравномерно. В Константинополе было сконцентрировано 53,7% всех фабрик и заводов, в Смирне — 22,3%. Остальные 24% предприятий приходились на другие города и районы³⁵⁷.

По данным турецкой промышленной переписи 1913 и 1915 годов можно получить определенное представление о численности рабочих и служащих в империи. Правда, эти сведения неполные, так как переписью были охвачены только те предприятия, «в которых работало не менее 10 человек при наличии двигателя и не менее 20 при отсутствии такового»³⁵⁸. К тому же она проводилась только в столице и некоторых западных районах. Многие важные районы побережья Черного и Средиземного морей, как и предприятия горнодобывающей и металлообрабатывающей промышленности, в перепись не вошли. Однако, как правильно отмечает А. Д. Новичев, перепись все же охватывала наиболее крупные предприятия. Ниже приводятся общие данные по основным отраслям промышленности:

пищевая	— 76	предприятий,	3281	рабочих и служащих
горная	— 20	»	980	» »
кожевенная	— 12	»	930	» »
деревянная	— 19	»	705	» »
текстильная	— 75	»	7765	» »
бумажная	— 55	»	1897	» »
химическая	— 12	»	417	» »
Всего:	269		16.975 ³⁵⁹	

При населении страны свыше 20 миллионов человек количество рабочих, отраженное в переписи, не составляло, таким образом, и одного процента.

³⁵⁶ «*Византизм*», т. XII—1896.

³⁵⁷ *Д. Чакмакчи*, указ. произв., стр. 318.

³⁵⁸ А. Д. Новичев. Экономика Турции в период мировой войны, ст. 48.

³⁵⁹ Там же, стр. 49—51.

А. А. Губер и А. Ф. Миллер совершенно правильно отмечали, что в Турции «буржуазия была намного сильнее пролетариата», а рабочий класс «появился намного позже разрушения национального ремесленного производства, что обусловило исключительно крестьянский состав рабочих кадров и замедлило рост пролетарской классовой сознательности»³⁶⁰. Однако вместе с тем они говорят именно о *турецкой* национальной буржуазии и *турецком* пролетариате. Такое подчеркивание турецкого национального характера двух зарождавшихся классов не представляется нам правомерным. Напротив, эти классы были *многонациональными*, и роль именно инациональной буржуазии в экономической жизни Османской империи была весьма значительной.

---

³⁶⁰ А. А. Губер, А. Ф. Миллер. Политические и экономические изменения в странах Азии и Африки в XX в., «Народы Азии и Африки», 1965, № 6, стр. 8.

Г Л А В А III

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ БУРЖУАЗИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Исследование процесса разложения феодальных и зарождения капиталистических отношений в Османской империи показывает, что этот процесс был весьма затяжным и неравномерным в различных ее частях. Таков был общий исторический фон и одна из особенностей формирования и развития буржуазии как класса.

Другой его особенностью следует считать многонациональность «османской» буржуазии. Она состояла из представителей господствующей нации — турок, других мусульманских народов — арабов, позже албанцев, курдов, принявших мусульманство балканских элементов, а также из немусульман: славян, греков, армян, евреев, левантинцев и т. д. Этнические и религиозные различия оказывали определенное влияние на экономическое и политическое положение национальных групп буржуазии Османской империи. И наконец отметим, что турки и другие мусульманские народы в своем социально-экономическом развитии отстали от подвластных им немусульманских народов. Это в равной мере относилось и к самому процессу формирования буржуазии.

Такая неравномерность общественного развития различных народов империи объясняется различием их хозяйственного уклада, степенью их участия в производстве, а также политикой турок-завоевателей, которые монополизировали военную и государственную службу и, как феодалы, занимались скотоводством и земледелием.

Турки участвовали также в торговле и ремесленном производстве, однако, как отмечал Кемаль Ататюрк, они полагали, что в этих делах предпочтение следовало отдавать немусульманам. Так оно и было. До эпохи танзимата, то есть *в первый период* зарождения и развития капиталистических отношений в Турции, подобное распределение общественных функций в основном сохранялось. Как говорилось выше, до этого периода капиталистические отноше-

ния развивались почти без участия турок. По словам Ф. Энгельса, их торговая деятельность заключалась «в ограблении караванов» и во взимании «всевозможных произвольных и насильственных» поборов. «Греки, армяне, славяне и западно-европейцы, обосновавшиеся в больших морских портах, держат в своих руках всю торговлю»¹.

В период танзимата и до русско-турецкой войны 1877—1878 гг. усиление европейской конкуренции нанесло серьезный ущерб местному ремеслу, не приводя, однако, к полной деградации производства и торговли.

Последняя, напротив, несколько расширилась, главным образом за счет посреднических операций, в которые постепенно вовлекались представители мусульманских народов, в частности, турки. По утверждению Мырмряна, уже в 60-х годах XIX века не только в Константинополе, но и в других портовых городах и в некоторых крупных центрах посреднической торговлей занимались и «пользовались доверием крупных торговых домов турки, армяне, греки, евреи, болгары, грузины, черкесы, арнауты»². Однако данное явление не носило массового характера. Это были первые ростки мусульманской, в частности, турецкой национальной буржуазии.

Помимо указанных процессов, данный *второй период* истории буржуазии Османской империи был отмечен тем, что завершилось освобождение Болгарии и значительно уменьшилось влияние славянской буржуазии на экономику империи. В то же время все города и часть сельскохозяйственных районов страны заметно втянулись в растущие товаро-денежные отношения. На этом этапе в результате дальнейшего развития как немусульманской, так и мусульманской буржуазии, усиливалась ее борьба за политические права. Буржуазия добилась первых успехов была провозглашена конституция Мидхата паши, приняты и утверждены национальные конституции-регламенты.

В третий период, с 80-х годов XIX века и до младотурецкой революции, несмотря на господство феодальных отношений и полуколониальное положение страны, позиции буржуазии в Османской империи несколько укрепились. В частности, постепенно возрос удельный вес турецкой буржуазии в сфере производства и торговли. Процесс становления переживала также буржуазия других мусульманских народов. Греческой, армянской и еврейской буржуазии пришлось потесниться. Тем не менее эти сдвиги до конца пер-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 25.

² Յ. Գ. Մըմրյան. Քորըրահայոց հին վաճառականություն..., էջ 46:

вой мировой войны не изменили общей картины, и в экономике империи ведущая роль по-прежнему принадлежала христианской и еврейской буржуазии.

Это объясняется прежде всего тем, что основным источником, пополнения турецкой буржуазии в течение длительного времени был феодальный класс—землевладельцы и скотоводы, военнотружущие и чиновники феодального государства, и в меньшей степени слои, связанные с промышленным производством. Характерно, что турецкий буржуа еще долго сохранял связи с феодальной собственностью. Наряду с этим растущая турецкая торговая буржуазия, главным образом посредническая, была прямо заинтересована в сохранении феодальных порядков, при которых ей обеспечивались высокие прибыли от торговых операций. Это обстоятельство подтверждается многочисленными фактами, о которых говорится ниже.

О ВНУТРЕННИХ ФАКТОРАХ, ВЛИЯВШИХ НА ФОРМИРОВАНИЕ БУРЖУАЗИИ

Д. Авджиоглу на отдельных примерах показывает становление местного мусульманского богатея-буржуа. Так, он рассказывает об обогащении бывшего пастуха Хаджи-ага из санджака Ислахийе.

Этот пастух с помощью своего хозяина, армянина по национальности, сначала стал жандармом, затем капралом и наконец добрался до должности вилаетского чиновника. Он грабил, захватывал земли, скот. Воспользовавшись строительством школ и правительственных зданий, Хаджи-ага построил для себя несколько жилых домов, которые сдавал в наем. Другие факты. В Бейпазаре один бек захватил 140 тыс. дёнумов крестьянской земли и стал богатым человеком в округе. Капрал Хаджи Али из Коньи разбогател, захватив земли крестьян села Гёктепелер, которое переименовал по своему усмотрению. Он стал крупнейшим землевладельцем—«чифтликчи» в Эгейском районе. Это был дед А. Мендереса. Как заключает автор, многие люди стали крупными землевладельцами или капиталистами, приобрели состояние, главным образом, путем насилия, разбоя или используя свое общественное и служебное положение.

Другим важным средством обогащения Авджиоглу считает торговлю и ростовщичество³.

³ D. Avcıoğlu Türkiye'nin düzeni, s. 121—123.

Изучая состояние экономики Азиатской Турции в 80-х гг. XIX века, А. М. Колюбакин отмечал наличие почти всюду определенной доли турецкого капитала как в торговле, так и в производстве. Это было новым явлением. В городе Палу из 40 торговых домов 6 принадлежало туркам, явившихся посредниками у крупных коммерсантов Харпута. «Купцы из туток занимаютсЯ, главным образом, отпускной торговлей, отправляя отсюда овец, шерсть и пшеницу»⁴.

В Харлутской казе, где живут армяне и турки, указывает Колюбакин, был значительный имущий слой, обладавший «домами, банями, караван-сараями, виноградниками, пахотными землями и т. д. Некоторые из туток участвуют вместе с армянами в торговых операциях, казенных подрядах, в ашарном деле и прочее»⁵.

В самом Харпуге имелось 200 относительно крупных фирм и до 400 мелких магазинов и лавок. Оптовую торговлю в районе вели крупные фирмы, а розничная продажа осуществлялась через сеть мелких магазинов и лавок.

До 10% оптовых фирм принадлежали туркам, остальные—армянам. В розничной торговле доля участия мусульман была выше, она доходила до 20%⁶.

Печать также свидетельствовала о том, что в этот период мусульмане—турки, арабы, курды в ряде мест стали преобладать в мелкой розничной торговле, даже в продаже мануфактуры⁷, они прибрали к рукам скототорговлю.

Такова была картина на востоке страны. На западе, в собственно турецких районах, доля турецкой буржуазии была более значительной.

После проведения железной дороги Акшехир Конийского вилайета город стал значительным торговым центром. Ежегодно отсюда вывозили около 1000 вагонов зерна, до 700 корзин опиума, в большом количестве шерсть, тифтик (мохер), шкуры крупного и мелкого рогатого скота. Еженедельник «Бюраки» приводил имена 12 наиболее видных торговцев города, из которых пятеро являлись турками⁸.

В Балыкесире из 10 торговцев шкурой и пушниной четверо были армяне, четверо турки и двое греки⁹. В свою очередь «Бюзан-

⁴ ЦГВИА, ф. 82, оп. 86, д. 3053, л. 164.

⁵ Там же, л. 352.

⁶ Там же, л. 453.

⁷ См. «*Врлррл дшлрр*», 1906, № 9.

⁸ См. «*Врлррл дшлрр*», 1906, № 32.

⁹ Там же, 1907, № 9—10, стр. 238.

дион» сообщал, что в 90-х гг. в провинциях Малой Азии возникло значительное число торговых домов, принадлежавших магометанам, «которые в последнее время проявляют большую активность в коммерции»¹⁰.

Через несколько месяцев та же газета вновь писала, что «в Малой Азии мусульманами создано множество торговых домов»¹¹. По сообщению из Токата здесь в течение последних 50 лет выделка и продажа кожи и кожевенных изделий были сконцентрированы в руках турок¹².

Отмечалось равное с другими участие крупных коммерсантов—турок в посреднической торговле в Трапезунде, Сивасе, Буре, Кайсери, Адане, Смирне и Константинополе. Многие из этих купцов, например, Молла Заде из Трапезунда, помимо обширной посреднической торговли имели свое производство, в котором были заняты десятки и сотни надомников. Последними руководили специальные управляющие, или агенты купцов-предпринимателей¹³.

Отдельные богатые негоданты—турки добивались даже концессий в горной промышленности. В мае 1882 г. Юсуф Асым из Балыкесиры обратился в султанский дворец с просьбой передать ему право на добычу борацитов в этом районе, принадлежавшему французской компании. При этом он обещал вместо 9% государственного сбора платить 15 и даже 20%. Юсуф Асым жаловался, что несмотря на «высочайшее повеление, до настоящего времени тянется решение вопроса в мою пользу»¹⁴.

И хотя нам не известен результат этого обращения, сам факт свидетельствует о том, что некоторые представители турецкой буржуазии были готовы конкурировать даже с иностранными компаниями.

Интересно отметить, что в архивных документах, относящихся к 1908 г., говорится о продолжавшейся борьбе французов с местными концессионерами за обладание угольным бассейном Эрегли.

Среди концессионеров упоминался влиятельный камергер султана Рагиб-паша. Он владел значительным участком, «за уступку, которого потребовал от Ираклийского общества пять миллионов франков»¹⁵. Этот пример говорит о стремлении некоторых предста-

¹⁰ «*Ришадет-и Миле*», 28. XI. 1896.

¹¹ Там же, 10, II 1897 г.

¹² Там же, 31. III 1900 г.

¹³ «*Ришадет-и Миле*», 1907, № 11—12.

¹⁴ *Suat Türker*, Boraks macerası, Milliyet, 3. V. 1971.

¹⁵ АВПР, ф. Политархив, оп. 482, д. 1030, л. 9.

вителей правительственной верхушки участвовать в предпринимательской деятельности в целях извлечения спекулятивных выгод.

Подтверждением сказанного может служить и замечание автора статьи, опубликованной в газете «Голос страны» о том, что в Малой Азии «сегодня нет ни одной деревни, где бы не играл важную роль капитал разбогатевших беев, ага, эфенди. Немало и таких деревень, которые сами составляют часть их богатства»¹⁶.

О жестоких способах обогащения говорилось немало. Остановимся в связи с этим лишь на одном примечательном явлении.

После избиений христианского населения, организованных, как правило, властями, нажившиеся на погромах грабители были не прочь пустить в оборот свои капиталы. Рост богатства этих людей чаще всего происходил двумя путями. Одним из них был откуп налогов. На Балканах, в Западной Анатолии и Западной Армении откуп брали на себя почти исключительно мусульмане, главным образом представители турецких верхов.

Откупщики присваивали до 1/6 суммы собираемого с населения ашара и других налогов.

Другим путем был захват недвижимого имущества христиан или его приобретение за гроши во время погромов¹⁷.

Эти способы накопления капитала имели важное значение в усилении роли турецкой буржуазии в хозяйственной жизни страны.

В прессе приводились имена четырех влиятельных эрзерумских турок, которые в период армянских погромов 1895—1896 годов приобрели богатства, на сумму от 10.000 до 1.000.000 лир¹⁸.

Изучение фактов позволяет составить представление о формировании отдельных групп мусульманской буржуазии. Хотя это деление в значительной мере носит условный характер, но о таких группах можно говорить исходя, в частности, из способов образования собственности и ее трансформации. Довольно значительный слой составляли собственники земли, постепенно вовлекавшиеся в рыночные отношения. Они стремились расширить товарную часть производимой сельскохозяйственной продукции. Сосредоточив в своих руках значительные суммы, землевладельцы приобщились также к финансовым операциям. Таким путем возник, например, «Банк мусульманской торговли» Адабазара. Пайщиками вездесущего Земледельческого банка (Зираат Банкасы), становились новые толстосумы.

¹⁶ «Երկրի ձայնը», 1906, № 8, էջ 13—14.

¹⁷ Там же, стр. 14.

¹⁸ Там же, № 6, стр. 12.

В конце 1908 года газета «Бюзандион» сообщала, что несколько богатых курдов решили организовать в столице «банк с капиталом в 200.000 лир, целью которого является облегчение деловых операций между Константинополем и Анатолией»¹⁹.

Турецкая национальная буржуазия формировалась также из представителей верхушки страны: придворных, высших чинов гражданской и военной службы, судебных чиновников, из всех тех лиц, которые могли разбогатеть используя свое служебное положение. Официально они являлись лишь государственными служащими, живущими на свое жалованье. На деле эта категория людей жила и обогащалась, как известно, в основном за счет взяток, подношений и других подобных источников. Например, судебные инстанции принимали решения с учетом богатства, религиозной и национальной принадлежности лиц, которые к ним обращались. В конце 1886 года из Самсуна писали, что крупного греческого коммерсанта Савву Мавритиса, ложно обвиненного в присвоении 4000 лир, подкупленный вилайетский торговый суд обязал выплатить эту сумму. Представитель другого торгового дома К. Азарян, имевший подобную тяжбу с Режи, опасался, что подкупленный член суда, «местный видный коммерсант Лемли Оглу вместе со своими приспешниками проголосует против его дела, и тогда создастся большинство в пользу Режи»²⁰. Широкие возможности обогащения имели все мюдиры, мухтары, каймакамы, мютесерифы, вали, особенно министры и придворные. Начальник охраны сераля султана Абдула-Азиза, впоследствии военный министр и садразам Гусейн Авни-паша совмещал три должности и получал три оклада: «как садразам—750 тур. фунтов (лир), как военный министр—500 тур. фунтов и как начальник топхане—350 фунтов»²¹. Один из приближенных Абдул Гамида Зеки-паша одновременно выполнял функции начальника топхане, газхане, заводов по производству пороха и патронов, литейной мастерской, государственного кожевенного завода, осуществлял также общее руководство военными школами. Всюду он получал жалованье, бакшиш и накопил огромное богатство.

По утверждению П. А. Чихачева, министры, высшие военные и гражданские чины обходились государству в сумму, которая превышала шестую часть его годового дохода²². Разбогатев, они обычно приобретали земли, включались в товаро-денежные отношения,

¹⁹ «Բյւզանդիոն», 30. XII. 1908 թ.

²⁰ «Գրիկան հայոց պատմութիւն», հատ. ԺԳ, էջ 383.

²¹ «Русская мысль», 1908, № 8, стр. 183.

²² П. А. Чихачев, указ. произв., стр. 115.

становились предпринимателями-буржуа. Армия сановников и чиновников непрерывно росла, увеличивались расходы на их содержание. Ф. Х. Тёкин правильно отмечал, что «появились классы, которые имели постоянные выгоды от финансового голода, от полуколониального положения Османской империи. Они видели свою выгоду в сохранении абдулгамидовского режима»²³. Накопленные таким путем богатства вкладывались в землю, торговлю, в производство и банки.

Наиболее массовую группу, из которой пополнялись ряды турецкой буржуазии составляли и деревенские богатеи—кулак-ага, ростовщик, купец. Эта социальная категория была особенно консервативной. Она была связана с примитивными формами феодального производства и являлась самым жестоким эксплуататором трудящихся. Как продукт расслоения крестьянства, она появлялась тем медленнее, чем длительнее, затяжнее протекал процесс имущественной дифференциации. Главной сферой деятельности этих богачей являлось ростовщичество, ибо оно давало исключительно высокие проценты—вплоть до нескольких сотен. К этой группе примыкали мелкие чиновники, служители культа, военно-служащие, полицейские, лица, которые высасывали кровь сельского труженика. В странах Востока особенно в Османской империи имелись все условия для безнаказанных действий этих хищников. Таким образом, основные социальные слои, порождавшие турецкую национальную буржуазию, в своем большинстве были прочно связаны с феодальной земельной собственностью, были слишком «феодальными» и по действиям своим, и по идеологии.

Кроме указанных общественных слоев и групп, ряды турецкой буржуазии пополняли выходцы из интеллигенции, мелкой буржуазии, разнородные элементы турецкого общества. «В зависимости от местности и разных обстоятельств,—указывал Маркс,—турок бывает рабочим, крестьянином-арендатором, мелким земельным собственником, купцом, феодальным землевладельцем, стоящим на самой низкой и варварской ступени феодализма, чиновником или военным»²⁴. Эти слова были сказаны в середине XIX века, однако происшедшие в дальнейшем перемены не очень изменили общую картину.

Мелкая буржуазия была и остается главным резервуаром, пополнявшим два основных класса капиталистического общества—пролетариат и буржуазию. Как известно, в процессе разложения

²³ *F. H. Tökin. Türkiye'de siyasi partiler ve siyasi Düşüncenin gelişmesi, 1839—1965, İst., 1965, s. 30.*

²⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 6.*

крестьянства и сельской мелкой буржуазии появлялись батрак, наемный рабочий, сезонник, поденщик, возникала, небольшая еще, резервная армия труда. В то же время другая часть сельского населения, как было показано выше, стремилась к буржуазии и постепенно вливалась в ее ряды.

Мелкая буржуазия, особенно в период разложения феодализма, становилась активным участником политической жизни, сторонницей буржуазных свобод и порядков. В Турции наиболее активные процессы происходили, пожалуй в ее среде. В условиях постепенного разложения цехов формировался ремесленник-купец, который производил и сам продавал свой товар, усиливались позиции посредника, связывавшего крупных коммерсантов-оптовиков с надомниками. По мере роста населения развивалась мелкая торговая буржуазия, появлялась интеллигенция.

Городская жизнь становилась более активной, город задавал тон в районе своего административного, политического, экономического и культурного воздействия. В XIX в., помимо столицы и больших городов—Багдада, Дамаска, Алеппо, Измира, Бейрута и других, важными экономическими и культурными центрами становятся Кайсери и Анкара, Токат и Мерзифон, Конья и Бурса, Эрзерум и Сивас, Ван и Харпут и т. д. Они постепенно приобретали господствующее влияние. Ленинское положение о роли города, примененное к России, вполне можно распространить и на большинство городов Турции: «Деревня неизбежно идет за городом»²⁵. Города Турции чем дальше, тем больше влияли на политическую жизнь страны. История эрзерумских волнений начала XX столетия дает немало фактов, подтверждающих эти выводы.

В 1906 году в Эрзеруме был создан в качестве политического центра «миллийет меджлиси»—национальный совет. Членами совета были богатые люди, обладавшие «тысячами денумами земли, обширными поместьями, садами и огородами, они занимаются торговлей, одним словом, являются представителями турецкой буржуазии, безусловно, в европейском смысле этого слова»²⁶. Примечательно, что председателем совета они избирали муфтия, а некоторые из них, связанные с государственной службой, присоединились к движению городских низов лишь под «угрозой смерти со стороны народа, особенно со стороны средних классов населения»²⁷. В конце XIX—начале XX века такая активность мелкой буржуазии характерна была и для других городов страны.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 5.

²⁶ «Врќрр дшјрр», 1906, № 6, тј 12.

²⁷ Там же, подчеркнуто нами.

С некоторой оговоркой можно согласиться с выводом Г. Казаряна, что в национально-освободительном движении западных армян в 1870—80 гг. «в качестве руководителя и идеолога» выступала *буржуазия периферии*²⁸, которая опиралась на демократические силы мелкой буржуазии. В наши дни практика многих стран «третьего мира» также показывает, что там, где буржуазия и пролетариат еще не созрели для руководства, общественная жизнь направляется мелкобуржуазными демократическими организациями и элементами.

В Турции эти социальные слои проявляли большую активность, красноречивым доказательством чего могут служить состав и деятельность младоосманских и младотурецких организаций. Это объяснялось тем, что национальная буржуазия, будучи тесно связанной с феодальными слоями, в процессе своего формирования и превращения в самостоятельную социальную силу проявляла нерешительность и непоследовательность.

Процесс становления инациональной—греческой, армянской, еврейской—буржуазии в основных своих чертах, совпадает с классическими формами зарождения европейской буржуазии. Социальные элементы, из которых она образовалась, были связаны с ремесленным и промышленным производством, с обширной торговой деятельностью внутри империи и за ее пределами. Исследователи сходятся на том, что «ремеслами и торговлей—именно теми отраслями экономики, где скорее всего мог вырваться капиталистический уклад—занимались преимущественно нетурки и даже немусульмане»²⁹. Инациональная буржуазия была сконцентрирована, главным образом, в крупных центрах, приморских городах, особенно в Константинополе. В ее руках находилась в основном посредническая торговля. Из ее рядов вышла большая часть компрадоров. Инациональная буржуазия постепенно пополнялась финансовыми дельцами, банкирами, менялами, кредиторами. Вместе с тем некоторые элементы нетурецкой буржуазии происходили из кругов крупных землевладельцев, сборщиков налогов, мироедов, кулаков, ростовщиков и купцов. Они были тесно связаны с торговой буржуазией, часть которой вскоре начала заниматься промышленной деятельностью. Среди промышленников имелись разбогатевшие ремесленники и мастера, ставшие совладельцами предприятий инженеры и техники.

Следует отметить, что нетурецкая буржуазия была гораздо слабее связана с феодальными слоями, сильнее ощущала гнет

²⁸ Г. Казарян, указ. произв., стр. 430.

²⁹ Д. Е. Еремеев, указ. произв., стр. 178.

османского феодального строя. В силу этого она была менее консервативной, и настроена более оппозиционно, чем буржуазия турецкая. При этом немусульманская мелкая буржуазия больше страдала от шовиннистической политики господствовавших кругов. Выступая в качестве представителя интересов своего народа, она оказывала сильное давление снизу, требовала изменения существующих порядков, не давала «своей» буржуазии довольствоваться достигнутым.

Становление буржуазии в самостоятельный класс, превращение ее в силу, которая направляла экономику и политику, обычно совпадает с процессом формирования той или иной нации. Эта общая закономерность в различных странах проявлялась по-разному. В Османской империи во второй половине XIX века почти все народы Балканского полуострова, греки и армяне уже пережили период своего формирования в нацию во главе с буржуазией. Что касается турок и других мусульманских народов, то у них только начиналось развитие буржуазных отношений. Несомненно, между ними имело место взаимовлияние, которое ускоряло процесс разложения турецкого феодализма и развитие капитализма в империи. Оно содействовало также формированию буржуазной идеологии, распространению буржуазно-демократических и освободительных идей. Однако в условиях военно-феодального режима, постоянных религиозных и национальных притеснений фактор взаимовлияния не мог играть решающей роли. Поэтому формирование буржуазии у народов Османской империи, в определенном смысле, происходило в национально-ограниченных рамках. В силу этих причин национальная буржуазия выступала либо как христианская, либо как мусульманская.

Одновременно великодержавно-шовиннистическая политика и идеология господствующих классов Турции, препятствуя покоренным народам идти по пути самостоятельного развития, отрицательно сказались также на развитии самой турецкой нации и турецкой буржуазии. Энгельс придавал принципиальное значение национальному фактору. Имея в виду опыт национальных движений, формирования наций и национальных государств, он писал: «ни в какой стране господство буржуазии невозможно без национальной независимости»³⁰.

Создание «более либеральных» условий было в интересах всей развивающейся буржуазии Османской империи, это привело бы к расширению ее деятельности. Экономические факторы толкали буржуазию, в первую очередь инациональную, на путь поли-

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 382.

тической борьбы, заставляли ее добиваться соответствующих условий. В этой связи следует сказать, что неверно утверждение Яунтирана, будто христианские подданные империи являлись агентами иностранного капитала, а укрепление их экономических позиций было результатом «строя самоуправляющихся религиозно-светских общин, который султаны дали христианскому населению страны и евреям»³¹.

Яунтиран и некоторые другие авторы забывают, что подавляющее большинство любого народа составляют трудящиеся слои. У греков и армян это были крестьяне и ремесленники, у евреев—ремесленники, земледельцы, работники сферы обслуживания и т. д. Как правильно отмечал И. И. Голобородько, трудовой класс составлял «подавляющее большинство армянской нации; в сельских округах он состоял сплошь из земледельцев, а в городах—из ремесленников и мелких торговцев». Лишенные земли крестьяне, число которых росло не по дням, а по часам, превращались в «мараба, сельский пролетариат, отдающий свой труд батрака за бесценок земельным собственникам»³². О положении греческого населения М. Вронченко писал: «Греки земледельцы—бедны, богаты только торгаши»³³. Совершенно очевидно, что большинство населения было лишено материального достатка и лишь его незначительная часть богатела. Характерен следующий факт. Когда в середине 60-х годов выясняли возможность взимания взносов в пользу армянских религиозных общин, то оказалось, что уплатить небольшую сумму в 75 курушей могут лишь 3% всего армянского населения Стамбула³⁴. А между тем в целом оно было состоятельнее жителей Западной Армении и других турецких провинций.

Что касается общественно-религиозной самостоятельности, то она была относительной, охватывала лишь область просвещения, культуры, быта, религиозных верований и не распространялась на область экономических отношений. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть так называемые «национальные конституции», утвержденные правительством в 60—70-х годах XIX века. С другой стороны, эта условная самостоятельность в определенной мере способствовала сохранению и развитию культуры нетурецких народов, в чем и заключалось ее положительное значение.

³¹ См. «Международная жизнь», 1927, № 9, стр. 51.

³² Голобородько (Южанин) И. И. Старая и новая Турция, М., 1908 г., стр. 229.

³³ Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, составленное русским путешественником М. В(ронченко), СПб, ч. II, 1840, стр. 234.

³⁴ «Црор», 1910, № 2, т₂ 45.

Как видим, национальная принадлежность отдельных групп османской буржуазии в значительной мере определяла их влияние на экономическую и культурную жизнь страны. Вместе с тем роль этих групп зависела от их материальных возможностей и размера капиталовложения в хозяйство страны. Многие здесь зависело и от таких обстоятельств, как многовековые традиции и опыт, навыки деловой жизни, т. е. от совокупности ряда явлений, которые сложились в течение длительного времени в определенных исторических условиях. В подтверждение этого тезиса можно привести известные слова Маркса о том, что «именно славянская и греческая буржуазия во всех городах и торговых пунктах является подлинной опорой всякого рода цивилизации, какая только действительно проникает в страну»³⁵. Проникновение же цивилизации в военно-феодальную империю приводило к разложению господствующего строя, к тому, что правящая верхушка была вынуждена уступать свои позиции элементам нового общества, главным образом нетуркам и немусульманам. Эти последние, говорил один из лидеров и теоретиков младотурок Дженаб Шехабэддин, «занимались промышленной и торговой деятельностью, а турки не хотели допустить их в армию и администрацию», полагая, что если «мы завоевали страну, то должны сами же защищать ее и управлять ею»³⁶.

Итак, действительность была такова, что господствующие круги империи с начала ее зарождения сами определили условия и направление жизни покоренных народов, исходя из их религиозной и национальной принадлежности. Они ревниво охраняли установленный порядок. При таком положении достаточно было принять мусульманство, чтобы попасть в привилегированное общество. К. Маркс подчеркивал это обстоятельство как важнейшую характерную черту турецкого общества. «Но какое бы социальное положение он ни занимал,—писал Маркс о турках,—он принадлежит к привилегированной религии и национальности—он один имеет право носить оружие, и самый высокопоставленный христианин обязан при встрече уступать дорогу мусульманину, принадлежащему к низшему слою общества»³⁷.

Принадлежность к определенной религии и национальности в Османской империи приобрела социальную окраску. Отражением этого можно считать довольно распространенное мнение, будто «турки, неся большие потери в частых войнах, были лишены воз-

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 25.

³⁶ Maurice Pernot, La question turque, Paris, 1923, p. 125.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 6.

можности развиваться численно и в экономическом отношении», а в это время греки, армяне и другие немусульманские национальности «господствовали в торговле и экономической жизни империи»³⁸.

Говоря об этих войнах, Оя Сенджер отмечала, что укрепление экономической и военной мощи западных держав привело некогда грозную турецкую армию к ряду последовательных поражений. «Поэтому войны XVII—XIX веков не могли, как раньше, иметь серьезное влияние и давать экономические выгоды. Если прежде война являлась средством приобретения извне дополнительного богатства, то теперь этот путь закрывается и пропадает важный источник дохода»³⁹. В связи с этим правительственные круги стали обращаться к внутренним источникам. В этом плане важно показать соотношение роли и значения немусульманской и мусульманской буржуазии.

Освобождение Болгарии от турецкого ига совпало с периодом значительного развития здесь капиталистических отношений. После этого на Балканах было неспокойно, и полное освобождение славянских народов завершилось во время балканских войн. По этой причине о роли славянской буржуазии в экономике Османской империи в конце XIX—начале XX века сказать можно немного. Напротив, в этот период очень значительными были доля греческого капитала и его влияние на всю хозяйственную жизнь страны. Христианские народы составляли примерно треть 12-миллионного населения империи, в том числе греков было 1,5 миллиона. Они занимали ведущее положение в столице и приморских городах, как и в некоторых торговых центрах Анатолии. Их конкурентами нередко были армянские коммерсанты. По свидетельству Мырмряна, начиная с 1860 года, в Константинополе, Бурсе, Измире, Адрианополе, Никодимии (Измит) и Кайсери появилось около десятка крупных фирм, торговавших мануфактурой, хозяевами которых стали армяне. Греки уступили им эту область коммерции, занявшись более устойчивой финансовой деятельностью и торговлей пищевыми продуктами. Однако, пишет Мырмрян, «до сих пор (книга издана в 1908 г.—И. О.) армяне ни богатством, ни широтой деятельности и пафосом созидания не могут подняться до уровня великих греков Средиземноморья, Эгейских островов и Египта»⁴⁰.

³⁸ *Sadı Koças*, *Senatör, Tarih boyunca Ermaniler ve Türk-Ermeni İlişkileri* İkinci baskı, Ankara, 1967, s. 60.

³⁹ *Oya Sencer*, *Türk Torlumunun Tarihsci evridi*, s. 34.

⁴⁰ А. Г. Мырмрян, указ. произв., стр. 46.

В руках греков сосредоточилась основная часть торговли с западными странами, продажа пищевых продуктов, муки, сухофруктов и многих других товаров, а также значительная часть промышленности ковров, шелка, мануфактуры. Они занимали ведущее положение и в руководстве некоторыми хозяйственными ведомствами. Одна треть членов Османской торговой палаты представляла греческие фирмы и организации. В торгово-промышленной палате, основанной в 1884 году, вплоть до балканских войн греки составляли большинство⁴¹. В Западной Анатолии им принадлежали почти все мельницы. Греки владели тремя из шести лесопильных заводов, литейными и железодельными предприятиями и т. д.⁴².

Обширной была также деятельность армянской буржуазии. Длительное время она держала в своих руках торговлю пряжей и мануфактурой, имела связи с европейскими центрами и внутренней Анатолией, вела торговлю скобяными и металлическими изделиями, топливом, бакалейными товарами. Армяне вели значительную часть финансовых операций. «Будучи опоспособными в ремеслах, они во многих отраслях почти не имели конкурентов в Османской империи»⁴³. К их числу относились ювелирное дело, производство мебели, шитье европейской одежды, сапожное дело и т. д. Многие теряя во время антиармянских погромов и политических кампаний, армянская буржуазия умело пользовалась любыми возможностями для восстановления утраченных позиций и богатства. Ей удавалось, как указывал Фр. Грин, принимать «широкое участие в разнообразных отраслях торговли, промышленности и сельского хозяйства». Долгое время прожив среди армян, Грин правильно подметил истоки их энергии, их способности. Армяне, писал он, «любят свою родину и предназначены играть видную роль в деле морального и материального возрождения Западной Азии»⁴⁴. Армянская буржуазия надеялась, что со временем естественным ходом развития, либо при помощи великих держав ей удастся завладеть рынком Западной Армении.

Третьей инациональной группой, занимавшей заметное место в экономике Турции, являлась еврейская буржуазия. По указанию своих национальных организаций и руководителей, она не должна была участвовать в политической борьбе, а заниматься только хозяйственной деятельностью. Осенью 1908 года орган сионистов в России еженедельник «Рассвет» отмечал, что «все другие

⁴¹ „Milliyet“, 11.IX.1907, 5.

⁴² А. Д. Новицев, указ. произв., стр. 108.

⁴³ Sadi Koças, указ. произв., стр. 68.

⁴⁴ Сборник «Положение армян в Турции...», стр. 312.

национальности, за исключением турецкой и еврейской, мечтают не о реформировании и возрождении, а о распаде Турции»⁴⁵. Подобное стремление к общей политической цели еврейской буржуазии и господствующих кругов Турции красноречиво говорит за себя. Еще более откровенно ставит точки над «и» один из лидеров сионистского движения Вл. Жаботинский. Он писал, что национальная политика евреев (т. е. еврейской буржуазии—И. О.) «должна носить ясно выраженный туркофильский характер, ее руководящим принципом должно быть сохранение политического преобладания в империи за турецкой народностью и укрепление добрых взаимоотношений между последней и еврейством»⁴⁶. После младотурецкого переворота в местной прессе появились сообщения о том, что руководители сионистского движения, в частности Герцель, начали переговоры с Абдул Гамидом. Обещая ему безусловную преданность еврейского народа султанскому трону, они «просили уступить им Палестину для ее заселения и колонизации». Однако Абдул Гамид обманул их, не предприняв каких-либо конкретных шагов в этом направлении. Те же сионистские руководители заигрывали и с младотурками, выдвигая заманчивую для последних перспективу вытеснения при помощи турецких властей греческой и армянской буржуазии, предоставления простора еврейской, которая обязывалась подчинить свою деятельность интересам «возрожденной Турции»⁴⁷.

В одном из дипломатических документов говорится о тенденции еврейской буржуазии, по возможности, не вмешиваться в распри других народностей империи, не играть «никакой политической роли. Евреи живут со всеми дружно и занимаются исключительно торговлей и ремеслами»⁴⁸.

Значительна была роль евреев в развитии плантационного хозяйства, в разведении цитрусовых, винограда и ряда других культур в Палестине и некоторых соседних районах⁴⁹. Здесь три четверти торговцев составляли евреи. В руках мусульман находилось 15, у христиан—всего 10% торговли⁵⁰.

Представитель комитета по заселению Палестины Фред Носик писал в английской газете «Таймс», что значение деятельности евреев должно заключаться в росте «прибылей от внешней и внутренней торговли». Он отмечал, что еврейские поселения, которые

⁴⁵ «Рассвет», СПб., 1908, № 46, стр. 10.

⁴⁶ Там же, 1909, № 10, стр. 6—7.

⁴⁷ «Икштштштштшт», 20. VII—2. VIII 1909, № 34.

⁴⁸ АВПР, Новый турецкий стол, д. 7601, 1910, л. 12.

⁴⁹ См. Плантационное хозяйство в Палестине, Пг, 1913, стр. 4—5.

⁵⁰ См. «Рассвет», 1909, № 16, стр. 17.

в недавнем прошлом представляли пустынные места, уже сейчас вносят в казну 717 тысяч курушей⁵¹. Такая полезная экономическая деятельность, по мнению сионистского руководства, должна была создать условия для организации еврейского национального очага в Палестине, разумеется, с ведома и при помощи турецких властей.

Обширная деятельность инациональной буржуазии в экономической жизни империи несомненна. В научной литературе имеются расхождения при определении роли отдельных ее групп. У некоторых авторов вопрос о деятельности нетурецкой буржуазии часто сводится к действиям компрадоров. Подчеркивается непомерное развитие торгового капитала в Турции, в особенности торгово-посреднического капитала в приморских городах и других крупных центрах. «В экономике страны,—пишет Д. И. Вдовиченко,—особенно во внешней торговле, важные позиции занимала компрадорская буржуазия, в основном нетурецкая по своему происхождению (греческая, армянская, еврейская), вся деятельность которой была тесно связана с деятельностью иностранного капитала»⁵².

Тем самым, между отдельными группами буржуазии, исходя в основном из национального признака, проводится определенная грань, которая, на наш взгляд, может быть оправдана лишь для отдельных периодов политической борьбы буржуазии. И. В. Алибеков также отличает компрадорскую буржуазию от турецкой национальной торговой буржуазии именно тем, что интересы первой «тесно переплетались с интересами иностранного капитала»⁵³.

Эти оценки, в целом правильные, не учитывают, однако, наличие определенных связей между отдельными группами буржуазии, независимо от национального признака. Далее, не видя для экономики Османской империи ничего положительного в деятельности компрадорской буржуазии, указанные авторы проводят резкую грань между компрадорами и национальной буржуазией, в то время как обе эти группы прекрасно уживались и совместно обслуживали внутреннюю и внешнюю торговлю. По всей видимости, подобный вывод обусловлен недостаточностью статистических и других материалов. Мы постараемся представить более полную картину по этому вопросу. Говоря о путях образования капитала, Маркс указывал, что его исходным пунктом является купеческое и ростовщическое богатство. Разъясняя свою мысль об условиях накопле-

⁵¹ «Республика», 14. II. 1911.

⁵² Д. И. Вдовиченко. Национальная буржуазия Турции, стр. 8.

⁵³ И. В. Алибеков. Государственный капитализм в Турции, стр. 14.

ния кипатала, Маркс далее указывает на невозможность этого процесса в формах, подобных ремесленному труду, мелкому земледелию и т. д.⁵⁴. Если с этой точки зрения рассматривать торговые и финансовые операции в Османской империи и попытаться показать, как использовался капитал компрадоров, крупных торговцев и финансистов в целях расширения производства и коммерции, то тогда можно составить более ясное представление об исторической роли компрадорской буржуазии, в особенности до превращения Турции в полуколонию.

В цитированной нами работе болгарского ученого Н. Т. Тодорова приводится пример семьи торговцев и промышленников Гюмушгерданов. В первой половине прошлого столетия Гюмушгерданы постепенно расширяли свою деятельность «как в области производства, так и в области торговли и ростовщичества, широко привлекая капиталы других лиц». Антанас Гюмушгердан стал крупнейшим предпринимателем текстильной промышленности Болгарии. Он снабжал сырьем ремесленников Родопского района, ввел сдельную оплату, нанимал рабочих и фактически создал «рассеянную мануфактуру».

В деятельности Гюмушгерданов, отмечает Н. Тодоров, «имело место постоянное сочетание торговых и промышленных операций»⁵⁵. В другой работе Н. Т. Тодоров отмечает, что Антанас Гюмушгердан, помимо абаджийства (производства абы), «занимался еще торговлей бакалейными, сельскохозяйственными и другими товарами». Он также снабжал надомников шерстью, вел ростовщические кредитные и банковские операции и полученные суммы вкладывал в торговлю и промышленность⁵⁶.

Любопытна история деятельности другого дельца—сарафа и крупного купца-посредника Мкртича амира Джезаирли. В 1850 году он получил на 6 лет право на томаженный сбор с торговли шелком в Бурсе, с условием построить за счет своих прибылей ряд шелкомотальных фабрик. Амира успел ввести в эксплуатацию 4 фабрики. Потом добился права на таможенные сборы в Измире и на Крите, втрое увеличив взносы в казну. На его беду среди его противников оказались фавориты султана, и в конце 1852 г. Мкртич амира Джезаирли пришлось отстраниться от дел. Если бы финансами страны ведали подобные люди, а не расточительные паши и

⁵⁴ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 41, 43.

⁵⁵ Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, 1958, № 23, стр. 86.

⁵⁶ См. Ученые записки Института славяноведения, 1958, т. XVI, стр. 118.

вельможи, писал его биограф, то «не росли бы внешние долги». Вскоре Мкртича амира Джезаирли постигла участь, обычная для многих предпринимателей-христиан в Турции. Он был арестован, а его имущество разграблено. При описи оно было оценено в 1833825 лир. Из них 156.250 лир (8%) было вложено в торговлю и 147.500 лир (7%) — в промышленность (кораблестроение, шелкоткацкие фабрики и другие производства)⁵⁷.

В связи с заключением концессии и оформленном упоминавшегося уже Эреглийского общества угледобычи, «Бюзандион» поместил специальное сообщение, в котором приводились имена его основателей и главных пайщиков. Среди них в качестве представителей Османского банка, средиземноморского пароходства и других компаний были такие крупные коммерсанты, финансисты и землевладельцы, как Л. Зарифи, Янко бей, Еонидис и др. Эреглийскому обществу, в котором господствовал капитал компрадоров, было предписано построить порт, вместе с морским министерством построить железную дорогу Эрегли—Зонгулдак, разрабатывать все руды, которые будут обнаружены во время строительных работ и т. д.⁵⁸. Мырмян перечисляет десятки представителей посреднической торговли, которые одновременно занимались банковскими операциями, финансировали предпринимателей и купцов, основывали плантационные хозяйства, строили фабрики и заводы. К ним относились бр. Гюлбенкяны, бр. Есаяны, бр. Паляны, Дадияны и многие другие⁵⁹. Тот же автор в работе, посвященной двум последним семьям, писал, что в приморских районах они имели до 30 тыс. дёнумов земли стоимостью в миллионы лир, обладали поместьями. Кроме того, около Кючюк Чекмеджи им принадлежало «одно большое озеро»⁶⁰.

Далее Мырмян называет 7 крупных торговых домов, которые с 1875 года занимались и банковским делом, а также 44 известных столичных и периферийных дельцов, одновременно являвшихся торговцами, финансистами и тесно связанных с сельским хозяйством⁶¹.

Крупнейший торговец железными изделиями Асатур-ага, получивший прозвище «Демирджи-баши», вложил часть своего капи-

⁵⁷ Архив Музея литературы и искусства, ф. Т. Азатяна, рукоп. «История дел сарафа Мкртича амира», стр. 5—36.

⁵⁸ «Քրիստոնեական», 19. XII. 1896.

⁵⁹ А. Г. Мырмян, указ. произв., стр. 105, 116, 119.

⁶⁰ Его же, «Մանակի պատմութիւն հայ մեծատուններու», Կ. Պոլիս, 1909, էջ 238—239.

⁶¹ «Քրիստոնեական», 1907, 38, էջ 1405, № 39, էջ 1444.

тала в горную промышленность⁶². В Манисе финансист Аренц Эфенди построил предприятие по производству электроэнергии⁶³. В 1909 году группа коммерсантов-армян создала компанию с капиталом 23.000 лир (каждый пайщик внес по 1000 лир) с целью «способствовать развитию турецкой торговли и индустрии»⁶⁴. В Конье известный коммерсант Ильяс Чеха организовал банк для развития местной торговли и промышленности⁶⁵.

Потребности экономического прогресса порой приводили к использованию феодальных институтов в чисто капиталистических мероприятиях. По утверждению Джеляла Баяра, в годы первой мировой войны являвшегося ответственным секретарем измирского комитета «Иттихад-ве Теракки», после конфискации у иностранных компаний железных дорог возникла необходимость подготовки для них кадров. В связи с этим в июне 1915 г. в Измире была открыта специальная школа, расходы которой взял на себя комитет национальной обороны. В дальнейшем финансовую помощь школе оказывало такое феодальное учреждение, как управление вакфами. В течение ряда лет школа выпустила 800 специалистов-железнодорожников⁶⁶.

Приведенные примеры достаточно убедительно говорят о том, что компрадоры не ограничивались лишь посредничеством в торговле. Это противоречило бы их интересам и не соответствовало естественному стремлению капитала расти и охватывать все новые отрасли хозяйства. В таком именно плане следует оценить деятельность компрадорской буржуазии. Компрадоров надо рассматривать не только как посредников-торговцев, но в ряде случаев и как предпринимателей и финансистов.

По определению «Краткого экономического словаря», компрадоры—это верхушка буржуазии в колониальных и полуколониальных странах. К ней относятся купцы—посредники, банкиры, ростовщики и «некоторая часть промышленной буржуазии», тесно связанная с иностранными капиталистами и местными феодалами⁶⁷.

В Османской империи компрадорская буржуазия процветала при прямой поддержке господствующих кругов. Но и она была подвержена, как мы уже видели, гонениям и произволу, и ее пред-

⁶² Там же, № 35, стр. 1309.

⁶³ «Республика», 13. XI. 1908.

⁶⁴ «Республика», 1906, № 7.

⁶⁵ «Ушак», 7. IV. 1910.

⁶⁶ Цитируется по «Milliyet» 11.9.1970.

⁶⁷ См. Краткий Экономический словарь, М., 1958, стр. 134.

ставителей не спасала принадлежность к группе компрадоров. По мнению Оя Сенджер, укреплению позиций оттоманской буржуазии, мешал ряд неблагоприятных факторов—капитуляции, низкие таможенные тарифы, практика насильственных захватов имущества, конфискация и т. д. Все это «серьезно препятствовало накоплению богатств, которое и без того, в силу экономической структуры, было весьма затруднено»⁶⁸. В этих условиях компрадорская буржуазия служила одним из важных каналов для аккумуляции богатств и денег, которые при благоприятных обстоятельствах направлялись на развитие производительных сил страны.

Другая сторона вопроса заключается в том, что империализм, ломая национальные рамки, вынуждал все социальные группы, в особенности буржуазию и ее составную часть—компрадоров, обслуживать нужды мирового рынка. «Международное обращение,—писал Маркс,—как и внутреннее, требует постоянно изменяющегося количества золота и серебра. Поэтому часть накопленных сокровищ служит у каждого народа резервным фондом мировых денег, который то исчерпывается, то снова наполняется соответственно колебаниям товарного обмена»⁶⁹.

Вовлеченные в международные биржевые и торговые связи компрадоры Турции и так называемые фанариоты Константинополя, известные своими несметными богатствами, вводили в оборот часть своих накопленных сокровищ.

Таким образом, капиталы этой части буржуазии являлись одним из источников финансирования торговли, промышленности и земледелия, что мы и постарались показать на конкретных примерах.

Какова была роль турецкой и в целом мусульманской буржуазии в развитии хозяйства страны в изучаемый период? На этот вопрос выше был дан общий ответ. Уточним лишь его некоторые аспекты.

В одном из своих трудов турецкий историк Ахмед Бедеви Куран нарисовал характерную картину, относящуюся к столице империи конца XIX века. В районах Галата и Бейоглу он не находит ничего турецкого, кроме появлявшихся иногда в шикарных каретах вельмож, наезжавших туда для покупок и прогулок. Во всем Стамбуле он не знает ни одной приличной гостиницы, ресторана или другого объекта обслуживания, который принадлежал бы туркам. Молоко и молочные продукты продавали болгары и албанцы, табак—персы, хамалами были курды. «Специальными дворцовы-

⁶⁸ Оя Сенджер, указ. произв., стр. 35.

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 132.

ми делами занимались почти исключительно арабы и черкесы. Туркам оставались военная и государственная служба да мелкая торговля⁷⁰. Экспорт и импорт также не были монополией турок. Отставали они и в области культуры. «Особенно в медицине, химии, архитектуре, инженерном деле и в областях внегосударственной службы проявление инициативы со стороны турок было лишь временным явлением».

За исключением памятников, оставленных нашими предками, отмечает А. Б. Куран, «наиболее выдающиеся здания Стамбула построены иностранцами или армянскими мастерами»⁷¹. Кроме четырех государственных предприятий, которые, по словам автора, можно назвать турецкими, остальные принадлежали иностранцам или представителям национальных меньшинств, снабжавших столицу даже мукой и сибирским маслом. «Одним словом, всю промышленную продукцию, от иголок до ниток, мы получали извне»⁷². Конечно, А. Б. Куран несколько сгущает краски. Известный нам Мырмян отмечает, что в 80-х годах XIX века уже имело место «большое оживление и деловое старание в торговле наших турецких соотечественников, чего почти не было в предшествующем поколении»⁷³.

Правда, в торговле еще нередко применялись чисто турецкие методы обогащения и подавления конкурентов—незаконные конфискации и захват чужого имущества, произвольная оценка товаров и т. п. Ю. А. Петросян, говоря о беззакониях со стороны администрации, писал, что часто «по прибытии в порт судов турецкого каботажного флота их занимала полиция, и полицейские чины объявляли капитанам, что груз конфискуется в пользу правительства. На деле же это был произвол губернатора, который злоупотреблял своей властью в целях наживы». Из дальнейшего изложения мы узнаем, что стамбульский префект Хюсейн-бей забирал суда с топливом, платил за груз самую низкую цену и переправлял захваченное в свои магазины. Таким путем он монополизировал всю дровяную и угольную торговлю столицы⁷⁴.

Из сообщения русского консула в Трапезунде за 1893 год видно, что в числе владельцев основных фирм, торговавших продуктами сельского хозяйства, были четыре турка, четыре грека, один русский и один армянин⁷⁵. Проживавшие в Харпуте турки, кроме

⁷⁰ *Ahmed Bedevul Kurun, Harbiye mektebinde hürriyet mücadelesi, Ist., s. 57.*

⁷¹ Там же, стр. 58.

⁷² Там же, стр. 59.

⁷³ А. Г. Мырмян, указ. произв., стр. 160.

⁷⁴ Ю. А. Петросян. Младотурецкое движение, стр. 21

⁷⁵ «Вестник финансов...», 1894, № 47, стр. 618.

земледелия, занимались дублением кож, сапожным, седельным, портняжным и кузнечным ремеслом, торговлей бакалейными товарами и т. п.⁷⁶. В Малатии значительная часть торговли, производство шорных и железных изделий, мяса и хлеба также находились в руках турок⁷⁷. Небезынтересны и данные о роде занятий самодельного населения турецкого квартала города Вана, где в начале XX века турок насчитывалось 40% (11 из 27 тысяч). Среди них государственные служащие составляли 23%, обладатели собственности (дом, магазин, сад, земля, скот)—35%, бакалейщики—12%, мясники—8%, огородники—13%, ремесленники и обслуживающий персонал—9%⁷⁸.

Приведенные данные показывают, что значительная часть турок, проживавших в Ване, принимала участие в торговле и производстве. Такая картина наблюдалась и в ряде других городов.

Это говорит об определенных изменениях в характере деятельности турецкого городского населения империи. Эта тенденция все больше давала о себе знать. В 1897 году сообщалось об открытии «новых торговых домов в Малой Азии со стороны магометан»⁷⁹. Через три года писалось о прибытии из периферии в Стамбул большого числа «купцов-турок для закупки оптом мануфактуры»⁸⁰.

В районах центральной Анатолии, в частности в санджаке Кёнен Конийского вилайета, «подавляющее большинство купцов—турки, они торгуют главным образом мануфактурой, сельскохозяйственными продуктами, колониальными товарами и табаком»⁸¹.

В городе Тосья вилайета Кастамону признанным главой всей торговли являлся Халфазаде Али Эфенди. Были и другие видные коммерсанты: Николаки Мавридиадис, Ходжа Заде Эфенди, Гапакчки заде Хафыз, Хамамчи Заде, Эскифоглу Хаджи Садык, А. Гаришян, Угурлу Оглу Рашид и др.⁸².

В санджаке Кайсери Анкарского вилайета экспортом занимались главным образом армяне. Но из 18 импортеров 7 были турки⁸³.

В торговлю втягивались и богатые курды. Русский военный агент сообщал об «обширной торговле табаком с Персией», которую вел шейх Махмед Садек. Он «имел громадные суммы, хранил

76 «Република», 28. IV. 1899, № 18, № 282.

77 Там же, 15 II 1900, № 6, стр. 85.

78 «Утирба», 1904, № 9, № 20.

79 «Република», 10. II. 1897.

80 Там же, 11. I 1900.

81 «Република», 1906, № 26, № 624.

82 Там же, № 43, стр. 1027.

83 Там же, 1907, № 11—12, стр. 282.

их в сундуках», вел переговоры с «иностранными банками о помещении в них своих капиталов»⁸⁴.

Накануне первой мировой войны уже были созданы товарищества и общества мусульманских или только турецких купцов. Так, «Союз магометанских купцов с капиталом более 100 тыс. турецких лир» открыл 600 новых торговых заведений⁸⁵. Примечательно, что на призыв крупного стамбульского негоданта Абуда эфенди для обсуждения важных вопросов коммерции собралось более 150 торговцев—магометан. Этот коммерсант стал председателем общества купцов, которое избрало специальную комиссию, поручив ей изучить постановку дела в подобных европейских обществах⁸⁶. Ссылаясь на сообщение «Берлинер Тагеблат», газета «Бюзандион» информировала своих читателей о создании в Стамбуле «Комитета купцов-магометан, число членов которого доходит до 340 человек». Сообщалось также о том, что «под покровительством одной из жен султана было организовано «Женское общество по развитию ремесла и промышленности». Оно открыло магазин, где продавались товары «только турецкой промышленности»⁸⁷.

По утверждению Д. Авджиоглу, в начале XX века доля турецких коммерсантов во внешней торговле составила четыре процента, а во внутренней оптовой торговле—до 15%⁸⁸.

Ссылаясь на официальные данные, относящиеся к кануну первой мировой войны, Тевфик Чавдар дал следующую картину национальной принадлежности капитала и рабочей силы по 284 промышленным предприятиям с числом 5 и более рабочих⁸⁹:

Национальность	Капитал в %/о/о	Рабочая сила в %/о/о
Турки	15	15
Греки	50	60
Армяне	20	15
Евреи	5	10
Иностранцы	10	—

Эти факты свидетельствовали о росте влияния турецкой буржуазии на хозяйственную жизнь страны. Правда, Яунтиран опре-

⁸⁴ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, 1003, л. 267.

⁸⁵ «Buzandiyon», 15. II. 1914.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же; 28.IV 1914.

⁸⁸ D. Avcioglu, Türkiye'nin düzeni, s. 128.

⁸⁹ Tevfik Çavdar, Millî mücadele başlarken sayılarla vaziyet ve manzara-i umumîye, „Millet“*, 21. IX. 1970.

деляет ее роль как второстепенную и подсобную. По его мнению, представители этой буржуазии были лишь «посредниками между массой мусульман, земледельческого населения, жившего чрезвычайно замкнуто, и рынком, находившимся в руках нетурецкой буржуазии»⁹⁰.

Данная оценка, будучи в целом правильной для XIX столетия, не учитывает, однако, дальнейших изменений и динамики становления турецкой и вообще мусульманской буржуазии, доля которой в экономике страны постепенно увеличивалась. Этот вывод подтверждается и некоторыми другими примерами.

Согласно справке, составленной по данным за 1911 г., из 6 акционерных обществ по эксплуатации минеральных богатств (олово, серебро, цинк, каменный уголь, медь и пр.) 4 были турецкими, одно французское и одно английское, а из 5 строительных акционерных компаний—две турецкие, две французские и одна с участием греческого капитала⁹¹. В Эргани Мадене из 23 предпринимателей, занятых добычей руды, греков было 3, армян 5 и турок 5⁹².

В «Турецком ежегоднике» за 1912 г. приводится поименный список коммерсантов, финансистов, посредников, предпринимателей и квалифицированных специалистов, известных в данной местности. Возьмем данные по Анкаре. Здесь было 44 специалиста — архитекторы, юристы, врачи, инженеры и другие представители интеллигенции. В их числе турок было 10, греков—5, армян—27, евреев—2. Финансистов и крупных торговцев-посредников было 53, из них турок—3, греков—9, армян—40, евреев—2. Крупных предпринимателей и ремесленников насчитывалось 77, среди них турок—10, армян—55, евреев—4. Наконец, купцов, имевших в городе торговые дома и большие магазины было 208, в том числе турок—50, греков—27, армян—123, евреев—8⁹³.

В другом крупном экономическом центре Бурсе из 46 специалистов турок было 4, греков—20, армян—18, евреев и прочих—4; из 111 финансистов и коммерсантов: турок—9, греков—17, армян—

⁹⁰ «Международная жизнь», № 9, стр. 52.

⁹¹ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 409, л. 76.

⁹² «Annuaire Oriental», 1912, p. 1431.

⁹³ Там же, стр. 1420—1426.

Сошлемся также на книгу *И. Г. Куреева «Анкара»* (М., 1972, стр. 10): «В результате политики ассимиляции, принимавшей порой в Турции форму физического истребления, количество представителей национальных меньшинств в Анкаре, как и в других городах Турции, резко сократилось. Многие лица нетурецких национальностей (армяне, греки), проживавшие в Анкаре, были высланы и уничтожены, а оставшиеся вынуждены были скрывать свое происхождение, выдавая себя за турок».

60, евреев и других—25; из 108 предпринимателей и ремесленников: турок—11, греков—45, армян—48, евреев и других—4; из 233 купцов: турок—45, греков—90, армян—90, евреев и других—8⁹⁴.

Основываясь на донесениях двух французских консулов, А. Казарян приводит следующие данные по санджаку и вилайету Сивас (Себастья)⁹⁵.

по санджаку

<i>профессия</i>	<i>армян</i>	<i>турок</i>
торговцы розничные	600	150
экспортеры	45	5
владельцы ткацких предприятий	19	1
ремесленники	1500	250
владельцы мукомолен	4	4

по вилайету

купцов и ремесленников	6800	2550
экспортеров	127	23
импортеров	141	13

По другим данным из 9800 купцов, торговцев и ремесленников 6800 составляли армяне и 3000 турки. Среди них импортеров—166, в том числе армян—141, турок—13, греков—12; экспортеров—150, в том числе армян—127, турок—23; банкиров—37, в том числе армян—32, турок—5. Из 153 производственных предприятий 130 принадлежали армянам, 20 туркам, 3 ковровых мастерских—иностранцам. На этих предприятиях было занято 17.700 рабочих, в том числе армян—14.000, турок—3.500, греков и других—200⁹⁶.

Город Токат (Евдокия) Сивасского вилайета был характерен многонациональным составом населения. Из его 30 тысяч жителей примерно 20 тысяч составляли турки, 7,5 тысяч—армяне, остальные были греки, евреи и другие. Хозяйственная жизнь Токата в конце 80-х годов XIX века была довольно типичной для подобных городов с ремесленным производством. Почти все 150 имевшихся здесь мастерских медников принадлежали армянам, из 50 железоделательных мастерских 40 принадлежали туркам, остальные

⁹⁴ Там же, стр. 1489—1501.

⁹⁵ В. Ф. Дашевский, *Византизм в Турции*, 1968, т. 2, стр. 87—88.

⁹⁶ См. журнал «*Восток и Запад*», 1913, № 13, стр. 627; «СПб., ведомости», № 277, 11(24) XII 1913.

армянам, из 20 столярных мастерских 15—армянам, 5 грекам, из 10 жестяных мастерских 7—евреям, 3—армянам; половину лудильщиков составляли армяне, другую половину—турки. Из 75 портных 65 были армяне, 10—греки; среди 110 каменщиков насчитывалось равное число турок, греков, армян. Свыше 140 текстильных и красивых мастерских принадлежали главным образом армянам; производство европейской обуви находилось в руках армян, а также греков; местную же обувь выделывали в основном турки, им принадлежало и шорно-седельное производство (150 мастерских).

В области торговли также наблюдалась пестрая картина. Так, владельцами 200 мануфактурных магазинов в равной мере были армяне и греки, а из 150 продовольственных лавок 100 принадлежали туркам. Они же преобладали в мясной и хлебобулочной торговле. Из пяти медицинских работников трое были армяне, один грек и один итальянец⁹⁷.

Эта картина постепенно менялась. В экономике страны увеличился удельный вес турецкого и вообще мусульманского элемента. Например, в одном из центров ковроткачества, в городе Испарте, еще в 1895 году производство ковров целиком находилось в руках греков. Через 12 лет из 1100 станков 650 уже принадлежало туркам⁹⁸. Подобные явления, правда, в меньшей степени, имели место и в шелковой промышленности. В начале 1898 года в Бурсе существовало 41 предприятие, из которых 29 принадлежали армянам; 4—туркам, 5—грекам и 3—европейцам, а из 580 шелкоткацких станков на долю армян приходилось 455, турок—115, греков—20⁹⁹. Н. И. Шавров отмечает, что 127 турецких фирм по производству шелка было связано с Кавказом или находилось под контролем Кавказской шелководческой станции. Из приведенных им данных следует, что в 1895—1904 годах 65 фирм принадлежало армянам, 44—грекам, 10—евреям, 8—туркам¹⁰⁰.

В Измире и в окрестных казах, где преобладало греческое население, по данным за 1915 год, недвижимое имущество распределялось следующим образом:

турки владели	28.804 единицами
греки »	15.946 »
армяне »	4.300 »

⁹⁷ «Ц.р.ш.и», 1887, գիրք Ա, էջ 92—93.

⁹⁸ «Բյուզնդիկ», 1907, № 29, էջ 1117.

⁹⁹ «Բյուզնդիկ», 30. III/11. IV. 1898.

¹⁰⁰ Н. И. Шавров, указ. произв., стр. 230.

евреи	владели	3.346	единицами
иностранцы	»	12.709	» ¹⁰¹

Среди землевладельцев большинство составляли также турки.

Турки	владели	— 533.694	дёнумами земли
греки	»	— 176.877	» »
армяне	»	— 3.741	» »
евреи	»	— 561	» »
иностранцы	»	— 175.116	» »

Как видим, в этом районе интенсивного земледелия туркам принадлежало более 60% земли¹⁰². Обладатели остальных 40% земли применяли главным образом капиталистические методы ведения хозяйства.

В промышленности и ремесленном производстве положение было несколько иное. По мнению одного из турецких авторов, официальная статистика, стремясь доказать численное превосходство турок в Измире, преувеличивала количество принадлежавших им предприятий. Сюда включались даже самые маленькие мастерские. Таким путем число турецких предприятий было доведено до 202. Нетуркам принадлежало 213 предприятий, в том числе 114—грекам, 88—иностранцам, 11—армянам¹⁰³.

Таким образом, турки и другие мусульмане постепенно втягивались в сферу капиталистических отношений. Росло их число во всех областях хозяйственной и культурной жизни. Однако сохранялось их *общее отставание, а сам процесс развития капитализма происходил у них гораздо медленнее, чем у других народов.*

Разумеется, эти различия не исключали возможности объединения турецкой и немусульманской буржуазии на классовой основе. Буржуа и либеральные помещики разных национальностей нередко находили общий язык и действовали совместно. Можно сказать, что сложились определенные элементы классового союза турок, выступавших против феодальных устоев и адбугамидовского режима, с передовыми деятелями нетурецких национальностей. Это становится особенно заметным со времени реформ. С этих пор чаще наблюдаются примеры таких совместных действий. Так, садразам Риза паша, желая создать предприятия европейского образца и вложить в промышленность свои капиталы, искал себе союзника. Его выбор не случайно пал на крупного армянского финансиста

¹⁰¹ „Milliyet“, 13. IX. 1970.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

амира Ованеса Дадияна. Последний построил ряд заводов и фабрик, в основном, государственных. При его содействии садразам вложил часть своих капиталов в строительство суконной фабрики в Измите¹⁰⁴. Во время открытия этой фабрики в апреле 1845 года султан одобрил подобную деятельность, необходимую, по его словам, «не только для поощрения своих подданных и предоставления им примера в их действиях, но и для того, чтобы потребности страны удовлетворялись не одними поставками извне»¹⁰⁵.

Великие визиры Али и Фуад, реформаторы 40—60-х гг. XIX века, призвали использовать богатства и знания нетурецкой буржуазии и сами показывали пример в этом отношении. В своем политическом завещании Фуад паша в осуществлении предложенных им буржуазных реформ считал важным проведение политики слияния всех народов империи в единое целое и создание обширного и крепкого государства. Он выступал за равенство всех подданных империи. «Принцип равенства наших подданных христиан,—писал Фуад паша,—естественно, должен удостоить их общественных должностей»¹⁰⁶.

Правда, он предвидел большие затруднения на этом пути. Великий визир прежде всего имел в виду стремление христианских народов к самоуправлению, против чего он решительно выступал. Вместе с тем он понимал неизбежность некоторых уступок христианам. В частности, он содействовал утверждению в 60-х гг. национальных конституций. Его ближайшим советником был выходец из семьи крупных коммерсантов и финансистов, видный армянский общественный деятель и врач Серовбе Виченян—Сервичен¹⁰⁷. Сознательная необходимость сотрудничества и не всегда встречающая понимание со стороны представителей влиятельных турецких кругов, реформаторы и просветители искали помощников и исполнителей своих планов среди представителей нетурецкой буржуазии. Садразам Али паша считался и советовался с Артином Дадияном, который занимал ответственные посты в правительстве¹⁰⁸.

На важном этапе истории Турции, в период подготовки проекта первой конституции, за принципы буржуазной демократии под

¹⁰⁴ Архив Музея литературы и искусства, отд. литературы, д. Азатяна, ч. III, стр. 83.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ «Црор», 1910, № 6—7, к₂ 185.

¹⁰⁷ Там же, стр. 177.

¹⁰⁸ В 1868 г. А. Дадиян был членом Государственного совета, в 1870 г.—советником министерства финансов, в 1871 г.—управляющим ведомства естественных богатств и лесов и, наконец, в 1875 г.—главным советником (mustesir) министра иностранных дел и в отсутствие последнего замещал его.

руководством Мидхата паши совместно боролись Зия, Намык Кемаль, товарищ министра общественных работ, советник Мидхат-паши и его личный друг, один из выдающихся общественных деятелей среди стамбульских армян, дипломат и представитель деловых кругов Григор Отян, товарищ министра иностранных дел грек Каратеодори-эфенди и другие¹⁰⁹.

В одном из комитетов конституционной комиссии, которым руководил Зия, совместно работали «Намык Кемаль, председатель гражданского суда в Ускударе Мустафа Хайруллах эфенди, член Государственного совета армянин Чамич Ованес эфенди, член Государственного совета Рамиз эфенди, директор султанского лицея Галатасарай Сава паша, комиссионер биржи Абидин бей»¹¹⁰.

Характерен и состав парламента первых двух созывов. В первом из 119 депутатов 48, а во втором из 113 депутатов 49 были немусульмане. Они представляли главным образом интересы немусульманской буржуазии.

В борьбе за конституцию сторонникам Мидхат паши и младосманам пришлось во многом уступить Абдул Гамиду и феодальной реакции¹¹¹. Лагерь прогресса и конституции, лишенный широкой социальной базы в самом турецком обществе, часто нуждался в поддержке со стороны нетурецкой буржуазии. Инонациональная буржуазия, видные ее представители своими знаниями, связями, опытом разработки национальных конституций были нужны Мидхату и его друзьям. Биограф Григора Отяна писал, что когда Мидхат после долгого отсутствия возвращался в Стамбул, он 2—3 раза в неделю обедал у Отяна. После обеда они подолгу беседовали за чашкой кофе. Не случайно, что в период Стамбульской конференции Отян был направлен в Европу для прощупывания настроений держав¹¹². В трудные дни борьбы за конституцию Мидхат-паша советовался с Г. Отяном и другими помощниками.

Острые противоречия, существовавшие между турками и нетурецкими народами, между мусульманами и немусульманами, мешали более тесному классовому сближению, осуществлению посто-

¹⁰⁹ Ю. А. Петросян. Младотурецкое движение, стр. 82—83.

¹¹⁰ Там же, стр. 83.

¹¹¹ Подробно см. там же, стр. 78—102.

¹¹² Позже об этом Ахмед Мидхат писал: «Порта отправила в Европу особого агента, Одiana эфенди, с целью склонить державы в ее пользу и против требований конференции». Он приводит рапорт Отяна о его долгих переговорах с лордом Дерби и переписку. Из этих документов видно, что представитель Порты пытался установить, какие реформы турецкого правительства удовлетворили бы Европу. [См. ЦГВИА, ф. 401, 1886, д. 10, д. 62; перевод части трехтомной работы Ахмеда Мидхата эфенди «Ussi inkilab» (Основы революции), сделанный Межмед бей Шахтахтинским].

янных тесных контактов всех слоев буржуазии и ее национальных групп.

В турецких условиях стремление к такому сближению практически было ограниченным. Поэтому многие авторы пишут об этом как о единичных и случайных явлениях, а турецкая историография старается умолчать о них. С. Кочаш, Чарк и другие турецкие авторы лишь отмечают благожелательное отношение турецких верхов к отдельным представителям немусульман, длительное время находившихся на службе Османской империи.

Это сотрудничество не приобрело характера классового союза, так как инациональная буржуазия не могла «поддержать турецких конституционалистов из-за широко пропагандировавшейся ими доктрины паносманизма»¹¹³.

Следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Слабость, порою случайность и недолговечность подобных совместных действий привели к тому, что в исторической литературе зарождение в Турции социальных прослоек и классов буржуазного общества, их идеологию и борьбу против феодального строя связывают только с собственно турецкой действительностью, в самом узко-национальном смысле слова. При этом замалчивается влияние на эти процессы со стороны более организованной, экономически сильной и в идейно-политическом отношении более зрелой нетурецкой буржуазии, являвшейся плодом той же османской действительности, тех же исторических условий.

Нужно ли доказывать, что славянские народы, греки, армяне, евреи, арабы и другие внесли свою лепту в развитие культуры самого турецкого народа? Разве утверждением того, что турецким первопечатником стал венгр по происхождению Ибрагим Мютеферрика отрицается зарождение и развитие печатного дела в Турции? Армянин Коджа Синан стал выдающимся турецким зодчим, а архитекторы Паляны сотворили великолепные исторические памятники в Стамбуле и в других местностях. Акоп Вардовян и Тигран Чухаджян явились основателями турецкого театра и оперы, но этим не меняется национальный характер указанных очагов культуры¹¹⁴. Нет сомнения, что в зарождении и развитии движений турецких просветителей, младоосманов и младотурок сказалось и влияние культурных и общественно-политических организаций и

¹¹³ Ю. А. Петросян, указ. произв., стр. 101.

¹¹⁴ См. Քանիկի Ստեփանյան, *Ուրվագիծ արևմտահայ թատրոնի պատմության, 1872-1972 թվական, հատ. II*; Dr. Hrant Papazian, 100 yilda Türk operet i (1872—1972) İst. 1975.

деятелей нетурецких народов империи, их прессы. Конечно, организации турецкой буржуазии зарождались как национальные, они перенимали идеи европейских революций. Однако их многонациональный состав, например, состав первых младотурецких обществ, отнюдь не свидетельствовал об их узко-турецком характере. Но в своем дальнейшем развитии, взяв на вооружение идеи османизма и пантюркизма, они становились действительно турецкими. В соответствии с этими изменениями менялась также идеология и политика этих организаций, они приобретали националистический, великодержавно-шовинистический характер. Такова была естественная историческая эволюция многих буржуазных политических организаций и партий, и не только в Турции. Следовательно, совместные действия и выступления отдельных групп национальной буржуазии разных народов, независимо от их воли и желания, в соответствии с классовыми и национальными интересами, безусловно, имели место. Подобное сотрудничество диктовалось самой жизнью, необходимостью добиваться выполнения каких-то конкретных целей и задач данного исторического этапа. Эти явления нашли отражение в прессе и литературе. На наш взгляд, можно говорить о двух типах таких взаимоотношений. Первый тип. Представители буржуазии господствующей нации, не имея серьезной социальной опоры и нуждаясь в поддержке в борьбе против феодальной реакции, апеллировали к «друзьям» по классу из других национальностей. Последние, также нуждаясь в союзнике, с готовностью шли на сближение с ними, искали их покровительство.

Приведенные выше примеры следует отнести к первому типу. Подобные взаимоотношения имели место и в период борьбы младотурок за власть, и некоторое время при их господстве, о чем речь пойдет в следующей главе.

Второй тип. Это союзы, объединения, совместные действия на деловой почве в торговле и промышленности, в финансовых операциях, совместные попытки прибрать к рукам различные отрасли экономики страны.

После окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда установились более или менее нормальные отношения между народами Османской империи и капитализм стал развиваться сравнительно интенсивнее, буржуазные дельцы разных национальностей усилили совместную эксплуатацию народных масс.

Описывая социально-экономические условия в Западной Армении, А. М. Колюбакин приводит массу фактов, подтверждающих это обстоятельство. Он писал, что кулаки-армяне в «Муше ведут дело обыкновенно вместе с турками. В Буланыхе этим особенно

отличаются два богача, Кеворк Меликян из с. Ионджалу и Манук Микртчян из Тегута»¹¹⁵.

Объединение действий мироедов, купцов, ростовщиков с целью установления единых высоких цен на продукты и товары, размеров взыскиваемых налогов и поборов имело место повсюду. В Ване, продолжает автор, «у могущественной турецкой фамилии Темир Оглы всегда есть своя партия армян, обирающая вместе с турками своих единоплеменников сельчан»¹¹⁶.

То же самое наблюдалось на Балканах, в районах с преобладающим греческим населением, и в других областях страны.

В 1905 г. коммерсант из Коньи Аба Оглу, возглавлявший торговое общество, заключил контракт с измирским купцом Саври-Хисарляном для совместного вывоза пряжи из Манчестера¹¹⁷.

В Кайсери несколько купцов на паевых началах построили ковровые фабрики и в течение ряда лет продавали их продукцию. Здесь действовал акционерный капитал Имам-Заде Омер—А. Таслакчян, Имам Заде Бекир—Г. Галайджян¹¹⁸.

Совместными усилиями Т. Постанчи-Оглу и М. Хорикяна в 1906 г. в Сивасе была основана ковровая фабрика¹¹⁹.

В своем донесении от 2.VI 1911 г. русский консул в Битлисе сообщал о создании небольшого товарищества по производству хлопка и разведению шелковичных червей. В качестве специалиста общество пригласило выпускника Харьковского сельскохозяйственного училища Мириманова. В документе говорилось о серьезных намерениях предпринимателей братьев Насрулла и Саадулла эфенди Муфти Заде и армянина Парунака Кегиняна. Последний занимался в этих краях торговлей русскими сельскохозяйственными орудиями¹²⁰.

В Измите в конце XIX века особого расцвета достигла посредническая и транзитная торговля. Из Константинополя в Анатолию перевозились большие партии мануфактуры, пряжи и других товаров. В информации об измитской торговле сообщалось, что коммерсант Г. Казаросян представлял крупные стамбульские торговые дома А. Манукяна и Хаджопуло, Хаджи Эснеф эфенди Гарно—дом Гичяна и т. д.¹²¹. Это были люди с солидными капиталами и большими возможностями. Остановимся еще на одном характерном

¹¹⁵ ЦГВИА, ф. 82, д. 3049, л. 143.

¹¹⁶ Там же, л. 144.

¹¹⁷ «Ринтершце», 1906, № 6, № 127.

¹¹⁸ Там же, 1907, № 13—14, стр. 334.

¹¹⁹ Там же, № 52, стр. 1845.

¹²⁰ АВПР, ф. Турецкий стол (новый), д. 3723, л. 19, 30.

¹²¹ «Ринтершце», 1907, № 23—24, № 560.

примере. Как уже отмечалось, в Измире был создан синдикат по производству ковров, объединивший местный и иностранный капитал. Против него развернулась целая кампания в стране. Измирская газета поместила серию статей в защиту интересов оставшихся вне синдиката местных предпринимателей. Крупные промышленники и торговцы коврами Хабиб Полаго, Маргар Экизлар и некоторые другие объединились для совместных действий против синдиката. Как писала «Бюзандион», усилия, направленные на ослабление влияния синдиката, произвели «весьма благоприятное впечатление на всех тех, кто заинтересован в сохранении и дальнейшем развитии этой полезной отрасли нашей промышленности»¹²². Далее говорилось, что эти достойные высокой похвалы усилия привлекли «внимание английских производителей ковров, которые добились согласованных действий с указанными коммерсантами для подрыва влияния синдиката». Объединение производителей ковров «Ушаг Османлы Халылары Ширкети» добивалось связи с этими коммерсантами¹²³. Подобные факты свидетельствовали о появлении серьезной конкурентной борьбы между предпринимателями и купцами за первенство в производстве и экспорте турецких ковров. В этой борьбе национальные и религиозные различия отодвинуты назад в интересах наживы и обогащения.

Примечателен и такой факт. 1905—1907 годы были весьма удачными для производства и экспорта кожи. Получив значительные прибыли, многие предприниматели стали объединять свои усилия и улучшать производство. Для этого им были нужны вода, средства для очистки помещений и удаления производственных отходов и т. д. В районе Стамбула Газлы Чешме было построено 16 новых кожевенных заводов. Шесть из них, принадлежавших Денизли Хасану эффенди, бр. Х. Н. Бинца, Е. Николаиди, Б. Калорини, бр. Ж. А. Бинца и Ф. А. Туло, имели современные машины и работали в течение всего года¹²⁴. Этот пример также говорит о солидарных действиях предпринимателей, которые на время забывали о своих национальных и религиозных различиях.

В своем произведении о борьбе за независимость в районе Эгейского моря Нурдоган Тачалан признает, что попытки организовать производителей сельскохозяйственных продуктов от эксплуатации со стороны иностранцев на деле привели к частичной замене последних посредниками и купцами—турками. Однако и они

---

¹²² «Bюзандион», 6/19. IV. 1907.

¹²³ Там же.

¹²⁴ «Bюзандион», 1907, № 50, № 1780.

стали эксплуатировать земледельцев «сотрудничая с экспортерами—подданными других государств»¹²⁵. Тем не менее, как правильно отмечал болгарский просветитель Г. С. Раковский, стремление к реформам, к прогрессу существовало и среди богатых и влиятельных турок. «Отсутствие всяких гарантий личной безопасности висело, как дамоклов меч над богатыми турками, равно и над остальными подданными Порты»¹²⁶. Турки выход из положения видели лишь в улучшении конституционной монархии. Намечаемые изменения они хотели провести, не посягая на мусульманскую идеологию, на положения корана, при содействии верхов турецкого общества, руками реформаторов, связанных с турецкой буржуазией и либеральными помещиками. Однако помещики не желали поддержки со стороны народных масс и нетурецкой буржуазии, являлись сторонниками жестокого подавления их выступлений.

Е. Рагозина, племянница русского вице-консула в Сирии и на острове Хиос-Дериго, писала, что ее встречи у дяди с видными турецкими реформаторами Рашид-пашой и Мидхат-пашой убедили ее в том, что они не были последовательными сторонниками введения европейских порядков в Османской империи. Зверское подавление выступлений национальных меньшинств Рашид-паша считал всего лишь «легким кровопусканием, полезным для здоровья»¹²⁷.

В свою очередь, Мидхат-паша «проявлял в подавлении болгарского повстанческого движения 1868 года жестокость, какую можно встретить только у азиатских сатрапов»¹²⁸. Он был сторонником той же политики и весной 1876 г., когда болгарский народ вновь поднялся на борьбу¹²⁹.

При наличии определенных общих задач, буржуазия империи, как социальная группа, была разрознена, у нее имелись различные устремления. Ее отдельные отряды выступали в первую очередь, как национальная сила, искавшая избавление от угнетения в национальном освобождении. Указывая на усиление гнета и нищеты в Турции, Р. Люксембург, отмечала, что это привело к возникновению «естественного стремления различных национальностей вырваться из целого и инстинктивно искать путь к более высокому уровню социального развития, к независимому существованию»¹³⁰.

Идея национального движения, борьба за прогресс и цивилизацию, за возможность самостоятельного развития, без турецкой

¹²⁵ „Milliet“, 12. IX. 1970.

¹²⁶ См. «Вестник Европы», 1903, кн. 5, стр. 104.

¹²⁷ Е. А. Рагозина. Из дневника русской в Турции перед войной 1877—1878 гг., СПб, 1910, стр. 60.

¹²⁸ «Вестник Европы», 1903, кн. 5, стр. 112.

¹²⁹ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I, стр. 241.

¹³⁰ Sächsische Arbeiter Zeitung, № 235, X. 1896.

тирании и произвола, становятся понятиями идентичными, выступают как непрременные жизненные задачи для более развитых наций. Они становятся велением времени, закономерным проявлением и потребностью дальнейшего экономического, политического и культурного развития каждого из угнетенных народов Османской империи. Надо было избавиться от кошмара, названного Тодором Живковым «страшными веками национального рабства»¹³¹. Эти задачи были понятны и близки передовым людям мира.

По примеру Байрона, для участия в освободительной борьбе против турецкого ига во второй половине 1875 года на Балканы приезжает известный русский революционер С. М. Степняк-Кравчинский. Ознакомившись с обстановкой, он пишет несколько писем П. Л. Лаврову, высказывая в них весьма интересные мысли. Вначале он был намерен принять участие в восстании в Герцеговине, придав ему «социальный характер». Но вскоре Степняк-Кравчинский понял, что «борьбу за политическую свободу никак нельзя считать бесполезной», а проповедь социализма означала бы сейчас «чистейшее доктринерство». Он писал: «Никакой социализм немыслим в славянских землях до освобождения от турок... Власть турок такова, что невозможно ни о чем думать, кроме уничтожения ее». Говоря о произволе, о насилиях, чинимых турками, об отсутствии всякого порядка и ответственности за совершенные злодеяния, Степняк-Кравчинский заключает: «Я застрелил бы своей рукой всякого социалиста, кто вздумал бы теперь вести бедных против богатых и мешать успеху войны! Все мы соединены и должны быть соединены. Рядом со мной дерутся попы, монахи, торговцы и чиновники, и так теперь нужно»¹³².

В воззвании Болгарского центрального благотворительного общества, адресованном к русскому народу с призывом о помощи, описывались ужасы, которые переживал народ под турецким игом. В нем Балканы сравнивались с Русью времен нашествия монголов и отмечалось, что Болгарию «несравненно больше опустошают... турки, черкесы, башибузуки». Крупные болгарские общественные деятели и среди них известный писатель Иван Вазов, считали, что народ Болгарии в одиночку, лишь своими усилиями не в состоянии обрести свободу. Поэтому они просили русский народ «помочь младшим братьям болгарам, обедневшим от турецких грабежей, пожаров и немилосердных опустошений»¹³³. В таких условиях идея создания единого национального фронта, как проявление определенной зрелости буржуазии, становилась популярной и практиче-

¹³¹ См. «Правда», 20.IX 1973.

¹³² «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I, стр. 94.

¹³³ Там же, стр. 482—483.

ской задачей не только на Балканах, но и в других местах. Начавшаяся вскоре русско-турецкая война по своим объективным последствиям явилась продолжением национально-освободительной, революционной борьбы болгарского народа, которая завершилась его победой. Эта война, по определению одного из руководителей НРБ Г. Трайкова, имела «исключительное значение, ибо с покорением болгарских земель и уничтожением нашего государства завоевателем наступила величайшая катастрофа в истории народа, на целые века было задержано его экономическое, политическое и культурное развитие. Освободительная война уничтожила чужеземный феодальный и национальный гнет и заложила основы Третьего болгарского государства. В этом ее огромное историческое значение»¹³⁴.

После освобождения Болгарии положение других покоренных народов Османской империи не улучшилось.

В мае 1880 г. английский дипломат Лейард писал из Константинополя, что видимое спокойствие в империи сохраняется благодаря «безграничному терпению и уважению магометан к намегнику пророка, и, наконец, трудность объединить все элементы против правительства, которые проистекают от различия рас и от господствующей взаимной религиозной ненависти»¹³⁵.

Такое объяснение кажущейся стабильности империи было общепринятым в конце XIX столетия. А. М. Колюбакин также считал, что турецкому правительству как-то удается управлять страной в силу, прежде всего, «смешанного состава населения и чрезвычайной *разобценности* не только между различными народностями и вероисповеданиями, но и в среде каждой из этих групп и народностей»¹³⁶.

Формирование христианских народов в нации, усиление политического, экономического, национального и религиозного гнета, политика заигрывания великих держав, якобы стремившихся решить восточный вопрос, как и положительный итог борьбы болгар,—все это содействовало подъему освободительных движений других угнетенных народов империи. Тяжелые экономические условия, политические гонения и притеснения в области культуры со стороны турок приводили к новым выступлениям подвластных народов. После армянских погромов 1894—1896 гг., показавших необходимость вооруженной борьбы, усилились национально-освободительные движения в империи. В Македонии под руководством повстанческих комитетов произошел ряд выступлений местного насе-

¹³⁴ Георгий Трайков. Великая сила дружба, «Правда», 2, II 1968.

¹³⁵ «Вестник Европы», 1903, кн. 5, стр. 123—124.

¹³⁶ ЦГВИА, ф. 82, эл. 86, л. 3049, л. 173.

ления. В движении принимали активное участие все слои населения. Об этом говорит социальный состав македонцев, приговоренных адрианопольским вилайетским судом к разным срокам наказания. Из 45 осужденных 24 были крестьяне, 11 учителя, 5 рабочие, 1 служащий. По другому списку, из 49 убитых и казненных было 11 учителей, 15 крестьян, 6 рабочих, 8 купцов, 2 ремесленника, 2 студента, 4 служащих¹³⁷. Приведенные данные свидетельствуют о народном характере освободительных движений. Руководителями их, как правило, выступали представители буржуазной или мелкобуржуазной интеллигенции и офицерства. Общенациональный фронт становился здесь очевидным фактом. Он приобретал антифеодальный и антитурецкий характер. Вслед за Македонией подобные выступления происходили и в других районах Балкан, населенных греками, в арабских провинциях империи. Даже в некоторых собственно турецких районах страны, как например, в Анатолии, накануне младотурецкого переворота также развернулось антифеодальное движение. Феодальный режим повсюду переживал кризис.

Многие события второй половины XIX в., происходившие в разных странах, В. И. Ленин рассматривал как общую цепь, связывающую разные звенья однородных явлений. В статье «Под чужим флагом» он писал: «Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая) и 1896—1897 годов (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества»^{137 а}. Следовательно, национально-освободительные движения угнетенных народов Османской империи по сути своей были борьбой капиталистических элементов, молодой буржуазии против феодализма и средневековья. Это была борьба против старого строя, который пытался задушить ростки нового общества, мешал развитию местной буржуазии, не ограждал ее интересы от наступления иностранного капитала и империалистических монополий и всей своей политикой способствовал превращению Турции в полуколонию.

¹³⁷ «Вестник Европы». 1905, кн. 5, стр. 129.

^{137а} В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 144.

ВЛИЯНИЕ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА НА ФОРМИРОВАНИЕ БУРЖУАЗИИ

Европейский капитал проникал в страны Латинской Америки, Азии и Африки насильственным путем, прибегая к грубой силе и оружию. Даже огромный Китай был открыт для Европы посредством опиумных войн. Внедрение европейского капитала в экономические и политические отношения в Османской империи происходило несколько иначе.

Дорогу для иностранных предпринимателей и купцов открыли неравноправные капитуляционные договоры и установленный на их основе режим.

Заключенные в дальнейшем новые торговые, финансовые и концессионные соглашения обеспечили расширение их деятельности, усиление их влияния на хозяйство страны. Конечно, были и столкновения, демонстрации военной силы со стороны европейских держав. Однако в XIX в., если не говорить о национально-освободительной войне греков, а отчасти и о Крымской войне, турки были скованы, по выражению Энгельса, лишь «своей непрерывной борьбой с Россией»¹³⁸. С другими государствами шла «мирная» торговля, содействовавшая постепенному завоеванию турецкого рынка европейской буржуазией. Русский генеральный консул в Измире, анализируя состояние торговли в 90-х гг., отмечал чрезвычайное развитие комиссионных операций. Раньше крупные европейские торговые дома «давали своим корреспондентам заказы на покупку товаров без особенно строгих оговорок и ограничений, ныне, вследствие улучшения сообщений, они оказываются в состоянии следить за всякою переменою в ценах и за общим движением рынка уже непосредственно»¹³⁹.

Таким образом, торговля становится одним из основных факторов экономического закабаления страны, превращения ее в полуколонию. Господствующие круги империи всей своей политикой содействовали «мирному завоеванию» турецкого рынка иностранным капиталом. Определенную роль в этом сыграл ряд объективных и субъективных факторов. К первым из них относятся географическое расположение Малой Азии, традиционные торговые связи народов региона Средиземного и Черного морей, а также других областей Европы и Азии. Анализируя торговые и политические связи этого региона в античный период, К. Маркс пишет: «Города Малой Азии платили Древнему Риму ежегодную денежную дань.

¹³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 14, стр. 102.

¹³⁹ «Сборник консульских донесений», вып. II, 1901, стр. 137.

На эти деньги Рим покупал у них товары, и покупал по завышенным ценам»¹⁴⁰. Связи эти имели место и после падения Западной Римской империи, в средние века. Находясь на главных мировых торговых путях Византии и Малая Азия, до захвата Константинополя турками, вели оживленную торговлю. С падением Константинополя торговля с Малой Азией ослабла, однако полностью не прекратилась. Ее вели Венеция и Генуя. Турки, как и в свое время монголы, арабы и другие завоеватели, нуждались в торговле, считая ее важным средством сохранения нормальных экономических условий, необходимых для осуществления своих целей.

Поэтому, еще в зените своего могущества, османские султаны благоволили к европейским купцам, и уже в 1535 году был подписан первый капитуляционный договор. «Капитуляции,—писал Маркс,— это имперские дипломы, грамоты о привилегиях, выданные Портой различным европейским государствам и разрешающие подданным этих государств беспрепятственно въезжать в магометанские земли, заниматься там своими делами и совершать богослужение по своему обряду». Отличительная черта этих грамот заключалась в том, что они являлись «льготами, односторонне дарованными правительством, которое, следовательно, может по своему усмотрению отменить их», что Порта иногда и делала «отказываясь дальше соблюдать их»¹⁴¹.

Известно, что в дальнейшем характер капитуляций изменился, и султан уже самовольно не мог отменять их. Временные льготы стали постоянными привилегиями для иностранных держав и их подданных, превратились в неравноправные договоры. Однако эти обстоятельства не нарушили традиционных торговых связей народов Малой Азии и Европы. Более того, в определенном смысле они обеспечили их преемственность. Старые традиционные связи народов, экономическая мощь европейских стран, их потребность в рынках—все это, на наш взгляд, и явилось объективной основой «мирного проникновения» иностранного капитала в Османскую империю. Другая сторона вопроса заключалась в том, что турецкая феодальная верхушка во главе с султаном вскоре убедилась в том, что внешняя торговля является для нее важным источником обогащения. Поэтому она никогда не чинила препятствий иностранной торговле в Турции, по настоящему не помышляя о проведении политики протекционизма в отношении национальной промышленности и торговли. В первом томе своей книги

¹⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 173.

¹⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 10, стр. 168—169.

«Основы революции», Ахмед Мидхат привел десятки документов, из которых видно, как султан «брал подарки за заключение займов..., как Абдул Азиз поддавался добровольно иностранному влиянию и т. д.»¹⁴². В 1858 г. П. А. Чихачев писал, что в течение последних 20 лет все административные должности, «важные для развития хозяйства, являются объектом концессий или продаются с аукциона»¹⁴³. Он отмечал готовность турецкого правительства «прибегнуть всякий раз к услугам иностранцев при осуществлении административных или финансовых мер, от проведения которых оно надеется получить выгоды. Таможенная концессия—наиболее яркое доказательство правильности этого утверждения»¹⁴⁴. При новой практике правительство фактически стало получать в 1,5—2 раза больше сборов, чем при государственном контроле над таможенными. Неоспорим тот факт, что турецкие правители сами способствовали усилению влияния Запада, его проникновению в хозяйственную жизнь империи. Очевидно, что длительное время у них с этим связывались понятия прогресса, введения европейских порядков и культуры.

Автор труда «Историческая эволюция турецкого общества» Оя Сенджер утверждает, что с начала XIX века идея спасения государства от разложения охватила всех деятелей государственного аппарата, включая султана (имеются в виду Селим III, Махмуд II). Единственным, «наиболее действенным и на деле коренным средством» решения данного вопроса эти деятели считали «поворот к Западу, заимствование западных институтов и проведение реформ в этом направлении». Оя Сенджер характеризует Танзимат как прямое отражение указанной идейно-политической установки¹⁴⁵. Подобное толкование проблемы является обычным для турецкой историографии. Об этом говорят даже названия работ ряда видных турецких историков, такие, например, как «Движение за европеизацию политической жизни Турции» Т. З. Туная, «Движение по пути европеизации» Э. З. Карала, «На какой стадии западной цивилизации мы находимся?» Турхана Мюмтаза и другие¹⁴⁶. Т. Мюмтаз целью реформ, проведенных в империи, считает в основном «внедрение западной цивилизации». Поэтому и «были скопированы в качестве образцов цивилизации законы, организации,

¹⁴² ЦГВИА, ф. 401, 1886, д. 10, л. 50.

¹⁴³ П. А. Чихачев, указ. произв., стр. 116—117.

¹⁴⁴ Там же, стр. 117, подчеркнуто нами.

¹⁴⁵ Oya Sencer, указ. произв., стр. 42.

¹⁴⁶ Tunaya T. Z., Türkiye'nin siyasi hayatında batılışma hareketleri, İst. 1960; Karal E. Z., Garplılaşma hareketleri, Tanzimat kitabı; Dr. Turhan Mumtaz, Garplılaşmanın neresindeyiz? İst., 1961.

обычай и, особенно, одежду, образ жизни некоторых народов»¹⁴⁷. Нас не интересует, как Мюмтаз воспринимает влияние Европы и что, по его мнению, следовало перенять у нее. Здесь важно подчеркнуть то, что прогресс своей страны автор связывает именно с Западом, с его цивилизацией и культурой. Эта концепция заняла прочное место в турецкой литературе. Многие авторы—от О. Л. Баркана до М. Сенджера, К. Фишека и других—зарождение капиталистических отношений связывают и с установлением регулярных контактов со странами Европы. По мнению Баркана, социальные сдвиги в Турции были, главным образом, следствием внешних «революционных сил». По М. Сенджеру, они явились результатом «не внутренних преобразований, а разрушительного воздействия западного капитализма...», проявившегося со второй половины XVI века¹⁴⁸. В свою очередь, Оя Сенджер считает, что хозяйство Османской империи, ввиду особых условий, «в своем внутреннем развитии не смогло перейти к капитализму». Оно, «особенно с 1870 г., как бы насильственным образом, подталкиваемое привнесенным извне капитализмом, переводилось на путь создания капиталистических предприятий, строительства сухопутных и железных дорог, развития капиталистического рынка»¹⁴⁹.

К. Фишек в эволюционном развитии «анатолийских народов» (термин совершенно не научный и произвольный—И. О.) периодом постепенного перехода «от феодализма к более передовой форме производства—капитализму» считает «захват Стамбула османцами в 1453 г.»¹⁵⁰. Далее он отмечает, что «начиная с середины XVI века, когда начался быстрый рост цен на сырье. Анатолия приобрела значение важной сырьевой базы для Европы»¹⁵¹. Как полагает автор, все проявления капитализма, с этого времени имевшие место в Турции, были связаны с Западом.

Так, по Фишеку, развитие сельского хозяйства было «вызвано не спросом внутреннего..., а потребностями внешнего рынка»¹⁵².

Автор пишет: «Мы видим, что в результате связи экономики (Турции—И. О.) с внешним миром, в XIX веке происходит, хотя и медленно, замена феодального строя капиталистическим способом производства»¹⁵³.

¹⁴⁷ *Turhan Mümtaz*, указ. произв., стр. 13.

¹⁴⁸ См. *M. Sencer*, указ. произв., стр. 278, 302.

¹⁴⁹ *Oya Sencer*, указ. произв., стр. 43.

¹⁵⁰ *K. Fişek*, указ. произв., стр. 9—10.

¹⁵¹ Там же, стр. 17—18.

¹⁵² Там же, стр. 3.

¹⁵³ Там же, стр. 28.

Таким образом, в турецкой историографии и литературе четко проявляется положительное отношение к попыткам внедрения экономического и культурного влияния Запада со стороны господствующих верхов Османской империи, к их стремлению подражать Европе. Это, однако, не означает, что отсутствует критическое отношение к агрессивной политике европейских держав и империалистических монополий. В ряде выступлений турецких государственных деятелей, в книгах турецких авторов, в прессе, конечно, говорилось об экспансионистских действиях великих держав, которые своей реакционной политикой обрекли империю развалу, народы многонациональной страны на полуголодное существование, мешали развитию ее производительных сил. Именно так оценивает влияние Запада Исмаил Джем. Идеализируя социально-экономический строй средневекового Османского государства, он считает, что сложившееся под его руководством общество «было самым передовым, самым цивилизованным и самым гуманным»¹⁵⁴. По его мнению, появление в этом «нефеодальном» обществе феодальных отношений явилось отступлением от его вышеуказанных черт, а заимствование европейских институтов, пригодных для других стран, оказалось ошибкой, ибо они были непригодны для турецких условий и дискредитировали саму идею реформ, а Турцию поставили на край гибели. Этому способствовало, в частности, предоставление иностранцам свободы торговли, введение гарантированного законом права частной собственности на землю.

А беспрепятственная деятельность частного капитала и разложение традиционных отношений привели к открытому грабежу и эксплуатации страны. Танзимат облегчил и усугубил этот процесс... «Европеизация,—пишет Джем,—усиливая существовавшее общественное и экономическое разложение, явилась одной из главных причин развала империи»¹⁵⁵.

Следует, однако, напомнить, что в превращении Турции в полуконию империализма в какой-то мере были повинны сами верхи империи, ибо они серьезно не стремились отстоять экономическую независимость страны. В противовес этому, они даже в условиях постоянного иностранного вмешательства, умело используя противоречия держав, добивались проведения самостоятельной линии, особенно во внутренней политике.

В сфере экономики, при решении торговых, финансовых и концессионных вопросов, при определении прав и взаимных обязан-

¹⁵⁴ *Сет*, указ, произв., стр. 50. Подробную оценку цитируемого произведения см. «Народы Азии и Африки», № 2, 1975, стр. 183—186.

¹⁵⁵ Там же, стр. 218.

ностей, иностранные государства и их представители, конечно, являлись диктующей стороной и, как правило, навязывали свою волю турецким властям. Шаг за шагом они расширяли свое влияние и поле деятельности, неизменно добивались уступок. Вслед за великими державами следовали мелкие капиталистические хищники, однако львиная доля добычи попадала в руки первых.

Важным этапом на пути экономического закабаления Турции явилось заключение Портой в 1838—1846 гг. торговых договоров с европейскими странами. Интересно, что эти соглашения подписывались почти на одинаковых условиях со всеми государствами. После Англии и Франции (1838 г.) договоры заключили ганзейские города—Любек, Бремен, Гамбург и королевство Сардиния (1839 г.), затем—Швеция, Норвегия, Испания, Голландия, Пруссия, Бельгия (1840 г.), Дания, Тоскана (1841 г.), Россия (1846 г.) и т. д.

Подобная внешнеторговая активность в известной мере была стимулирована реформами Танзимата и оказала определенное влияние на экономику страны. Быстро стал расти европейский импорт. Так, ввоз английских хлопчатобумажных изделий, составивший в 1835 г. 15.846.678 метров, возрос в 1855 г. до 121.254.439 метров¹⁵⁶. Общий импорт увеличивается в следующих размерах:

	1835 г.	1855 г.
Шелковые ткани	20.898 кг.	81.286 кг.
Льняные ткани	33.807 кг.	599.148 кг.
Шерстяные ткани	52.819 кг.	906.602 кг. ¹⁵⁷

Как свидетельствуют факты, приведенные Мырмряном, уже в тот период имелись конторы, которые осуществляли посредничество в торговле с Европой. Мырмрян указывал, что в мануфактурной торговле «армяне установили непосредственные связи с Англией еще в 1855 году»¹⁵⁸.

Посредническая торговля с европейскими странами в основном находилась в руках греков и левантинцев. С 20-х гг. XIX века армяне-коммерсанты осваивают свои базы в европейских странах. В 60-х годах армянская колония в Манчестере уже состояла из 30 семей. Отделения их торговых фирм имелись в Стамбуле и Измире¹⁵⁹. В 1870—1890-х гг. в Турции было 25 крупных посреднических домов, специализировавшихся на продаже мануфактуры.

¹⁵⁶ К. Fişek, указ. произв., стр. 32.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ А. Г. Мырмрян, указ. произв., стр. 63.

¹⁵⁹ Там же, стр. 46

Среди их владельцев были иностранцы Т. Ралли, Петер Вичиной, Стефанович, Пастелли, Шикари, Чечения. Текози, Скулиди, Давид Клавани, Андреа¹⁶⁰.

В последнее десятилетие XIX века в крупную посредническую торговлю включились и турки. Например, в Трапезунде она находилась в руках нескольких греков и турок¹⁶¹. Как пишет Мырмян, крупная коммерция в Софии, Филиппе, Салониках, Бабадаге, Монастыре и других центрах Румелии почти всегда принадлежала, главным образом, туркам, грекам, болгарам и евреям¹⁶².

Во второй половине XIX в. в Турции значительно усилилось влияние иностранцев. Вместе с немусульманскими и мусульманскими негодьями они проникали во внутренние районы страны, появились в Конье, Анкаре, Эрзеруме, Диярбекире, Алеппо и других городах и торговых центрах. Кроме оптовой, они занимались и розничной торговлей, основывали предприятия, открывали больницы и школы, создавали приюты и детские дома, входя тем самым во все поры «османского общества». Их интересы оберегались не только положениями капитуляционных и торговых договоров, но и разветвленной дипломатической службой европейских государств, гражданскими и торговыми судами. Интересам иностранцев содействовали десятки дипломатических, экономических, культурных и иных учреждений, созданных каждой из держав в Османской империи. Их обслуживали специальные средства связи и транспорта. С целью развития торговли державы создали также торговые палаты и в Константинополе. Австрия основала свою палату в 1870 году, за 8 лет до возникновения Османской торговой палаты. В течение последующих 20 лет торговые палаты организовали почти все крупные европейские государства: Франция (1884), Англия (1887), Италия (1889), Германия (1891). Английская палата состояла из общего собрания ее членов и совета директоров. Членом палаты мог стать «всякий коренной или натурализованный британский подданный, имеющий в Турции какое-либо определенное занятие, а также всякий иностранец, являющийся представителем английской торговой фирмы»¹⁶³. Это означало, что в европейскую торговлю втягивались и представители буржуазии Османской империи. Они превращались в агентов и помощников европейских коммерсантов, особенно в местных делах.

¹⁶⁰ Там же, стр. 82.

¹⁶¹ В «Вестнике финансов», № 47 за 1894 г. приводится список 10 крупных торговых домов, из которого видно, что 4 из них принадлежали туркам и 4 грекам.

¹⁶² Мырмян, указ, произв., стр. 106.

¹⁶³ АВПР, Новый турецкий сточ, д. 3701, л. 30, Подчеркнуто нами.

Чтобы стать членом этой палаты, нужно было внести 10 шиллингов вступительного и 15 шиллингов ежегодного взноса. Деятельностью английской палаты управлял совет директоров из 9 человек, избранных на трехгодичный срок, обязательно из британских подданных, проживших в Константинополе не менее трех лет. Она имела связи как с частными, так и с государственными организациями, с местными британскими органами. При необходимости палата могла действовать в любом районе страны, независимо от английских дипломатических органов.

Кроме столицы, некоторые иностранные торговые палаты были основаны также в Измире. В этом важнейшем торговом порту Турции, наряду с османской, находились английская, французская, итальянская и голландская палаты¹⁶⁴. Обычно они имели свои конторы, представительства и уполномоченных в других городах и торговых центрах.

Как известно, еще в середине прошлого столетия были определены импортные (5—8% объявленной стоимости) и экспортные (12%) пошлины, решены основные вопросы закупки и транспортировки товаров. Закупки производили местные торговцы, агенты или представители иностранных фирм. Но с конца XIX в. иностранцы сами стали закупать товары и продукты. Иной раз урожай приобретался прямо на корню. При создании товарищества или общества детально разрабатывались система закупа и транспортировки товаров, общество добивалось получения монопольных прав в этой области. Отныне о ценах не имели «право сказать свое слово ни турок-производитель, ни турок-купец»¹⁶⁵.

Во внешней торговле Турции наиболее активной была Англия. Она прилагала огромные усилия, чтобы все подступы к Индии, главной британской колонии, находились под ее контролем. До первой мировой войны это в значительной мере удавалось ей.

Согласно бюллетеню (от 31.III.1907 г.) издававшемуся французской торговой палатой в Константинополе, участие флотов отдельных государств в морской торговле Турции с марта 1905 г. по март 1906 г. представляло следующую картину (в процентах)¹⁶⁶:

Англия	— 28,8	Италия	— 7,6
Австро-Венгрия	— 15,1	Россия	— 6,3
Греция	— 15,3	Германия	— 3,5
Османская империя	— 10,4	Голландия	— 1,1
Франция	— 7,7	Румыния	— 0,9

¹⁶⁴ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 409, л. 78.

¹⁶⁵ *Nurdogan Taçalan*, указ. произв., *Milliyet* 12. IX. 1970.

¹⁶⁶ М. Павлович, Собр. соч., т. II, Л., д. 1925, стр. 59.

Таким образом, доля этих государств в турецкой торговле составляла 97%, остальная, незначительная часть приходилась на другие страны, имевшие небольшие торговые флоты. Это соотношение в целом не изменилось до первой мировой войны. По турецким данным, участие иностранных государств во внешней торговле империи в 1905 году было таким¹⁶⁷:

	Вывоз из Турции в ⁰ / ₀	Ввоз в Турцию в ⁰ / ₀
Англия	34	32
Франция	28	14
Австро-Венгрия	13	21
Германия	9	4
Италия	8	20
Россия	6	6
Бельгия	2	3
	100	100

Данные таблицы показывают, что Турция на рубеже двух веков была вовлечена в международную торговлю, естественно, в условиях, которые определялись ее полукOLONиальным положением. Она прочно стала частью мирового рынка.

Что касается англо-турецкой торговли, то по своему объему она была самой значительной.

	1897 г.	1898 г.	1899 г.
Экспорт (в фунг. стерл.)	3.874.338	3.212.408	2.778.368
Импорт (в фунг. стерл.)	5.650.022	5.213.692	4.408.224 ¹⁶⁸

(Снижение показателей вывоза в эти годы из Турции объясняется плохим урожаем).

¹⁶⁷ А. Д. Новичев, указ. произв., стр. 174.

¹⁶⁸ «Р,ицшнрнн», 29. III. 1900.

Из Турции Англия вывозила шерсть, козий пух, зерно, бобы, а также фрукты, в частности виноград. В Турцию она ввозила традиционные товары своего экспорта—мануфактуру, пряжу, шерстяные изделия, каменный уголь, медь, различные металлы в слитках, металлические изделия и т. д.

Данные таблицы показывают сокращение импорта в 1899 г., по сравнению с 1898 г. на 15% и с 1897 г.—на 22%¹⁶⁹. Эти цифры отразили тенденции англо-турецкой торговли только за указанные годы. Изучение этого вопроса показывает, что английские деловые круги были связаны с теми группами турецких коммерсантов, которые занимались заготовкой и сбытом зерна, фруктов и шерсти. Следует отметить, что вывоз зерновых из Турции в 1890-х годах составлял около 40% их производства. С этим делом было связано большое число людей¹⁷⁰. Как мы уже видели, развитию турецкой торговой буржуазии особенно содействовал рост торговли указанными товарами. Н. Тачалан отмечает, что сбыт инжира и других фруктов в Эгейском районе постепенно переходил в руки посредников-турок. «Купцы из провинции.—пишет он,—отправляли товар торговцу-турку, который продавал его экспортерам-иностранцам»¹⁷¹.

Мусульманские купцы стали преуспевать также на продаже привозных английских товаров.

Как было отмечено, в конце XIX—начале XX вв. преобладающее влияние Англии в торговле с Турцией начало ослабевать. Этому способствовало недовольство турок, вызванное захватом ею Египта и Кипра. С другой стороны, длительному господству английского капитала в Турции угрожал новый хищник—германский империализм. После завершения объединения Германии усилилась германская экспансия на Ближний Восток. Начиная с 1880-х гг. немцы приобретают здесь ряд концессий, усиливается их торговая деятельность. Это подтверждают, в частности, данные, приведенные в статье А. Зурабова «Германский империализм в Турции» о ввозе иностранных товаров в империю (в млн. фунт. стерл.)¹⁷².

¹⁶⁹ «Рішнішнірні», 29. III. 1900.

¹⁷⁰ См. А. М. Беркенгейм, указ. произв., стр. 24.

¹⁷¹ *Nurdogan Taçalan*, *ibidem*, 11. IX. 1970. Среди посредников Тачалан упоминает Ушакизаде Муаммера, будущего тестя К. Ататюрка, который на перевозках инжира и его продаже комиссионерам нажил большое состояние и стал одним из самых богатых людей Измира. Там же, 12, IX. 1870.

¹⁷² Журнал «Летопись», 1917, № 5—6 стр. 289.

Страны	1910—1911	1911—1912	1913	1914
Великобритания	7,5	8,75	7,9	6,0
Австро-Венгрия	6,7	6,02	3,8	—
Франция	3,5	3,5	3,3	3,0
Германия	3,4	4,5	4,8	—
Россия	2,5	2,7	3,6	1,5

«...Германские империалисты, вроде Рорбаха, открыто заявляли, — пишет А. Зурабов, — что Германия де должна спаяться через Балканы с Турцией, перевозить туда свои товары и сделать ее своей колонией». Автор заключает: «Это не было мечтой кабинетных империалистов, а, наоборот, боевой задачей для германского империализма»¹⁷³. Эту задачу представители германского капитала выполняли весьма оперативно и основательно. Вот некоторые штрихи, характеризующие их деятельность. Летом 1906 г. представитель одного немецкого торгового дома некий М. Курт Юнг, прибыв из Диярбекира в Харберд, «посетил местных коммерсантов и собрал необходимые сведения о торговле в Харберте. Пробыв здесь три дня, он отправился дальше в Малатию и Сивас». Хорошо изучив положение на местных рынках, немцы успешно ориентировались в малоазиатских делах. Так, представитель предприятия красок «Фарбверке Форм Майстер Луциус унд Брюнинг» М. Ричард «приехал в Харберд из Самсуна и сбывал здесь следующие товары: краски, анилиновое масло и соль, ализарин, химические и медицинские товары. М. Ричард из Харберда отправился в Арабкир и Агын»¹⁷⁴.

Примечательно, что агенты германских фирм, убедившись в успешном сбыте немецких изделий, в качестве представителей фирм назначали местных людей. В другой информации еженедельник «Бюракн» сообщает о прибытии в Мерсин сотрудника немецкого торгового представителя в Константинополе, который выяснил, «в каких импортируемых товарах имеется нужда, а также собрал сведения относительно железа и меди, привозимых из Австрии»¹⁷⁵.

¹⁷³ Там же, стр. 288.

¹⁷⁴ «Вісник», 1906, № 32, 761—762.

¹⁷⁵ Там же, 1906, № 3—4, стр. 87.

Хусейн Авни также отмечал, что «в методах ведения торговли немцы более деловиты», ибо они доставляли образцы своих товаров до самых глухих районов Анатолии, через специальных разносчиков¹⁷⁶.

Стремление немцев укрепиться в Турции и подчинить ее экономику своим интересам подтверждается активными выступлениями и действиями представителей кайзеровской Германии и немецкого капитала, непрерывным усилением здесь немецких торговых позиций. Об этом говорят, например, данные относительно германской торговли с Турцией за 1880—1904 гг. (в тыс. марок).

Годы	Ввоз в Турцию	Вывоз из Турции
1880	6,423	1,936
1884	7,929	2,708
1888	11,713	2,361
1892	39,726	27,952
1896	23,021	25,870
1900	28,021	30,449
1904	75,120	43,421

Эти данные показывают, что за четверть века германский экспорт в Турцию возрос на 1.100%, а турецкий ввоз в Германию—на 2.200%¹⁷⁷. Правда, к этому времени Германия в торговле с Турцией заняла лишь четвертое место после Англии, Франции и Австро-Венгрии. Но в экономике, в политике Турции Германия постепенно вытесняла другие державы. В результате все более широкие круги собственно турецкой буржуазии вовлекались в ее орбиту.

Следует отметить значительный рост внешнеторгового оборота Турции и с соседним Ираном. По бельгийским источникам, в 1901—1902 гг. во внешней торговле Ирана Турция заняла четвертое место после России, Англии и Франции, оставив позади себя Германию и другие европейские государства¹⁷⁸. Правда, большую долю торговли между этими соседними государствами составляли транзитные операции. Но это не меняло дела, т. к. указанные операции совершались крупными торговыми домами Турции и развивались весьма успешно. В. И. Ленин в «Тетради материалов о

¹⁷⁶ *Avni Hüseyin*, указ. произв., стр. 44.

¹⁷⁷ *Paul Fesch*, указ. произв., стр. 511—512.

¹⁷⁸ «*Унирб*», 1906, № 2, стр. 115.

Персия» внешнеторговые связи капиталистических государств с Ираном в начале века определил в следующем порядке: Россия—63% всей торговли, Англия—25%, Турция—9%, а затем идут Германия, Франция и Италия¹⁷⁹. Как показано у Ленина, рост турецкого ввоза в Иран выразился соответственно в сумме 5 и 9,5 млн. марок, французского—в 9,5 и 4,4 млн. марок¹⁸⁰.

Если торговый оборот Турции с Ираном в первые годы нашего столетия составлял немногим более половины торговли Франции с Ираном, то к 1911 г. это соотношение изменилось в пользу Турции, оборот которой теперь более чем вдвое превзошел французский¹⁸¹. В абсолютных цифрах оборот Франции в начале века составил 4.299.672,6 рублей, Турции—2.174.482,8 рублей, а через десять лет—4.665.200 и 9.948.800.

Эти факты следует объяснить активизацией политики Турции в отношении Ирана. Они говорят о некотором укреплении позиций торговой буржуазии Османской империи, которая проявляла определенное стремление к расширению внешней торговли.

Внешиполитическая экспансия Турции накануне и в годы войны находила всяческую поддержку со стороны Германии, так как была направлена против ее основных конкурентов, позже—врагов. В цитированной «Тетради» Ленин следующим образом характеризует положение дел в этом районе: «Персия формально нейтральна в этой войне. На деле и русские, и англичане, с одной стороны,—и турки с немцами, с другой—*воюют и грабят на персидской территории*»¹⁸².

Итак, в результате активной деятельности иностранного капитала в Турции, а также усилий торговой буржуазии Османской империи ее внешняя торговля непрерывно расширялась.

Маркс объяснял высокую прибыльность капиталов, вложенных в колониях и зависимых странах, тем, что в них «вследствие низкого уровня развития норма прибыли выше вообще, а в связи с применением рабов, кули и т. п. выше и степень эксплуатации труда»¹⁸³. Эти явления еще более обостряются и становятся четкими в эпоху империализма. «В этих отсталых странах,—писал В. И. Ленин,—прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые ма-

¹⁷⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 28, стр. 703.

¹⁸⁰ Там же, стр. 706. Данные приведены по кн. *Егера* «Персия и персидский вопрос».

¹⁸¹ См. «Мир ислама», т. I, № 2, стр. 159.

¹⁸² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 28, стр. 701.

¹⁸³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 261.

териалы дешевы»¹⁸⁴. Указанные факторы, как и установление тесных связей в мировом хозяйстве, естественно, приводили к заполнению капиталами свободных уголков земного шара, ибо капитализм, как говорил Ленин, «перезрел», и во многих странах образовался избыток капиталов. «Возможность вывоза капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянут уже в оборот мирового капитализма, проведены и начаты главные линии железных дорог, обеспечены элементарные условия развития промышленности и т. д.»¹⁸⁵.

Подобные процессы имели место и в Османской империи. Как мы уже видели, во второй половине XIX века она была втянута в мировой торговый оборот. Встав на путь капиталистического развития, она уже не могла миновать его законов. Один из них состоит в том, что «капиталистическое производство вообще не существует без внешней торговли»¹⁸⁶.

Пример Турции подтверждает вышеприведенные положения основоположников марксизма-ленинизма. Характерны в этом отношении показатели внешней торговли Турции за 1880—1913 гг., составленные на основе данных оттоманского таможенного управления.

	Импорт	Экспорт
	(в турецк. золотых лирах)	
1880	17.847.498	8.497.053
1885	20.003.669	12.076.257
1890	22.914.344	12.836.476
1895	20.583.262	15.535.625
1900	23.841.568	14.904.979
1905	31.366.000	19.672.400
1910	42.685.651	25.395.832
1913	40.809.682	24.202.706 ¹⁸⁷

Несмотря на неудовлетворительное состояние турецкой статистики, вышеприведенные данные все же отражают тенденцию

¹⁸⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 360.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 24, стр. 534.

¹⁸⁷ İstatistik yılı, cilt 7, 1934—1935, s. 438.

роста внешней торговли Турции и вместе с тем ее неэквивалентный характер. Она имела постоянный дефицит, так как капиталистические державы ввозили в Турцию больше и вывозили оттуда меньше, получая на этом большие барыши.

Далее, в период наибольшего развития внешней торговли дефицит оставался на высоком уровне. Так, в 1880 г. он составил более 9 млн. лир, в 1890 г.—10 млн., в 1900 г.—9 млн., в 1910 г.—более 17 млн. лир. «В среднем за период с 1880 по 1920 гг. он достигал ежегодно десяти миллионов золотых лир»¹⁸⁵.

Сравнительные данные показывают резкое отставание Турции от передовых стран в развитии торговли. Например, в 1913 году в торговом обороте на душу населения в различных странах приходилось (в рублях)¹⁸⁹.

Страна	Импорт	Экспорт	Общ. оборот.
Англия	136	108	244
Германия	76	75	151
Франция	79	64	143
Италия	36	26	62
Египет	22	27	49
Турция	14,9	7,9	22,8

Неблагоприятное для Турции развитие ее внешней торговли объяснялось экономической отсталостью страны, неравноправными договорами (капитуляциями), системой монополий. Накануне первой мировой войны ее внешнеторговый дефицит еще более увеличился в связи с триполитанской (1911) и балканскими (1912—1913) войнами.

Торговля являлась одной из форм экономического закабаления Османской империи иностранным капиталом. Это создавало почву для формирования наиболее влиятельного слоя торговой буржуазии—компрадоров, игравших значительную роль в экономике страны.

Другим мощным рычагом закабаления Турции стали внешние займы и финансовый контроль со стороны держав. В. И. Ленин от-

¹⁸⁸ ЦГА, Грузинской ССР, ф. 613, оп. 1, д. 40, л. 60.

¹⁸⁹ А. Д. Новичев, указ. произв., стр. 179.

носил Турцию к числу «финансово-несамостоятельных, политических самостоятельных стран»¹⁹⁰.

Следует отметить, что многие авторы отрицают наличие у Турции государственного бюджета вплоть до 1908 года. Однако, если его и не существовало в обычном понимании этого слова, то все же имелись своего рода росписи фондов и расходов, что подтверждается данными, относящимися к 1880 годам. Подполковник Чичагов, касаясь финансового положения Турции, в марте 1886 года писал из Константинополя: «Официальные бюджеты турецкого правительства настолько далеки от истины и неисполнимы, что не представляют ни малейшего интереса. Действительные же поступления доходов и расходов до того тщательно скрываются от публики и отчетность по ним часто умышленно до того запутана и неверна, что является фактически невозможным сделать из них какой-либо вывод для обрисования действительного финансового положения»¹⁹¹.

Спустя несколько лет Н. Пешков в одном из своих донесений, особо останавливаясь на финансах Турции, отмечал: «Мнение, что государственной росписи в Турции не существует, безусловно, несправедливо. Такая роспись ежегодно составляется на основании подробных и правильных росписей каждого отдельного государственного учреждения и ежегодно через совет министров представляется на усмотрение и утверждение султана»¹⁹². В то же время автор указывает, что в Турции правительственные документы не принято публиковать, как в Европе. Обнародовать пассивный баланс, сделать его достоянием внутренних и внешних кредиторов, а также населения, было невыгодно. Поэтому, «государственная роспись держится в строжайшей тайне и известна лишь крайне незначительному числу высших сановников, принимавших участие в ее составлении»¹⁹³. Скрывался постоянный дефицит бюджета и непомерные расходы на содержание аппарата ненавистного военно-феодалского режима. Их обнародование повредило бы авторитету султана-халифа и его окружения, ибо не только немусульмане, но и мусульманское население было бы недовольно расточительством «тени аллаха на земле». «По шариату,—пишет Атрлет,—«бейт-уль-мал» (доходы государства) не принадлежит халифу: он только хранитель казны, и деньги должен тратить сообразно нуждам стра-

¹⁹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 28, стр. 700.

¹⁹¹ ЦГВИА, ф. 401, оп. 1886, д. 10, л. 21.

¹⁹² Там же, ф. 450, оп. 1888, д. 106, л. 194.

¹⁹³ Там же, л. 195. И. Флеровский пишет, что до младотурок бюджет дважды (1880—1881 и 1897—1898 гг.) был опубликован. См. Современник, 1915, № 3, стр. 189.

ны. Второй халиф Омар брал себе суточное вознаграждение в размере только 4 дирхем (три золотника) серебра. Софты кричали: «по какому праву халиф Абдул-Азиз берет ежедневно 4 тысячи дирхем золотом, кроме дворцовых расходов, уплачиваемых из средств «бейт-уль-мала» (казны)?»¹⁹⁴. Как видим, несмотря на предосторожности султанского двора и правительства, факты растрачивания и расхищения государственных денег становились достоянием народа, который все больше нищал в результате роста налогов и поборов, от произвола властей. Это был животрепещущий вопрос. Не случайно, что многие исследователи главной целью танзимата считают упорядочение финансов¹⁹⁵.

Анализ расходов бюджетных средств показывает, что, например, в 1888 г. более 50% их было направлено на содержание «морских и сухопутных вооруженных сил», свыше 27% — на погашение иностранных займов и лишь около 22% шло на гражданское управление и на общественные работы¹⁹⁶.

Более близкое ознакомление с бюджетными расходами обнаруживают неприглядную картину хищнического присвоения народных денег паразитической верхушкой Османской империи. Примером могут служить бюджеты 1888, 1889 гг. (в тур. лирах).

Наименование расходов	1888 г.	1889 г.
Армия и флот	8.280.097	7.626.830
Жандармерия и полиция	1.411.489	1.294.076
Расходы султана	879.441	888.666
Гос. управление	92.692	97.245
Мин-во обществ. работ	208.819	215.026
Мин-во народного образования	103.200	50.000
Медиц. и санит. управление	77.888	56.172 ¹⁹⁷

Приведенные округленные цифры показывают, что львиная доля расходной части бюджета шла на военное ведомство, полицию и жандармерию, затем на содержание двора и гарема султана, на синекуры. В 1888 году на жандармерию и полицию расходо-

¹⁹⁴ «Русская мысль», 1908, № 8, стр. 182—183.

¹⁹⁵ См. *Halil Inalcik*, *Tanzimatın uygulanması ve sosyal terkipleri*. „Bellefen“, 1964, cilt XXVIII, № 112, ss. 627—628.

¹⁹⁶ См. ЦГВИА, ф. 450, оп. 1888, д. 106, л. 218.

¹⁹⁷ Там же, л. 206—210.

валось средств в три с лишним, а в 1889 г. в четыре с лишним раза больше, чем на общественные работы, народное образование и медицинское обслуживание населения вместе взятых. Попытка султанского правительства сократить расходы практически ни к чему не приводили.

В конце прошлого столетия почти половина бюджета шла на погашение государственных долгов, а третья часть на содержание армии. На производственные цели, расходы под рубрикой «другие ведомства», оставалась незначительная часть бюджета, большая доля которой поглощала чиновничья клика.

И. Флеровский справедливо отметил: «население только платит, не получая взаимно ничего»¹⁹⁸.

Для нужд армии, являющейся опорой империи султанов, правительство порою изыскивало всевозможные источники поступлений денег, которые, в 1886 г., например, были получены из следующих источников:

взято из касс вилайетов за счет обыкновенных доходов — 552.000 лир, занято у английских банкиров под залог железной дороги Касаба—553.000 лир;

взыскано насильственно недоимок—300.000 лир;

взято из пенсионных касс—270.000 лир;

занято у Гирша под залог азиатских железных дорог—1 млн. лир;

взыскано насильственно военного налога (бедел-и-аскерне) и поступило текущего военного налога на 600.000 лир.

Итого: 3.272.000 лир¹⁹⁹.

Несмотря на огромные усилия властей, после Крымской войны бюджетный дефицит становится постоянным спутником государственных финансов.

П. А. Чихачев писал про Турцию:

«Еще 20 лет назад она была, быть может, единственной страной, которая могла похвастаться полным отсутствием задолженности и наличием в обращении только звонкой монеты. Теперь же ее государственный долг достигает 600 млн. ф., т. е. колоссальной суммы, если сравнить ее не с абсолютными цифрами (как это делают обычно платные и неплатные адвокаты Турции) государственного долга других стран Европы, а с соотношением в них поступлений и долгов»²⁰⁰.

¹⁹⁸ И. Флеровский, Национальные и экономические отношения в Турции. «Современник», 1915, № 3, стр. 190.

¹⁹⁹ ЦГВИА, ф. 401, оп. 1886, д. 10, л. 22.

²⁰⁰ П. А. Чихачев, указ. произв., стр. 113.

В 1854 году был получен первый иностранный заем. За ним последовали другие. В течение 14 лет (1858—1872) Турция получила 10 займов, номинальная сумма которых составила 209.496.740 фунт. стерлингов, а фактически ей было выдано 106.195.611 фунтов стерлингов с начислением от 5 до 9% на номинальную сумму займов²⁰¹. Поистине прав Чичагов, писавший, что «с появлением благоприятных условий для совершения иностранных займов увеличилось и легкомыслие к издержкам»²⁰². Все садразамы и особенно министры финансов, продававшие доходы империи иностранным капиталистам оптом и в розницу, заботились, прежде всего об удовлетворении нужд Илдыз-Киоска, затем войска, государственного аппарата и т. д. Рост финансовых операций, особенно с зарубежными странами, привел к учреждению в 1856 г. Оттоманского банка, который через несколько лет (1863) был реорганизован в Оттоманский имперский банк. Наряду с английским, право контроля над ним приобрел и французский капитал. Таким образом, увеличение турецкого долга содействовало активизации иностранного капитала. После ряда унификаций, пересчетов и консолидаций государственного долга был издан знаменитый Мухарремский декрет (20.XII.1881), по которому Турция вновь объявила о своем банкротстве, вдвое была снижена сумма долга и учреждено *Управление оттоманского долга*. Отныне вводился официальный иностранный контроль не только над финансами, но и над разными сборами и налогами, над всей экономикой страны. Наряду с разветвленной сетью иностранных банков и других финансовых учреждений это управление стало главной опорой империалистических держав по совместной эксплуатации Османской империи.

В этих условиях расширилась также деятельность местных биржевиков и сарафов, которые стали активнее финансировать частные и государственные мероприятия. Возросла их доля в общем государственном долге. В 1875 году из 318 млн. франков, составлявших проценты по всему государственному долгу, 280 млн. приходились на проценты по внешним и 38 млн. (более 12%) — по внутренним долгам Турции²⁰³. В июле 1878 г. государственный долг представлял следующую картину²⁰⁴:

консолидированный государственный долг	191 млн. ф. ст.
неуплаченные проценты	25 »

²⁰¹ ЦГВИА, ф. 401, 1886, д. 10, л. 20.

²⁰² Там же, л. 18.

²⁰³ «История», 1906, № 2—3, стр. 114.

²⁰⁴ ЦГВИА, ф. 401, оп. 1886, д. 10, л. 19.

бумажные деньги (каиме)
долги разным банкам в Галате

16 млн. ф. ст.
12 »

Чтобы уплатить часть процентов по долгам, избавить рынок от обесцененных каиме, стоимость которых упала в 12 раз, и иметь деньги на текущие расходы, турецкое правительство заключило в ноябре 1879 г. конвенцию с главными банками Константинополя, получив от них новую ссуду в 120.000 фунтов стерлингов. Взамен группа галатских банков приобрела право на взимание и управление штемпельными сборами, на сбор налогов на спиртные напитки, доходов с рыбной ловли в районе Константинополя, на табачную и соляную монополию и на десятину шелка в некоторых местностях империи²⁰⁵. Таким путем местные банки и отдельные финансисты приобретали обширные права контроля над хозяйственной и даже административной жизнью страны. Тем самым галатские и другие банкиры вовлекались и во внешние финансовые операции государства. Одним из влиятельных банкиров был Леонидис Зарифи, обладавший огромными земельными угодиями и участвовавший в ряде концессий в горнодобывающей промышленности, в иностранной торговле и т. д. Следует упомянуть также Маврокордато, Лугенили, Властори, Элиаско с сыновьями и других. Греческие, еврейские, армянские и другие финансовые дельцы, поздние и турецкие банкиры, развернули деятельность почти во всех значительных пунктах империи.

Государственная казна нередко пополнялась также за счет выплат губернаторами провинций определенных сумм, затребованных непосредственно султаном или по его поручению каким-либо сановником. Этот не совсем обычный метод временами применялся очень широко, приобретая форму официальных поручений (хавале), которые выдавались казной или органами министерства финансов взамен внесенной суммы финансистам или чиновникам для получения из казны вилайетов указанных в них сумм.

В конце прошлого века таких чеков—хавале появилось так много, что по ним отказывались платить, даже финансисты стали брать их лишь под нажимом властей²⁰⁶.

О значительной роли финансовых дельцов в административной сфере говорит и такой факт. Как известно, чиновники в Турции месяцами не получали жалованья. Им выдавались специальные листы с обозначением суммы жалованья за год, так называемые суреты и при выплате денег в них делались пометки. Их обладате-

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ «Унрбэ», 1905, № 4, стр. 100.

ли, не дожидаясь редких выплат жалованья, предпочитали продавать свои суреты сарафам, получая за них 25—30, в лучшем случае 40 процентов номинала. Набрав определенное количество суретов, сарафы перепродавали их высокопоставленным чиновникам управлений соответствующих министерств за «треть или половину номинальной стоимости листа»²⁰⁷. Последние находили способ их реализации на полную сумму.

В результате расточительных и разорительных расходов нехватка денег стала хронической болезнью империи. Так, долг султана Абдул Азиза, сделанный «при неофициальном посредничестве банкиров» на территории империи, по выражению П. А. Чихачева, принял «ужасающие размеры». Только постройка дворца в Долмабахче обошлась государству в 70 млн. франков, что превышало треть ежегодных поступлений в казну²⁰⁸.

Р. Берберян, автор цитируемого нами исследования о финансах Турции, подчеркивает, что «во дворце особое внимание уделялось только тем проектам или мероприятиям, которые могли обеспечить поступление либо наличных денег, либо нового займа»²⁰⁹. Это подтверждает, основываясь на официальные документы, и Кенан Булутоглу. Наличие множества монополий и концессий в области торговли, налогов и сборов, как и системы контроля над различными отраслями экономики страны, он объясняет в основном стремлением правительства расширить деятельность финансовых монополий.

По его мнению, правительство хотело включить в сферу контроля этих монополий, помимо производства и продажи табака, соли, пороха и т. д. также нефть, алкогольные напитки и др., разумеется, с целью получения наличных денег или субсидий²¹⁰. Его примеру следовали местные власти. Они также жаждали обогащаться за счет иностранных концессий, находившихся на территории их вилайетов и санджаков. Об этом говорит, в частности, история расширения владений французской компании по добыче борацита. В 1865 г. она получила право разработки этого сырья на территории 37 денумов. Через 17 лет она уже владела «200.000 денумов земли, благодаря покровительству веляята Бурсь»²¹¹.

Таким образом, благожелательное отношение господствующей верхушки империи к иностранным концессиям и займам объясня-

²⁰⁷ Там же, стр. 101.

²⁰⁸ П. А. Чихачев, указ. произв. стр. 114.

²⁰⁹ «Упрб», 1905, № 2—3, стр. 108.

²¹⁰ Dr. Kenan Bulutoglu, Türk vergi sistemi, ss. 280—281.

²¹¹ Suat Türker, указ. произв., „Milliyet“, 3. V. 1971.

ется тем, что во второй половине XIX столетия они стали серьезным источником ее обогащения и наживы. Как утверждает С. Степанян, ссылаясь на немецкие источники, султан Абдул Гамид обещал кайзеровской Германии оказать полную поддержку предствителям «немецкого банка» и другим заинтересованным организациям²¹².

В сложившихся условиях возникла целая группа подставных лиц, через которых оформлялось предоставление концессионных прав различным акционерным обществам. Эту роль охотно брали на себя высокопоставленные чиновники, фавориты султана, члены правительства, отдельные богачи. Так, в 1882 г. некий знатный мусульманин Ю. Мутран Эфенди получил концессию на строительство железной дороги Дамаск—Хауран и передал ее бельгийскому обществу. Через год добился концессий на строительство линии Дамаск—Алеппо и вновь уступил ее, на этот раз французам²¹³.

И. И. Голобородько приводит целый ряд других примеров использования концессионного права высокопоставленными лицами. Он называет имена секретаря Абдула Гамида Иззет паши, министра финансов Мелхаме, военного и морского министра Рахми и т. д.²¹⁴. Не будет преувеличением сказать, что значительная часть турецких государственных деятелей и служащих разбогатела подобным путем. Используя свое служебное положение, они за определенную мзду обслуживали концессии, работали в обширной сети иностранных организаций.

Разумеется, наибольшие выгоды от концессий и займов получали империалистические державы и монополии. Пользуясь малейшей возможностью, они всячески расширяли свою деятельность, действовали без стеснения, а при необходимости, оказывали грубый нажим на турецкое правительство и его местные органы. При этом сами государственные органы выступали, как отмечал И. Бутаев, «в роли политического аппарата для эксплуатации своего собственного крестьянства»²¹⁵ и, добавим, всей страны. В подтверждение сказанного сошлемся на следующий пример. Получив очередной немецкий заем, турецкое правительство, в целях перевооружения армии, в 1888 году разместило военные заказы на заводах Круппа, Маузера и других поставщиков, «которые почти силою навязывают турецкому правительству свою продукцию»²¹⁶.

²¹² С. Степанян, Армения в политике империалистической Германии, Ереван, 1975, стр. 14.

²¹³ С. Гордон, Очерки по экономическому положению Палестины, Одесса, 1906, стр. 5.

²¹⁴ См. И. И. Голобородько, указ. произв., стр. 174—175.

²¹⁵ И. Бутаев, указ. произв., стр. 85.

²¹⁶ ЦГВИА, ф. 450, д. 106, л. 198.

С течением времени росли внешние долги Турции, усиливалась ее финансовая зависимость, разнообразнее становились формы давления на нее со стороны держав. Как уже было отмечено, до создания Управления оттоманского долга финансы и экономику страны контролировал организованный в 1863 году Оттоманский имперский банк, находившийся в руках англо-французского капитала и имевший более 80 отделений. После образования Управления оттоманского долга к нему перешел сбор многих прямых и косвенных налогов, других платежей. Оно выплачивало железнодорожным компаниям километрические гарантии. Через свои местные учреждения управление взимало даже некоторые налоги для самой османской казны.

Оно обрело громадную экономическую мощь и активно вмешивалось в дела Османского государства. В качестве курьезного факта отмечается, что управление финансировало Италию в период ее войны с Турцией, раскупив часть итальянских ценных бумаг, в сумме 500 тысяч турецких лир²¹⁷.

Бесцеремонное использование управлением права контроля в отношении внутренних дел и многочисленных иностранных банков, концессий и других организаций еще больше усугубило полукOLONиальное положение Турции.

За первые 7—8 лет своего существования Управление создало огромный аппарат «почти исключительно из турецких подданных мусульман. Из 4527 служащих 4172 были мусульмане, 316—христиане турецко-подданные и лишь 39 европейцы»²¹⁸. В 1912 г. его аппарат уже насчитывал 8931 человек, в то время, как в штате Министерства финансов числилось всего 5472 служащих. «Расходы Управления на аппарат составляли 403.943 лиры. Ежегодно высокопоставленным чиновникам выдавалось до 80 тысяч лир»²¹⁹. Следует указать, что штатные должности заведующих отделами, членов административных советов банков и Управления оттоманского долга на девять десятых замещали местные служащие, главным образом, мусульмане, ибо без них нельзя было развернуть ту обширную деятельность, которая и обеспечивала его влияние на жизнь громадной империи. Почти в каждом вилайете управление имело свои агентства, в подчинении которых находились подразделения в санджаках, казах и т. д.²²⁰. По данным Р. Берберяна, число таких подразделений-агентур составляло 728. Агенты управления выпол-

²¹⁷ *Kurthan Fişek*, Anadolu toplumlarının evrimi üstüne düşünceler, „Forum“ 1. I. 1968, s. 330.

²¹⁸ АВПР, Ф. Канцелярия, д. 25, л. 112.

²¹⁹ *Avni Hüseyin*, указ. произв., стр. 37.

²²⁰ Ս. Մարկոսյան, Արևմտահայությունից զինակը 19-րդ դարի վերջերին, Ե., 1968,

няли не только финансовые, но и фискально-административные функции. Как уже отмечалось, они выступали в качестве сборщиков государственных налогов, контролировали поступления многих, предоставленных по концессиям, сборов и доходов от акциза—на соль, спиртные напитки, табак, шелк, рыбные промыслы, гербовый сбор и т. д.

Администрация государственного долга через местных чиновников проникала во все поры общества, в течение десятилетий, обирала народы империи и накануне первой мировой войны в ее распоряжение поступало «не менее одной трети всех доходов Турции»²²¹.

По данным турецкого ежегодника за 1912 год, из 16 крупных банков только три были турецкими, в 15 частных банках преобладал местный капитал, в стране действовало 12 железнодорожных иностранных компаний²²². Среди акционерных обществ и предприятий, действовавших в европейской Турции, имелись: 6 по эксплуатации минеральных богатств, 5 строительных, 5 по канализации и водоснабжению, 5 трамвайных предприятий, 3 по освещению, 21 предприятие по производству пищевых продуктов и т. д.²²³. Во всех указанных компаниях преобладал иностранный капитал. Общая сумма иностранных вложений в экономику Турции накануне первой мировой войны составляла 63.441 тыс. фунтов стерлингов. По отдельным отраслям она распределялась следующим образом²²⁴:

Железнодорожные линии	— 39.163 тыс. ф. ст.
Банки	— 10.210 »
Промышленность	— 5.495 »
Муниципальные предприятия	— 4.983 »
Торговля	— 3.593 »

В строительстве и эксплуатации железных дорог империи преобладающее влияние имел германский капитал (2565 км.), затем французский (2077 км.) и английский (610 км.)²²⁵. Абсолютное господство в банковском деле принадлежало Франции, в торговле (почти до самой войны)—Англии. В общем торговом обороте империи доля Англии превосходила немецкую в пять раз, Франции и Австро-Венгрии—более чем в два раза. Однако по сумме капиталовложений Германия накануне войны вышла на второе место после Франции²²⁶.

²²¹ «Раздел Азиатской Турции», стр. 9.

²²² *Annuaire Oriental*, стр. 167—174.

²²³ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, лл. 76—78.

²²⁴ *Ismail Hüsrev*, указ. произв., стр. 132; *Халис Окан*, указ. произв., стр. 23.

²²⁵ См. «Международная жизнь», 1927, № 8, стр. 47.

²²⁶ См. М. Павлович, Соч., т. II, стр. 61.

Распределение иностранного капитала по отраслям хозяйства империи приводится в нижеследующей таблице (в процентах).

	Доля вложений капитала	Желез. дороги	Банки	Промышленность	Муницип. предприят.	Торговля
Англия	16,9	11,7	6,8	75,6	38,2	41,2
Франция	25,9	15,3	59,0	11,0	22,6	17,3
Германия	45,4	67,5	22,1	—	—	—
Италия	1,2	—	2,9	—	—	1,8
США	1,8	—	3,9	—	—	21,0
Голландия	0,9	—	1,0	—	—	13,9
Бельгия	3,7	0,4	1,0	3,4	38,8	3,0
Прочие	4,2	5,1	5,3	10,0	0,1	1,8 ²²⁷
	100	100	100	100	100	100

Эти данные дают представление о роли и месте иностранного капитала в экономике Турции. Как видим, он глубоко проник в хозяйственную страну и часто определял структуру данной отрасли. Немецкий «Дейче банк» создал в Адане общество по культивированию хлопка. В 1906 г. оно реализовало среди сельских хозяев машин стоимостью более двух млн. франков. Немцы занялись также проблемами орошения этого района. Здесь работало много специалистов в области сельского хозяйства. На этой основе в Адане возникло влиятельное немецкое экономическое общество во главе с доктором Кемаком, который написал специальное исследование об орошении данной местности²²⁸.

Борьба за сферы влияния между иностранными дельцами происходила не только в вилайетах, но даже в отдельных санджзках и казах.

Хусейн Авни приводит в связи с этим интересные примеры. Так, немцы приобрели монополию на закупку ячменя в Эскишехире, а англичане вытеснили их из деревни Мутталип, став здесь единственными покупателями зерна. Орех также заготавливали иностранные фирмы, они же бесконтрольно распоряжались на рынке опиума, винограда, инжира и т. д.²²⁹.

²²⁷ *Ism. Hüsrev*, указ. произв., стр. 132.

²²⁸ *Avni Hüseyin*, указ. произв., стр. 42.

²²⁹ Там же, стр. 43.

Иностранные компании чувствовали себя настолько уверенно, что порой не выполняли взятых на себя обязательств. Например, в Константинополе общество по строительству набережных, портовых складов и сооружений вместо этих объектов строило в Галате каравансарай и ханы, ибо они давали больше дохода²³⁰.

Деятельность иностранного капитала, несомненно, создавала определенную питательную среду и условия для формирования и развития буржуазии Османской империи.

Главной сферой соприкосновения местного капитала с европейским была внешняя торговля, которая содействовала росту османской буржуазии. В ней наряду с греками и левантинцами, принимали деятельное участие армянские купцы, торговавшие главным образом товарами местной промышленности и сырьем²³¹. С 40-х гг. XIX века они включились в морскую торговлю, участвуя в создании османских обществ судоходства, в частности, известного «Ширкет и Хайрие»²³².

Мырмян считает, что в 60—70-х гг. в сфере внешней торговли иностранные фирмы сотрудничали с крупными османскими компаниями и торговыми домами, и опирались на представителей из местных купцов. Последние поддерживали самые тесные деловые контакты с портовыми городами и другими центрами Турции, где можно было получить значительную прибыль и находить доверенных посредников, независимо от их национальной и религиозной принадлежности²³³.

Являясь представителем одного из торговых домов Константинополя, Мырмян подробно рассказывает о структуре внешней торговли. Он пишет, что уже в третьей четверти прошлого столетия внешняя торговля империи имела довольно разветвленный характер. В торговом еженедельнике «Бюракан», в других газетах систематически печатались списки крупных коммерсантов, сведения об их торговых связях с зарубежными странами. Так, в начале 1906 г. в нескольких номерах, «к сведению и пользе местных купцов», публиковались списки крупных торговцев мануфактурой, привозивших из Англии, Франции, Италии и других стран разнообразные ткани в Константинополь для продажи их оптом и в розницу. Среди них было 18 армян, 5 турок, 3 грека и один еврей²³⁴.

В одном из номеров еженедельника сообщалось, что за неделю в Константинополе было продано оптом 18 ящиков опиума и 900

²³⁰ Там же, стр. 57—58.

²³¹ Б. Ч. Ургүлшб, указ. произв., стр. 8.

²³² Там же, стр. 28.

²³³ Там же, стр. 46.

²³⁴ «Ваншак», 1906, № 2, т. 2, № 3, т. 2, № 4, т. 2, 88.

тюков мохера, указывались фамилии покупателей и стоимость товара. Цена товара зависела от качества и места его производства. Например, окка мохера из Эскишехира и Наллы хана стоила 20—21, из Акшехира, Зиле, Мадена — 18—19, из Коньи — всего 14—16 курушей. Сообщалось также, о покупателе из Америки, предлагавшем «за окка шерсти 7,5 курушей»²³⁵. Особенно оживленной была экспортная торговля, способствовавшая расширению внутреннего рынка. Вместе с тем, отмечалась неравноценность обмена с промышленными странами Европы, вызывавшая недовольство местной буржуазии. «Наши купцы радуются, когда им удается продать европейцам шерсть ангарской козы по 15 курушей за окка. Между тем, последние возвращают ее нам в виде изделий, требуя за окку 100—120 курушей», с сетованием писал «Аракс»²³⁶.

Что касается России, то она, будучи заинтересована в расчленении Османской империи, не проявляла стремления вкладывать капиталы в Турцию. Как отмечает А. Д. Новичев, в русской торговле преобладал ввоз в Турцию, особенно после поражения царизма в русско-японской войне, в то время, как вывоз из Турции в Россию не изменялся почти на протяжении 50 лет²³⁷.

К сказанному следует добавить, что постоянная тяга населения Западной Армении к Кавказу и к России являлась основой для тесных контактов между ними, и лишь ограничительные меры царских властей мешали расширению экономических связей. Позиция России определялась многими факторами. Очень часто политические соображения отодвигали экономические вопросы на второй план. В частности, этим было продиктовано закрытие русско-турецкой границы в 1897 г. Начавшееся после сасунских погромов массовое переселение армян из Западной Армении в Восточную тормозило осуществление планов русификации Закавказья. К тому же царским властям не было выгодно приютить здесь «непокойный и неблагонадежный элемент», который выступал против власти монарха соседней страны. Однако наиболее дальновидные русские деятели требовали открытия границы. Позднее, они приветствовали «снятие этого запрета», так как оно «весьма выгодно отозвалось на русской торговле. Общение турецких армян с нашими торговыми фирмами на Кавказе возобновилось и с каждым днем делается заметнее»²³⁸.

Если часть армянской буржуазии Османской империи через Константинополь была связана с западными странами, то инте-

²³⁵ Там же, № 19, стр. 456.

²³⁶ «Аракс», 1889, ч. IV, № 22.

²³⁷ См. А. Д. Новичев, указ. произв., стр. 222—223.

²³⁸ АВПР, Турецкий стол (новый), 1909—1913, д. 3723, л. 19.

ресы другой, большей ее части, действовавшей в Западной Армении, заключались в улучшении экономических, политических, культурных и иных связей с Россией. Это соответствовало, прежде всего, вековым чаяниям трудового армянского народа, и поэтому он самоотверженно поддерживал русскую ориентацию. Разумеется, интересы русской торговли представляли также купцы других национальностей. В 1910 г. в столице среди 28 крупных негодциантов, торговавших русскими товарами, насчитывалось 5 русских, 7 греков, 6 армян, 2 еврея и 8 мусульман²³⁹.

Русский внешнеторговый банк рекомендовал для ведения торговли русскими изделиями в Стамбуле ряд местных купцов, в том числе 5 греков, 3 турка, 11 европейца, 11 армян²⁴⁰. Армянские купцы особенно активную роль играли в торговле приграничных с Россией районов Турции. С начала XX века начался ее особенно заметный рост. По данным русского генерального консула в Эрзеруме А. Адамова, торговый оборот Эрзерумского вилайета представлял следующую картину:

1908 г.	516.576 руб.
1909 г.	898.372 руб.
1910 г.	1.155.390 руб.
1911 г.	1.505.643 руб.
1912 г.	1.637.068. руб. ²⁴¹

Во всех восточных вилайетах страны торговля с Россией проявляла тенденцию к росту, несмотря на некоторые колебания, которые зависели больше от политических обстоятельств, чем от самих торговцев. После открытия Орговской таможни торговля еще больше оживилась. Как отмечал вице-консул в Ване Туманский, «вся активная торговая деятельность не только Ванского вилайета, но и ближайших вилайетов находится исключительно в руках армян...»²⁴². Армянские купцы возили с Юга России сахар, из Карской области—уголь, лес, дрова, муку, ячмень, пшеницу, из Тифлиса—земледельческие орудия, из Баку—керосин, из Еревана—рис и т. д.

Русский керосин в Эрзеруме продавали товарищества «Луйс» (основан в 1901 г.) и «Арагат» (основан в 1906 г.). Железом торговали братья Захарянц, братья Бояджянц и Эмир-оглу, земле-

²³⁹ АВПР, ф. Новый турецкий стол, д. 3832, л. 3.

²⁴⁰ «Ближний Восток как рынок сбыта русских товаров», стр. 63.

²⁴¹ Донесения российских консульских представителей..., 1913, № 29, стр. 108.

²⁴² АВПР, Новый турецкий стол, д. 2495, л. 37.

дельческими орудиями—братья Захаряиц и Кафафян. Они же торговали бакалейными товарами. Сбытом резиновых изделий монополично занимался Онник Давидов²⁴³.

В Баязиде торговлю с Россией вели фирмы Бакрата и братьев Охаяиц, Бинат и К°, Абгар и Мовсес Минасянцы и другие²⁴⁴. В сфере влияния армянской буржуазии находились не только районы Западной Армении, но и соседние вилайеты.

В западных вилайетах страны влияние русской торговли было более слабым. Агент русского общества пароходства и торговли в Смирне (Измир) в «Заметках о русской торговле на Ближнем Востоке», адресованных послу России Н. В. Чарыкову, жаловался, что отечественные торговые организации не придали никакого значения Смирне, между тем ее широко используют европейские общества. Из российских капиталистов своего представителя здесь имел лишь Манташев, поставлявший керосин. Кроме того, в Смирне существовали торговый дом Ананова и мукомольные предприятия Григория Кехути²⁴⁵.

В 1910 г. русское правительство, коммерсанты и промышленники несколько активизировали свою деятельность в западных районах Турции. При генконсульствах Константинополя и Измира были открыты специальные торговые комитеты, сыгравшие определенную роль в росте торговли России с Турцией, особенно в бассейне Черного моря. На черноморскую торговлю приходилось более двух третей всего оборота между Россией и Турцией.

Политика турецкого правительства была направлена на ослабление позиций греческой и армянской буржуазии. Воспользовавшись этим, в посредническую торговлю постепенно стали внедряться мусульманские элементы, в частности, турецкие купцы. В дальнейшем, они стали выступать самостоятельно, создали собственные торговые дома, связанные с внешним рынком. Вытесняя своих конкурентов, они постепенно занимали их места в Константинополе, Измире, Трапезунде, на Балканах. Однако подавляющее большинство турок-коммерсантов длительное время оставалось лишь посредником между производителями или мелкими торговцами и экспортерами местных товаров²⁴⁶.

К сказанному следует добавить, что в арабских землях в экспорте и импорте значительное участие принимала и арабская буржуазия, которая наряду с европейцами, евреями и отдельными

²⁴³ См. Донесения..., 1913, № 21, стр. 15—18.

²⁴⁴ АВПР, ф. Новый турецкий стол, д. 3723, л. 37.

²⁴⁵ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1908, д. 3036, л. 78.

²⁴⁶ «*Ванриш*», 1907, № 34, стр. 1275, 1278, № 38, стр. 1403—1406.

представителями других народов (персы, курды, индусы и т. д.), вела активную транзитную торговлю. Основными ее базами являлись Бейрут, Дамаск, Алеппо, Басра, Багдад и другие города.

По сообщению А. Адамова, в начале нашего века «торговля зерном с портами Индии и Красного моря сосредотачивается в руках багдадских и бассорских туземных фирм, а вывоз в Европу производится, обыкновенно, английскими торговыми домами, имеющими свои отделения в Багдаде и Басре»²⁴⁷. Большая часть транзитной торговли велась с Ираном. Из местных рынков с ним были связаны южные районы Западной Армении, Курдистан и северные территории Месопотамии. Более половины всего вывоза из Багдада шло в другие страны. О росте его транзитной торговли говорят следующие данные. В 1907 г. торговый оборот Багдадского вилайета составлял свыше 25 млн. рублей²⁴⁸, а в 1911 г. достиг 40,5 млн. рублей. В русских консульских донесениях отмечалось, что если местные купцы раньше предпочитали действовать «через коммиссионеров и багдадских представителей заграничных фирм, то в последнее время начинают входить в непосредственные сношения с таковыми»²⁴⁹.

Важным фактором усиления экономического влияния держав в Турции являлись банки, расширение финансовых операций. Не случайно русский генеральный консул в Эрзеруме писал о настоятельной необходимости открытия здесь отделения константинопольского русского банка. Он указывал, что в Эрзеруме уже имелись «два—три греческих банкирских дома, принимающих на себя переводы денег и в Россию»²⁵⁰. С конца прошлого века в Турции заметнее стало влияние банков на торговую деятельность и промышленное производство.

Таким образом, в рассматриваемый период значительно возросла активность многонациональной буржуазии Османской империи во внешней торговле страны, которая постепенно концентрировалась в руках компаний и акционерских обществ. В них принимали участие и представители местного капитала, в том числе мусульманского. Это обстоятельство, как и изменение форм и объема торговли, усиливало утечку богатств из страны и эксплуатацию местного производителя. Этому содействовало установление монопольных цен, которыми в одинаковой мере пользовались как крупные коммерсанты, так и более мелкие купцы-посредники, независимо от того, действовали они самостоятельно или сотрудничали

²⁴⁷ АВПР, Новый турецкий стол, д. 7643, л. 8.

²⁴⁸ Там же, ф. Посольство в Константинополе, д. 5256, л. 43.

²⁴⁹ Донесения российских консульских представителей..., 1912, № 1, стр. 4—5.

²⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 41, л. 7.

с иностранными экспортёрами²⁵¹. Включившись во внешнюю торговлю, османские буржуазные дельцы стали выступать в качестве космополитов. Став составной частью мирового рынка, Турция должна была находиться под воздействием общих объективных законов, ломающих все преграды и стирающих национальные особенности. «Как деньги развиваются в мировые деньги,—писал Маркс,— так товаровладелец развивается в космополита... Товар сам по себе выше всяких религиозных, политических, национальных и языковых границ. Его всеобщий язык—это цена, а его общая сущность (Gemeinwesen)—это деньги»²⁵².

Роль местной торговой буржуазии, компрадорской или иной, была значительной и в некотором смысле самостоятельной, ибо она преследовала свои интересы. Поэтому османская буржуазия представляла собой определенную политическую силу, конечно, в значительной мере подчиненную иностранному капиталу. Ее национальные, самостоятельные интересы (пока не было промышленной буржуазии) содействовали оживлению политической и культурной жизни страны, развитию просвещения, здравоохранения, печатного дела, литературы, театра, средств связи и сообщений и т. д.

В завершение сказанного приводятся составленные нами таблицы, материалом для которых послужили данные ежегодника за 1912 год²⁵³. Конечно, эти таблицы не являются полным обобщением статистического материала. Однако, при сопоставлении их с опубликованными официальными данными можно с уверенностью сказать, что они в целом дают правильное представление о соотношении турецкого и нетурецкого капитала в различных отраслях экономики. Нами учитывались также род занятий отдельных групп буржуазии, их национальная принадлежность и степень участия в различных сферах экономики империи. При этом обобщены данные по более, чем 215 городам и крупным населенным пунктам. *Фамилии с характерным мусульманским окончанием отнесены к туркам.*

В таблицах учтены в основном, данные, относящиеся к местному капиталу, имея в виду, что роль иностранного капитала в турецкой экономике довольно обстоятельно освещена в ряде общих и специальных исследований.

²⁵¹ См. «Milliyet», 12.IX.1970.

²⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 13, стр. 134.

²⁵³ „Annuaire Oriental“, Commerce, Industrie, Administration, Magistratur de L'empire Ottoman. Основная работа по обобщению первичных данных выполнена научным сотрудником Г. Килимджяном. Обобщение цифрового материала произведено на счетно-вычислительных машинах экономистами Е. А. Инджикян и С. Е. Назаряном.

Структура торговли в Османской империи за 1912 год

№ п/п	О т р а с л ь	Национальная принадлежность						Всего предпр.		
		турки		греки		армяне			прочие	
		колич. предпр.	%	колич. предпр.	%	колич. предпр.	%		колич. предпр.	%
1	Ювелирные товары	11	1,8	216	34,3	317	50,3	86	13,6	630
2	Колониальные товары	134	20,3	333	50,5	97	14,8	95	14,4	659
3	Мануфактура	467	18,2	880	34,4	797	31,2	414	16,2	2558
4	Готовая одежда и трикотаж	141	16,2	318	36,6	160	18,4	250	28,8	869
5	Галантерея	56	12,2	187	41,0	81	17,7	133	29,1	457
6	Обувь, кожа и меха	69	15,4	148	33,0	127	28,3	105	23,3	449
7	Шерсть, шелк, хлопок вместе с производством	79	13,8	155	27,1	250	43,7	88	15,4	572
8	Железо-скобяные изделия	151	13,4	405	36,0	426	37,9	143	12,7	1125
9	Лако-краски	201	15,6	389	30,2	442	34,3	257	19,9	1289
10	Строительные материалы	11	7,8	78	55,7	30	21,5	21	15,0	140
11	Сельскохозяйственные машины	185	27,1	338	49,6	100	14,7	59	8,6	682
12	Книги и п/б изделия	2	3,6	20	36,4	16	29,1	17	30,9	55
13	Зерно, мука	36	20,6	46	26,3	46	25,3	47	26,8	175
14	Хлеб и кондитерские изделия	20	80,0	4	16,0	1	4,0	—	—	25
15	Мясо-молочные изделия	216	20,9	459	44,5	200	19,4	157	15,2	1032
16	Бакалея	20	17,5	63	56,4	23	20,2	8	7,0	114
17	Фрукты и сухофрукты	136	21,0	366	55,3	99	15,2	48	7,4	649
18	Спиртные напитки	76	9,7	528	67,2	71	9,0	111	14,1	786
19	Ковры	159	13,1	775	63,8	110	9,0	171	14,1	1215
20	Комиссионеры, маклеры, торговые деятели вообще	155	13,5	780	67,9	148	12,9	66	5,7	1149
21	Участие в торговле в целом	44	15,3	198	68,7	21	7,3	25	8,7	288
		—	—	271	77,5	29	7,7	75	20,0	375
		72	38,9	630	72,3	68	8,4	115	14,1	813
		95	28,3	105	31,2	86	25,6	50	14,9	336
		702	12,6	2383	42,7	1105	19,9	1384	24,8	5574
		2707	14,9	7866	43,1	4155	22,9	3464	19,1	18063

Производства и ремесла в Османской империи за 1912 год

№ п/п	Наименование основных отраслей	Национальная принадлежность								Всего предпр.
		турки		греки		армяне		прочие		
		колич. предпр.	%	колич. предпр.	%	колич. предпр.	%	колич. предпр.	%	
1	Производство хлопка, шелка, льна, пряжи.	72	13,0	251	45,3	176	31,8	55	9,9	554
2	Текстильные и ткацкие предприятия	35	10,3	103	30,3	172	56,6	30	8,8	340
3	Красильные мастерские	7	6,5	17	15,7	84	77,8	—	—	108
4	Производство ковров	23	15,2	93	61,6	24	15,9	11	7,3	151
5	Выделка кож и мехов	134	21,2	303	47,8	158	24,9	39	6,1	634
6	Мясо-молочное производство	83	19,3	247	57,6	39	9,1	60	14,0	429
7	Булочные и кондитерские предприятия	116	21,7	303	56,6	76	14,2	40	7,5	535
8	Вино, коньяк, спиртные напитки	—	—	359	82,0	39	8,9	40	9,1	438
9	Производство металлической посуды и других изделий	33	18,4	36	20,2	91	50,8	19	10,6	179
10	Литейные мастерские	7	7,3	42	43,7	31	32,3	16	16,7	96
11	Производство оружия и снаряжения	23	42,6	11	20,4	14	25,9	6	11,1	51
12	Шорно-седельное производство	32	76,2	1	2,4	9	21,4	—	—	42
13	Мыловарение	30	29,4	56	54,9	9	8,8	7	6,9	102
14	Слесарно-токарные мастерские	8	10,0	13	16,0	56	69,1	4	4,9	81
15	Кузнцы	21	16,3	32	24,8	66	51,2	10	7,7	129
16	Столярно-плотничные мастерские	19	5,4	134	38,3	160	45,7	37	10,6	350
17	Золотильни	8	4,3	59	32,2	93	50,5	24	13,0	184
18	Часовые мастерские	57	17,9	107	33,6	118	37,2	36	11,3	318
19	Сапожные	88	10,0	446	50,7	268	30,4	78	8,9	880
20	Портяжные	43	4,2	544	52,9	318	30,9	124	12,0	1029
Участие в производстве страны в целом		779	12,0	3157	48,5	1935	29,7	636	9,8	6507

Количество специалистов в Османской империи за 1912 год

Специальность	Национальная принадлежность								Всего
	турки		греки		армяне		прочие		
	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%	
1 Инженеры, механики, конструкторы	8	2,4	120	36,7	35	10,8	161	50,1	327
2 Архитекторы	14	4,9	146	51,5	96	33,8	28	9,8	284
3 Юристы	376	37,8	292	29,2	214	21,4	116	11,6	998
4 Врачи	167	10,2	849	51,9	283	17,4	336	20,5	1635
5 Фармацевты	109	10,9	487	48,6	251	25,0	155	15,5	1002
6 Помимо указанных специальностей ежегодно выделяются: банкиры, сарафы и другие финансисты	52	5,1	413	40,6	288	28,3	265	26,0	1018
Всего:	726	13,8	2307	43,8	1167	22,2	1064	20,2	5264

Как видно из таблиц, в хозяйственной жизни империи греческий капитал занимал господствующее положение. Ему принадлежало первенство (почти 50%) как в производстве и ремеслах, так и во внутренней торговле. Он контролировал более 40% всех внутренних финансовых операций. Второе место принадлежало армянским предпринимателям, торговцам и финансистам, в руках которых находилась, примерно, четвертая часть производства и торговли. Вслед за ними шли евреи и левантинцы. Что касается турецкой буржуазии, то она по своему экономическому положению находилась на четвертом месте и контролировала почти 15% торговых операций и 12% производства.

В руках турок была сосредоточена основная часть скототорговли и 40% продажи ковров. В начале XX века турецкая буржуазия уже занимала определенные позиции в капиталистическом предпринимательстве страны, в то время как в середине прошлого столетия ее участие в торговле и производстве было мизерным. Характерно также, что приведенные в таблице группы специалистов представляли в основном инонациональную буржуазию. Но подавляющее большинство юристов составляли турки и мусульмане. В

рядах турецкой интеллигенции, помимо военнотружущих, чиновников и юристов, уже наблюдается значительный слой инженеров и техников, врачей и фармацевтов, финансистов и администраторов-экономистов. Можно констатировать, что турецкая национальная буржуазия находилась в процессе своего формирования, крепла экономически и приобрела определенный вес в хозяйственной жизни империи. Важнейшим фактором, влиявшим на ее дальнейшее развитие, являлось то, что экономическое отставание турецкой буржуазии от инациональной компенсировалось ее активностью в политической сфере.

ГЛАВА IV

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА МЛАДОТУРОК И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ БУРЖУАЗИИ

Младотурецкая революция явилась важной вехой в истории Османского государства. Она имела определенное значение как этап борьбы народов империи против реакции и деспотизма, приведшей к падению ненавистного режима Абдул Гамида. Общие цели борьбы на некоторое время объединили различные социально-политические силы и течения, которые вызревали в условиях «зюлума» в многонациональном государстве.

Русская революция 1905—1907 гг. пробудила народы Востока, подняла их освободительное движение на новый уровень. Появились более благоприятные условия для революционного преобразования существующего порядка вещей, для решения коренных социально-экономических и политических задач.

Однако в Османской империи силы национально-освободительных и оппозиционных движений были раздроблены и слабо подготовлены.

Не случайно, что революция в Турции, как и в Португалии, носила характер верхушечной буржуазной революции. «...Масса народа,—писал В. И. Ленин,—громное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают»¹.

В. И. Ленин охарактеризовал победу младотурок как «полупобеду или даже меньшую часть победы»², ибо она мало что изменила в стране, оставив нетронутым даже старый государственный аппарат во главе с султаном.

В обширной литературе о младотурецком движении, освеща-

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 33, стр. 39.

² Там же, т. 17, стр. 177.

ется в основном его политическая история. Это относится как к произведениям турецких авторов, так и к работам большинства западных буржуазных исследователей. Советские туркологи правильно анализируют ход и результаты младотурецкого движения, связывая их с социально-экономическими сдвигами в стране и интересами определенных классов, подчас рассматривали вопросы экономики, степень развития капиталистических отношений, процесс формирования Османской буржуазии и ее роль в новых условиях внутренней и международной жизни Турции, не в качестве самостоятельной научной проблемы, а лишь как исторический фон политических событий. Это, очевидно, и породило известные различия в характеристике движущих сил и социальной основы революции.

У турецких авторов часто проявляется субъективный подход к оценке этих явлений. Например, известные турецкие историки А. Б. Куран, Ю. Х. Баюр и Э. З. Карал рассматривают младотурок как представителей недовольной абдулгамидовской тиранией интеллигенции. Под этим общим определением в лучшем случае имеются в виду чиновники, офицеры, учителя, врачи³. Джелаль Нури в «Истории падения Османской империи» пишет, что эта империя возникла как государство, основанное на военной силе и как таковое переживало разложение. «Можем надеяться, — писал он, — что воинство вольет в него новую жизнь и обеспечит его дальнейшее развитие»⁴.

Другой автор, Оя Сенджер общественные преобразования Турции и в частности, младотурецкий переворот связывает с той частью бюрократии, которая являлась сторонницей «европеизации и реформ» и действовала вместе с «преобразованной в европейском духе армией». Как видим, в этих событиях руководящую роль Сенджер отводит османской бюрократии и офицерству⁵. Подобную точку зрения разделяют многие турецкие и западные авторы. Так, видный немецкий турколог Э. Вернер в статье «Сущность и формы турецкого национализма» считает особенностью младотурецкой революции то обстоятельство, что «она началась без вмешательства национальной буржуазии. Руководителями протеста были офицеры и чиновники»⁶.

³ А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян, Младотурецкое движение в трудах турецких историков. «Народы Азии и Африки», 1965, № 5, стр. 58.

⁴ Цит. по кн. Ստամբուլ, Օսմանյան կայսրության անկման պատմությունը, Կ. Պրինս, 1913, էջ 17:

⁵ Oya Sencer, указ. произв., стр. 45.

⁶ „Zeitschrift für Geschichtswissenschaft“, XVI Jahrgang, 1968, Heft 10, s. 1301.

В работах многих авторов преобладает та точка зрения, что переворот был делом рук только военных, к которым руководство перешло от эмигрантских кружков, возглавляемых, «главным образом турецкой знатью»⁷. Примечательна характеристика, данная младотурецкой революции английским автором Э. Ф. Найтом, который был лично знаком с лидерами этого движения и целями их борьбы. Э. Ф. Найт назвал ее «самой консервативной революцией, какую видел мир»⁸. С удовольствием отметив это, Найт решающее значение придавал тому факту, что младотурки сумели обеспечить в государственных органах и в парламенте преобладание «большую частью интеллигентов-горажан и землевладельцев-помещиков»⁹.

И. И. Голобородько считал основным элементом младотурецкого движения «служилый класс», «интеллигенцию и буржуазию»¹⁰.

В. Тотомянец в статье «Экономическая почва турецкой революции» писал, что невыносимое положение крестьян—«низших и средних землевладельцев», налоговый и административный произвол властей и вызвали недовольство турок, в частности офицерства, «которое в большинстве случаев так или иначе связано с землей»¹¹.

Советские исследователи также по-разному охарактеризовали это движение. В. А. Гурко-Кряжин костяком младотурецкой революции считал «полупролетаризированный служилый класс» и «безработную интеллигенцию»¹². Х. З. Габидуллин оценивал его как «либерально-буржуазное», социальной базой которого «в тот период являлась почти исключительно турецкая буржуазия»¹³.

Подобные определения в известной мере правильно отражают социальную принадлежность младотурок, как руководителей движения. Более полную и точную их характеристику дает А. Ф. Миллер. Он представляет младотурок как деятелей, которые «по происхождению были больше связаны с помещичьим классом и с военными и бюрократическими кругами, нежели с буржуазией, да и по национальности многие из них являлись не турками, а курдами, черкесами, албанцами или представителями других мусульманских народов империи»¹⁴. Авторы, придерживающиеся такой точки зре-

⁷ См. М. Д. Гурор, Новейшая история Турции и Персии, Тифлис, 1913, стр. 172.

⁸ Э. Ф. Найт, Революционный переворот в Турции, стр. 155.

⁹ Там же, стр. 190.

¹⁰ И. И. Голобородько, Старая и новая Турция, стр. 212.

¹¹ См. «Современный мир», № 10, 1908, стр. 16.

¹² В. А. Гурко-Кряжин, История революции в Турции, М., 1923, стр. 44.

¹³ Х. З. Габидуллин, Младотурецкая революция, М., 1936, стр. 100.

¹⁴ А. Ф. Миллер, Младотурецкая революция, сб. «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение» ч. II, М., 1956, стр. 323.

ния, не приукрашивают младотурецкое движение, а стремятся правильно определить его место и роль в истории Турции.

Не являясь последовательными революционерами, младотурки не выдвигали задачи ликвидации феодальной монархии. Напротив, они были и до конца своих дней остались убежденными монархистами. Критикуя младотурецкую революцию, не давшую ничего народу, Мустафа Субхи считал младотурок людьми, которые называли себя революционерами, но фактически продолжали вести политику султана Гамида¹⁵. В одном из своих документов они открыто заявляли: «Да будет всем известно, что мы и при конституционном режиме не можем представить себе наш трон без ныне царствующей династии»¹⁶. Июльский переворот 1908 года не привел даже к свержению кровавого султана Абдул Гамида. Когда газеты в начале 1909 г. писали о его возможном отречении и обвиняли комитет «Единение и прогресс» в стремлении сохранить султана на троне, то комитет 12 февраля выпустил официальное сообщение. В нем указывалось, что еще пять месяцев назад на общем собрании представителей движения было принято и опубликовано заявление со следующим определением их позиций в этом вопросе: «Пока султан останется верным конституции, его жизнь и права будут гарантированы»¹⁷. Более того, младотурки добивались сохранения и укрепления разваливающейся монархии. Как правильно отмечал Халис Окан, они ставили целью «возродить загнивающую Османскую империю»¹⁸. Единственный путь сохранения империи младотурки видели в создании и укреплении конституционной монархии. В соответствии с этим, в государственных делах их больше интересовали такие вопросы, как порядок работы парламента, взаимоотношения с султанским двором, меры по отношению к бывшим сановникам, утверждение депутатских мандатов и т. д. Проблемы экономики и финансов, аграрный и рабочий вопрос обычно откладывались. Так, например, вопрос о внешнем займе парламент рассмотрел лишь на своем тридцатом заседании 19 февраля 1909 года¹⁹.

В парламенте активно действовали правые элементы. Они обвиняли правительство в слабости. Так, правое крыло депутатов критиковало министров за то, что в Македонии продолжалось повстанческое движение четников, а во многих вилайетах Анатолии

¹⁵ См. «Народы Азии и Африки», № 2, 1975, стр. 70.

¹⁶ А. Тер-Арутюнов, Политические партии в современной Турции, «Русская мысль», 1908 г., № 9, стр. 170.

¹⁷ «Рјтцшћћћћ», 31.1/13. II, 1909.

¹⁸ Халис Окан, указ. произ., стр. 29.

¹⁹ «Рјтцшћћћћ», 6/19 II, 1909.

не утихали народные волнения. Оно выражало резкое недовольство в связи с тем, что на обсуждение ставились предложения об изменении налоговой системы, сокращении суммы налогов, улучшении положения крестьян, и условий труда рабочих, об упорядочении дела народного здравоохранения и просвещения. И если учесть, что «расцвет турецкой общественной жизни, — как справедливо отмечал А. Мандельштам, — продолжался очень недолго — всего несколько месяцев — и закончился после поражения реакции в апреле 1909 года»²⁰, то будет ясно: переворот не создал условий для решения кардинальных социально-экономических проблем.

Выполняя волю господствующих кругов страны, младотурки не жалели усилий для подавления выступлений народных масс. Они стремились отдалить руководящую силу движения — армию от политики и снизить пульс политической жизни страны. «Население Константинополя, — писали газеты в 1911 г. — ныне так же политически незрелое, каким оно было на второй день после свержения Абдул Гамида»²¹. Еще больше отставала провинция.

Своей шовинистической политикой младотурки оттолкнули от революции инонациональную буржуазию и нетурецкие народы. Характерно, что даже обращение к правительству 32-х депутатов-христиан с робкой просьбой урегулировать положение дел в провинции и сместить старых чиновников, известных своей продажностью и произволом, вызвало грубый окрик со стороны младотурецких депутатов.

Председатель палаты Ахмед Риза предупреждающе заявил: «не надо говорить я — христианин, а я — турок, ибо мы все османцы (османлы)»²². Подлинный смысл часто употреблявшегося младотурками понятия о равенстве всех подданных империи с циничной откровенностью раскрыл депутат меджлиса Хасан Фехми. Живущих в Османском государстве следует считать только османцами, — заявил он и предлагал несогласных с этой идеей «немедленно повесить, и тогда всюду восторжествует мир»²³. Подобный рецепт предназначался не только для христиан, но и для других нетурецких народов. Доктрина османизма должна была распространиться на всех жителей империи. Мусульманские народы Турции подвергались пропагандистской обработке еще в духе панисламизма, который

²⁰ А. Н. Мандельштам, Младотурецкая держава, М., 1915, стр. 62.

²¹ «Ազատամարտ», № 481, 1911, газета «Азатамарт», выходила в Константинополе с 1908 по 1913 г., как орган партии «дашнакцутюн», и была связана с левыми кругами младотурок.

²² «Բյուզանդիկոն», 19. XII. 1908—1. I. 1909.

²³ Там же, 22.IV 1909 г.

в своем турецком варианте потерял антиимпериалистические черты и служил лишь одной реакционной цели—подчинить мусульманские народы туркам. При этом использовалось то обстоятельство, что султан являлся халифом всех мусульман.

Касаясь шовинистической политики младотурок, ливанский историк Салиби писал: «Вскоре стало ясно, что идея централизации Османской империи, которую выдвинули реформаторы XIX века, отныне будет сопровождаться попыткой постепенного отуречивания всех народов Османской империи, как мусульман, так и немусульман»²⁴.

Видный иракский общественный деятель, лауреат международной ленинской премии Азиз Шериф, говоря о национальном самосознании и его роли в общественной жизни, подчеркивал: «Патриотически настроенные арабские интеллигенты вместе со своими братьями в Османской империи внесли свой вклад в политическую деятельность. Однако, когда руководители младотурок начали проводить политику национальной дискриминации, панисламизма, пантюркизма и насильственной тюркизации, ответной реакцией на это явилось стремление к полному освобождению от турецкого ига»²⁵.

Между тем в аспекте изучаемой проблемы национальный вопрос, как уже было отмечено, для судеб Османской империи и перспектив ее экономического развития имел жизненно важное значение. Прав был Б. М. Кнунянц, один из соратников В. И. Ленина, который, анализируя события младотурецкого движения, подчеркивал: «Самые серьезные противоречия в общественной жизни Турции вызывались до сих пор национальными трениями. Старый режим, разжигая ненависть поработенных наций, ослаблял государство, в сохранении которого особенно заинтересованы турки»²⁶.

В предыдущей главе приводились данные о соотношении турецкого и нетурецкого капитала в экономике страны. На их основании можно заключить, что в балансе всего хозяйства доля первого не превышала его шестую часть. Слабость и аморфность турецкой национальной буржуазии, предопределили ее экономическую политику. Она характеризовалась консервативностью по отношению к феодальным институтам, была весьма расплывчатой в вопросах хозяйственного развития, а в своем внешнеполитическом аспекте—

²⁴ Кемаль С. Салиби, Очерки по истории Ливана, М., 1969, стр. 232.

²⁵ Выступление Азиза Шерифа на пленарном заседании международного симпозиума «Ленинское учение о национально-освободительных революциях и современный этап социального прогресса развивающихся стран», Алма-Ата, октябрь, 1969 г., стр. 5.

²⁶ Газ.: «Бакинские вести», № 1, 4.V.1909 г.

прозападной. Зато совершенно явным было ее стремление, опираясь на политическую власть, изменить неблагоприятное для себя соотношение экономических сил в стране, добиться преобладания в борьбе с инациональной буржуазией. Все эти обстоятельства и факторы остро проявились в последний, *четвертый период* развития «османской» буржуазии, который завершился вместе с крахом империи. Этот период характеризовался своеобразными, часто противоречивыми чертами, а именно: усилением темпов роста национально различных групп «османской» буржуазии и капиталистических отношений; дальнейшим обострением внутренних противоречий и усилением конкурентной борьбы между экономической силой инациональной и турецкой буржуазией и т. д.

В рассматриваемый период турецкая буржуазия впервые в истории приобрела реальную возможность влиять на экономическую политику правительства и хозяйственную жизнь страны. В это время развитие капитализма и усиление позиции буржуазии происходили быстрее, чем раньше.

Однако этот период фактически был прерван насильственным путем. Большая часть инациональной буржуазии в Турции была физически уничтожена или подавлена. Как историческая категория, как фактор развития, она прекратила свое существование*.

Подробный анализ указанных выше аспектов экономической истории младотурецкой державы затруднен из-за отсутствия соответствующих материалов, официальной статистики и даже периодических изданий по вопросам экономики. Поэтому, представляется возможным изучение проблемы дальнейшего формирования и развития османской буржуазии в последний период ее существования начать с рассмотрения общих вопросов экономической политики младотурок.

---

* Некоторые современные турецкие исследователи утверждают, будто инациональная буржуазия и в наши дни кое-где в Турции занимает господствующее положение. Так, Х. Озген отмечает, что в 1965 г. из стамбульских фирм с годовым доходом в 150 тыс. лир и более 856 фирм принадлежали евреям, армянам и грекам (см. Özgen H., *Ekonomik sorunlarımız*, Ankara, 1969, s. 136). Но, он же указывает, что в Турции общее число таких фирм составляет 3751. Значит 2895 из них принадлежат турецким капиталистам. Даже один этот пример говорит о том, что капитал инациональной буржуазии уже не имеет самостоятельного значения, что в республиканской Турции он составляет лишь часть национального капитала.

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЕ МЛАДОТУРОК

В период младотурецкого движения и до первой мировой войны, по данным Ф. Х. Тёкина, в Турции было создано около двух десятков самостоятельных партий, организаций и их филиалов, как и групп, примыкавших к младотуркам²⁷. По его определению, это были «партии избранных», не отражавшие «политических взглядов, стремлений и требований народа». Их появление Тёкин считает не результатом «влияния общественных сил или экономической жизни, а следствием борьбы между господствующими группировками».

В подтверждение этого, он отмечает, что все указанные политические партии, «как правило, стремились возродить Османскую империю»²⁸.

Нельзя не согласиться с автором, что в Турции политические партии и организации, в конечном счете, формировались в высших сферах общества и в их деятельности в основном участвовали представители господствующих кругов и интеллигенции. Пока народные массы были инертны, не выступали со своими требованиями, не боролись за свои права, они не могли иметь самостоятельных политических организаций. Однако из гущи народа уже выдвигались отдельные деятели, которые знали его нужды и запросы, боролись за их осуществление. Можно сказать, что программы и платформы существовавших политических организаций в известной мере отражали классовые и национальные интересы определенных социальных слоев Османской империи.

В этот период интересы рабочих и народных масс представляли «Группа изучения общественных наук», организованная болгарскими и греческими социалистами (издавала газету «Эргатис» — «Рабочий», на греческом языке) и Османская социалистическая партия, возникшая в 1910 г., в состав которой входили как турки, так и представители кавказских народов, крымских татар, греков. В деятельности последней участвовал эмигрировавший в Турцию ренегат Парвус²⁹. Социалистическая партия издавала газеты «Иштирак», затем «Ибрак». В 1911 г. в Салониках был созван первый социалистический конгресс, в котором, кроме вышеуказанных ор-

²⁷ См. *F. H. Tökin, Türkiye'de Siyasi partiler..* ss. 31—52.

²⁸ Там же, стр. 42.

²⁹ *Парвус (Гельфанд А. Л.)* (1869—1924). В конце 90-х—нач. 900-х годов работал в рядах соц.-дем. партий Германии, примыкая к ее левому крылу, был редактором «Саксонской Рабочей Газеты». Написал ряд работ по вопросам мирового хозяйства. После II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам. В годы реакции отошел от с.-д. работы; во время первой мировой войны—социал-шовинист, агент германского империализма, занимался крупными спекуляциями, наживаясь на военных поставках.

ганизаций, участвовали еще шесть других небольших групп. В последующие годы под влиянием социалистов и в результате подъема рабочего движения в Османской империи возникли профессиональные союзы, а в 1912 г.—«Общий синдикалистский центр». Самым крупным из них был профессиональный союз в Стамбуле, объединявший 16 мелких профсоюзов с более чем 2, 5 тысячами членов³⁰. Социалистическая партия принимала участие в парламентских выборах 1912 г.

Рабочий класс Османской империи в значительной своей части состоял из греков, армян и представителей других немусульманских народов. Рабочие-мусульмане использовались на неквалифицированных работах и получали меньше других. Это обстоятельство усиливало национальную и религиозную рознь. «Национальная обособленность в сфере пролетариата,—пишет Р. П. Корниенко,—сильное влияние на рабочий класс традиций цеховщины и догм ислама отрицательно сказывались на консолидации пролетариата, формировании его классового сознания и характере развития рабочего движения»³¹. Рабочее движение было еще очень слабым. Пролетариат, за исключением отдельных, разрозненных выступлений, не проявлял себя даже в период подъема младотурецкого движения, серьезно не беспокоил ни прежних, ни новых руководителей государства. От его имени в парламенте выступали болгарские социалисты (Валахов) и некоторые социалистически настроенные депутаты—армяне, поддерживавшие социалистическую партию.

В программе социалистов выдвигались буржуазно-демократические требования. В области экономики они сводились к следующему: прогрессивный налог, отмена налогов на предметы первой необходимости, национализация железных дорог, банков, недр, страховых обществ, отмена всяких монополий, предоставление рабочим выходного дня в каждую неделю, материальная поддержка рабочих и их профсоюзов во время забастовок и безработицы³².

Однако у социалистов не было классово-четкой экономической и политической программы. Они находились под сильным влиянием правосоциалистических партий Европы, под тяжким бременем турецкой действительности. Они не играли существенной роли в политической жизни страны, в которой тон задавали феодально-буржуазные и либеральные партии и группы.

³⁰ См. Д. Кузьмин, «Рабочее движение Турции», «Новый Восток», 1922 г., № 2, стр. 156.

³¹ Р. П. Корниенко, «Рабочее движение в Турции, 1918—1963», стр. 10.

³² Ф. Н. Тобин, указ. произв., стр. 48—49.

Последние добивались сохранения и укрепления империи путем восстановления конституционных порядков и проведения административных реформ, создания сильной конституционной монархии.

«Объяснение этого, — писал Фируз Ахмед,—можно найти в социальной природе младотурецкого движения и традиционном консерватизме, который лежал в его основе и был неотделимо связан с ним. Будучи весьма консервативными в своих взглядах, младотурки практически не стремились к социальным реформам»³³.

Следовательно, когда речь идет о платформе, о программе или политике младотурок, то по существу можно говорить лишь о проявлении в них тенденции буржуазного развития. Независимо от младотурок в стране шла борьба капиталистических элементов за укрепление их позиций в экономике и политике. Они добивались активного участия в политической жизни страны, в управлении государством. В отношении этих стремлений буржуазии Османской империи, младотурецкие организации придерживались весьма непоследовательной позиции, обусловленной рядом моментов. Некоторые из них были связаны с экономическими требованиями буржуазии. Поддержка этих требований со стороны младотурок зависела от того, насколько они не противоречили интересам помещиков-землевладельцев, военной и гражданской бюрократии. Накануне младотурецкого переворота лидер партии «Единение и прогресс» Ахмед Риза в беседе с корреспондентом газеты «Юманите» откровенно заявил, что «он и его друзья вовсе не настаивают на полном проведении демократических начал в Турции. Там это явно невозможно... Партия «Иттихад ве теракки» стремится к возрождению конституции 1876 г. посредством справедливости, свободы и порядка... Все турецкие подданные должны иметь равные права и обязанности... Большую партия не желает»³⁴. Другим важным моментом являлась национальная принадлежность тех или иных групп буржуазии. Шовинизм, определявший политику младотурок, порой отодвигал на задний план классовые интересы, и тогда из-за буржуазной ширмы выглядывал феодально-великодержавный лик лидеров и деятелей младотурецких организаций. В этом важное значение имело то обстоятельство, что взгляды и деятельность многих из них определялись принадлежностью к феодально-аристократической прослойке или чиновничьей бюрократии Османского

³³ *Feros Ahmad, The young Turks. The committee of Union and Progress in Turkish politics, 1908—1914, Oxford, 1919, p. 15.* Подчеркнуто нами.

³⁴ Цит. по кн. Г. З. Алиева, Турция в период правления младотурок, стр. 115.

государства. Указанное обстоятельство следует считать немаловажным, поскольку содействует выяснению сущности экономической платформы младотурок. В этом отношении представляют интерес также биографии некоторых лидеров младотурецкого режима.

В числе их — один из главных лидеров движения Ахмед Риза бей, внук личного секретаря султана Селима III, сын члена совета и высокопоставленного чиновника двора Али Ризы. Родился он в 1858 г. в Константинополе. Мать была венгеркой. Дипломатическая работа отца (первый секретарь турецкого посольства в Вене) помогла ему познакомиться с Европой и получить там высшее образование (во Франции). Был директором сельскохозяйственной школы в Бурсе, затем инспектором народного образования виллайета. В 1889 г. уехал во Францию, где оставался до 1908 г.³⁵ На формирование его взглядов определенное влияние оказали труды французских мыслителей О. Конта, Гольбаха, Сен-Симона. С 1889 по 1894 гг. Ахмед Риза не раз обращался к Абдул Гамиду с предложениями об улучшении системы управления страной³⁶. Издавал газеты «Мешверет» и «Шура-и Уммет». Был сторонником умеренных преобразований в стране. После младотурецкого переворота стал председателем парламента. В декабре 1908 года был приглашен руководить заседаниями народной палаты*.

Другим младотурецким лидером являлся принц Мехмед Сабахэддин, сын Махмуда Дамада паши, женатого на сестре султана. Значительную часть своей жизни он провел за границей, главным образом во Франции, куда еще в 1900 году бежал его отец.

«Социально-политические взгляды Сабахэددина формировались под влиянием идей западных мыслителей Хасвеля, Бухнера, Фулле и Эдмонда Демолена, для которых «индивидуум», его «свобода» и «воспитание имеют первостепенную важность»³⁷. Сторонник буржуазного либерализма, публицист и оратор, он более последовательно, чем Ахмед Риза, выступал за капиталистическое развитие Турции.

Турецкие исследователи называли его, наряду с Зия Гёк Альпом, главным представителем социальных наук в Турции. Его ученик и последователь Мехмед Али Шевки писал, что Сабахэددин взял на себя очень «тяжелую обязанность» тем, что боролся

³⁵ См. «*Örnekler*», 1907, М 6, № 7.

³⁶ См. Ю. А. Петросян, Младотурецкое движение, стр. 169.

* Любопытно, что в руководимом им парламенте депутаты, в числе прочих, всерьез обсуждали и вопрос о том, в каком порядке в день байрама они должны явиться к султану для целования руки.

³⁷ Г. З. Алиев, упомянут., стр. 61.

за будущее Турции, искал пути ее развития. Он «посвятил свои труды проблемам существования Турции, социального развития личности и пытался основать такое социальное движение, которое одновременно определило бы верный путь для решения восточной проблемы»³⁸. Сабахэддин был известен как либеральный деятель и мыслитель. С его именем в определенных кругах связывались надежды о будущем Турции³⁹.

Общеизвестно, что многие руководители младотурецкого движения по своему социальному происхождению принадлежали к чиновничьей бюрократии, интеллигенции или мелкой буржуазии и прошли жизненную школу в государственных органах в период диктатуры Абдул Гамида. Так, например, Халил бей, председатель парламента, накануне войны был адвокатом в Измире. Та-лаат занимал должность мелкого чиновника телеграфного ведомства в Адрианополе и в Салониках. Энвер, сын мелкого чиновника, окончил военное училище и служил в армии на разных должностях. Джемаль, также получивший военное образование, долго служил в армии. Джавид работал в финансовом ведомстве и в области просвещения. Джелаль Нури, основатель и редактор газеты «Жен Тюрк» являлся сыном крупного чиновника, Абдулла Джевдет — врач, журналист и публицист, издавал журнал «Иттихад». Мурад-бей, уроженец Дагестана, издавал газету «Мизан», был историком, журналистом и некоторое время турецким комиссаром в Управлении оттоманского долга.

Социальная пестрота руководства младотурецкого движения, естественно, отразилась в программных документах младотурецких организаций.

В упомянутых нами исследованиях Ю. А. Петросяна «Младотурецкое движение» и Г. З. Алиева «Турция в период правления младотурок» подробно излагаются перипетии борьбы между отдельными младотурецкими группами и организациями, показываются совпадения и различия во взглядах у групп Ахмеда Ризы, открытого националиста Мизанджи Мурада и принца Мехмеда Сабахэдина.

В основе всех их программ находилась идея о необходимости создания конституционной монархии, которая, как указывалось в одном из младотурецких изданий, была «способна обеспечить быстрый экономический и культурный прогресс Османской импе-

³⁸ *Mehmet Ali Şevki*, Osmanlı tarihinin sosyal bilimle açıklanması, İstanbul, 1968, s. 49.

³⁹ АВПР, ф. Полятархив, д. 1030, л. 166.

рии»⁴⁰. Знарок истории политических партий в Турции Т. З. Туная также отмечает единодушие всех младотурецких организаций по вопросу о необходимости ликвидации абсолютной монархии Абдула Гаида.

«Это было стержнем всех программ,—пишет Туная.—Что касается вопроса о создании режима, который займет место деспотии... то он оставался во втором плане...»⁴¹. Стремление к выработке согласованной линии привело к созыву в 1902 году в Париже первого конгресса младотурецких и других оппозиционных к султанскому режиму организаций и партий. Единство всех поданных империи под эгидой турок было основным тактическим лозунгом младотурок. К этому призывали многие участники конгресса. Открывая конгресс, Сабахэддин заявил: «Мы требуем реформ для всех без исключения османов»⁴². Обсуждение вопроса о формах и методах борьбы, о допустимости вмешательства иностранных держав во внутренние дела, в экономику империи привело конгресс к расколу. Большинство во главе с Сабахэдином стояло за участие «свободных и демократических правительств Европы» в борьбе за свержение господствовавшего в Турции режима. Противники иностранного вмешательства, группировавшиеся вокруг Ахмеда Ризы, представляли меньшинство конгресса. Раскол привел к созданию двух младотурецких организаций: «Общества единения и прогресса» во главе с Ахмедом Ризой и «Общества личной инициативы и децентрализации», руководимое Сабахэдином. Они и представляли те основные направления, младотурок, которые, выступая со своими программами и тактической линией, не расходились, однако, в главном. Принципиально различие между ними состояло лишь в том, что сторонники первого направления добивались создания строго централизованного Османского государства, а сторонники второго — своего рода Федеративной империи. В документах обоих этих течений ясно заметна общая тенденция поддержки линии на капиталистическое развитие и установление буржуазных порядков в империи. Вслед за группой Сабахэдина, сторонницей помощи Европы в деле будущей реконструкции Турции, приверженцы Ахмеда Ризы заявили: «Одной из наших главных задач является распространение в нашей стране европейской цивилизации, особенно достижений научного прогресса Европы и их практическое применение. Мы идем по пути, указанному Европой»⁴³. Однако они по-разно-

⁴⁰ См. кн. Ю. А. Петросяна, «Младотурецкое движение», стр. 186.

⁴¹ Т. З. Туная, *Türkiye'de Siyasi partiler*, İstanbul, 1952, s. 103.

⁴² Fesch P. Constantinople aux derniers jours d'Abdul Hamid, p. 368.

⁴³ Там же, стр. 372—373.

му подходили к решению этой задачи. Даже достигнув соглашения на II парижском конгрессе (1907 г.), оба направления сохранили некоторые своеобразия, что было связано с различием интересов у отдельных социальных групп, существовавших в империи.

Рассмотрим особенности программ младотурецких организаций в области социально-экономического развития. В декларации парижского конгресса, подписанной представителями девяти организаций и печатных органов, в том числе трех турецких, трех армянских, арабской, македонской и еврейской, наряду с общеполитической обстановкой, освещалось также и экономическое положение страны.

Авторы декларации, возлагая ответственность за разложение Османской империи на Абдул Гамида, писали: «Абдул Гамид боролся не только против умственного развития, этого самого ценного человеческого достояния. Превращая народы империи в рабов, он препятствовал их материальному благосостоянию... Незаконные налоги, собранные руками нечестных, хищных чиновников, не служат строительству дорог и каналов, а только пополняют султанскую казну. Государственные налоги, отсутствие спокойствия и безопасности в деревнях, конфискация зерна, ростовщичество, отсутствие средств транспорта—все это разрушило земледелие». В декларации указывалось, что опустели целые районы, которые когда-то являлись житницами страны.

Богатства недр и лесов не используются. Концессии, предоставляемые международным финансистам, не способствуют всеобщему благосостоянию, а лишь служат личной выгоде немногих алчных лиц. Декларация призывала к действию «ученых и людей умственного труда, которым запрещены свободные исследования; тружеников села и города, лишенных земли и хлеба, задавленных незаконными поборами, измученных и ограбленных сборщиками налогов; торговцев, которые не могут спокойно торговать; солдат, не получающих жалованья, голодных и раздетых, которых господин вынуждает идти против своих соотечественников;—одним словом, все народы империи, задавленные чудовищным деспотизмом»⁴⁴.

Этот программный документ в определенной мере выражал общие интересы всех групп буржуазии и либеральных помещиков, в том числе интересы инонациональной буржуазии. Он мог бы стать платформой единого фронта передовых сил Турции против мажровой абдулгамидовской реакции. Однако прочный союз так и не воз-

⁴⁴ См. «*Երկրի ձայնը*», 1908 г., № 1, стр. 24—25. Этот еженедельник, связанный с оппозиционными кругами Турции, через своего сотрудника, видного константинопольского журналиста Тиграна Завена, систематически получал материалы конгресса и публиковал их.

ник по вине младотурок. Контакты оказались недолгими не только между младотурками и нетурецкими деятелями, но и в самом лагере младотурок.

Умеренные, Ахмед Риза и его сторонники, не желали идти на уступки левобуржуазным прогрессивным элементам. Конгресс еще продолжал работу, когда «Юманите», «Про-Армения» и некоторые другие газеты выступили с критикой умеренных позиций младотурок, их неопределенных формулировок и недостаточно четких и решительных методов борьбы. «Мешверет» сразу среагировала на это редакционной статьей. В ней Ахмед Риза недвусмысленно отверг советы европейской прессы. Он обвинил «Юманите» в необъективности, заявляя что в свое время ее редакторы не пожелали защитить исторические права «несчастливого» султана Мурада, судебное дело которого, якобы, было в тысячу раз интереснее, чем дело Дрейфуса. Полностью солидаризируясь с верхушечной оппозиционной критикой в отношении Абдул Гамида, Ахмед Риза громил своих оппонентов, осмелившихся давать советы младотуркам. Он утверждал, что они не знают конкретных условий Османской империи, турецкой действительности.

«Нет, мы не примем,—писал он,—их образа действия и революционную тактику, применяемую некоторыми армянами и не принесшую им успеха. Мы объединились не для глупостей и преступлений, не для того, чтобы создать ситуации, благоприятные для вмешательства иностранных держав, а для осуществления высокой цели, нужной всему населению Турции. Эту цель мы должны осуществить посредством таких революционных методов, которые приличествуют темпераменту и характеру наших соотечественников и удобны для них. Мы не французы и не русские. То, что удалось им, вовсе не обязательно, чтобы удалось и нам»⁴⁵. Без прикрас и маскировок, лидер помещичье-буржуазного движения отвергал революцию, демократические методы борьбы, считал их непригодными для Турции. И это сразу после конгресса, принявшего решение о вооруженном восстании с целью свержения абдулгамидовской тирании. Поистине от такой позиции до целования руки кровавого султана оставался лишь один шаг. Через две недели в переводной статье одного из январских номеров «Мешверет» Ахмед Риза разъяснял, что единство на конгрессе преследовало узкую цель—свержение преступного режима Абдул Гамида. «Союз наш,—писала газета,—является союзом гордых и независимых сил, союзом детей нашего отечества», созданным для временных совместных действий. И далее: «Каждая группа сохраняет без изменений свою

⁴⁵ «Երկրի ձայնը», 1908, № 7, стр. 5. Подчеркнуто нами.

политическую программу... Мы продолжаем оставаться сторонниками конституционной монархии и сохранения династии Османа». Наши действия «не имеют цели изменить религиозные и социальные учреждения страны». Как только будет восстановлен парламент, «всех кто начнет сепаратные действия или попытается посягнуть на политическое единство империи, мы будем рассматривать как врагов»⁴⁶. Общество «Единение и прогресс» в своей программе, опубликованной еще в 1906 г. в газете «Мешверет», разъясняя конечные цели борьбы, особенно подчеркивало задачу отстаивания независимости и целостности страны, «восстановления и сохранения на вечные времена ее прежней силы и величия»⁴⁷. Пропаганда конституции «как средства прогресса в рамках порядка» составляла основу политической линии группы Ахмеда Ризы⁴⁸. Довольно подробно излагая политическую программу этой группы, одной из главных в младотурецком движении, которую в литературе принято считать более последовательной представительницей интересов турецкой национальной буржуазии, мы еще раз хотим обратить внимание читателя на то обстоятельство, что данное направление стремилось осуществить свою программу, сохранив в прежнем виде «религиозные и социальные учреждения» феодальной Османской империи. С этим были связаны и экономические задачи, выдвинутые сторонниками Ахмеда Ризы. Они носили весьма общий характер и представлялись в виде формулы о необходимости заимствования и претворения в жизнь достижений западной цивилизации. Конкретное решение этих задач осложнялось тем, что слабой турецкой буржуазии предстояло преодолеть серьезные трудности. Они были вызваны политикой правительства, конкуренцией как со стороны иностранного, так и местного нетурецкого капитала. Как полагал Ахмед Риза, претворение в жизнь его программы позволит преодолеть первые два из этих препятствий. Что касается противодействия со стороны местного нетурецкого капитала, то с этим препятствием младотурецкая верхушка вообще не хотела считаться. Игнорирование интересов местного нетурецкого капитала продолжалось и в дальнейшем, причем оно переросло в политику преследований инациональной буржуазии и даже геноцида в отношении народов империи.

По нашему мнению, Ахмед Риза и его сторонники не были последовательными борцами против феодального строя, за установление капиталистических порядков. В большинстве своем эти люди были плоть от плоти феодальной знати и высшей бюрократии и, есте-

⁴⁶ Там же, № 2, стр. 6. Подчеркнуто нами.

⁴⁷ Там же, 1906, № 8, стр. 11.

⁴⁸ См. Ю. А. Петросян, Младотурецкое движение, стр. 256.

ственно, отстаивали интересы этих слоев. Их тяготение к западной цивилизации и капитализму, будучи объективным отражением общего развития, носило компромиссный характер. По убеждению группы Ахмеда Ризы, конституционная монархия (даже с Абдул Гамидом во главе) являлась вполне достаточным условием для постепенного перерастания феодальной Турции в капиталистическую страну.

«Таким образом,—пишет Ю. А. Петросян,—младотурки-иттихадисты и их идеолог Ахмед Риза, в основном отстаивали выдвинутые в 60—70-х годах идеи «новых османов» о том, что ликвидация абсолютизма, установление режима конституционной монархии и просвещение народа могут обеспечить экономический, политический и культурный прогресс Османской империи»⁴⁹.

Более последовательным, хотя и недостаточно стойким, оказалось направление, возглавляемое принцем Сабахэддином. В своей программе, выступлениях, статьях он и его сторонники вели более определенную борьбу против тиранической власти султана и феодальных отношений.

Примечательно, что более половины младотурецких организаций и групп, действовавших накануне революции и до мировой войны, придерживалось основных принципов программы «Лиги личной инициативы и децентрализации»⁵⁰, поскольку она, с их точки зрения, больше соответствовала условиям многонациональной империи. Г. Алиев, отмечая отсутствие единства в рядах оппозиции, писал, что эта оппозиция «была представлена деятелями всех толков—от реакционеров до социалистов». Но всех их объединяла ненависть к правящей партии «иттихад вэ терракки»⁵¹. Не случайно, что в рядах оппозиции наряду с реакционерами, которых было немало и в правящей партии, оказались социалисты, пусть даже правого толка, представители многих национальностей—от албанцев на западе до арабов на востоке империи, различные мелкобуржуазно-демократические элементы. В результате слияния разных стремлений возникло временное единство в рядах оппозиции, характеризующиеся большой пестротой социальных групп и интересов. Здесь преобладали более организованные компрადоры и либеральные помещики, разочарованные политикой иттихадистов.

Рассмотрим основные положения политической и экономической платформы сторонников принца Сабахэддина. Изучение фактов показывает, что основная цель, идея, выдвинутая Сабахэдди-

⁴⁹ Ю. А. Петросян, указ. произв., стр. 257.

⁵⁰ См. Г. Н. Тóкин, указ. произв., стр. 34—52.

⁵¹ Г. З. Алиев, указ. произв., стр. 206.

ном, идея децентрализации, развития личной инициативы и предпринимательства, безусловно, являлась прогрессивной для страны, где самодержавная власть султана, произвол и самоуправство чиновников заглушали всякую инициативу и попытки использования любых имеющихся возможностей даже со стороны определенных государственных органов и деятелей. С самого начала своей политической деятельности, Сабахэддин и его единомышленники считали, что для свержения деспотии Абдул Гамида необходимо создать единый фронт всех оппозиционных социальных сил турецкого общества и нетурецких народов. В заявлении, сделанном на парижском конгрессе 1902 года от имени большинства младотурок, говорилось о таком «Союзе между различными народами империи, который обеспечил бы всем, без различий, пользование правами...»⁵². Позднее газета Ахмеда Ризы «Мешверет» опубликовала, с целью критики, уточненную программу Сабахэddина, которая касалась внутренних преобразований и предлагала пересмотреть конституцию 1876 года. Сабахэddин считал, что основой политических и экономических преобразований должна стать система административной «децентрализации и широкого самоуправления», без различия классов и наций. Местные представительные собрания должны были заниматься законодательной, административной и финансовой деятельностью. В программе говорилось также о решающем значении развития личной инициативы и предприимчивости, о необходимости изменения и упрощения налоговой системы и законов относительно собственности⁵³. Еженедельник «Еркири дэин» в одном из своих номеров поместил статью Бехаэddина Шакира, который от имени группы Ахмеда Ризы осудил программу Сабахэddина с подчеркнуто великодержавных позиций. Сабахэddин обвинялся в стремлении ослабить центральную власть, расчленив империю. Как поступить нам,—писал Ш. Бехаэddин, если местные представители в Аравии находятся под влиянием Англии, в Сирии—под влиянием французов, в Албании—итальянцев и австрийцев, в шести вилайетах—европейских комитетов (имелись в виду армянские национальные партии—И. О.), на островах—под влиянием Греции, в Македонии—Болгарии и т. д.? Освобождение ряда Балканских стран и Крита он представил как результат существования в империи условий, приведших постепенно к самостоятельности и, в конечном счете, к отделению этих территорий⁵⁴.

В ответ на эти обвинения, Сабахэddин заявил, что он отнюдь

⁵² Fesch P., указ. произв., стр. 368.

⁵³ См. «Еркири дэин», 1906, № 11, стр. 3—4.

⁵⁴ Там же, № 12, стр. 7.

не является сторонником расчленения империи, но убежден, что децентрализация развяжет частную инициативу. Там, где она осуществлялась, прогресс «земледелия, ремесел и торговли оставил далеко позади уровень развития господствующей нации в результате между ними не осталось никакого общественного равенства»⁵⁵. Отставание турок и сравнительно высокий уровень развития христианских народов в экономическом и культурном отношении Сабахэддин объяснял тем, что последние «проявили больше, чем турки, предпринимательский дух в земледелии, промышленности и торговле, как и волю в защите своих национальных прав в борьбе против поработителей»⁵⁶.

Своими идеями Сабахэддин выражал «стремление наиболее дальновидных деятелей движения к политическому союзу с экономически сильной инациональной буржуазией Османской империи»⁵⁷. Однако он впадал в крайность, когда основываясь на опыте Швейцарии и США, придавал большое значение иностранному вмешательству в осуществлении целей младотурецкого движения. Вместе с тем Сабахэддин необоснованно преувеличивал значение эфемерных прав, «дарованных» патриархатам и церквям национальных меньшинств. Исходя из этого, он утверждал, что осуществление при помощи Европы автономных прав национальных меньшинств, якобы, вызвало у них чувство свободы и равенства. У турок же эти чувства стали развиваться только после эпохи Танзимата. Сабахэддин говорил об экономической основе самоуправления, которая, по его представлению, возможна лишь при наличии элементарных условий для свободного предпринимательства. Он явно не представлял себе истинного положения вещей, считая систему круговой поруки, осуществлявшейся мюлтезимами и органами власти при взимании налогов, формой проявления самостоятельности и независимости христианских народов. По его мнению, якобы в деревнях с христианским населением налоги распределялись по имущественному признаку. Этим занималась здесь сельская община, которая собирала общую сумму налогов по своему усмотрению, в то время как в мусульманских селах налог взимался с каждого жителя без учета его имущественного положения⁵⁸. Конечно, эта точка зрения Сабахэдина была ошибочной. Однако достоин внимания его интерес к социально-экономическим вопросам, связанным с положением крестьянства и буржуазии. В этом отношении харак-

⁵⁵ Там же, 1907, № 2, стр. 3.

⁵⁶ Там же, стр. 4.

⁵⁷ Ю. А. Петросян, указ. произв., стр. 204.

⁵⁸ «Երկրի ձախը», 1907, № 4, էջ 4—5.

терна его статья, помещенная в органе «Лиги децентрализации» «Тераккы». Говоря о событиях 1906—1907 гг. в Османской империи, Сабахэддин приветствовал народные выступления в Кастамону и Эрзеруме, отмечал пробуждение турецкой деревни. «Именно союз земледельцев и просвещенных классов,—писал он,—породит прогрессивное, свободное и солидное османское государство»⁵⁹.

Эти явно народнические нотки, на наш взгляд, свидетельствуют о демократическом характере его программы.

Трудно утверждать, что распространявшиеся летом и осенью 1907 года в восточных районах страны прокламации принадлежали «Лиге децентрализации». Но в одной из них мы находим выражения, идентичные призывам этой партии, как например, «Будем действовать смело и по-человечески, подобно достойным жителям Эрзерума и Кастамону, которые служат нам примером... Соединимся с этой целью в каждом городе, в каждой касабе, в каждом селении. Составим собрания из 3—5 преданных людей... Собрания в селениях и касабах войдут в связь с собраниями в городах, от которых они зависят, а города также войдут между собой в связь»⁶⁰. В борьбе против гнета и тирании, как и для дальнейшего развития, необходимо объединиться—такова главная идея прокламации.

Далее в прокламации отмечалось: Опыт христианских государств показал, что они «ушли значительно вперед в прогрессе и цивилизации» благодаря тому, что «управляют своими делами при посредстве собраний и совещаний». Подобный пример показывают даже Россия и Персия. Таков путь развития всех современных независимых государств. Автор приходит к выводу, что «для процветания собственности, народного счастья и благосостояния—необходимы конституция и народное собрание»⁶¹.

Выступив с рядом других статей и брошюр, Сабахэддин развивал и аргументировал в них свои идеи. В серии статей под заглавием «Турки и прогресс», он требовал, наряду с проведением широкой децентрализации укреплять центральные органы власти, особенно финансовое ведомство. При этом он был против монополизации государственного аппарата со стороны турок и считал необходимым усилить христианский элемент. «Чиновничество,—писал Сабахэддин,—превратилось в бедствие для империи. Предложенные нами административные преобразования вернут в земледелие, торговлю и промышленность тысячи молодых и образованных ту-

⁵⁹ Там же. № 1, стр. 12.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1002, лл. 154—155.

⁶¹ Там же.

рок, которых правительство сегодня отрывает от дел и развращает. Турки, приобретающие теперь дух предпринимательства, которого ранее недоставало, проявят больше личной инициативы»⁶². Он неоднократно подчеркивал, что одной из причин экономического отставания Османской империи являлась ее завоевательная политика. Войны приносили трофеи и славу, приводили к захвату, увеличивали налоги и разоряли подвластные народы. Сабахэддин предлагал отказаться от прежней политики. «Новая Турция больше не будет стремиться к военным захватам; она отлично знает, что теперь длительные и плодотворные победы произойдут на экономической и научной почве. Она знает также, что непрерывный ряд побед в прошлом явился в значительной мере причиной нынешней ее экономической слабости»⁶³.

Один из его последователей Мехмед Али Шевки, спустя много лет, отмечал, что когда после объявления конституции еще жила радость и надежда, принц Сабахэддин, основываясь на принципах социологической науки, заявил: «Если мы не изменим направление нашей общественной деятельности, то одной голой конституцией мы не избавимся от развала в области экономики, морали и идеологии»⁶⁴.

Подход Сабахэддина к историческим и социально-экономическим явлениям и событиям сближал его с более последовательными и радикальными деятелями турецкой национальной буржуазии. Прав Ю. А. Петросян, который пишет: «Все эти рассуждения Сабахэддина характеризует его как идеолога свободного капиталистического предпринимательства»⁶⁵.

Однако младотурецкая революция не привела к свободному развитию капитализма. Вместе с тем не будет ошибкой утверждать, что осуществление принципа децентрализации, развитие частной инициативы и предпринимательства объективно содействовали бы росту капиталистических отношений и решению многих задач буржуазной революции, дали бы большой простор классовой борьбе.

Следует указать, что представители непурецких народов, которые боролись против режима Абдул Гамида и добивались национальной автономии, ждали от младотурок какого-то решения национального вопроса. Но, как известно, эти ожидания оказались обманутыми.

⁶² «*Ortaklar Dergisi*», 1907, № 18, t. 4.

⁶³ Там же.

⁶⁴ *Mehmet Ali Şevki*, Osmanlı tarihinin sosyal bilimle açıklanması, s. 56.

⁶⁵ Ю. А. Петросян, указ. произв., стр. 253.

Единое и относительное равенство, проявившиеся в первый период революции, воодушевляли и активизировали народные массы всех национальностей империи. Многие выступления рабочих, городских низов и среднего сословия, как и крестьянские восстания, проходили под знаком интернационального единения трудящихся. Люди ждали узаконения равенства, которое стихийно устанавливалось в условиях революционного подъема. Энтузиазм народных масс способен был продвинуть дальше младотурецкую революцию. Но для этого необходимо было удовлетворить их социальные и национальные требования. Показателен, например, следующий факт. Сразу после восстановления конституции представитель македонской внутренней организации Пинчев сделал специальное заявление о требованиях македонцев. В нем говорилось о необходимости изменения конституции путем *«расширения свобод, введения свободы собраний, союзов, принципа областного самоуправления»*. Созданные в результате этих изменений *«новые области должны получить право полного самоуправления во всех своих внутренних делах, включая сюда местный бюджет, посредством областных представительных учреждений»*⁶⁶.

Это было общим стремлением всех угнетенных народов, особенно буржуазных слоев, и любой положительный шаг в решении национального вопроса сделал бы их стойкими союзниками революции. Однако младотурки не желали ни расширения ее рамок, ни решения национального вопроса. *«Глубокая реакционность в социальном вопросе,—писал В. Гурко-Кряжин,—всегда была присуща младотуркам, а вовсе не являлась результатом революционной и национальной борьбы, как это обычно думают. Еще в эмиграции намечались два крыла, два течения среди младотурок: одно—космополитическое, хотя и расплывчатое, но либеральное, и другое—узконационалистическое, консервативное»*⁶⁷. Второе крыло, указывает автор, представляли: Ахмед Риза и другие—за границей и Назым—в Турции.

Незначительность политических и экономических изменений, происшедших после прихода к власти младотурок, следует связывать с влиянием второго, консервативного, но вместе с тем более решительного их крыла, которое направляло деятельность правительства и всей своей политикой стремилось покончить с революцией после создания конституционной монархии. Однако, независимо от желания младотурецких руководителей, в стране происходили

⁶⁶ «Русская мысль», 1908, стр. 198, подчеркнуто нами.

⁶⁷ В. А. Гурко-Кряжин, История революции в Турции, стр. 33, подчеркнуто нами.

определенные социальные и экономические сдвиги. В связи с этим, в программах обоих направлений вносились изменения, вытекавшие из новых исторических условий, сложившихся после восстановления конституции и активизации политической жизни страны. В данном случае речь идет об изменениях, которые вносились на бумагу, в документы, а не об их осуществлении, не о практической политике.

Вскоре после переворота, 17 августа 1908 года, была официально обнародована первая правительственная программа. В ней в общих выражениях декларировалось проведение реформ в области финансов и податной системы, улучшение порядка взимания налогов, возобновление торговых договоров, осуществлений мероприятий по экономическому развитию страны⁶⁸. Программа правительственной партии «Единение и прогресс», обнародованная в октябре того же года, по существу не отличалась от вышеприведенной. В ней также говорилось о необходимости разработки мер для экономического прогресса страны, развития ее сельского хозяйства. Более конкретно ставился вопрос о замене «десятинного сбора везде, где это возможно, процентным сбором со средней урожайности за последние пять лет». Позднее следует постепенно переходить «к кадастровой системе». Далее предусматривалось открыть крестьянам доступ к кредитам «на облегченных условиях», а также «поставить на очередь разработку законов регулирующих отношения рабочих к работодателям»⁶⁹.

Комментируя указанную программу, русский посол в Константинополе писал, что способы наделения «сельского населения землей в последнее время были признаны чрезвычайными». При этом он уточнял пункт относительно крестьян. По его мнению, авторы хотели обеспечить для сельских жителей возможность приобретать земельные участки, но «без нарушения прав землевладельцев, путем предоставления сельскому населению средств, получения ссуд на умеренных условиях». Далее Зиновьев отмечал, что «пункт этот введен в программу с целью успокоения землевладельцев-мусульман, которые были до крайности раздражены дошедшими до них не обоснованными слухами о намерении младотурок прибегнуть к экспроприациям»⁷⁰. Между тем младотурки и не думали обижать своих классовых собратьев. Напротив, в угоду крупным землевладельцам, ими был решен вопрос о землях и другой недвижимости, принадлежавших лицам, бежавшим за границу до младотурецкого

⁶⁸ См. И. И. Голобородько, указ. произв., стр. 279.

⁶⁹ Там же, стр. 281.

⁷⁰ АВГР, ф. Политархив, д. 1031, 1908, л. 14.

переворота. В специальном законе подробно говорилось о правах старых и новых собственников. В нем указывалось, что если поместье или земля уже проданы государству, то последнее возвращает прежнему владельцу его собственность, а при невозможности компенсирует ее деньгами или предоставляет равноценный участок.

Однако это право представлялось не всем эмигрантам. Следует учесть, что из султанской неволи бежали революционеры, лица, спасавшиеся от погромов, главным образом, христиане. Видимо, в законе именно для них записано было, что владельцы земли и недвижности «обязательно должны иметь «тапу сенети», или их фамилии должны значиться в списках земельных ведомств». По таким же признакам определялись права собственности новых хозяев⁷¹. Можно себе представить масштабы злоупотреблений и взяточничества в этом деле. Крупным землевладельцам закон гарантировал возвращение имений. В специальном пункте отмечалось, что если проданное имение стоит дороже дома, построенного новым владельцем, или деревьев, высаженных им, то оно обязательно возвращается старому хозяину⁷².

Комитет «Единение и прогресс», захватив власть и после свержения Абдул Гамида став полновластным хозяином страны, счел нужным вновь обещать «упорядочения налоговой системы, предоставления права передачи земли по наследству, обеспечения крестьянам кредита»⁷³. Все эти обещания оставались на бумаге, ибо ни одно конкретное предложение не претворялось в жизнь. Попытки отдельных деятелей решить хотя бы второстепенные вопросы кончались неудачей. Так, вопрос о переводе кочевников на оседлую жизнь и предоставлении им земельных наделов обсуждался много лет. При обсуждении этого вопроса весной 1911 года в парламенте, крупные землевладельцы-депутаты устроили обструкцию вследствие чего он был решен частично. Законопроект, внесенный депутатами от Диярбекира, предусматривал перевод на оседлость всего 75 тысяч семейств кочевников⁷⁴. Или другой факт. В программу, принятую в том же году IV съездом партии «Иттихад ве теракки», была включена туманная формулировка о замене в будущем ашара денежным налогом. В качестве первого шага предлагалось «ограничиться устранением злоупотреблений в области взимания налогов, в том числе ашара»⁷⁵.

⁷¹ «Ազատամարտ», 1911, № 483.

⁷² Там же.

⁷³ Тупава Г. З, указ. произв., стр. 212.

⁷⁴ «Ազատամարտ», 1911, № 594.

⁷⁵ Г. З. Алиев, указ. произв., стр. 160.

Младотурки фактически не имели четко разработанного плана экономического развития страны. Они стремились лишь к экономической независимости, к освобождению от влияния иностранного капитала. Однако у них не было ясного представления о путях достижения этой цели. В работах некоторых младотурецких авторов порой говорилось о таких мерах, как национализация, кооперация и т. д. Э. Вернер в связи с этим отмечал: «Многие младотурки осознавали, что модернизация и национализация в Османской империи не могут быть достигнуты без социальных изменений». При этом он ссылаясь на Тевфика Нуреддина, который в своей книге «Положение турецкого ремесленника», показывая тяжелое состояние последнего, предлагал создать «небольшие ремесленные и кредитные кооперации»⁷⁶.

Этот же вопрос в связи с разбором идеологии младотурок, затрагивает и Э. Гасанова в своей интересной работе⁷⁷. Используя материалы младотурецкого органа «Тюрк юрду», она отметила некоторые произведения, авторы которых касались перспектив экономического развития Турции. К ним относились «Тюрк эснафынын хали» («Положение турецкого ремесленника») Тевфика Нуреддина, «Узюмджю» («Виноградарь») Ахмеда Хикмета, «Тюрк-лешмек, исламлешмек, муасырлешмек». («Тюркизация, исламизация, модернизация») Зия Гёк Альпа и др. Анализируя эти произведения, Э. Гасанова показала, что в них достаточно четко представлены причины экономической отсталости Турции, но неудовлетворительны рецепты, предложенные в целях создания независимой экономики. К примеру, Тевфик Нуреддин искал помощи государства в создании кооперации и предлагал готовить технические кадры в европейских учебных заведениях. Ахмед Хикмет призывал заниматься «предпринимательской деятельностью в целях обогащения». Зия Гёк Альп считал, что «если Турция желает модернизировать свою экономическую жизнь, в частности развить свою промышленность, она должна перенять систему европейской национальной экономики». Слабость турецкого государства Гёк Альп объяснял отсутствием «технически образованной прослойки промышленников, ремесленников, ученых»⁷⁸. Выход он видел в создании самостоятельной промышленности и в освобождении от европейской зависимости. Э. Гасанова отмечает, что Гёк Альп пропагандировал «необходимость создания ремесленни-

⁷⁶ „Zeitschrift für Geschichtswissenschaft“, XVI Jahrgang, 1968, Heft 10, s 1303.

⁷⁷ Э. Ю. Гасанова. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908—1914), Баку, 1966, стр. 69.

⁷⁸ Там же, стр. 70—73.

ческих товариществ, разнообразных компаний промышленников, уверял, что в них не будет конкуренции и что больной, нетрудоспособный член товарищества будет получать материальную поддержку со стороны своего союза»⁷⁹. Он выступал за создание сельскохозяйственного банка, сельских кооперативных обществ, за улаживание ашара.

В 1917 году Гёк Альп издавал журнал «Экономическое обозрение». В нем он «впервые выдвинул предложение о государственном вмешательстве в экономику, впоследствии конкретизированное им в работе «Основы тюркизма»⁸⁰. Зия Гёк Альп дошел до понимания необходимости индустриализации Турции. Однако включению этих и других прогрессивных теоретических положений в программу младотурок мешала незрелость турецкой национальной буржуазии. Правительственная партия «Единение и прогресс», которая с небольшими перерывами руководила страной до конца первой мировой войны, подвергалась эрозии. Уходили левые, прогрессивные элементы, усилился процесс поправления партии. После младотурецкого переворота и восстановления конституции стала очевидной дальнейшая поляризация политических сил. Столкновение интересов различных социальных групп, национальностей, религиозных и политических организаций создали в стране весьма сложную обстановку.

Буржуазные партии и течения выступали со своими программами и требованиями. Главной оппозиционной силой, выступившей против правительственной партии «Единение и прогресс», была османская либеральная партия—ахрары. Она появилась на политической арене в сентябре 1908 года. Её программные требования во многом исходили из установок «Лиги децентрализации и личной инициативы». Партия, в частности, требовала установления равноправия всех перед законом на основании хартии о правах человека, свободы слова, собраний, совести, печати, торговли, информации, передвижения, образования, неприкосновенности жилища, сохранения привилегий, предоставляемых различным группам, строгого порядка в распределении и взимании налогов, в том числе ашара и агнама, принятия законов, устанавливающих взаимные права и обязанности рабочих и работодателей. В программе отмечалось, что не следует опираться на военную силу. Не имея своего печатного органа, ахрары использовали главным образом газету «Османлы», а также «Сербести», «Илдам», «Сабах», «Ени газете» и другие⁸¹.

⁷⁹ Там же, стр. 75—76.

⁸⁰ Там же, стр. 126.

⁸¹ См. *Ф. Н. Тёкин*, указ. произв., стр. 43—44.

Политическая жизнь столицы была заполнена борьбой между этими двумя основными партиями, особенно в начальный период революции, до реакционного переворота 31 марта—13 апреля 1909 года. Сохранение старого порядка, как и чиновников прежнего режима на своих местах, усилили оппозицию против политики комитета «Единение и прогресс». Недовольные элементы, представлявшие разные социальные, национальные и религиозные слои, в значительной мере группировались вокруг партии «Ахрар». Ядро партии состояло: «из турок, к которым примыкают иттурецкие элементы, а именно албанцы, греки и армяне»⁸². В течение своего непродолжительного существования (всего полгода) партия вела активную борьбу за проведение своей эклектической программы, хотя и не добилась особого успеха. Вместе с тем очевидно, что определенная демократичность программы сделала ее более массовой и авторитетной. Марксистский журнал «Образование», критикуя шовинистическую политику младотурок, отмечал, что им приходится вести борьбу на два фронта—против реакции и против новой оппозиции. Последняя «выделила из себя так называемых «ахраров» или членов либерального союза» и включала кроме турок, «радикальные и демократические элементы различных национальностей, стремящихся к большей политической свободе личности и групп и широкой децентрализации»⁸³.

Следует сказать, что в литературе имел место спор о характере этой партии, который продолжается и в наши дни. Различные источники и авторы по-разному оценивают ее деятельность. Г. З. Алиев пишет: «Турецкий историк Демирай Тахсин считает, что «Ахрар» была первой турецкой партией типа западной демократии. Но подавляющее большинство турецких авторов относит «Ахрар» к числу реакционных партий»⁸⁴. Большинство иттурецких авторов поддерживает точку зрения журнала «Образование» о прогрессивном характере этой партии. Не следует забывать, что «Ахрар» действовала в тяжелых условиях и просуществовала легально всего несколько месяцев. Отсутствие традиций открытой политической борьбы, наличие в партии реакционного правого крыла, тянувшего ее в сторону от активного участия в обсуждении острых вопросов, опасность провалов и арестов — все это отрицательно сказалось на ее деятельности. Именно такого мнения придерживается Ф. Х. Такин, который пишет: «В момент, когда партия находилась в стадии своего наивысшего развития, в ответ на собы-

⁸² АВГР, ф. Политархив, д. 1034, л. 90.

⁸³ «Образование», 1909, № 5, стр. 188. Подчеркнуто нами.

⁸⁴ Г. З. Алиев, указ. произв., стр. 134.

тия 31 марта было объявлено военное положение. Были закрыты оппозиционные партии и приняты меры к «прекращению политической деятельности». Поэтому партия «Ахрар» ушла с арены и «предпочла ждать лучших времен». 30 января 1910 г. в опубликованном коммюнике она заявила о своем отказе от политической борьбы⁸⁵.

В феврале 1909 г. возникла «Османская демократическая партия» (*Firka-i ibad*), выступившая с требованиями защиты интересов народа—крестьян, рабочих, торговцев и промышленников, которые представлялись под общим понятием «османской нации». Партия требовала заключения трудовых договоров между рабочими и работодателями, урегулирования системы фиска, создания промышленного, торгового и земельного банков, организации профессионального обучения, наделения крестьян землей, обеспечения бедных работой, политических и демократических свобод. В числе организаторов этой мелкобуржуазно-демократической партии были старые деятели младотурецкого движения Ибрагим Темо, д-р Абдулла Джевдет, Пертев Тевфик, а также машинист Риза и другие. Просуществовав около трех лет, она самоликвидировалась и слилась с партией «Свобода и согласие»⁸⁶.

Другой серьезной оппозиционной силой была партия «Свобода и согласие», сформировавшаяся в ноябре 1911 года. В ней объединились различные политические группы, от самых реакционных до революционно-демократических, которые представляли интересы феодальных и буржуазно-компрадорских кругов, средних слоев населения и нетурецких народов. В руководство партии входили представители турецких землевладельцев Дамад Ферид паша, Исмаил Хакки лаша, сенатор Фуад паша, депутаты парламента арабы Абдул Тамид Зохран и Шукри Эль Асени, крупный албанский помещик Сюрейя бей, известный богач и политический деятель, депутат от Сиваса Габриель Норатункян (Норадунгиан). В нее вошли также ушедшие из партии «Единение и прогресс» правые элементы вроде отставного полковника Садык бея и такие представители левых, как д-р Риза Нур, депутат от Анкары Махир Саид, депутат от Эдирне Риза Тевфик и другие. Вместе с ними были Кемаль Мидхат, поэт и писатель Хусейн Сират, редактор газеты «Икдам» Али Кемаль бей, ее издатель Ахмед Джевдет, поэты Тевфик Фикрет, Хюсейн Кемаль и другие.

Кризис политики младотурецкого правительства, нерешенность коренных социально-экономических проблем и начавшаяся

⁸⁵ *F. H. Tökin*, указ произв., стр. 44.

⁸⁶ Там же, указ. произв., стр. 45—46.

осенью 1911 г. Триполитанская война создали почву для возникновения такого разноликого блока.

«В стране росла оппозиция,— пишет Ф. Х. Тёкин,— против жестокостей, плохого управления иттихадистов в социальной, экономической и политической областях. И вот часть политических партий и политических обществ, убедившись в невозможности поодиночке вести борьбу, образовала главную оппозиционную партию»⁸⁷. Это была монархистская партия, стоявшая на позициях паносманизма. В обширной программе, опубликованной в конце 1911 г., она выступала за более последовательный парламентаризм с одновременным расширением прерогатив монарха. Партия «Свобода и согласие», провозгласила «равноправие» народов империи и объединение их усилий. Вместе с тем она была категорически против любых мероприятий и попыток, могущих причинить ущерб «политическому единству Османской империи». В программе прямо указывалось, что «внутреннее единство нации и свобода совести должны пониматься только в этих рамках»⁸⁸. С другой стороны она хотела, чтобы вопросы, относящиеся к области «просвещения, общественных работ, земледелия, торговли и промышленности, не имеющие общенародного или общегосударственного значения, решались местными управлениями». Для этого определенные суммы от сбора налогов должны были оставаться в распоряжении местных властей. Программа касалась также острых вопросов аграрных отношений. Предлагалось разработать закон о предоставлении свободных государственных земель «на выгодных условиях бедному населению и кочевникам». Земледелие, в целях его дальнейшего развития, должно быть освобождено от «разорительных налогов»⁸⁹. В избирательной платформе партии, выдвинутой в начале 1912 года, более определенно говорилось о необходимости ликвидации «всех препятствий, мешающих развитию частного предпринимательства», об облегчении доступа иностранного капитала «с тем, однако, чтобы это «не наносило ущерба местному населению». Партия обещала добиться того, чтобы «государственные налоги не налагались только на бедное население, чтобы народ получил больше возможностей для увеличения производства, чтобы принимались законы, направленные на улучшение благосостояния рабочих, безземельных крестьян и батраков»⁹⁰. Таковы были основные положения программных документов партии «Свобода и согласие»,

⁸⁷ *F. H. Tökin*, указ. произв., стр. 50.

⁸⁸ «*Üçüncü Şeyh*», 1911, № 742.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же, 1912, № 826.

относящиеся к социально-экономическим проблемам. Нельзя сказать, что турецкая и нетурецкая буржуазия прониклась доверием к программе партии, ибо и до нее обещаний было много и давались они неоднократно. Поэтому отношение к программным установкам партии со стороны отдельных групп буржуазии было неодинаковым. Если представители греческой буржуазии не высказали своего мнения, то парламентская группа отнеслась с явным недоверием к этой программе. Осторожность проявили также представители армянской и балканской буржуазии. В прессе обсуждались отдельные статьи программы, особенно ее 16-й пункт о единстве османских народов, ставился вопрос, какие реальные права могли иметь национальные меньшинства. В связи с этим Садык бей от имени руководства партии заявил корреспонденту одной из греческих газет, что речь идет лишь об «обеспечении существующего в настоящее время статус-кво»⁹¹. Однако, как отмечали европейские, славянские, греческие, армянские и арабские газеты, это было совершенно недостаточно для сохранения «османского единства» и для сотрудничества ее народов в области экономики и политики. Наиболее дальновидные турецкие идеологи понимали, что сохранение статус-кво не может быть удовлетворительной основой для надежного единства и сотрудничества. Так, редактор младотурецкого официоза «Танин» Гусейн Джахид в номере газеты от 10 ноября 1911 г., выступив против некоторых установок партии «Свобода и согласие», признал, что его собственная партия «сильно уклонилась в сторону национализма... и погрешила против первоначально выставленных принципов своей программы». Появление новой политической организации беспокоило его, так как «к основному ее ядру османов примыкают греки, болгары и армяне»⁹². Считая подобный союз, в случае его осуществления, политически опасным, представитель господствующих младотурецких кругов выразил к нему отрицательное отношение.

Мы остановились на экономической платформе, на программных требованиях по экономическим вопросам ряда основных политических организаций и партий, главным образом с точки зрения их отношения к инонациональной буржуазии, к ее интересам и перспективам.

При рассмотрении практической политики младотурецких правительств в области экономики и условий развития инонацио-

⁹¹ Там же, 1911, № 750.

⁹² ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3778, л. 531.

нальной буржуазии, чему посвящен следующий раздел, мы исходили из тех изменений, которые произошли в экономической и политической жизни империи после младотурецкого переворота.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА МЛАДОТУРОК И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ БУРЖУАЗИИ ИМПЕРИИ

Последовательное проведение экономической политики зависит обычно от степени классово-зрелости ее носителей. Младотурки, как уже сказано, выражали больше интересы либеральных помещиков и связанных с ними определенных кругов буржуазии. Это подтвердилось ходом событий.

Известно, что после восстановления конституции 1876 г. комитет «Единение и прогресс» обратился к народу с призывом «относиться с уважением к личности главы государства и с полным доверием подчиняться правительству и его чиновникам, которые все остались на своих местах и должностях»⁹³. Более того, после объявления конституции, «комитет считал свои революционные функции законченными и стремился лишь к исполнению обязанностей государственной власти, к поддержанию в стране примерного порядка»⁹⁴.

Младотурки больше всего боялись дальнейшего развития революции и поэтому боролись за сохранение статус-кво. По заявлению одного из их лидеров, доктора Назыма, «до 10 июля 1908 г. комитет партии является революционной организацией в полном смысле этого слова. Он подготовил падение старого режима. Когда вспыхнула революция и конституция была провозглашена, комитет понял, что его революционная роль окончена и он должен отныне в своей работе следовать эволюционному и мирному методу»⁹⁵.

Любые действия местных комитетов по реорганизации старых органов власти пресекались центром. ЦК партии «Единение и прогресс» восстановил 18 чиновников и вице-губернаторов, уволенных в Ризе. Как и прежде, законы и постановления продолжали оставаться на бумаге, население страны с недоверием относилось к мероприятиям младотурецкого правительства. Один из наблюдателей, посетивший некоторые сельские районы страны, отмечал, что через год после революции сохранились прежние отношения

⁹³ АВПР, ф. Политархив, д. 3083, л. 227.

⁹⁴ См. «Красный архив», т. 43, стр. 54.

⁹⁵ Цитирую по работе А. А. Алимова «Революция 1908 года в Турции». См. Сборник «Пробуждение Азии», стр. 44.

между землевладельцами и крестьянами. Он привел следующий примечательный диалог с деревенским старостой. На вопрос, почему с таким почетом только что был принят бек из соседней деревни, ведь после объявления конституции нечего бояться этих порабощителей и насильников, староста ответил: «Согласен с вами, господин, но какая гарантия, что конституция будет долговечной, что завтра-послезавтра султан Гамид не будет вновь посажен на трон, и Муса и Касум беки не станут опять нашими хозяевами»⁹⁶. В период господства младотурок подобная психология была характерной для всего трудового населения, даже для имущих слоев. Младотурки всеми своими действиями поддерживали такое представление и нисколько не старались рассеять его, хотя некоторые их руководители понимали свои просчеты.

Младотурок критиковали оппозиционная пресса Турции и передовые люди европейских стран. В фельетоне, посвященном событиям в Турции, В. В. Воровский осуждал нерешительность и консервативность младотурецких руководителей, один из которых сетовал по поводу происходивших изменений и говорил: «Пусть лучше все будет по-старому, лишь бы жила удивительная красота старой Турции»⁹⁷. Б. Кнуянц, указывая на большое значение революции для Турции, писал, что сама по себе она «далеко еще не означает перехода от восточной деспотии к европейскому парламентаризму»⁹⁸. Однако младотурки, признавая на словах правильность критики в свой адрес, ничего не делали для выправления положения вещей. Так Хусейн Джахид, считая другие национальности империи естественными союзниками турок призывал к осуществлению принципа равноправия, чтобы таким путем добиться единения всего населения страны. В конце 1911 года он писал о необходимости более разумной политики и указывал: «Главная ошибка правительства в том, что оно не особенно последовательно проводило конституционные принципы равенства и справедливости и плохо проводило реформы»⁹⁹. При этом, напомибая своих друзей он считал, что единство и дальнейшая деятельность народов империи должны осуществляться под эгидой турок. Оппозиционная к младотуркам газета турецких автономистов «Мешрутиет», выходявшая в Париже на французском языке, в № 10 за 1910 г. прямо писала, что основная ошибка младотурок состояла «в политике крайнего национализма». Газета предлагала отказаться от попыток отуречивания нетурецких народов, добиться объединения по-

⁹⁶ «Дер *Список*», 1913; № 7—8, № 1129.

⁹⁷ В. В. Воровский, соч., т. II, М., 1931, стр. 475.

⁹⁸ «Бакинские вести», № 1, 1909.

⁹⁹ ЦИ ВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3778, л. 536.

следних «на основе их общих экономических интересов, привязывая их к себе покровительством развитию богатства как общенационального, так и отдельных племен, и совершая это не иначе, как под покровом равной для всех справедливости»¹⁰⁰.

Оппозиционные организации выступали за более последовательное проведение реформ и преобразований. Между тем младотурки свое внимание концентрировали на изменениях в сфере идейно-политической надстройки общества. В этом отношении интересна в целом правильная оценка революции 1908 г., данная Полем Жантизоном. По его словам, революция «едва коснулась юридических институтов Османской империи. Будучи больше политической чем социальной, она, как известно, ограничилась лишь борьбой между партиями»¹⁰¹.

Законы, принятые на основании конституции, Жантизон считал подчиненными «требованиям шери». Непоследовательность борьбы младотурецких правителей против феодализма и империализма была самой характерной чертой движения. Но, помимо воли младотурок, условия, создавшиеся после революции 1908 года, содействовали активизации различных слоев общества. Радикальные представители офицерства и интеллигенции стремились укрепить конституционные порядки, а трудящиеся массы боролись за дальнейшее углубление революции. Что касается младотурецких правителей, то они при поддержке внутренней и международной реакции фактически стали тормозом на пути осуществления задач буржуазной революции. Доказательством этому служила их практическая деятельность, особенно в области социально-экономических отношений.

Первый кабинет созданный после младотурецкого переворота, возглавил Кямил-паша, о котором хорошо знавший его А. Н. Мандельштам писал: «Этот турецкий византиец, искусившийся во всех дворцовых интригах хамидовского режима, не мог, конечно, внести свежую струю в оттоманскую государственную жизнь, и можно смело сказать, что его управление только повторяло и даже иногда усугубляло ошибки младотурок...»¹⁰². Представители партии «Единение и прогресс» не вошли в это правительство. Но общее впечатление было такое, что оно сформировано из лиц, «угодных младотуркам». Примечательно, что «в состав нового каби-

---

¹⁰⁰ См. предисловие кн. Э. Ф. Найт, Революционный переворот в Турции, стр. 5—6.

¹⁰¹ Paul Gentizon, указ. произв., стр. 213.

¹⁰² А. Н. Мандельштам, указ. произв., стр. 31.

нета входили 3 христианина: один грек—Маврогордато и 2 армянина: Габриель эфенди Норадунгян и Оганес Паша Сакиз»¹⁰³.

Правительственная программа, объявленная в августе 1908г., явно носила отпечаток влияния комитета «Единение и прогресс».

В ней, в самой общей форме, говорилось о реформах в области финансов и податной системы, об улучшении сельского хозяйства, общественных работ и народного просвещения, более подробно о преобразованиях в гражданском управлении, в армии и во флоте, о необходимости строгого поддержания общественного порядка и старого курса внешней политики. В программе ничего конкретного не говорилось о социально-экономических проблемах, имевших жизненное значение для страны¹⁰⁴. Это мотивировалось тем, что «текущие дела, за исключением не терпящих промедлений, откладываются как вследствие недостатка времени, так и потому, что правительство считает своим долгом ждать созыва парламента, который и определит окончательное направление как внутренней, так и внешней политики страны»¹⁰⁵.

Сессия парламента началась лишь в декабре 1908 г. В начале долго обсуждались процедурные вопросы, выслушивались общие речи. Официальное выступление Кямяля-паши на заседании парламента имело место 13 января 1909 г. Изложив программу правительства, он призывал к единству «все элементы османской нации», считая это гарантией счастья и обеспеченной жизни, сохранения конституционных свобод и независимости страны. Для осуществления программных задач, изложенных в общей и туманной форме, глава правительства просил у парламента санкции на получение новых иностранных займов. Далее он сообщил, что для упорядочения деятельности центральных органов власти приглашены финансист француз М. Лоран, специалисты по работе таможен, англичане Крепфорд и Викель. Армию будут консультировать немецкие, а морской флот— английские офицеры. За обстоятельным анализом внутреннего и внешнего политического положения страны в парламенте не последовали конкретные предложения и решения по устранению имевшихся недостатков¹⁰⁶. Однако парламент выделил средства на армию, администрацию, полицию и жандармерию, обсудил меры по улучшению их деятельности. Касаясь правительственной программы, военно-морской агент России в Турции капитан Щеглов писал в своем рапорте, что одной из основ-

¹⁰³ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1011, л. 245.

¹⁰⁴ См. И. И. Голобородько, указ. произв., стр. 279—280.

¹⁰⁵ Цитирую по кн. Г. З. Алиева, «Турция в период правления младотурок», стр. 126.

¹⁰⁶ См. «*Республика*», 2/15 IX 1909.

ных задач правительства является «проблема умиротворения», ибо в стране — в Европейской Турции, в арабских странах и даже в Малой Азии — неспокойно. Поэтому «в первую очередь в парламенте в 1909 г. прошли законы об организации полиции и ряд законов о вагабондах (бродягах — *О. И.*), ассоциациях, забастовках и о прессе»¹⁰⁷. Иначе говоря военно-феодалы и буржуазные верхи прежде чем предпринять какие-то новые меры, стремились укрепить свое положение и обезопасить себя от национально-освободительных и народных движений. Особое внимание было уделено состоянию финансов, которые «на протяжении некоторого времени подвергались тяжелому испытанию», а последние события привели их в «нестерпимое положение»¹⁰⁸. Несмотря на ряд мер, принятых в этой области — образование в 1909 г. комиссии из трех специалистов — французов, для подготовки финансовой реформы, принятие положений о счетоводстве (24. V. 1909 г.), об учреждении корпуса финансовых инспекторов под руководством француза Жолле, о ликвидации недоимок по податям за прошлые годы и т.д. — положение не улучшилось¹⁰⁹. Трудность решения проблемы заключалась и в том, что правительство не хотело ставить на обсуждение вопрос об изменении способов взимания налогов, как и не показывало истинной картины государственных расходов. А ведь младотурки до прихода к власти в своих газетах и прокламациях разоблачали финансовые махинации султанского двора и правителей страны. Так, в одной из прокламаций говорилось: «Если бы 10% государственных доходов, собираемых силою, нагайками жандармов, сдирая шкуру с бедного населения и заставляя его проливать кровавые слезы, если бы эти деньги употреблялись на развитие и прогресс страны и на благосостояние народа, без всякого сомнения она походила бы теперь на рай, подобно другим процветающим государствам»¹¹⁰. Став хозяином положения, младотурецкие руководители замолкли, не желали публично обсудить вопрос о финансах. Когда через месяц после начала работы парламента один из депутатов внес предложение об изменении налоговой системы путем ликвидации ашара и определения суммы всех налогов в соответствии с площадью земельного надела, то парламент без обсуждения отклонил его¹¹¹.

Однако в связи со сформированием 14 февраля 1909 г. нового кабинета во главе с Хильми пашой парламент был вынужден вер-

¹⁰⁷ ЦГАВМФ, ф. 898, оп. 1, д. 34, л. 14.

¹⁰⁸ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1017, л. 10.

¹⁰⁹ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 4218, лл. 131—132.

¹¹⁰ ЦГВИА, ф. 2000, д. 1002, л. 153.

¹¹¹ «*Ватан*», 1/14. II. 1909.

нуться к этому вопросу. 18 февраля правительство внесло в парламент предложение о новом иностранном займе. В своем выступлении Джавид бей подверг резкой критике финансовую политику турецких правителей, которые за последние 50—60 лет совершенно произвольно обращались с финансами, не вели их «на научной основе и исходя из экономических законов». Наши расходы, говорил он, «никогда не соответствовали нашим будущим доходам, поэтому бюджеты сводились с постоянным ежегодным дефицитом»¹¹².

Для преодоления финансовых трудностей и ликвидации бюджетного дефицита правительство обратилось к парламенту с предложением об увеличении налогов и иностранной помощи. По данным капитана Сарру, в течение 1909—1911 гг. парламент принял шесть законов относительно упорядочения, т. е. увеличения налогов с населения¹¹³. Кроме того, налоги и разовые сборы увеличивались в связи с некоторым расширением дорожного строительства и других видов общественных работ, а также вследствие применения новой современной техники и средств сообщения. Как видно из справки, составленной русским военно-морским агентом в конце 1911 года, десятинный сбор (ашар) за предшествовавшие 10 лет возрос во всех местностях, расположенных вдоль железнодорожных линий. Так, по линии Константинополь—Ангора он увеличился в 3 раза, на 200.000 лир, Салоники—Монастырь в 6 раз, на 180.000 лир, Эскишехир—Конья—в 80 раз, с 1.500 лир до 120.000 лир. Салоники—Константинополь—в 5 раз, Смирна—Касаба—в 15 раз и т. д.¹¹⁴. Тенденция ежегодного роста налогов отмечалась всеми авторами, занимавшимися этим вопросом.

Комментируя закон от 5/18 августа 1909 г., Сарру отмечал, что при сборе недоимок надлежало взыскивать 20-процентную надбавку. Новый закон от 11/24 августа того же года предписывал взимать за каждый год 10-процентную надбавку к недоимкам¹¹⁵. Были приняты и другие законы относительно увеличения налогов, причем всякий раз они мотивировались обстоятельствами внешнего и внутреннего порядка. К примеру, в 1912 г. для покрытия вызванных войной чрезвычайных расходов временно были введены новые налоги и надбавки к существовавшим. Теметтю, взимавшееся за недвижимость и промышленную деятельность, увеличилось на 25%, был установлен 3-процентный вычет из жалования всех высших гражданских и военных чинов¹¹⁶. По утверждению Бекгулянца,

¹¹² Там же. 6/19.II.1909.

¹¹³ См А. *Sarru*, указ. произв., стр. 257—264.

¹¹⁴ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 4218, л. 32.

¹¹⁵ А. *Sarru*, указ. произв., стр. 257.

¹¹⁶ «Вестник финансов...», 1912, № 29, стр. 112.

накануне первой мировой войны «налоги, взимаемые младотурками, учетверились»¹¹⁷.

Такое резкое повышение налогов, особенно теметтю, оппозиционные газеты оценили как безжалостное отношение к народу. Теперь теметтю платили не только промышленники и торговцы-мелкие собственники и ремесленники, им облагались и те рабочие, которые не имели постоянного заработка. Была установлена минимальная сумма общего годового дохода, подлежащая обложению—3.600 курушей. Естественно, что рабочие и профсоюзы требовали отмены этого тяжелого налога, который, кстати, не взимался с государственных служащих. В парламент обратились железнодорожные рабочие Салоник, мелкие ремесленники из Партизака, едва обеспечивавшие свое существование, совмещая ремесло с земледелием¹¹⁸. Газеты также требовали снятия теметтю с ремесленников и рабочих, подобно тому, как были освобождены от него железнодорожники, работники трамвая, Режи, Управления государственного долга.

«Государство обязано прежде всего позаботиться об обеспечении прожиточного минимума и облагать теметтю тех лиц, которые получают больше этого минимума»¹¹⁹. Это было общим требованием трудового населения, поскольку приближался срок нового обложения налогом—январь 1912 г. Но правительство, обычно проявлявшее непоследовательность в проведении в жизнь принятых законов, в этом вопросе стояло за жесткий курс, ибо только от сбора теметтю ожидало пополнения казны на сумму в 1, 5 млн. турецких лир. Здесь речь идет о налогах, установленных государством. Помимо них продолжали существовать местные, произвольные поборы, установленные чиновниками и землевладельцами. Они были тяжелее законных налогов. Говоря о так называемом кафирном налоге, Бекгулянец отмечал, что он сохранился и при младотурках. Этот налог заключался в том, что «бек, когда ему вздумается, облагает жителей и денежным налогом (помимо многочисленных натуральных—И. О.), по счету с каждой головы...». Такое обложение правительству не было выгодно, ибо эти поборы разоряли страну и от них «население бежит без оглядки, земли пустуют, население беднеет и казна недобирает ожидаемых доходов»¹²⁰. Однако оно не было в состоянии ликвидировать укоренившееся зло. Парламент и правительство не проявляли желания серьезно рассматривать многочисленные предложения об установлении твердой нало-

¹¹⁷ Р. Бекгулянец, указ. произв., стр. 47.

¹¹⁸ «Цшинширт», 1911, № 495.

¹¹⁹ Там же, № 499.

¹²⁰ Р. Бекгулянец, указ. произв., стр. 75.

говой системы, о введении прогрессивного налога и т. д.¹²¹. Несмотря на эти обстоятельства, доходы государства возросли в результате некоторого упорядочения системы фиска и финансового хозяйства, главным образом вследствие роста налогов. Как отмечала газета «Танин», в начале 1910 года доходы государства по сравнению с предыдущим годом увеличились с 148,3 до 185 млн. лир. При этом отмечался рост ашара на 9 с лишним млн., теметтю—почти на 11 млн. и другие источники до—20 млн. лир¹²². Нетрудно представить себе, сколь велика была сумма собранная с населения, если учесть, что из нее в казну попало 40 млн. лир.

Министр финансов Джавид бей, выступая в парламенте 10 февраля 1911 г. с обоснованием статей бюджета, заявил, что при определении источников дохода правительство взяло курс на прямые налоги. Он выражал оптимизм в отношении выполнения доходной части бюджета, которая якобы увеличилась за последние два года¹²³. Министр указал на неизбежность роста земельного налога, теметтю, дорожного сбора, апыама. «Что касается ашара, то он не будет затронут, пока я министр,—сказал Джавид бей. Изменение ашара связано с серьезной ответственностью, которую я не хочу брать на себя... Размер этого налога можно чуть сократить, но в целом он должен быть сохранен»¹²⁴. Подобная позиция министра, видимо, объяснялась тем, что ашар давал 40% всех бюджетных поступлений¹²⁵.

Иной точки зрения придерживались отдельные члены финансовой комиссии парламента, которую некоторое время возглавлял Григор Зохраб. Выступая в начале мая 1911 года перед депутатами, он призвал правительство сократить расходы, привести их в соответствие с доходами, урегулировать дела в Йемене и Албании, отозвать оттуда войска, хорошо продумать каждую статью расходов. Ибо, говорил он, в финансовой терминологии выражение «найти источники дохода означает не что иное, как повышение налогов». Дальнейший их рост Зохраб считал жестокостью и высказал пожелание взыскивать налоги с населения «в соответствии с достатком каждого налогоплательщика»¹²⁶.

Заявление правительства Саида-паши, сделанное в конце 1911 года, даже младотурецкая и близкая к ней пресса встретила сдержанно, оценив его как «неопределенное и некритичное». В заявле-

¹²¹ См. «Ազատամարտ», 1911, № 584, 713.

¹²² Feroz Ahmad, указ. произв., стр. 70.

¹²³ «Ազատամարտ», 1911, № 513.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Y. Sertel, указ. произв., стр. 14.

¹²⁶ «Ազատամարտ», 1911, № 584.

нии речь вновь шла об урегулировании порядка взимания налогов и разных сборов, об увеличении поступлений в бюджет и уменьшении расходов. Никаких кардинальных мер по улучшению финансов не предлагалось¹²⁷.

Однако парламент, правительство и руководители младотурок проводили жесткую налоговую политику. Отдельные выступления, подобные вышеприведенным, отнюдь не влияли на взятый ими курс. И если рассмотреть источники пополнения бюджета за 1911—1912 и 1912—1913 финансовые годы, то становится очевидной тенденция роста прямых и косвенных налогов и других доходов по сравнению с предыдущим годом¹²⁸. Приведем некоторые данные.

Наименование налогов	Сумма роста или уменьшения в тысячах тур. лир	
	1911/12	1912/13 (за 9 месяцев)
Прямые налоги	+508.896	+787.470
Марочный, судебный и регистрационный сборы	+ 99.281	-111.650
Косвенные налоги	+450.460	- 8.893
Доходы от монополий	+ 77.731	-136.964
Доходы от государственных предприятий . .	+ 76.730	+ 5.657
Доходы от государственных имуществ . .	+192.448	- 46.034
Разные поступления	-107.097	+ 17.752
Не приводя остальных поступлений в бюджет, укажем лишь общие доходы, составившие:	+1.606.213	+1.096.165

Несмотря на колебания бюджета, особенно в 1912—1913 гг., когда Турция только что вышла из Триполитанской войны и вступила в Балканскую, приведенные данные показывают, что налоговый процесс становился все более жестким. Особенно обирались народы окраин, не имевшие возможности бороться против открытого разбоя со стороны правительства и его чиновников. Неоднократные обращения и петиции христианских патриархов, как и об-

¹²⁷ Там же, № 713.

¹²⁸ Показатели за 1911—1912 финансовый год взяты из приложения к кн. А. Д. Новичева «Очерки экономики Турции до мировой войны», стр. 189—293, а за 1912—1913 г.—из газ. «*Укышшид шрети*», 1913, № 1129.

ращения национальных и политических организаций мусульман и немусульман, не меняли положение вещей. «Лига арабской родины» в одной из своих прокламаций, перечисляя услуги, оказанные арабами Османскому государству, сетовала на то, что ашар собирался гораздо больше в «арабских странах», чем в других вилайетах—в Албании, Курдистане и иных местностях. Она заявила, что «две трети имперского бюджета и четыре пятых бюджета управления султанского двора» взыскивается с арабского населения¹²⁹.

Как правило, сбор налогов производился с помощью силы, с использованием войсковых подразделений и жандармов. Русский военный агент в начале 1914 г. сообщал из Ирака, что арабы в Месопотамии, недовольные «турецким правительством, вновь отказались платить подати, каковые взымаются силой». Сулейманийский мютесериф окружил пограничными войсками некоторые населенные пункты и «с большим количеством жандармов приступил к сбору налогов»¹³⁰. Население Сасуна, заявил один из его представителей, до восстановления конституции встречалось со сборщиками налогов лишь один раз в год. После переворота они стали чаще лоявляться, «требуя в 5—10 раз больше прежнего»¹³¹. Газета «Мшак» в середине 1912 г. писала, что до восстановления конституции курдские беки собирали с армян налог под названием «гапал», который являлся феодальной повинностью и после младотурецкого переворота был формально отменен вместе с другими незаконными налогами. Однако курдские феодалы продолжали взимать его и после переворота. Так, в июле 1912 г. газета «Мшак» писала: «Беки при помощи жандармов насильно собирали с армянского населения каз Спакерт, Хизан, Каркар и Мартан недоимки по гапалу за четыре года»¹³². Архивные документы этого периода также свидетельствуют о том, что «в большинстве деревень Сасуна беки под угрозой убийства снова ввели барщину, жалобы крестьян мютесерифу ни к чему не привели»¹³³.

Положительным моментом в финансовой политике младотурок было установление гласности бюджета. Начиная с 1909 г. бюджет обсуждался в парламенте и публиковался в печати. Анализ бюджета предвоенных лет дает представление об экономической деятельности партии младотурок и их правительств. Главное свое внимание они уделяли военному ведомству и административным

¹²⁹ См. *Eugene Yung, Le Puissances devant le revolte arabe. La crise mondiale de demain.* Paris, 1906, p. 25.

¹³⁰ ЦГВИА, ф. 200, оп. 1, д. 991, 565—566.

¹³¹ Ա-Դօ, վանի, Բիթլիսի և էրզրումի վիլայեթները, էջ 125.

¹³² «Մշակ», 5. VII. 1912, № 144.

¹³³ ЦГИАЛ, ф. 408, оп. 77, д. 270, 1913, л. 8.

учреждениям, обеспечивавшим их политическое господство. Первый опубликованный бюджет на 1909—1910 г. предусматривал более 25 млн. лир доходов и 30,5 млн. лир расходов. Дефицит составил почти 5,5 млн. лир. Дефицит же следующего года был определен в размере 6,5 млн. лир., а в 1911—1912 финансовом году — около 7,6 млн. лир¹³⁴. Упорядочению турецких финансов не помогло и неожиданное поступление в 1909 и 1910 гг. крупной суммы в 35.325 тыс. лир. Оно состояло из: «1) взноса Австрии за аннексированные Боснию и Герцеговину в 2.500 тыс. лир; 2) конфискованного у Абдул Гаида имущества и ценностей на 1.600 тыс. тур. л.; 3) проданных ему же принадлежавших земель на 30.925 тыс. тур. л. и 4) проданой на лом негодной артиллерии на 300 тыс. турецких лир»¹³⁵. Однако постоянный дефицит не мешал систематическому увеличению расходов на армию и флот, полицию и жандармерию. Из 36 млн. лир расходной части бюджета 1910—1911 г. более 11 млн. лир поглотило военное ведомство, более двух млн. было затрачено на ведомство общественной безопасности, жандармерию и полицию. Та же картина имела место и в следующем году¹³⁶.

Военный министр Махмуд Шефкет-паша в интервью, данном корреспонденту газеты «Сабах», считал своей заслугой доведение военного бюджета Турции до 9 млн. лир (значительно больше, чем при Абдул Гамиде)¹³⁷. По размерам военного бюджета Турция вышла на одно из первых мест среди европейских держав. Так, Франция тратила на военные нужды 29% своего бюджета. Англия — 33,3%, Германия — 36,8%¹³⁸, а Турция — свыше 38%. Из сопоставления военных и административных расходов бюджета за 1911—1912 гг. с суммами, выделенными министерствам сельского хозяйства (482.664), общественных работ (1.304.005) и просвещения (более 940.307), видно, что доля последних была мизерной. Значительную часть расходов составляли также выплаты по долгам империи и процентам от них. В 1911 г. они поглотили 28,6% расходной части бюджета. Таким образом, на выплаты по долгам и на армию ушло «67,4%, т. е. 2/3 всего бюджета»¹³⁹. Львиная доля оставшейся части бюджета тратилась на содержание двора, шейх-уль-исламата, органов юстиции, меджлиса, министерств, местной администрации. Небольшие суммы предназначались на дорожное строительство, здравоохранение, просвещение и общественные работы. О масшта-

¹³⁴ «Восточный сборник», кн. II, 1916, стр. 26.

¹³⁵ Х. З. Габидуллин, Младотурецкая революция, стр. 83.

¹³⁶ А. Д. Новичев, указ произв., стр. 298—299.

¹³⁷ «Цыштыштыр», 1911, № 668.

¹³⁸ См. «Современник», кн. 4, 1912, стр. 252.

¹³⁹ ЦГАВМФ, ф. 418, д. 4218, л. 125.

бах и характере общественных работ некоторое представление дают следующие факты. В начале 1909 года министерством общественных работ был представлен следующий план мероприятий: постройка 30 тыс. километров государственных и местных шоссе; дорог в течение 8 лет, строительство 14 железнодорожных линий протяженностью 7.900 км., сооружение 8 портов, орошение 1.800 тыс. гектаров земельных площадей. Намечалось также расширение имеющейся и проведение новой сети электроозвещения, как и трамвайных линий, в Константинополе, Адане, Мерсине, Тарсусе, Адрианополе и Салониках. Для Турции этот план был значительным и в целом должен был завершиться в 1913 году. Руководство работами возлагалось на приглашенных из европейских стран инженеров и других специалистов¹⁴⁰. Разрабатывались планы, менялись министры, Габриела Норадункяна сменил Халаджян, потом Хулусси бей, тратились деньги, а намеченные программы в значительной своей части оставались на бумаге. Ориентируясь на иностранный капитал, особенно в вопросах промышленного производства, младотурки предприняли лишь отдельные попытки предоставления льгот местным капиталистам, и этим вызвали недовольство интонациональной буржуазии. В прессе отмечалось стремление некоторых государственных деятелей и парламентариев провести законы в интересах местной промышленности. Так, в конце 1909 г. обсуждался законопроект о предоставлении местным предпринимателям ряда льгот—бесплатный участок земли для строительства предприятий с условием введения их в эксплуатацию в трехлетний срок; освобождение основного капитала от обложения в течение 15 лет; беспошлинный ввоз иностранного оборудования; высокие таможенные пошлины на те импортные товары, которые производились в Турции. Эти льготы предусматривались для промышленных предприятий, занятых переработкой сырья, располагавших основным капиталом не менее 2000 лир и имевших не менее 25 рабочих, при условии, что «владельцы заводов, как равно и рабочие, за исключением одного или двух инструкторов, должны быть турецкой национальности»¹⁴¹. Через три года вновь обсуждался подобный законопроект. Для местной перерабатывающей промышленности намечались такие льготы, как безвозмездный отвод земель под фабрики, освобождение от промысловых налогов, беспошлинный ввоз машин и т. д.¹⁴². Норадункян в одном из своих заявлений

¹⁴⁰ Там же, ф. 898, л. 34, л. 15; А. Sarrou, указ. пропзв., стр. 218—221.

¹⁴¹ «Вестник финансов...», 1910, № 1, стр. 33.

¹⁴² С. Петров. Русский экспорт на Ближний Восток при новом режиме Турции, «Восточный сборник», кн. I, 1913, стр. 63.

говорил о разрешении на строительство шести новых фабрик, о предоставлении концессии на создание стекольной фабрики в Дамаске, фабрики фесок в Салониках и суконной фабрики в Трапезунде¹⁴³. Предпринимались также попытки вытеснить иностранцев из отдельных отраслей производства. К примеру, в 1914 г. проектом закона предусматривалось, что рабочие и служащие рудников должны быть подданными Турции, а лишь инженеры и другие специалисты могут быть иностранцами¹⁴⁴. Все эти меры носили частный характер. От них несколько отличался закон 1913 г. о поощрении промышленности. Он обобщал предыдущее законодательство и мероприятия, не приведшие, однако, к улучшению состояния промышленности. К началу первой мировой войны позиции турецкого капитала были еще очень слабыми. Он играл подчиненную роль, уступая не только иностранному, но и местному нетурецкому капиталу. Промышленность страны, главным образом, в Константинополе и Измире, контролировалась греками (50%), армянами (20%), иностранцами (10%) и евреями (5%)¹⁴⁵. Естественно, что греческая, армянская и еврейская буржуазия стремилась расширить сферу своей деятельности, создать новые фабрики и заводы. Но ее обращения к правительству и парламенту по этому поводу редко приводили к положительным результатам. Турецкие и вообще мусульманские предприниматели, располагавшие примерно 15% промышленного капитала, конкурировали с ними, боролись за господство на национальном рынке. Однако экономическая слабость турецкой буржуазии серьезно препятствовала развитию этой буржуазии и страны в целом. Младотурецкие идеологи рьяно проповедовали пантуранизм и пантюркизм, призывали турок «возвыситься до своих великих предков», углубиться в древнюю историю, искать вдохновение в «колыбели своей расы»¹⁴⁶. Как отмечает Э. Гасанова, был выдвинут лозунг «Назад, к Турану». Чтобы познать «величие» предков, «предлагалось идти назад за четыре, десять и даже сорок столетий»¹⁴⁷. Вдохновители этих идей фактически тянули свой народ и страну назад, тормозили ее прогресс.

В рассматриваемый период рабочий класс Османской империи постепенно стал выступать как самостоятельная политическая сила. Особенно много беспокойства причиняли властям рабочие Кон-

143 ЦГВИА, ф. 2000, д. 1020, л. 31.

144 «Республика», 26. IX. 1914.

145 См. Х. З. Габидуллин, указ. произв., стр. 96.

146 Э. Ю. Гасанова, указ. произв., стр. 127.

147 Там же.

стантинополя, Измира и других промышленных центров. По подсчетам Горцева, в столице имелось 841 предприятие. На крупных предприятиях (к ним он относил также мельницы, пивоваренные заводы) было сосредоточено 35—40 тысяч рабочих, на мелких—более 20 тысяч. Причисляя к рабочим носильщиков (7.000), табачников (3.000), пекарей (5.000) и типографщиков, Горцев насчитывает в общем до 100.000 рабочих. Вместе с семьями, писал он, «рабочее население Константинополя составит около 40% общего числа жителей столицы»¹⁴⁸. Это подтверждает Р. П. Корниенко, который отмечает, что в период оккупации в Стамбуле насчитывалось 100 тыс. рабочих, в том числе 10 тыс. квалифицированных¹⁴⁹. Среди них наиболее организованными были трамвайщики, железнодорожники, печатники, табачники и другие. После младотурецкого переворота трамвайщики, выступая неоднократно, добились повышения общего фонда зарплаты на 3.000 тур. лир. Забастовав весной 1910 г., они добились не только повышения зарплаты, но и «установления контроля над деятельностью трамвайного общества». Трамвайщики требовали «освобождения от работы иностранных служащих, возвращения прибывших из Европы специалистов...»¹⁵⁰. В начале мая муниципалитет при помощи полиции и штрейкбрехеров попытался восстановить движение трамвая. Однако рабочие окружили конку, распрягли лошадей, разбили окна, избили штрейкбрехеров. Даже конной полиции не удалось добиться возобновления работы трамвая¹⁵¹.

Ф. Найт (книга которого вышла в 1909 г.) писал с недоброжелательством о стачке портовых рабочих и угольщиков Галаты. По его мнению, «эти рабочие, забастовав однажды и добившись удовлетворения своих требований, пришли к заключению, что при новой конституции они могут сколько угодно заниматься вымогательствами; поэтому они забастовали снова, пребывая такой высокой платы, которая прекратила бы всю торговлю в порту»¹⁵². В октябре 1910 г. вновь началась забастовка портовых грузчиков. Они потребовали уплаты с каждой тонны выпруженного угля по 100 пара (2,5 куруша), а за погрузку—3 куруша и 10 пара днем, 4 куруша и 10 пара ночью¹⁵³. Через год вновь вспыхнула «забастовка 2.500 грузчиков угля, среди которых были курды, турки, греки, армяне»,

¹⁴⁸ «Современник», 1912, кн. 4, стр. 255.

¹⁴⁹ Р. П. Корниенко, указ. произв., стр. 9.

¹⁵⁰ «Република», 8. V. 1910.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Ф. Найт, указ. произв., стр. 161.

¹⁵³ «Република», 29. X. 1910.

совместно боровшиеся «за свои классовые цели»¹⁵⁴. Выступления типографских рабочих, кожевников, портных, служащих государственных учреждений находили отражение в печати. Забастовки, стачки и манифестации стали постоянным явлением в политической жизни Стамбула, Смирны, Салоник, Бейрута, Трапезунда, Бурсы, Сиваса, Адабазара, Партизака, Вана, Диярбекира и других городов страны. В ряде мест выступления трудящихся являлись примером их интернациональной солидарности. На заседании парламента депутат Валахов рассказал о том большом впечатлении, которое произвели на него совместные действия в Салониках турок, греков, болгар, армян, евреев и курдов, объединенных в едином рабочем союзе. Подобные объединения были созданы в столице, Кавале, Смирне, Алеппо и других городах. Вопреки противодействию властей, успехи рабочего движения привели к созданию большого числа профессиональных союзов. «Несмотря на низкий уровень промышленного развития,—отмечает Орхан Туна,—и тяжелые условия того времени, профсоюзное и забастовочное движение поистине было весьма оживленным»¹⁵⁵. Депутат Бояджиян, осуждая политику преследования профсоюзов, заявил: «С одной стороны мы стремимся к союзу всех османцев, но в то же время почему-то запрещаем создание других подобных (профессиональных — О. И.) союзов»¹⁵⁶. Младотурецкое правительство, почти не заботившееся о развитии экономики, особенно промышленности, проявило большую активность в борьбе с рабочим движением. С этой целью кабинет 25 сентября 1908 г. издал специальное распоряжение¹⁵⁷, а парламент принял ряд законов, например, о сборах и публичных собраниях (27 мая 1909 г.), о типографиях (16 июля), о забастовках (27 июля), об обществах, о бродячих и подозрительных лицах и другие¹⁵⁸.

Младотурки выступали как противники растущего народного движения, как враги начинавшейся «пролетарской борьбы в империи оттоманов...»¹⁵⁹. При этом их правительства использовали не только власть, армию, полицию и жандармерию, но и силу тради-

¹⁵⁴ «*Икитидир*», 1912, № 786.

¹⁵⁵ *Orhan Tuna*, Türk Sendikacılığının beşlaca meseleleri ve son gelişmeler, İstanbul Üniversitesi İktisat fakültesi mecmuası, 1965. № 3—4, s. 4.

¹⁵⁶ «*Икитидир*», 1911, № 776.

¹⁵⁷ См. *Dr. Orhan Tuna*, указ. произв., стр. 5.

¹⁵⁸ Подробно см. *А. Д. Новичев*, Зарождение рабочего и социалистического движения в Турции, «Ученые записки ЛГУ», вып. 14, 1962, стр. 10—11; *Р. П. Корниенко*, указ. произв., стр. 13—15; *Г. З. Алиев*, указ. произв., стр. 166—170.

¹⁵⁹ *В. И. Ленин*, ПСС, т. 17, стр. 223.

ций, религию, шариат. Им нередко удавалось противопоставлять друг другу различные национальности, мешать сплочению трудящихся масс. Было немало примеров создания союзов взаимопомощи и других рабочих организаций по производственному и национальному признакам, наподобие средневековых цехов. Такая практика поощрялась властями и работодателями. Робкие попытки социалистов использовать конституцию и парламент для принятия рабочего законодательства (законопроекты «Об охране и защите труда», «Об ограничении рабочего времени, отпусках» и т. д.) ни к чему не привели. Буржуазная оппозиция дальше критики в прессе и парламенте не пошла.

Выражая мнение господствующих кругов, министр внутренних дел Ферит-паша при обсуждении закона о забастовках в июне 1909 г. выразил серьезное беспокойство по поводу того, что народные волнения и союзы рабочих могут «напугать европейских капиталистов, встревожить страну, помешать развитию промышленности, одним словом, приведут к смуте»¹⁶⁰. В этих словах нашла отражение точка зрения турецкой и нетурецкой буржуазии империи, единодушной в борьбе против общего классового врага—многонационального пролетариата Турции.

Почти идентичной была позиция разных групп буржуазии и в аграрном вопросе, хотя здесь существовали некоторые оттенки во мнениях. Как уже отмечалось, младотурецкая революция практически не отразилась на аграрных отношениях. Некоторое усиление позиций капиталистических элементов в деревне не изменили положения крестьян. Их продолжали эксплуатировать так же, «как было и сто и триста и пятьсот лет тому назад», заставляли их «крестьянской лошадью, крестьянскими орудиями обрабатывать помещичью землю»¹⁶¹. В. И. Ленин назвал такую форму эксплуатации «старокитайской», или «турецкой». Крестьянство продолжало нести основное бремя налогов. Оно платило шесть седьмых всех официальных прямых и косвенных налогов¹⁶². Усиление влияния капиталистических элементов расширяло сферу эксплуатации крестьянства, ускоряло процесс его расслоения. Значительно выросло кулачество, еще больше стало бедняков и батраков. Общий подъем политической активности в стране привел к подъему и крестьянского движения, основой которого являлась нерешенность земельного вопроса. Выступления арабских народов, населения Македо-

¹⁶⁰ «*Üçüncü Şeyh*», 24. 6. 1909, № 2.

¹⁶¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 23, стр. 275.

¹⁶² См. А. Д. Новичев, Аграрный вопрос в Турции накануне кемалистской революции; «Записки Института востоковедения АН СССР», т. V, М., 1935, стр. 66.

нии и Албании, волнения в Западной Армении и в других вилайетах империи, будучи по форме национально-освободительной борьбой, по своей социальной сущности выражали стремления крестьянства положить конец дикому произволу, обеспечить элементарные права земледельцев, гарантировать неприкосновенность их личности, семьи, собственности. В течение всего периода господства младотурок не прекращались крестьянские выступления, так как правители империи защищали помещиков-землевладельцев, шейхов, беков, миредов-ага, игнорируя и ущемляя интересы крестьян. Исследователи аграрных отношений в Турции так или иначе сталкиваются с проблемой армянских земель, отобранных курдскими помещиками или турецкими властями после избиений армян в 1895—1896 гг. Отношение младотурок к этому вопросу весьма важно для выяснения всей их аграрной политики. Э. Найт, открыто симпатизировавший комитету «Единение и прогресс» и оптимистически представлявший его деятельность, довольно ясно показал нежелание младотурецких главарей вернуть земли ограбленным армянским крестьянам. «Комитет,—писал он,—сознавая, что в тактической политике необходимо распространить закон о праве давности даже на грабителей, и не желая прибавлять еще курдского вопроса ко всем тем и без того многочисленным трудным вопросам, которые Турции предстоит разрешить, дал понять, что благоразумнее будет оставить беспокоящим курдам то, чем они овладели много времени тому назад, армян же вознаградить землей такого же качества в когда-то производительных областях, остающихся теперь невозделанными и необитаемыми»¹⁶³. Такой циничный курс означал узаконение разбойничьих захватов, что стало обычным для младотурецких лидеров. Тем самым они отвергали основные принципы буржуазного правопорядка и собственности, доказывая свою приверженность к традициям прубого «варварского феодализма». Младотурки и в дальнейшем не раз подтверждали свою верность этим традициям. Достаточно, например, отметить, что в течение ряда лет вопрос об этих землях в разных аспектах обсуждался в парламенте, но решение так и не было принято, ибо оно было нежелательно для феодальных землевладельцев. В конце января 1911 г. представитель курдских феодалов Ходжа Таха Эфенди коснулся этого вопроса, пытаясь опровергнуть слухи о том, что после переворота курдские беки продолжали насильно отнимать земли у армянских крестьян. Депутаты от Вана, Эрзерума и столицы привели факты, доказывавшие обратное. Разгорелся

¹⁶³ Э. Ф. Найт, указ. произв., стр. 198.

спор. Председатель парламента Ахмед Риза прервал его и запретил выступления по этому вопросу¹⁶⁴.

✓ 24 апреля того же года Государственный совет в обход парламента принял решение, дававшее местным административным советам право самим решать земельные споры. Иначе говоря, помещикам поручалось быть судьями при разбирательстве земельных вопросов. Это неконституционное решение давало возможность обходить даже существовавшее земельное законодательство. Представив «тапу сенети» или приведя ложных свидетелей, можно было получить новый документ, заверявший «право» бека, купца, ростовщика, аги на спорный участок даже в том случае, если крестьянин имел документы, удостоверявшие, что он за этот участок уже много лет платит налоги. В своей телеграмме министерство лесов, рудников и земледелия прямо предписывало местным властям толковать решение Государственного совета как указание о «сохранении нынешнего порядка вещей». При несогласии с этим «стороны могли обратиться в суд»¹⁶⁵. Более выгодного решения вопроса землевладельцам и не требовалось. Остальное они могли сделать сами, используя свое влияние, власть, деньги. В связи с этим к председателю кабинета министров Саид-паше обратился депутат парламента Григор Зохраб. Считая неконституционным поведение правительства и других органов власти, он объяснял насилие и произвол, царившие в Западной Армении, двумя обстоятельствами. Во-первых, армяне со времени восстановления конституции показали себя как ее последовательные сторонники и защитники. По этой причине антиконституционные элементы, каковыми являются главным образом чиновники центральных и местных органов власти, выступают против армян. Во-вторых, в такой политике находят свое отражение националистические устремления правящих верхов¹⁶⁶.

✓ Примечателен и другой пример. Парламент и правительство стремились к усилению влияния религии и духовенства и в связи с этим содействовали расширению деятельности министерства культов. В конце февраля 1911 г. парламента принял постановление о передаче под контроль этого министерства не только земли вакф, но и недвижимость немусульманских религиозных и благотворительных организаций¹⁶⁷. Это означало установление двойного контроля—правительства и реакционного мусульманского духовенства—над культурной и общественной жизнью христианских народов.

164 См. «Ազատամարտ», 1911, № 499.

165 Там же, № 629.

166 Там же, № 776.

167 Там же, № 528.

Приведенные факты подтверждают органическую приверженность младотурок феодальным институтам и порядкам. Либеральные помещики и национальная турецкая буржуазия, составлявшие социальную опору младотурок, отстаивали старый порядок вещей, особенно в земельных отношениях, тем более что их вполне устраивала возможность вкладывать свои капиталы в землю и ростовщичество, поскольку, как отмечал А. Д. Новичев, в торговле господствовали иностранный капитал и инациональная компрадорская буржуазия¹⁶⁸. Следует при этом учесть растущую прибыльность купли и продажи земли, легкость, с которой турки-богатеи осуществляли эти операции, наконец, то обстоятельство, что богатство и знатность обычно связывались с наличием крупной земельной собственности. И не случайно, что приобрести ее стремились руководители младотурок, начиная от Энвера-паши и до рядового чиновника местного управления. Продолжавшаяся концентрация земельных богатств в руках мусульманской, особенно турецкой буржуазии и либеральных помещиков, являлась естественным процессом, который стимулировался политикой правящей верхушки империи. Так, в Македонии после младотурецкого переворота шестая часть земель по-прежнему принадлежала мечетям, остальные земли распределялись «между 15.000 крупных помещиков («шифтликеров»); почти все они мусульмане, только в окрестностях Салоник и других южных городов найдутся сотни две помещиков из христиан и евреев»¹⁶⁹. На востоке подавляющее большинство землевладельцев также были мусульмане, которые захватили земли, как отмечает А. Алимов, «путем ничем не прикрытой эксплуатации» и насилия. На западе «помещики обыкновенно оформляли захват земли юридически»¹⁷⁰. А. Алимов указывал, что процесс усиления спроса на турецкое сырье как внутри, так и вне страны, «сопровождался по всей Турции сгоном крестьян с населенных ими земель, без различия, сидели ли крестьяне на этих землях как издольщики, или эти земли были собственностью крестьянства»¹⁷¹.

Произвол в отношении крестьян-немусульман допускали и при расселении иммигрантов. Об этом на заседании парламента рассказали Валахов и Тальчев, выступления которых были встречены враждебно депутатами-мусульманами. Представители от Македонии протестовали против размещения иммигрантов-мухаджиров на землях, отнятых у христиан. Д. Валахов говорил о бедственном положении как местных крестьян, так и переселенцев. «В 1910 г.,

¹⁶⁸ См. А. Д. Новичев, Аграрный вопрос в Турции..., стр. 57.

¹⁶⁹ Т. Л. Хигрово, Европейская Турция, М., 1909, стр. 78.

¹⁷⁰ См. Сборник статей «Пробуждение Азии», стр. 8.

¹⁷¹ Там же.

отметил он, — из 8020 мухаджиров, поселенных в Салониках, скончалось 609, то есть из каждой 1000 погибло 75». Между тем в стране на 1000 человек приходилось в среднем 35 смертных случаев¹⁷². Другие депутаты также подвергали критике националистический подход правительства к переселенческой политике. Доказательством этого является запрет на переселение земледельцев-евреев.

Концентрация земли в руках турецкого буржуа и помещика объяснялась рядом причин, в частности усилением спроса на сельскохозяйственные продукты и сырье, их стремлением к торговой деятельности. Рост мусульманского землевладения происходил как в районах, где господствовали феодальные отношения, так и в промышленно развитых областях. В 20 вилайетах, расположенных на нынешней территории Турции, накануне мировой войны число собственников, владевших свыше 51 денюма земли, составляло в среднем 25%. В отдельных вилайетах этот показатель был выше: в Битлисе—38, Ване—27, Мамурет эль Азизе—28, Диярбекире—47. В экономически более развитых вилайетах было: Анкаре—29, Бурсе—25, Коньен—31, Урфе—27, Адане—46, Айдыне—46, Бига—30, Измире—33¹⁷³. Например, в Измирском вилайете в этот период из 890 тысяч денюмов обрабатываемых площадей туркам-землевладельцам принадлежало около 534 тыс. денюмов¹⁷⁴. Опираясь на привилегии и деньги, путем силы и произвола богатые мусульмане становились крупными землевладельцами империи.

Этому способствовал также «временный закон» 1913 г., предоставлявший собственнику право распоряжаться недвижимым имуществом, продавать или закладывать его. И. Джем считает принятие этого закона завершающим актом «законодательного обоснования частной собственности»¹⁷⁵.

Однако использовать право собственности могли лишь состоятельные люди, особенно мусульмане-землевладельцы. Говоря о нерешенности аграрной проблемы в Турции, журналист Али Субхи позже писал с горечью, что земельную реформу на его родине ожидали «ежедневно, из месяца в месяц, из года в год», что она «превратилась в ценное наследство, которое ожидают после каждой смены правительства...»¹⁷⁶.

¹⁷² «*Uçurumlar*», 1911, № 579.

¹⁷³ *Teşvik Çavdar*, указ. произв., стр. 5.

¹⁷⁴ См. «*Milliyet*», 13.IX.1970.

¹⁷⁵ I. СЕМ, *Türkiye'de geri kalmışlığın tarihi*, s. 224.

¹⁷⁶ Ю. Н. Розалиев, Государственный капитализм и развитие современных форм предпринимательства в Турции (рукопись диссертации), М., 1962, стр. 19—20.

В земельном вопросе определенную позицию занимала и интонациональная буржуазия. Ее представители, за редким исключением, стремились к капитализации производственных отношений в сельском хозяйстве. Да и помещики-христиане по своим политическим воззрениям и экономической деятельностью часто примыкали к буржуазным элементам.

В период младотурецкого правления, несмотря на известные препятствия, происходил определенный рост продуктивности и товарности сельского хозяйства, увеличивался объем внутренней и внешней торговли. В отдельных экономических районах эти сдвиги были значительными. По оценке А. Д. Новичева, перед первой мировой войной товарное производство зерна на нынешней территории Турции не превышало 8% всего урожая пшеницы и 10% ячменя. По Конийскому вилайету оно составляло соответственно 26,4% и 25,5%¹⁷⁷. Продукция хлопка в Аданском районе возросла с 400 тонн в 1896 г. до 33.750 тонн в 1914 г., табака—с 22,5 млн. кг. в 1884 г. до 63,5 млн. кг. в 1911 г.¹⁷⁸.

Внешнеторговый оборот Турции возрос с 49871 тыс. лир в 1908 г. до 62246 тыс. лир в 1913 г.¹⁷⁹, т. е. на 12375 тыс. лир. По сравнению с пятилетием после окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг., внешнеторговый оборот страны в указанный период возрос почти в 4 раза. Как видим, в период между двумя войнами значительно усилились темпы роста сельского хозяйства и торговли.

Наиболее дальновидные идеологи турецкой буржуазии понимали, что будущее их родины зависит от ее прогресса, культурного и экономического подъема всей страны, в частности, турецкой деревни. Так, Зия Гёк Альп «призывал турецкую интеллигенцию идти в народ, нести европейскую культуру и науку в турецкую деревню, строить школы»¹⁸⁰. Эти деятели искали пути ликвидации отсталости крестьянства, предлагали идти в народ. Тот же Гёк Альп считал, что современная ему деревня погибнет. Она говорит: избавь меня от сборщиков налогов, ростовщика и торговца. Она требует... немедленного осуществления трех вещей: отменить ашар, открыть банки и создать повсюду земледельческие союзы»¹⁸¹. Это были буржуазные требования, вытекавшие из анализа тяжелого экономического и политического положения крестьянства Турции.

¹⁷⁷ А. Д. Новичев, Очерки экономики Турции..., стр. 76.

¹⁷⁸ Там же, стр. 79.

¹⁷⁹ См. „İstatistik Yillığı“ 1931—1932, s. 272.

¹⁸⁰ Э. Ю. Гасанова, указ. произв., стр. 76.

¹⁸¹ Там же.

Они так и не были претворены в жизнь. Младотурецкие правители также понимали необходимость преобразований, они сделали некоторые шаги на пути ликвидации отсталости сельского хозяйства страны. Наряду с разработкой программных положений ими были приняты отдельные законы, содействовавшие утверждению буржуазных принципов в аграрных отношениях. Как сообщалось в прессе, Джелаль Нури бей и другие подготовили законопроект об организации земельного кредитного банка. Предусматривалось, что банку будет предоставлено право на «покупку поместий, лесов, земель, пустырей..., которые после застройки могли быть проданы небольшими участками». Банк мог продавать улучшенные и пригодные для обработки земли, строить дома для сдачи их в наем, выдавать кредиты и т. д.¹⁸² Кабинет Саид-паши, по представлению министра земледелия Аристиди Эфенди, 27 мая 1912 г. утвердил новые правила работы земледельческих контор в столице и в провинции, отменив правила 1882 года. В состав контор, считавшихся частью местных органов власти, должны были войти выборные члены, в том числе в столичном вилайете 12, в других вилайетских центрах 8, в казах—6 и в нахиейе 4. Сюда входили чиновники, ответственные за земледелие, скотоводство и лесное дело. Они были обязаны поощрять и предоставлять властям селекционеров, выводивших новые породы животных и виды растений, лиц, занимавшихся изобретательством в области сельскохозяйственной техники, имевших заслуги в развитии земледелия, лесоводства, садоводства, в подготовке кадров и т. д.¹⁸³

В 1913—1914 гг. был принят ряд законов, в том числе закон от 5 февраля 1913 г., согласно которому впервые в истории империи вводилось межевание, официально определялось понятие земельного участка и предусматривалось в будущем введение земельного кадастра¹⁸⁴. По другим законам, принятым в феврале того же года, расширялся круг наследников владельцев казенных и вакуфных земель, предоставлялось право купли и продажи определенных земельных участков. Был реформирован сельскохозяйственный банк с целью облегчения получения кредитов землевладельцами, желавшими создать крупные латифундии, закупить сельхозмашины и орудия. Закон от 30 марта 1914 г. несколько упорядочил систему владения мирри и вакфов. Владельцы получили право

¹⁸² «*Рисидефтер*», 26. X. 1910.

¹⁸³ «*Икитидирт*», 1912, № 912, 915.

¹⁸⁴ Н. А. Ленский, О правовом положении землевладения в Турецкой Армении, стр. 13.

продавать, закладывать выкупать или сдавать в аренду свой земельный участок¹⁸⁵.

Тем не менее эта законодательная активность фактически не оставила заметных следов в сельском хозяйстве Турции. Не случайно один из современных турецких авторов Ниязи Беркес пришел к выводу, что «введение кадастра и ипотечной системы пошло на пользу только богатым ага», не приведя к существенным изменениям¹⁸⁶.

Н. А. Ленский, изучавший османское земельное право, считал, что причины этого явления нужно искать «исключительно в политическом положении турецкой государственной организации»¹⁸⁷. Прямой причиной отсталости сельского хозяйства он считал надстройку османского общества. А. Д. Новичев провал младотурецких реформ объяснял тем, что они «не могли привести к уничтожению докапиталистических пережитков и ни в коей мере не улучшили положения основного производителя в турецком сельском хозяйстве—крестьянина»¹⁸⁸. Г. З. Алиев, отмечая прогрессивный характер законодательных актов младотурок, вместе с тем правильно указывает, что «младотурки оплодотворили не желали покушаться на самые основы феодальных отношений в деревне»¹⁸⁹ и что они не успели провести в жизнь эти реформы в связи с началом мировой войны.

Однако в этой области ничего не изменилось и в последующем. Кемалисты, сменившие младотурок, также «не думали об уничтожении крупного феодально-помещичьего землевладения, о проведении аграрной реформы»¹⁹⁰. Спустя несколько десятилетий, пишет А. М. Шамсутдинов, в Турции утвердились две группы крупных землевладельцев: родовитых помещиков-феодалов, «во владении которых находилось по несколько тысяч гектаров пахотной и непашотной земли, до 200 деревень, тысячи голов крупного рогатого скота и баранов», и представителей «торгово-ростовщического капитала и выходцев из чиновничьей среды»¹⁹¹. Обе группы стояли за сохранение старых земельных отношений.

---

¹⁸⁵ См. А. Д. Новичев, указ. произв., стр. 85—86; Г. З. Алиев, указ. произв., стр. 153—164.

¹⁸⁶ Niyazi Berkes, указ. произв., стр. 56.

¹⁸⁷ Н. А. Ленский, указ. произв., стр. 12.

¹⁸⁸ А. Д. Новичев, указ. произв., стр. 86.

¹⁸⁹ Г. З. Алиев, указ. произв., стр. 166.

¹⁹⁰ А. М. Шамсутдинов. Национально-освободительная борьба в Турции. 1918—1923 гг., стр. 256.

¹⁹¹ Там же, стр. 255—256.

Таким образом, младотурки, выражая интересы либеральных помещиков и связанной с ними турецкой буржуазии, не были заинтересованы в демократическом решении земельного вопроса. Тем самым они тормозили развитие сельского хозяйства и всей страны по пути капитализма. Ниязи Беркес справедливо замечает, что если средний землевладелец не имел возможности избавиться от долгов, получать кредиты и техническую помощь, то «в этих условиях ни о каких современных формах ведения сельского хозяйства нельзя было и мечтать»¹⁹².

А. Ф. Миллер, анализируя деятельность младотурецких правителей, отмечал, что прежний режим задерживал процесс формирования и развития турецкой буржуазии. Господство иностранного капитала и инациональной компрадорской буржуазии вытеснило ее из сферы промышленной и финансовой деятельности. Для турецкой буржуазии единственным полем деятельности практически оставалась торговля. Но и здесь ей суждено было играть второстепенную роль. Эти условия, в которых происходило формирование турецкой буржуазии, «предопределили ограниченность политических целей» младотурок. Последние же «предельно сузили» задачу развития национального капитализма¹⁹³. Турецкая буржуазия, в силу объективных факторов развития и овоей слабой организованности, вольно или невольно, сама тормозила победу капиталистических отношений в стране. Законы и мероприятия, проведенные в этом направлении по ее инициативе, были робкими, половинчатыми. Она боялась народных масс и не опиралась на них. Она не хотела укрепления позиции инациональной буржуазии, препятствовала ее деятельности при помощи органов феодального государства. Выступая за независимость османского государства и его национальной экономики, турецкая буржуазия вместе с тем не могла обойтись без помощи иностранных держав и монополий. Сами младотурки, писал А. Ф. Миллер, «стремились, главным образом, к участию в прибыльной компрадорской торговле»¹⁹⁴. Они широко использовали возможности приобретения земель, что являлось важным источником обогащения турецкой буржуазии. В период конфискации имущества некоторых сторонников старого режима младотурецкие заправилы старались прибрать к рукам богатство сановников, высшей бюрократии. «Новые господа искали главным образом открытых богатств», — писал Хаджетлаше¹⁹⁵. Мла-

¹⁹² *Niyazi Berkes*, указ. произв., стр. 57.

¹⁹³ А. Ф. Миллер. Кемаль Ататюрк, ранние годы. «Народы Азии и Африки», 1970, № 6, стр. 78

¹⁹⁴ Всемирная история, т. VII, М., 1960, стр. 357.

¹⁹⁵ М. Б. Хаджетлаше. Убийца на троне, Пг., 1919, стр. 6.

дотурки, опираясь на власть, использовали все средства для личного обогащения. С этой целью, как указывает Ирандуст, были созданы 9 монопольных организаций¹⁹⁶. По нашим данным, 8 таких организаций имелись в банковской и железнодорожной системе и не менее 20 в системе других концессий. Пять из них находились под полным контролем младотурецкой верхушки (3 пароходные компании, ковровое производство, основанное в Константинополе в 1909 г., и созданный в том же году Турецкий национальный банк), в семи она имела значительное влияние. Примечательно, что за первые три года своего правления младотурки санкционировали создание около 25 иностранных и смешанных компаний, в то время как султанские правительства за 60 предыдущих лет выдали до 50 подобных разрешений¹⁹⁷.

К приобретению богатств стремились не только младотурецкие верхи, но и местные руководители. Так, после балканских войн руководство торгово-промышленной палаты Измира перешло к младотуркам при содействии вали Рахми-бея¹⁹⁸. Все пять турецких банков этого города и вилайета также возглавляли младотурецкие деятели¹⁹⁹. При их содействии усиливались позиции предпринимателей-турок. В газете «Smygne Turque» сообщалось, что из 415 фабрик, ремесленных мастерских и других мелких производств накануне войны 202 находились в руках турок. Турки-коммерсанты добились того, что провинциальные купцы свой товар непременно посылали им, а они в свою очередь продавали его иностранным экспортерам²⁰⁰.

Ю. Н. Розалиев писал, что по мере развития внутреннего рынка «все большую роль начала играть другая прослойка компрадорской буржуазии, которая сосредоточилась главным образом в портах Анатолии (Измир, Адана, Самсун, Трабзон). Она в основном скупала сельскохозяйственную продукцию глубинных районов страны и перепродавала ее иностранным фирмам»²⁰¹. Этот процесс ускорился особенно после младотурецкого переворота. Турецкие компрადоры постепенно расширяли круг своей деятельности, а в годы первой мировой войны почти полностью вытеснили своих конкурентов. Турецкой буржуазии немало перепало и от грабежей, учиняемых курдскими и другими феодалами в отношении беззащитного населения. В начале 1909 г. из Сулеймание писали

¹⁹⁶ См. Ирандуст, Движущие силы кемалистской революции, М.—Л., 1928, стр. 47.

¹⁹⁷ См. „Annuaire Oriental“ 1912... p. 167—192.

¹⁹⁸ См. „Milliyet“, 11.IX.1970.

¹⁹⁹ Там же, 12.IX.1970 г.

²⁰⁰ Там же, 13.IX.1970 г.

²⁰¹ Ю. Н. Розалиев, Особенности развития капитализма в Турции, стр. 6.

о напряженной борьбе местных властей с «разнузданными курдскими шейхами и агаларами». Но не имея достаточных сил для их усмирения, младотурки «пошли на уступки и компромиссы... заставляя их откупаться частью награбленных богатств, которыми рассчитывали пополнить свою казну—прием, практикуемый ими, впрочем, относительно всех их противников вообще, без различия национальности»²⁰².

В сообщении указывались также лица, относившиеся к «новой формации», говорилось о путях обогащения этих нуворишей. Это были люди, «вышедшие из нижних слоев населения и составившие себе состояние и положение под сенью развратной и продажной турецкой администрации...» Назывались имена двух таких новоиспеченных богачей из Багдада—Хаджи Магомета-паши Сапунджи, бывшего агента губернаторов и других власть имущих, и некоего Саадуллы, «бывшего контрабандиста и вора, ныне поставщика на войска, арендатора казенных и городских имуществ и богатого домовладельца»²⁰³.

Младотурецкие руководители постепенно занимали посты президентов, вице-президентов, директоров и управляющих банков, компаний, предприятий, сами становились капиталистическими дельцами и предпринимателями. Так, в 1912 г. в руководстве Турецкого национального банка наряду с Галустом Гюлбенкяном мы встречаем имена Ахмеда Джемалья, Гусейна Джахида, некоего Рашида Сади бея. Компанией по производству строительных материалов вместе с крупными капиталистами-компрадорами Н. Маврокордато и Е. Спартали руководил Эм. Карассо. В управлении паровой компании «Ширкет-и-Хайрие» находились Зия-паша и Талаат-бей, в обществах городского транспорта—Джемаль, Нур бей, Осман Адил бей, Нури бей и другие, в османском обществе предпринимательства и торговли, организованном в 1909 г.—Джелаледдин Ариф бей. В компаниях по строительству портов и набережных имел свой пай Саид-паша. С течением времени в руководство более, чем 60% акционерных обществ вошли и представители турецкой буржуазии. К сожалению, данные о деятельности отдельных предпринимателей, об их капиталах и прибылях очень скудные. Однако многие другие факты говорят о росте активности турецкой национальной буржуазии в экономической жизни страны в изучаемый период. Так, в декабре 1908 г. началась деятельность комиссии по улучшению торговли и упорядочению торгового законодатель-

²⁰² ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1002, л. 233

²⁰³ Там же, л. 231.

ства, состоявшей из восьми высокопоставленных лиц²⁰⁴. В Трапезунде предпринимателями-турками было организовано транспортное общество, которое приобрело около десятка пассажирских автомобилей.

Многие исследователи писали, что младотурецкая революция явилась свидетельством того, что процесс складывания турецкой буржуазной нации вступил в новую фазу. «Экономические предпосылки для консолидации турок,—писал Д. Е. Еремеев,—уже существовали: в Анатолии народилась турецкая торговая буржуазия, укрепились экономические связи между отдельными районами Анатолии и Восточной Фракии, где большинство населения были турки»²⁰⁵. Okрепли позиции компаний и обществ с турецким и нетурецким капиталом, возникло около двух десятков новых смешанных обществ. Это говорило о том, что экономическое развитие страны и формирование турецкой буржуазии сопровождалось некоторым ее сближением на деловой почве с различными группами инонациональной буржуазии. Дело даже доходило до политического союза различных национальных партий и организаций, как это имело место в период подъема младотурецкой революции. Рассмотрение этого вопроса не входит в нашу задачу и поэтому мы ограничиваемся лишь констатацией факта. На этом фоне не совсем убедительным и обоснованным представляется резкое противопоставление некоторыми авторами различных национальных групп османской буржуазии. Ведь наряду с узко национальными, несомненно, существовали и общетурецкие интересы и задачи. Не случайно, что более развитую нетурецкую буржуазию и ее интеллигенцию Ирандуст называет «революционным ферментом» для Турции, так как они поставляли «из своих рядов борцов за европеизацию и демократизацию империи султанов»²⁰⁶. Нельзя поэтому безоговорочно противопоставлять стамбульской компрадорской буржуазии анатолийскую национальную буржуазию, как это делает И. Сертель²⁰⁷. Следует учесть, что накануне мировой войны среди компрадоров уже имелись представители той же турецкой буржуазии. Сами турецкие авторы считают, что компрадоры—это «лишь часть местной буржуазии»²⁰⁸. Хотя турецкая национальная буржуазия и отставала, однако она стремилась к преобладанию в экономике, где пока еще занимали прочные позиции иностранцы и ино-

²⁰⁴ «*Варчир дшрр*», 1908, № 3, кт 10.

²⁰⁵ «Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока», М., 1970, стр. 65.

²⁰⁶ *Ирандуст*, назв. произв., стр. 36.

²⁰⁷ *Y. Sertel*, указ. произв., стр. 16.

²⁰⁸ *M. Sencer*, указ. произв., стр. 34.

национальная буржуазия империи. «Всякая буржуазия,—писал В. И. Ленин,—хочет в национальном деле либо привилегий для своей нации, либо исключительных выгод для нее»²⁰⁹...

В условиях Османской империи вся политика, идеология и средства воздействия на жизнь и экономику страны, осуществляемые турецкими господствующими кругами, имели особый оттенок. Они были обусловлены теми националистическими, шовинистическими идеями, от которых, по признанию одной из вдохновительниц этих идей Халиде Эдиб, «часто страдала Турция»²¹⁰.

В борьбе за сохранение своего господства правители Османской империи проводили шовинистическую и расистскую идеологию. Так, Абдул Гамид в своей деятельности руководствовался панисламизмом, из которого были вытравлены его антиимпериалистические оттенки. Турецкое правительство, руководимое халифом всех мусульман—султаном, сделало панисламизм идеологией, сущностью которой был турецкий «феодалный национализм», поставленный «на службу экспансионистской внешней и шовинистической внутренней политике»²¹¹.

Младотурки фактически продолжили эту линию, они провозгласили «османизм» в качестве своей официальной идеологии и политики. В результате этого они потеряли доверие и симпатию нетурецких народов, политических деятелей и партий. Поражение в балканских войнах заставило младотурок несколько видоизменить свою доктрину национализма, сделать своим знаменем пантюранизм и пантюркизм. Однако это несколько не изменило шовинистической сущности их идеологии и политики. С особенной наглядностью это проявилось в период диктатуры триумvirата Талаата—Энвера—Джемаля, «который видел средство укрепления своего режима в беспощадном подавлении национальных движений, в разжигании шовинизма»²¹².

Национальный вопрос еще больше обострился в результате усиления политики национального угнетения со стороны младотурок, как и вследствие того, что сильная в экономической сфере инонациональная буржуазия не была допущена к участию в управлении страной и ее права постоянно ущемлялись. Представители инонациональной буржуазии стремились к изменению такого положения вещей, добивались участия во власти. Показательным в этом отношении было бурное обсуждение в парламенте в феврале 1909 г.

²⁰⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 25, стр. 273.

²¹⁰ См. Э. Ю. Гасанова, указ. произв., стр. 30.

²¹¹ «Века неравной борьбы», М., 1967, стр. 360.

²¹² Там же, стр. 366.

вопроса о внутреннем положении страны. После выступления Тальчева, который описал тяжелые условия в Македонии, для участия в прениях записалось более 20 депутатов, многие из которых представляли национальные меньшинства²¹³. Один из арабских депутатов, выступивший позднее, потребовал, чтобы административные лица и чиновники, назначаемые в арабские провинции, владели арабским языком. Депутаты-турки реагировали на это резко отрицательно, а представители других национальностей, среди них даже некоторые депутаты-арабы, заняли нейтральную позицию²¹⁴. Страх прежних времен еще царил в стране, и даже парламент не составлял исключения. Младотурки не посчитались с требованиями национально-освободительных движений, с многочисленными выступлениями представителей народов на заседаниях парламента, в прессе, на митингах и собраниях. Даже буржуазные авторы, с определенной симпатией относившиеся к младотуркам, вынуждены констатировать, что они «при всей своей прогрессивности в области политической, были и остаются ярыми националистами. В этом отношении они—истинные «оттоманы», плоть от плоти своих отцов и дедов, мечом завоевавших и на мече утвердивших когда-то свою империю. У них та же психология господствующей расы, наивно и слепо верящей в свое провиденциальное назначение управлять и властвовать»²¹⁵. Другой характерной чертой национальной политики турецкой верхушки явился принцип «разделяй и властвуй». В течение пяти веков,—писал С. Кондурушкин,—«турки только и делали, что травили один народ на другой, травили затем, чтобы легче было управлять»²¹⁶.

Примечательно высказывание французского историка Филиппа де Зара. Он придерживался неверной точки зрения Элизе Реклю, будто в Османской империи существовала автономия для национальных меньшинств и утверждал, что младотурки слишком далеко зашли в своем демократизме. Однако де Зара все же был вынужден признать, что считаясь с критиками, обвинявшими их в отрицании корана и аллаха и в увлечении идеей равенства рас и религий, младотурки решили отказаться от «примитивного паноттоманизма» и бросились в объятия «агрессивного и нетерпимого турецкого национализма», т. е. пантюркизма. Но теперь наряду с христианскими народами недовольными оказались арабы, евреи и курды, которые вместе с «райя заняли отрицательную позицию

²¹³ «Ринципалитет», 20/I—2/II. 1909.

²¹⁴ См. «Русское богатство», 1909, № 5, стр. 73.

²¹⁵ И. Кашицев. Конституционная Турция и ее перспективы, журн., «Русское богатство», 1909, № 3, стр. 55—56.

²¹⁶ С. Кондурушкин. Оживает ли Турция?, там же, 1909, № 5, стр. 61.

в отношении турецкого национализма»²¹⁷. Факты показывают, что крайний национализм младотурок сильно обострил внутривнутриполитическую обстановку в Османской империи и сыграл «крупнейшую и притом резко отрицательную роль»²¹⁸ в судьбах младотурецкой революции.

Как уже отмечено, иными были взаимоотношения младотурок с иностранным капиталом, к представителям которого проявлялось весьма терпимое и даже дружеское отношение. Между тем, очевидно, что одним из главных факторов, тормозивших развитие турецкой национальной буржуазии, являлось засилие иностранцев в экономике страны. Привилегированное положение иностранного капитала было результатом не только давления извне, но и желания турецкой верхушки нажиться на сделках с иностранными концессионерами.

Опыт многих десятилетий подсказывал господствующим кругам империи, что в правительство следует назначать лиц, которые поддерживали преобладающее в данный момент влияние какой-либо из европейских держав.

С конца XIX века во внешнеполитическом курсе турецкого правительства отмечалось усиление прогерманской ориентации. В первый период господства младотурок имел место рост проанглийских симпатий, затем усилились профранцузские настроения, а накануне мировой войны полностью возобладало германское влияние. Талаат-паша писал в своих мемуарах: «Мы все были уверены, что ради сохранения целостности страны союз Турции с подобной европейской державой (с Германией—О. И.) был необходимостью. Турция могла обеспечить развитие науки, ремесел, промышленности и торговли, а также сохранить территориальную целостность только с помощью державы, имевшей такой высокий уровень развития»²¹⁹. При этом между сторонниками влияния различных держав не прекращалась острая борьба. Так, например, вали Измира Рахми-бей, назначенный в 1918 г. представителем турецкого правительства на переговорах с государствами Антанты, был известен своей давней симпатией к ним. В этом, очевидно, не последнюю роль сыграла заинтересованность вали в процветании посреднической торговли Измира с этими державами, от которой он имел свои выгоды. Джелал Баяр писал, что Рахми-бей с самого начала выступал против участия Турции в войне на стороне Германского

²¹⁷ *Phillippe de Zara, Mustapha Kemal dictateur, Paris, 1936, p. 32.*

²¹⁸ См. Э. Ю. Гасанова, указан. произв., стр. 41.

²¹⁹ *Talât paşanın hatıraları, İstanbul, 1946, s. 23.*

союза. «Талаату-паше и его друзьям он откровенно указывал, что они поставили нас на неверный путь». Рахми-бей смело покровительствовал подданным государств Антанты и во время войны разрешал им торговать как и прежде²²⁰.

Столкновения интересов отдельных групп младотурок по данному вопросу были обычным явлением. Но это не означало, что у них имелись серьезные возражения против официального курса правительства в целом. Разногласия касались лишь выбора ориентации в зависимости от конкретных условий международной жизни. Таким образом, умение лавировать между великими державами стало показателем мудрости турецких правителей в области внешней политики.

«Младотурки видели свою задачу не в том,—писал А. Ф. Миллер,—чтобы бороться за национальную независимость страны, а в том, чтобы выбрать одну из империалистических группировок, под «покровительством» которой было бы наиболее выгодно, с их точки зрения, отдать всю Турцию целиком»²²¹. Турецкие правители в своей внешней политике добивались осуществления не только политических целей, но и определенных экономических задач. В связи с постоянным дефицитом бюджета для них первостепенное значение имело получение иностранной финансовой помощи, которая на деле привела к закабалению страны и установлению иностранного контроля над ее экономикой. Придя к власти, младотурки усугубили полуколониальное положение Турции, проявив еще большую, чем их предшественники, неумеренность в обращении за иностранной помощью, особенно в получении новых займов. Они облегчили процедуру заключения внешних займов предоставлением единоличных прав в этой области министру финансов. Прежде для производства международных финансовых операций требовались три подписи—садразамы, министра финансов и представителя Управления государственного долга. После этого формального акта султанскому правительству займы предоставлялись как иностранными государствами, так и частными концессионными организациями²²². Были попытки отказаться от услуг последних, выпускать внутренние займы, и использовать другие ресурсы. Однако это не предотвратило катастрофического роста государственного долга. Если за время царствования Абдул Гамида государственный долг увеличился на 13,8 млн. лир, то младотурки получили в долг и израсхо-

²²⁰ *Celâl Bayar*, Bende Yazdım, Millî mücadelede gidiş, cilt 1, ikinci baskı, İstanbul, 1967, s. 40.

²²¹ «Всемирная история», т. VII, стр. 360.

²²² «*Взникновение*», 6/19. II. 1909.

довали почти такую же сумму — 13 млн. лир всего за два года²²³. В итоге общая сумма государственного долга Турции с 55,5 млн. лир в 1908 г.²²⁴ возросла до 120²²⁵, а к началу войны достигла 160 млн. лир²²⁶. Как уже отмечалось, увеличение этого долга явилось результатом непомерных военных расходов и роста процентов по долгу. Государственная задолженность тяжелым бременем легла на плечи народов империи, разоряла хозяйство, ту же привязывала страну к колеснице империализма. Разумеется, часть этих сумм оседала в руках «младотурецкой администрации, интендантов и поставщиков, открывая возможность внутреннего накопления, на основе которого начинала становиться на ноги турецкая торговля и промышленность»²²⁷. Этот процесс, заметный уже накануне войны, в период войны определил дальнейшее развитие промышленности, как и самой турецкой буржуазии. Спустя много лет главный управляющий банком промышленного развития Турции Б. Языджи в своем докладе на международной конференции деловых кругов стран Азии (август 1962 г.) старался доказать, будто «путь турецкого предпринимательства при поддержке иностранных кругов» является лучшим и для других азиатских стран²²⁸. Формирование промышленной буржуазии он связывал именно с тем периодом, о котором здесь идет речь. Следовательно, указанный путь по воле вершителей судеб страны приобретал решающее значение для развития турецкой буржуазии. Можно сказать, что в период правления младотурок экономические связи Турции с зарубежными странами приняли более интенсивный характер и усилилась ее зависимость от них. А. Мандельштам, сообщая в конце 1909 г. об открытии сессии турецкого парламента второго созыва и его законодательной деятельности, специально отмечал: «Особенностью нового законодательства является широкое допущение иностранцев к участию в преобразованиях всех отраслей управления»²²⁹. Характерно, что специальная экспедиция по изучению состояния рынков Ближнего Востока заявила, что после объявления конституции инвестирование иностранных капиталов оказало «благоприятное влияние» на экономику Турции. В ряде случаев местные и иностранные капиталисты объединялись для строительства промышлен-

²²³ ЦГАВМФ, ф. 898, оп. 1, д. 34, л. 17.

²²⁴ И. Бутаев. Проблемы Турции, стр. 72.

²²⁵ «Вестник финансов...», 1911, № 12, стр. 541.

²²⁶ *Ismail Hâsrev, Türkiye kby İktisadîyatı*, s. 131.

²²⁷ *Ирандукст*, назв. произв., стр. 44—45.

²²⁸ Цит. по диссерт. Ю. Н. Розалиева. «Государственный капитализм...», стр. 88.

²²⁹ АВГР, ф. Политархив, д. 1035, л. 90

ных предприятий²³⁰. В Измире, например, были построены заводы для ремонта судов, литейные и машиностроительные предприятия для изготовления котлов, паровых машин, маслобоен и мельничных механизмов, сельскохозяйственных машин и металлических плугов. Один из младотурецких лидеров Джавид-бей говорил: «Мы нуждаемся в иностранном капитале для окончания работ. Мы возьмем деньги там, где нам дадут на более выгодных условиях... Отечество капитала не та страна, откуда он происходит, а та, куда он направляется. Говорят, будто мы относимся враждебно к иностранному капиталу, но это неправда»²³¹. В качестве доказательства Джавид-бей ссылаясь на четырехлетнюю практику младотурецкого правления. Как бы в подтверждение своих слов, в начале 1914 г. он обратился за новым займом к европейским банкам, предлагая им 15% прибылей²³². Правительство рассчитывало с помощью этих займов ликвидировать острый финансовый кризис. На эту просьбу откликнулся только Париж. Французам взамен были обещаны новые концессии на участки Багдадской железной дороги, порты Яффа, Хайфа, Триполи, расширение прав на Эреглийские угольные копи и т. д.²³³. Конечно, многие представители и турецкой буржуазии, особенно мелкой, и некоторые наиболее дальновидные младотурецкие деятели критиковали откровенно прозападную ориентацию правительства. Они требовали ограничения деятельности иностранного капитала, указывая на ее разорительные последствия для местного производства. Любопытно, что тот же Джавид-бей в начале 1909 г., в пору, когда он только приступил к своей деятельности в качестве члена правительства, осуждал практику получения иностранных займов, считая, что она подрывает платежеспособность и авторитет государства. Высказывалось также мнение, что займы должны быть использованы прежде всего для поднятия сельского хозяйства. Это позволило бы Турции иметь постоянный источник дохода, и правительство не было бы «вынуждено предоставлять политические льготы займодавцам»²³⁴.

Выступая в начале мая 1909 г. в парламенте, депутат от Сиваса доктор Н. Тагаварян предлагал строительство железных дорог, шоссе, каналов, оросительных систем и другие общественные работы передать в руки местных предпринимателей и банкиров. Финанси-

²³⁰ «Ближний Восток как рынок сбыта...», стр. 66.

²³¹ «Восточный сборник», кн. II, стр. 32.

²³² А. Mandelstam, *Le Sort de L'Empire Ottoman*, Paris, 1917, p. 73.

²³³ Эрнст Вернер. Турция между Тройственным союзом и Антантой в 1914 году. Иллюзии и действительность на берегах Босфора (на арм. яз). См. «Գրքեր», 1970, № 7, էջ 285.

²³⁴ См. «Բյուզանդիոն», 6/19.II.1909.

рование этих работ должно было осуществляться за счет внутренних ресурсов, и лишь в крайних случаях следовало обращаться к помощи иностранных держав. «При всех случаях необходимо сохранять независимость»—таков был смысл его призыва²³⁵. В том же духе выступала газета «Тасфири эфкяр», которая писала, что турки в принципе ничего не имеют «против привлечения европейских капиталов в Турцию, но мы хотим, чтобы эти капиталы входили только как капиталы и не приносили бы с собой политических посягательств на нашу страну»²³⁶. Подобные высказывания, однако, не повлияли на политику младотурок. Последние неуклонно вели курс на сближение с Германией, активное вмешательство которой в жизнь и политику страны усиливалось с каждым днем. Закреплению экономических связей и усилению политического влияния Германии в Турции, наряду с увеличением числа немецких организаций, школ, газет, эмиссаров, должен был содействовать учрежденный накануне войны «Немецко-турецкий комитет». С целью обработки турецкого общественного мнения комитет устраивал собрания, встречи, выступления известных общественных и государственных деятелей. Учредительное собрание комитета было открыто председателем меджлиса Халил-беем. Он выразил надежду, что промышленная Германия и земледельческая Турция будут взаимно дополнять друг друга. В пространной речи, произнесенной в парламенте, Халил-бей обосновывал прогерманскую ориентацию. По его мнению, турецкое население «видит большие выгоды в тесном и длительном общении» Турции с Германией и Австро-Венгрией²³⁷. Каковы были на деле эти «выгоды», стало ясно вскоре после того, как новые займы превратили Турцию в военно-финансового вассала германских империалистов, ставших полновластными хозяевами Турции. Они вытеснили своих основных конкурентов—Англию и Францию, прибрали к рукам контроль над экономикой и финансами Турции, над Управлением государственного долга.

Турецкое правительство не могло, да и не стремилось использовать, в целях ускорения развития экономики страны, иностранные капиталы, основным назначением которых было обогащение их владельцев.

К началу войны иностранные инвестиции в Турции, общая сумма которых составила около 64 млн. фунтов стерлингов, распределялись следующим образом. В банки было вложено свыше 10 млн., в строительство железных дорог—более 39 млн., в муниципальные

²³⁵ Sof. V. Տափիրի էֆկյար, Երկրագործություն... էջ 15:

²³⁶ См. «Санкт-петербургские ведомости», 12/25 XII 1913 г.

²³⁷ См. «Летопись», 1917, № 5—6, стр. 290.

предприятия—около 5 млн, а в торговлю и промышленность—почти 9 млн. фунтов стерлингов, т. е. всего седьмая часть общей суммы²³⁸. 45,4% инвестированного капитала принадлежало Германии, 25,9%—Франции и 16,9%—Англии. Остальное (12,8%) приходилось на долю Бельгии, США, Италии, Голландии и других государств²³⁹.

Таким образом, Турция оказалась в неоплатном долгу перед великими державами и не была в состоянии выйти из этого положения, особенно в условиях войны. Бюджетный дефицит, который стал хроническим явлением, в военном 1915 г. составил около 9 млн. турецких лир. Турцию теперь «выручали» немцы. Ее задолженность Германии росла очень быстро и, по заявлению Джавид-бея, к сентябрю 1917 г. достигла 330 млн. лир²⁴⁰. Но и эти кредиты не могли покрыть потребности страны, а других поступлений не было.

Итак, в эти годы в муках, с напряжением сил и использованием всех внутренних ресурсов и накоплений, в Анатолии формировалась турецкая национальная торгово-промышленная буржуазия. Она была связана с портовыми городами, через которые в центр страны перевозились деньги и оборудование. Благодаря финансовой поддержке со стороны компрадоров-турок Стамбула, Измира, Трапезунда, а также крупных городов арабских стран и Европейской Турции, в Анатолии постепенно создавались торгово-промышленные центры. В обогащении анатолийской буржуазии значительную роль сыграл геноцид армян, осуществленный младотурецким правительством в 1915—1916 гг. Турецкая буржуазия извлекла огромные выгоды из репрессий в отношении армян и конфискации их имущества. Она наживалась также на преследованиях преков и других христианских народов. «В 1914—1918 гг. и в период освободительной войны, — пишет Д. Авджиоглу, — магазины, земли, сады, огороды и другое недвижимое имущество высланных и бежавших армян и преков были разграблены сильными людьми»²⁴¹. Под «сильными» людьми автор имеет в виду представителей турецкого военно-бюрократического аппарата и богачей-мусульман. И. Лепсиус, хорошо знавший политику и деятельность младотурок, писал, что их кровавые дела заставляют думать, что «посредством геноцида, уничтожения христианского торгового сословия правительство предполагает оказать услугу

²³⁸ Халис Окан, указ. произв., стр. 23.

²³⁹ İsmail Hüsrev, указ. произв., стр. 132.

²⁴⁰ Г. Н. Канчев, Турецкое наследство и мировая война, Стокгольм—Пг., 1917, стр. 49—51.

²⁴¹ D. Avcioglu, Türkiye'nin düzeni, s. 123.

турецким коммерсантам»²⁴². Американский консул в Алеппо в августе 1915 г. писал о том большом экономическом ущербе, который понесла страна в результате резни армянского населения. Он отмечал, что 80% торговли ряда внутренних районов находилось в руках армян и христиан вообще. Он приводил пример одной стамбульской фирмы, которая отпустила 378 анатолийским торговцам из 42 различных городов товаров в кредит на 13.922 лиры²⁴³. Все это пропало во время резни. Серьезный ущерб, нанесенный экономике Турции политикой геноцида, не раз отмечался в литературе. Организованные сверху грабеж и уничтожение веками накопленного добра в условиях разрушительной войны привели к опустошению больших экономических районов Западной Армении и центральной Анатолии. Были прерваны десятилетиями существовавшие хозяйственные связи между многими вилайетами и санджаками, в значительной мере была разрушена внутренняя торговля.

Известно, что руководители Османской империи в течение долгого времени добивались планомерного уничтожения армянского и вообще христианского населения, как и инациональной буржуазии. Мурад-бей в качестве члена высшего совета министерства просвещения познакомился с циркуляром 1882 г., дважды переизданным по приказанию султана. В нем содержались прямые указания о допустимости «преследования и, если нужно, ограбления (le dépoiller) народа, но с осторожностью, чтобы не было повода к жалобам»²⁴⁴. За этим последовали законы, которые преследовали цель экономического разорения и физического уничтожения армян. М. Ковалевский отмечал жестокий курс младотурецкого правительства, принявшего в сентябре 1910 г. решение о переходе земель и имущества армян в руки мусульман в шести восточных вилайетах (Западная Армения)²⁴⁵.

А. Казарян опубликовал тайные правительственные законы, постановления, циркуляры, указы, телеграммы и устные распоряжения относительно депортации и конфискации имущества армянского населения. Только в 1915 году было издано около десяти таких законов, причем один из них имел 34 статьи. На основании этих законов и распоряжений, турками, курдами и другими мусульманскими элементами было захвачено движимое и недвижимое имущество

²⁴² Հայաստանի րոտ Տորճաշիի 1919-ի տնտեսյան, Կ. Պոլիս, 1919, էջ 27.

²⁴³ Там же, стр. 31 и 28.

²⁴⁴ Mourad-Bey, La force et la faiblesse de la Turquie, Geneve, 1910, p. 50.

²⁴⁵ М. Ковалевский. Армянский вопрос, «Вестник Европы», 1915, № 6.

армян на громадную сумму в 5 млрд. долларов, не считая застрахованных ценностей, присвоенных позже²⁴⁶.

Через двадцать лет после геноцида в Турцию приехал венгерский специалист инженер-строитель Тибор Фехертайн. Его работа была связана с составлением карт местности, разработкой схем автострады, частыми поездками по районам Кайсери, Мараша, Анкары и Чатаджи. Т. Фехертайн стал невольным свидетелем трагических страниц недавней истории армянского народа. Он видел вымершие города и селения, которые раньше являлись очагами культурной и хозяйственной жизни армян. О своих тяжелых впечатлениях об увиденном он рассказал в книге «Таинственная Анатолия». Сошлемся лишь на один пример из нее. Вниманию читателя автор представляет не области Западной Армении, которые были полностью разрушены, а районы центральной Анатолии, где армяне составляли часть населения. «Звезда Кайсери закатилась, — пишет Тибор Фехертайн, — раньше, когда лавки базара и улиц, находившихся вокруг него, были полны преческими и, главным образом, армянскими торговцами, город являлся одним из самых значительных, самых больших торговых центров всей Анатолии. Но после жестокой расправы жизнь прекратилась, движение замерло, и город остался в развалинах, страдая сонной болезнью». Томарзе, один из оживленных центров с четырехтысячным армянским населением, превратился в мертвый и полуразрушенный город²⁴⁷. Подобная участь постигла многие населенные пункты страны. Погибли сотни тысяч людей, сотни тысяч были изгнаны, были разрушены города и села, разграблены, сожжены и уничтожены огромные материальные и культурные ценности, созданные многими поколениями армян. Их имущество и другие ценности на десятки миллионов долларов перешли в руки местной турецкой буржуазии и курдских феодалов. Это содействовало становлению турецкой национальной буржуазии, но с другой стороны, привело к ухудшению экономического положения страны, чему способствовало также резкое увеличение государственного долга. Он достиг астрономической цифры в 2.200 млн. долларов (424 млн. турецких лир). Прямые военные расходы Турции составили 1.600 млн. долларов (они входили в сумму государственного долга), а косвенные расходы на войну равнялись 4.800 млн. долларов. Общие военные расходы составили огромную сумму — 6.400 млн. долла-

√ 246 См. Յ. Գ. Ղազարյան, Ցեղասպանի քննարկը, էջեր 228—231, 239—421.

247 См. Корбули Домокош. «В таинственной Анатолии», Вестник общественных наук АН Арм. ССР, 1970, № 9, стр 95—96.

ров²⁴⁸. Они легли тяжелым бременем на хозяйство страны, разорили и обескровили ее. Велики были и людские потери—около 2,5 млн. человек на фронтах и в тылу. Таковы были катастрофические последствия антинародной, антинациональной политики младотурок. Одержимые феодально-великодержавными идеями и желая использовать созданные войной условия, младотурецкие руководители, стремились осуществить бредовые планы создания государства «Туран». Вынужденные считаться с тем, что восстановление Османской империи в ее прежних границах неосуществимо, они пытались заменить ее идеей пантюркистского государства, основанного на этнической и языковой общности. Однако этим агрессивным стремлениям не суждено было сбыться. Потерпев поражение в войне, прогнившая Османская империя рухнула. Неразвитость экономической базы, социально-политическая отсталость и рыхлость национальной буржуазии были серьезным тормозом на пути ликвидации феодальных порядков, породивших и поддерживающих идеологию, враждебную сосуществованию народов и наций.

---

²⁴⁸ С. Мирский. К вопросу об определении стоимости мировой войны для Турции, «Новый Восток», 1923, № 3, стр. 472.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ общего состояния Османской империи на последнем этапе ее истории позволил выяснить и определить ряд специфических особенностей социально-экономического развития страны и формирования «османской» буржуазии.

Известно, что генезис капитализма и формирование буржуазии в странах Востока явились процессом весьма затяжным, сложным и многогранным. В многонациональной Османской империи этот процесс протекал в условиях сохранения господства феодальных порядков и в период превращения Турции в полуколонию. При этом специфической особенностью экономической жизни страны было то, что основную роль длительное время играла инонациональная буржуазия. Со второй половины XIX столетия, особенно после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., т. е. после освобождения Болгарии из-под турецкого ига, славянская буржуазия отходит на второй план. Именно к этому времени относятся формирование турецкой буржуазии и постепенное укрепление ее позиций.

Специфичность социально-экономического развития Османской империи заключалась и в том, что хотя инонациональная буржуазия преобладала в экономике, политическая власть продолжала находиться в руках турецких феодально-буржуазных верхов.

Наконец, следует отметить, что позже всех в империи начала формироваться буржуазия господствующего турецкого народа и ее развитие шло медленнее всех. Это наложило глубокий отпечаток на весь ход становления буржуазного класса Османской империи.

Отмеченные особенности объясняются социально-экономической структурой турецкого военно-феодального режима, при которой основное богатство—земля—принадлежала государству. Это мешало становлению капитализма и формированию буржуазии. С другой стороны, длительное время главным источником богатств для турок-османов являлись война и грабеж покоренных народов, что для известного исторического этапа Ф. Энгельс определял как

«функцию народной жизни»¹. Война была главным и почетным занятием господствующего класса феодалов. Они считали зазорным для себя заниматься хозяйственной деятельностью, полагая, что это удел покоренных рабов. Право владения землей феодалы использовали не для ее обработки, а для взимания налогов с крестьян. Наиболее дееспособная часть турецкого крестьянства — молодежь — была обязана служить в армии, участвовать в длительных войнах, что приводило к упадку хозяйства. Вследствие этого турецкий народ почти не был представлен в торговле и ремеслах, а его хозяйство в деревне велось примитивными методами, и, несмотря на помощь государства, находилось на весьма низком уровне. В Османской империи торговля и ремесла были сконцентрированы в руках греков, славян, армян, левантинцев и евреев. В середине XVIII века у этих народов начинает складываться своя буржуазия. На рубеже XVIII—XIX вв. в производстве появляются формы кооперации труда, возникают первые мануфактуры, несколько позднее — отдельные фабрики и заводы, обрабатывающие местное сырье, производившие изделия из железа и благородных металлов, оружие, шерстяные и хлопчатобумажные ткани и другие товары первой необходимости. Развивалось также ремесло. По подсчетам Г. Казаряна, в этот период на территории империи только ремесленников-армян было около 50 тысяч².

Разложению феодализма и развитию капиталистических отношений серьезно препятствовало также турецкое военно-феодальное государство с его жестоким управлением, чиновно-бюрократическим аппаратом, произволом и безнаказанностью в центре и на местах. Как было отмечено, оно осуществляло главным образом военную и финансовую функции. В изучаемый период военная функция значительно сузилась и главной стала финансовая деятельность. Сбор налогов, укрепление фискальной системы превратились в центральную хозяйственную задачу органов власти, в основной источник обогащения правящих верхов. Весьма слабой была деятельность ведомства общественных работ, т. е. забота государства о воспроизводстве. «Экономическое движение, — указывал Энгельс, — в общем и целом проложит себе путь, но оно будет испытывать на себе также и обратное действие политического движения, которое оно само создало и которое обладает относительной самостоятельностью. На экономическое движение оказывает влияние, с одной стороны, движение государственной власти, а с

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164.

² Г. Казарян, указ. произв., стр. 187.

другой—одновременно с нею порожденной оппозиции»³. Энгельс считал, что «обратное действие политического движения», в частности государственной власти, может быть как положительным, так и отрицательным, препятствующим экономическому движению. Влияние Османского государства на экономическое развитие Турции, особенно ее окраин, было именно отрицательным. На хозяйственную жизнь страны подобное же воздействие оказала шовинистическая политика правящих военно-феодалных кругов, а также мусульманская религия и духовенство. Насильственное разорение христианского населения, экономические, политические и религиозные притеснения серьезно подрывали общее благосостояние населения империи, препятствовали капиталистическому накоплению в стране.

В этих исторических условиях превращение Турции в полуколонию еще больше усилило экономическое отставание страны и разорение трудящихся. Как правильно отмечает И. Алибеков, «управив контроль над собственными финансами, Турция надолго затормозила развитие производительных сил страны»⁴. Вследствие этого местная буржуазия в процессе своего становления встретила на своем пути, наряду с господством феодальных порядков, с не менее серьезным препятствием—агрессивным империализмом, который был заинтересован в консервации отсталых социально-экономических условий и реакционной военно-феодалной системы. Тем самым в борьбе за сохранение своего господства феодальная реакция нашла мощного союзника в лице империалистических держав.

Однако процесс развития капиталистических отношений был необратим. В конце XVIII—начале XIX в. он уже давал о себе знать на Балканах, в крупных городах и в прибрежной зоне Малой Азии. Вслед за ними в капиталистические отношения постепенно вовлекались другие районы, особенно с христианским населением. Устанавливались экономические связи между различными областями страны. Признанием этих новых отношений и необходимости определенных преобразований со стороны господствующих кругов явились реформы танзимата, последующие законодательные акты, а также принятие конституции 1876 г. и национальных регламентов (конституций).

Во второй половине XIX века капиталистические отношения проникли в основную отрасль экономики Турции—в сельское хозяйство. Расширение частного, феодального и капиталистического

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 417.

⁴ «Etudes balkaniques», 1975, № 3, стр. 88.

крупного землевладения, формирование буржуазного слоя из либеральных помещиков и чиновничьей бюрократии, выделение деревенской буржуазии как результат расслоения крестьянства, капитализация и специализация сельского хозяйства и ряд других процессов свидетельствовали о поступательном движении капитализма, о его развитии в земледелии *по прусскому пути*.

Этому способствовало также дальнейшее расширение торговли, в частности внешней, и создание внутреннего рынка. Происходили концентрация производства в сфере ремесла и промышленности, слияние торгово-финансового и промышленного капитала.

Стремясь противостоять нажиму со стороны феодального государства и иностранной конкуренции, представители различных национальных групп «османской» буржуазии в ряде случаев организовали совместные акционерные общества, пытались создать классовый союз. Однако эти попытки в целом не увенчались успехом. Идеология и политика воинствующего турецкого шовинизма были серьезным, фактически непреодолимым препятствием на этом пути.

Исходя из особенностей, присущих определенным этапам формирования буржуазии в Турции, мы пытались дать периодизацию ее истории.

В первый период капиталистическое развитие происходило почти без участия турецких и вообще мусульманских элементов. Во второй период, в эпоху танзимата, начинается формирование турецкой и укрепление позиций инонациональной буржуазии. В третий период, с 1880-х годов XIX в. и до младотурецкой революции, турецкая и мусульманская буржуазия благодаря укреплению своего экономического положения с помощью политических мер Османского государства добивается усиления своих позиций и несколько оттесняет инонациональную буржуазию. Наконец, в четвертом периоде, в десятилетие господства младотурок, инонациональная буржуазия в начале укрепляет свои позиции, в то время как турецкая буржуазия свою экономическую слабость компенсирует усилением влияния в сфере политики. В дальнейшем она, используя государственную власть, преступную политику геноцида в отношении армян и других христианских народов, вытесняет, а потом и отстраняет своего соперника—инонациональную буржуазию. В результате многие наиболее активные и деятельные капиталистические элементы были физически уничтожены либо изолированы.

Таким образом, еще слабая турецкая буржуазия оказалась полновластным хозяином положения и в экономике, и в политике.

Но она продолжала оставаться носителем пережитков прошлого, которые нами ранее были охарактеризованы следующим образом: «Во-первых, турецкая буржуазия тесными узами связана с феодалами-землевладельцами, более «феодална», чем обычно, выступает за сохранение феодальных и даже дофеодальных отношений в стране. В политике это выражается в реакционном курсе полицейского государства. Во-вторых, многовековое господство на обширных территориях и над многими народами привело к тому, что в верхних слоях турецкого народа сложилось мнение об особых правах турок, якобы призванных верховодить другими народами»⁵. Турецкая буржуазия считала, что свое господство она может утвердить, опираясь на политическую власть, на диктатуру младотурок*.

В тот исторический период передовыми мыслителями и деятелями, в том числе и Турции, был выдвинут другой более прогрессивный путь развития. Они призывали к объединению народов, к созданию на развалинах Османской империи федеративного государства. Еще в 1909 г. марксистский журнал «Образование» писал: «Идеи расширения политической свободы и федеративной децентрализации, если только их югласится проводить в жизнь партия младотурок, подрежут корни реакции гораздо успешнее, чем ожесточенная борьба на оба фронта и травля демократов, умышленно смешиваемых с реакционерами»⁶. Подобные высказывания особенно часто встречались в прессе и литературе угнетенных народов, стремившихся положить конец неравноправию и угнетению. Осуществление этих целей, несомненно, ускорило бы развитие капитализма, буржуазии и пролетариата, поставило бы Турцию в ряд быстро развивающихся стран.

В 1912 г. Ленин отмечал наличие у сознательных рабочих балканских стран здорового стремления решать национальный вопрос в последовательно демократическом духе, бороться за осуществление лозунга «Федеративная балканская республика»⁷. Несколько позже, высказываясь о книге В. Ван-Ревестейна, опубликованной

⁵ См. О. Г. Икджиян. К оценке младотурецкого движения. Востокведческий сборник, II, Ер., 1965, стр. 235.

* Указанные особенности определили реакционность турецкой буржуазии уже в самом начале младотурецкой революции 1905—1911 гг. была ведущей силой в борьбе за преобразования общественного строя страны. (См. Р. А. Сендов, Иранская буржуазия в конце XIX—начале XX века, М., 1974, стр. 233—235)

⁶ «Образование», № 5, 1909, стр. 188.

⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 22, стр. 155.

в 1913 г. в Германии и посвященной балканской проблеме, Ленин находил правильной идею создания федерации балканских стран с участием Турции. В тот период такая федерация «в состоянии была бы удовлетворить культурные потребности этой географически единой области, противопоставить продвижению европейского империализма... непреодолимую преграду»⁸. Она была бы направлена не только против европейского империализма, но и против балканских монархий. Однако младотурки, будучи монархистами и шовинистами, не хотели понимать, особенно после своего поражения в балканских войнах, важности этой идеи для буржуазно-демократического развития Турции. Отстаивая интересы феодальной монархии, они приложили все усилия для ее сохранения, прибегнув при этом к помощи империалистических держав.

Итак, незрелость капиталистических отношений и национальной буржуазии Турции явилась одной из главных причин верхушечного характера социально-экономических преобразований в стране. Это обстоятельство, как и реакционная роль турецкого государственного и общественного строя, воспрепятствовали и нормальному развитию инонациональной буржуазии. Таким образом, использованные источники и литература, в первую очередь армянские, позволили обрисовать процесс формирования как инонациональной, немусульманской, так и мусульманской, в частности турецкой буржуазии.

Оказалось возможным точнее выявить роль и место отдельных национальных групп «османской» буржуазии и описать сложившиеся экономические связи между внутренними районами страны. Ряд вопросов данной проблемы продолжает оставаться актуальным и требует дальнейшей разработки с привлечением дополнительных источников, в первую очередь на языках народов, входивших в состав Османской империи.

---

⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 28, стр. 6.

СПИСОК

ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА*

- Маркс К. и Энгельс Ф.*, Немецкая идеология, Соч., т. т. 1, 3.
Маркс К. и Энгельс Ф., Британская политика. Дизраэли.— Эмигранты.— Мадзани в Лондоне.— Турция, т. 9.
Энгельс Ф., Действительно спорный пункт в Турции, т. 9.
Энгельс Ф., Турецкий вопрос, т. 9.
Маркс К., Будущие результаты британского владычества в Индии, т. 9.
Маркс К., Поражение правительства по финансовому вопросу. Русский вопрос, т. 9.
Маркс К., Греческое восстание, т. 10.
Маркс К., К истории возникновения восточного вопроса, т. 10.
Энгельс Ф., Европейская война, т. 11.
Маркс К., К критике политической экономии, т. 13.
Энгельс Ф., Алжир, т. 14.
Энгельс Ф., О разложении феодализма и развитии буржуазии, т. XVI, ч. 1.
Энгельс Ф., Предисловие к итальянскому изданию «Манифеста коммунистической партии», 1893 года, т. 22.
Маркс К., Капитал, т. 1—т. 23.
Маркс К., Капитал, т. 2—т. 24.
Маркс К., Капитал, т. 3—т. 25, ч. I.
Маркс К., Капитал, т. 3—т. 25, ч. II.
Маркс К., «Конспект книги М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения». Советское востоковедение №№ 3, 4, 5, 1958. Проблемы востоковедения № 1, 1959.
Маркс К., Формы предшествующие капиталистическому производству, М., 1940.
Энгельс Ф., О разложении феодализма и развитии буржуазии, соч., изд. 1, т. 16, ч. I.
Энгельс—Мирксу, 6.VI 1853, т. 28.
Маркс—Энгельсу, 25.V 1876, т. 34.
Маркс—Даниельсону Н. Ф., 10.IV 1879, т. 34.
Энгельс—Конраду Шмидту, 27.IX 1890, т. 37.
Энгельс—А. Зорге, 18.I 1893, т. 39.
Ленин В. И., По поводу так называемого вопроса о рынках, т. 1.
Ленин В. И., Что такое «Друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, т. 1.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса указаны по «Сочинениям», издание второе, В. И. Ленина — по «Полному собранию сочинений».

- Ленин В. И., Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, т. 1.
- Ленин В. И., Развитие капитализма в России, т. 3.
- Ленин В. И., Рецензия на книгу К. Каутского «Бернштейн и с.-д. программа». Антидритика, т. 4.
- Ленин В. И., Замечания на второй проект программы Плеханова, т. 6.
- Ленин В. И., О временном революционном правительстве, т. 10.
- Ленин В. И., Горючий материал в мировой политике, т. 17.
- Ленин В. И., События на Балканах и в Персии, т. 17.
- Ленин В. И., Демократия и народничество в Китае, т. 21.
- Ленин В. И., Новая глава всемирной истории, т. 22.
- Ленин В. И., Социальное значение сербо-болгарских побед, т. 22.
- Ленин В. И., К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства, т. 23.
- Ленин В. И., О левонародниках, т. 25.
- Ленин В. И., О праве наций на самоопределение, т. 25.
- Ленин В. И., Под чужим флагом, т. 26.
- Ленин В. И., Развитие капитализма в сельском хозяйстве, т. 26.
- Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма, т. 27.
- Ленин В. И., Тетради по империализму, т. 28.
- Ленин В. И., О брошюре Юниуса, т. 30.
- Ленин В. И., Статистика и социология, т. 30.
- Ленин В. И., Государство и революция, т. 33.
- Ленин В. И., Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата, т. 40.

II. ДОКУМЕНТЫ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ

- Коммунистический Интернационал в документах (1919—1932), Москва, 1933.
- Международное совещание Коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, Москва, 5—17 июня 1969, Москва, 1969.
- Брежнев Л. И., Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, 30 марта 1971 года, Москва, 1971.

III. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив внешней политики России

- ф. Канцелярия, д. 25.
- ф. Политархив, д. 1003.
- ф. Политархив, д. 1030.
- ф. Политархив, д. 1031.
- ф. Политархив, д. 1034.
- ф. Политархив, д. 1035.
- ф. Политархив, д. 1636.
- ф. Политархив, д. 1638.
- ф. Политархив, д. 3083.
- ф. Посольство в Константинополе, д. 3036.
- ф. Посольство в Константинополе, д. 5256.
- ф. Секретный архив, д. 178.
- ф. Турецкий стол (новый), д. 2495.
- ф. Турецкий стол (новый), д. 3701.
- ф. Турецкий стол (новый), д. 3723.

- ф. Турецкий стол (новый), д. 3832.
- ф. Турецкий стол (новый), д. 7601.
- ф. Турецкий стол (новый), д. 7643.

Центральный Государственный военно-исторический архив

- ф. 82, оп. 24, д. 3049.
- ф. 82, оп. 80, д. 3049.
- ф. 82, оп. 86, д. 3049.
- ф. 82, оп. 86, д. 3053.
- ф. 400, оп. 1890, д. 36.
- ф. 400, оп. 1890, д. 40.
- ф. 401, д. 3.
- ф. 401, д. 10.
- ф. 450, д. 106.
- ф. 450, д. 107.
- ф. 2000, оп. 1, д. 991.
- ф. 2000, оп. 1, д. 1002.
- ф. 2000, оп. 1, д. 1003.
- ф. 2000, оп. 1, д. 1006.
- ф. 2000, оп. 1, д. 1010.
- ф. 2000, оп. 1, д. 1011.
- ф. 2000, оп. 1, д. 1017.
- ф. 2000, оп. 1, д. 1020.
- ф. 2000, оп. 1, д. 3778.
- ф. 2000, оп. 1, д. 3818.
- ф. 2000, оп. 1, д. 7716.

Центральный Государственный исторический архив, Москва

- ф. 132, оп. 4, д. 66.
- ф. 4469, оп. 2, д. 275.

Центральный Государственный исторический архив, Ленинград

- ф. 23, оп. 11, д. 41.
- ф. 31, оп. 1, д. 305.
- ф. 150, оп. 1, д. 409.
- ф. 408, оп. 77, д. 270.
- ф. 1405, оп. 77, д. 5876.

Центральный Государственный архив Военно-Морского флота

- ф. 418, оп. 1, д. 4179.
- ф. 418, оп. 1, д. 4218.
- ф. 418, оп. 1, д. 4261.
- ф. 418, оп. 1, д. 4270.
- ф. 898, оп. 1, д. 6.
- ф. 898, оп. 1, д. 34.

Центральный Гос. исторический архив Арм. ССР

- фонд Записок, д. 39.

Центральный гос. архив Груз. ССР

ф. 613, оп. 1, д. 40.

Красный архив, т. 43, 1931.

ЛИТЕРАТУРА

- *Аверьянов П. И.*, Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Османской империи, СПб, 1912.
- Аграрный вопрос и крестьянское движение. Справочник, т. IV, М., 1937.
- Алибеков И. В.*, Государственный капитализм в Турции, М., 1966.
- Алиев Г. З.*, Турция в период правления младотурок (1908—1918), М., 1972.
- Алимов А. А.*, Революция 1908 года в Турции. Сб. Пробуждение Азии в 1905 году и революции на Востоке, Л., 1935.
- Алимов А. А.*, Турция. Очерки по истории Востока в эпоху империализма, М.—Л., 1934.
- Амин Саид*, Восстание арабов в XX веке, пер. с араб., М., 1964.
- Андерлинд А.*, Земледелие и скотоводство в Сирии и Палестине, СПб, 1892.
- Арсланцан Дикран*, Система сельского хозяйства в Османской империи, Л., 1932.
- Астахов Г.*, От султаната к демократической Турции. Очерки из истории кемализма, М.—Л., 1926.
- Ататюрк К.*, Избранные произведения и речи, М., 1966.
- Ахмед-Мидхат-Эфенди*, Сборник турецких документов о последней войне, СПб, 1879.
- Бабаходжаев А. Х.*, Пантюркизм — орудие идеологической диверсии империализма. Труды Ин-та востоковедения АН Узбекской ССР, вып. II, Ташкент, 1954.
- Бакрадзе Дм.*, Исторический очерк турецкой системы землевладения, Тифлис, 1889.
- Бекгулянец Р.* (Северянин), По Турецкой Армении. Впечатления от поездки летом в 1914 году, Ростов н/Д, 1914.
- Беркенгейм А. М.*, Современное экономическое положение Сирии и Палестины, М., 1897.
- Библиография Турции 1713—1917, М., 1961.
- Библиография Турции 1917—1958, М., 1959.
- Лысенко В. К.*, Ближний Восток как рынок сбыта русских товаров, СПб, 1913.
- Бутаев И.*, Проблемы Турции, Л., 1925.
- Вакс Л.*, Очерки истории национально-буржуазных революций на Востоке, М.—Л., 1931.
- Валуцкий А. И.*, К вопросу о создании первых младотурецких организаций. Уч. записки ИВАН, т. XIV, М., 1956.
- Вдовиченко Д. Н.*, Национальная буржуазия Турции, М., 1962.
- Века неравной борьбы, М., 1967.
- В-ий (*К. Василевский*). Турецкая экономика в описании самих турок. Новый Восток, 1930, № 28.
- Викторов-Топоров Вл.*, Аграрный вопрос в Македонии. Русское богатство, 1910, № 3.
- Воровский В. В.*, В кривом зеркале, соч., т. II, М., 1931.

Всемирная история, т. IV, 1958, т. VII, 1960.

В(ронченко) М., Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, составленное русским путешественником, М. В., СПб, 1840.

Габидуллин Х. Э., Младотурецкая революция, Соцэкгиз, М., 1936.

Гаджекумов В., Обзорение экономического состояния Османской империи с 1908 до 1914 гг. Восточный сб., кн. II, Пг, 1916.

Гасанова Э. Ю., Идеология буржуазного национализма в Турции (1908—1914), Баку, 1966.

Геноцид армян в Османской империи, под ред. проф. М. Г. Нерсисяна, Ереван, 1966.

Голобородько Н. И. (Южанин), Старая и новая Турция, М., 1908.

Гордон С., Очерки по экономическому положению Палестины, Одесса, 1906.

Грин Фр., Армянский кризис и владычество турок (Сасунская резня). Сб. Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 г., М., 1896.

Губер А. А., Миллер А. Ф., Политические и экономические изменения в странах Азии и Африки в XX веке. Народы Азии и Африки, 1965, № 6.

Губерт Ауагаген, Очерки природы и сельского хозяйства Сирии и Палестины, Пг, 1918.

Гуланян Х. Г., Очерки истории армянской экономической мысли XIX века, М., 1955.

Гурко-Кряжин В. А., История революции в Турции, М., 1923.

Гутор М. Д., Новейшая история Турции и Персии. Руко-во для офицерских курсов, Тифлис, 1913.

Гордлевский В. А., Избранные сочинения, т. III, М., 1962.

Гюнтекин Р. Н., Зеленая ночь (пер. с турецкого), М., 1963.

Дадиан М., Армяне Османской империи, Тифлис, 1878.

Данциг Б. М., Турция, М., 1949.

Даркот Б., География Турции, М., 1959.

Демир Якуб, Окан Халис, Турция: Пути развития. Проблемы мира и социализма, 1965, № 5.

Джиллов Х. З., Экономика Турции, пер. с турецкого, М., 1971.

Диллон Эм., Положение дел в Турецкой Армении. Сб. Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 г., М., 1896.

Добрынский И. А., Турция, Сербия и Болгария, СПб, 1914.

✓ *Елонская Е.*, Турция в 1915.

Еремеев Д. Е., Этногенез турок (Происхождение и основные этапы этнической истории), М., 1971.

Желтяков А. Д., Из истории турецкой журналистики (газета Али Суави «Мухбир»). Народы Азии и Африки, № 3, 1972.

Желтяков А. Д., Петросян Ю. А., История просвещения Турции, М., 1965.

Желтяков А. Д., Петросян Ю. А., Младотурецкое движение в трудах турецких историков, Народы Азии и Африки, 1965, № 5.

Желтяков А. Д., Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908), М., 1972.

Жуков Е. М., Изучение всеобщей истории: некоторые итоги и перспективы, «Коммунист», № 1, 1971.

Жуковский П. М., Земледельческая Турция, М.—Л., 1933.

Завриев Д. С., К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции, Тбилиси, 1947.

Зурабов А. Г., Германский империализм в Турции, Летопись, Пг, 1917, № 5—6.

Иналджик Халил, Международные торговые пути и Османская империя, резюме доклада на V Междунар. конгрессе экономической истории, М., 1970.

Иналджик Халил, Османская империя. Классический период. 1300—1600, Лоп-

дон, 1973. РЖ общественные науки за рубежом, серия 9, востоковедение и африканистика, № 3, 1975.

Инджикян О. Г., К оценке младотурецкого движения. Востокведческий сборник Сектора востоковедения АН Арм. ССР, т. II, Ер. 1964.

Исаров Г. Х., Турция и Македония, Вестник Европы, кн. 4, СПб, 1903.

Ирандуст, Движущие силы кемалистской революции, М.—Л., 1928.

Казарян Г. М., Социально-экономическое и политическое положение западных армян в 1800—1870 гг., Автореферат, Ереван, 1968.

Капчев Г. Н., Турецкое «наследство» и мировая война, Стокгольм—Пг, 1917.

Кашинцев Н., Конституционная Турция и ее перспективы, Русское богатство, № 3, 1909.

Кечеджи-Шопалов М. В., Экономическая Турция к концу первого десятилетия XX века. Очерк эконом. географии страны, Пг., 1915.

Киракосян Дж. С., Западная Армения в годы первой мировой войны, Ереван, 1971.

К(нулянц) Б. М., К событиям в Турции, газ. Бакинские вести, № 1, 4.V.1909.

Коймен О., Империализм свободной торговли. Оттоманская империя, V Междунар. конгресс эконом-ой истории, Л-д, 10—14 августа 1970, Наука, М., 1970.

Колюбакин А. М., Материалы для военно-исторического обозрения Азиатской Турции, Тифлис, 1888.

Кондурушкин С., Оживает ли Турция? Русское богатство, № 5, 1909.

Корбули Домокош, «В таинственной Анатолии»—реценз. на книгу венгерского писателя Тибора Фехертайн, такого же названия, изданной в Будапеште в 1940 г. Вестник обществен. наук АН Арм. ССР, № 9, 1970.

Корниенко Р. П., Рабочее движение в Турции, 1918—1963, М., 1965.

Краткий экономический словарь, М., 1958.

Кузьмин Д., Рабочее движение в Турции, Новый Восток, 1922, № 2.

Лазарев М. С., Крушение турецкого господства на Арабском Востоке, М., 1960.

Левковский А. А., Многоукладные страны: Почему? Азия и Африка сегодня, № 8—9, 1970.

Ленский Н. А. (приват-доцент Петроградского ун-та). О правовом положении землевладения в Турецкой Армении, Пг, 1916.

Личи Х. Ф. Б., Армения. Путевые очерки и этюды, т. I, Тифлис, 1910.

Лысенко В. К., Ближний Восток как рынок сбыта русских товаров, СПб, 1913.

Лудшувейт Е. Ф., Турция, экономико-географический очерк, М., 1955.

Лудшувейт Е. Ф., Турция в годы первой мировой войны, М., 1966.

Ляценок П. И., История народного хозяйства СССР, т. I—II, М., 1939.

Мак-Коан К., Наш новый протекторат, М., 1884.

Мак-Коль М., Ответственность Англии перед Арменией. Сб. Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895, г., М., 1896.

Мак-Коль М., Султан и державы, пер. с англ., СПб, 1897.

Малама Я. Д., Описание Эрзерумского вилайета, СПб, 1874.

Мандельштам А. Н., Младотурецкая держава, М., 1915.

Материалы для описания Азиатской Турции и Батумской области, Тифлис, 1882. (Прилож. к VII т. «Известия Кавказского отд. Императорского русск. географич. Об-ва—ИКО ИРГО»).

Миллер А. Ф., Кемаль Ататюрк, ранние годы, Народы Азии и Африки, № 6, 1970.

Миллер А. Ф., Краткая история Турции, М., 1948.

Миллер А. Ф., Младотурецкая революция. Сб. Первая русская революция 1905—1907 гг., международное революционное движение, ч. II, М., 1956, Его же, 50-летие Младотурецкой революции, М., 1958.

Миллер А. Ф., Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века, АН, М.—Л., 1947.

- Мирный С.*, К вопросу об определении стоимости мировой войны для Турции, *Новый Восток*, № 3, 1923.
- Моисеев П. П.*, Аграрный строй современной Турции, Наука, М., 1970.
- Мустафа Кемаль*, Путь новой Турции, т. 4, М.—Л., 1934.
- Найт Э. Ф.*, Революционный переворот в Турции, пер. с англ., СПб, 1914.
- Насер Г. А.*, Философия революции, М., 1956.
- Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока, М., 1970.
- Новичев А. Д.*, Аграрный вопрос в Турции накануне кемалистской революции, Записки ИВ АН СССР, т. V, М., 1935.
- Новичев А. Д.*, Зарождение рабочего и социалистического движения в Турции. Уч. записки ЛГУ, вып. 14, 1962.
- Новичев А. Д.*, Крестьянство Турции в новейшее время, М., 1959.
- Новичев А. Д.*, Очерки экономики Турции до мировой войны, М.—Л., 1937.
- Новичев А. Д.*, Экономика Турции в период мировой войны, М.—Л., 1935.
- Овнанян С. В.*, Армяно-болгарские связи и армянские колонии в Болгарии во второй половине XIX в., 1968.
- О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.), М., 1962.
- Освобождение Болгарии от турецкого ига (1875—1879). Сб. документов, т. 1, М., 1961, т. II, М., 1964, т. III, М., 1967.
- Павлович М. (Вельтман М.)*, Империализм и мировая политика последних десятилетий. Собр. соч., т. II, Л., 1925.
- Павлович М. (Вельтман)*, Революционная Турция. Величие и падение Османской империи (Старая Турция), М., 1921.
- Пальм Датт*, Индия сегодня, М., 1948.
- Петкович К.*, Ливан и ливанцы, СПб, 1885.
- Петров С.*, Русский экспорт на Ближний Восток при новом режиме Турции, Восточный сборник, кн. I, 1913.
- Петросян Ю. А.*, Младотурецкое движение (вторая половина XIX—начало XX в.), М., 1971.
- Петросян Ю. А.*, «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, М., 1958.
- Плантационное хозяйство в Палестине, Пг, 1919.
- Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 г., II изд. М., 1896.
- Путята Д. В.*, Записка о Малой Азии в сборнике топограф. и стат. материалов по Азии, вып. 46, СПб, 1896.
- Рагозина Е. А.*, Из дневника русской в Турции перед войной 1877—1878, СПб, 1910.
- Раздел Азиатской Турции. По секретным документам б. МИД, под ред. Адамова Е. А., М., 1924.
- Ресми Ахмед Эфенди*, Сок достопримечательного, пер. Сенковского, Восточный сборник, кн. II, Пг, 1916.
- Розалиев Ю. Н.*, Государственный капитализм и развитие современных форм предпринимательства в Турции (рукопись диссертации), М., 1962.
- Розалиев Ю. Н.*, Особенности развития капитализма в Турции, ИВЛ, М., 1962.
- Ролен-Жекмен М. Г.*, Армения, армяне и трактаты. Сб. Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 г., II изд., М., 1896.
- Рубакин Н.*, Две конституции, турецкая и российская, СПб, 1906.
- Руппин Артур*, Современная Сирия и Палестина (пер. с нем.), Пг, 1919.
- Салиби Кемаль С.*, Очерки по истории Ливана, пер. с англ., М., 1969.
- Саркисян Е. К.*, Аграрная политика османского правительства в Западной Армении во второй половине XIX в., Ереван, 1957.
- Саркисян Е. К.*, Политика османского правительства в Западной Армении и державы последней четверти XIX и начала XX вв., Ереван, 1973.

- Саркисян Е. К., Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье, накануне и в годы первой мировой войны, 1962.
- Сафратян А. Х., Размещение и развитие железных дорог Турции (рукопись диссертации), 1948.
- Сборник географических, топографических, статистических материалов по Азии, вып. XVI, 1896.
- Сборник Главного управления Генштаба—СГУГШ, вып. II, 1910.
- Сборник консульских донесений, СПб, 1901.
- Сьмония Н. А., Об особенностях национально-освободительных революций, М., 1968.
- Смирнов В. Д., Кочубей Гемурджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции, СПб, 1873.
- Современная Турция, М., 1958.
- Степанян С., Армения в политике империалистической Германии, Ереван, 1975.
- Тверитинова А. С., Младотурки и пантюркизм, Краткие сообщения ИВАН СССР, XXII, 1956.
- Тер-Арутюнов А., Политические партии в современной Турции, Русская мысль, 1908, № 9.
- Термен Р. Н., Отчет о поездке в санджак Хекьяри Ванского вилайета в 1906 г., Тифлис, 1910.
- Тодоров Н. Т., Зарождение капиталистических отношений в текстильном производстве Болгарии в первой половине XIX в. Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР, М., 1958, № 23.
- Тодоров Н. Т., К развитию мануфактуры в Болгарии во второй четверти XIX века. Ученые записки Института славяноведения, т. XVI, 1950.
- Тамилов П. А., Отчет о поездке по Азиатской Турции в 1904 г., СПб, 1907.
- Тотомьянц В., Экономическая почва Турецкой революции, Современный мир, 1908, № 10.
- Трайков Георгий, Великая сила дружбы, Правда, 2.III.1968.
- Турецкий сборник (К событиям на Ближнем Востоке), под ред. И. М. Бикермана, СПб, 1909.
- Тухолка С., Русские подданные в Турции, СПб, 1900.
- Тыркова Ариадна, Старая Турция и младотурки, год в Константинополе, Пг, 1916.
- Тюджер Забе Ибрагим Хильми, Европеизация, Восточный сборн. кн. II, Пг, 1916.
- Убичини А. И., де-Куртель П., Современное состояние Оттоманской империи, СПб, 1854.
- Флеровский И., Национальные и экономические отношения в Турции, Современник, 1915, № 3.
- Хаджетлаше М. Б., Убийца на троне, Пг, 1919.
- Хашаб А., Экономическое положение современной Персии и ее торговля с прочими странами, Мир ислама, 1912, т. I, № 2.
- Хейфец А. Н., Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918—1920), М., 1964.
- Хитрово Т., Европейская Турция, М., 1909.
- Чихачев П. А., Великие державы и восточный вопрос, сборник составил В. В. Цыбульский, М., 1970.
- Шавров Н. И., Шелководство и шелковая промышленность в Турции, ч. I, II, Тифлис, 1907.
- Шамилов А. Ш., К вопросу о феодализме у курдов, Ереван, 1936.
- Шамсутдинов А. М., Национально-освободительная борьба в Турции, 1918—1923, М., 1966.
- Шахтагинский М., Кризис мусульманской жизненной способности. Турецкий сборник, СПб, 1909.
- Шериф Азиз, Ленинское учение о национально-освободительных революциях и

современный этап социального прогресса развивающихся стран (выступление на международном симпозиуме), Алма-Ата, 1965.

Шпилькова В. И., Империалистическая политика США в отношении Турции (1914—1920 гг.), М., 1960.

Шуэйби Ахмед, Административное право, Мир ислама, 1912, т. I.

Д. Косев, Къем изасиявана на някой проблеми от историята на България през XVIII и началото на XIX в. Исторически преглед, № 3, 1956.

Окан Халис, Развитие на капитализма в Турция, София, 1961.

Снегаров И., Турското владичество пречка за културното развитие на българския народ и другите балкански народи, Българска Академия на науките, София, 1958.

Aksoy Suad—Türkiye'de toprak meselesi, İstanbul, 1969.

Avcioglu Dogan—Türkiye'nin Düzeni (Dün, Bugün, Yarın), cilt 1—2, Ankara 1969.

Avni Hüseyin—Bir yarım müstemleke oluş tarihi, İstanbul, 1932.

Bayar Celâl—Ben de yazdım, Millî mücadeleğe giriş, cilt 1, ikinci baskı, İstanbul, 1967.

Cem İsmail—Türkiye'de geri kalmışlığın tarihi, 1971.

Cevat Ahmed—İktisad-i İnkılap, İstanbul, 1912.

Berkes Niyazi—İki yüz yıldır neden bocalıyoruz?, „Yön“, № 61, 62, 1963.

Boran B.—Türkiye ve Sosyalizm sorunları, İstanbul, 1968.

Bulutoglu Kenan—Türk vergi sistemi, İstanbul, 1967.

Çavdar Tevfik—Millî mücadele başlarken sayılarla vaziyet ve manzara-i umumiye, Milliyet, 21. IX. 1970.

Fişek Kurthan—Anadolu Toplumlarının evrimi üstüne düşünceler, „Forum“, 1. I. 1968.

Fişek Kurthan—Türkiye'de kapitalizmin gelişmesi ve işçi sınıfı, Ankara, 1969.

Hüsrev İsmail—Türkiye köy iktisadiyatı, Ankara, 1934.

Inalcık Halil—Tanzimatın Uygulanması ve sosyal tepkileri, „Belleten“ cilt XXVIII, No. 112, 1964.

—İstatistik yıllığı, 1931—1932.

—İstatistik yıllığı, cilt 7, 1934—1935.

—Karadeniz Kıyılarında parçalanan Mustafa Subhi ve yoldaşlarının ikinci yıldönümü, M., 1923.

Karal E. Z.—Garplılaşma hareketleri, Tanzimat Kitabı.

Karal E. Z.—Osmanlı tarihi, c. VII, 1956, c. VIII, 1962, Ankara.

Koçaş Sadı—Tarih boyunca Ermeniler ve Türk-Ermeni ilişkileri, İkinci baskı, Ankara, 1967.

Köprülü F. M.—Bizansın Osmanlı Müesseselerine Tesiri. Türk Hukuk ve İktisat Tarihi mecmuası, Sayı I.

Kuran A. B.—İnkılap tarihimiz ve Jön türkler, İstanbul, 1945.

Kuran A. B.—Harbiye mektebinde hürriyet mücadeleleri, İst.

Nuri Celâl—Tarih-i tedanniat-i Osmaniye, İstanbul, 1912.

Nuri Osman—Abdül Hamid Sanı ve devri saltanatı, birinci baskı, İstanbul, 1911.

H. Örgen—Ekonomik sorunlarımız, Ankara, 1969.

Said Paşanın hatıratı. İst. 1910.

Sencer Muzaffer—Osmanlı toplum yapısı. Devrim stratejisi açısından, İlk Yayını, İstanbul, 1969.

Sencer Oya—Türk Toplumunun tarihsel evrimi, İstanbul, 1969.

Sertel Yıldız—Türkiye'de ilerici akımlar ve kalkınma davamız, İstanbul, 1969.

Şevki Mehmet Alt—Osmanlı tarihinin sosyal bilimle açıklanması, İstanbul, 1968.

Tacalan Nurdogan—Ege'de kurtuluş savaşı başlarken, „Milliyet“, 11—16. IX. 1970.

Talât Paşa—Talât paşa Hatıraları, İstanbul, 1946.

Tökin F. H. Türkiye'de siyasi partiler ve siyasi Düşüncenin Gelişmesi, 1839—1965, İstanbul, 1965.

Tuna Orhan—Türk sendikacılığının Başlıca meseleleri ve son gelişmeler. İst. Üniversitesi İktisat fakültesi mecmuası, No. 3—4, 1965.

Tunaya T. Z.—Türkiye'de siyasi partiler, İstanbul, 1952.

Tunaya T. Z.—Türkiye'nin siyasi hayatında batılılaşma hareketleri, İstanbul 1960.

Turhan Mümtaz—Garplılışmanın neresindeyiz?, Üçüncü baskı, İstanbul, 1961.

Türker Suat—Boraks macerası, „Milliyet“, 3. V. 1971.

Yavuz Abadan, Bahri Savcı—Türkiye'de anayasa gelişmelerine bir bakış, Ankara, 1959.

Ziya Paşa—Arzihal, İstanbul, 1894.

Annuaire Oriental, commerce, Industrie, Administration, Magistrature de L'Empire Ottoman, fonde en 1880, Constantinople, 1912.

A. Billotti, Ahmed Sedad—Legislation Ottoman, depuis le Retablissement de la constitution, Tom première, Paris, 1912.

Alp Tekin—Le kemalizme, Paris, 1937.

Conker Orhan—Redressement Economique et Industrialisation de la Nouvelle Turquie, préface par S. E. İnönü, Paris, 1937.

Das Ottomanische Immobilienrecht von d-r Emrich Fryda von kaurimsky. Journal Weltwirschftices Archiv, Wien 9 Band, Januar, 1917, Heft I.

Dulaurler E. D.—En Turquie d'Asie, Paris, 1883.

Gentizon Paul—Mustapha Kemal ou L'Orient en marche, Paris, 1929.

Engelhardt E.—La Turquie et le Tenzimat, vol. I—II, Paris, 1884—1886.

Feroz Ahmad—The Young Turks. The committee of Union and Progress in Turkish Politics 1908—1914, Oxford, 1969.

Fesch Paul—Constantinople aux derniers Jours d'Abdul Ham'd, Paris, 1907.

Inan Afet—Aperçu general sur L'histoire économique de L'Empire turcottoman, İstanbul, 1941.

Jung Eugene—Les puissances devant la revolte arabe. La crise mondiale de demain, Paris, 1905.

Mendelstam A.—Le sort de L'Empire Ottoman, Paris, 1917.

Mourad Bey—La force et la faiblesse de la Turquie, Genève, 1910.

Peche F.—Manuale des Sociétés Anonymes fonctionnant en Turquie, Paris, 1911.

Pernot Maurice—La question turque, Paris, 1923.

Pinon R.—L'Europe et la Turquie, Paris, 1911.

- Portal Roger*—Les Slaves, Peuples et nations, Paris, 1965.
- Sarrou A.*—La jeune Turquie et la Révolution, Paris, 1912.
- Schopoff A.*—Les réformes et la protection des Crétiens en Turquie 1673—1904. Paris, 1904.
- Sonderdrack Aus Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, XVI Jahrgang, Häft 10, 1968.
- ✓ *Trumpener Ulrich*—Germany and the ottoman empire 1914—1918. Princeton New Jersey, 1968.
- Toynbe A. J.*—Turkey: A past and a future, New York.
- Ubicini M. A.*—Lettre sur la Turquie, part I, Paris, 1853.
- Vital Cuienet*—La Turquie d'Asie: т. I, Paris, 1891. т. III, 1897, Paris.
- Zara de Philippe*—Mustapha Kemal dictateur, Paris, 1936.
- Ա-Դօ (Հովհ. Տեր-Մարտիրոսյան), Վանի, Բիթլիսի և էրզրումի վիլայեթները, Երևան, 1912:
- Ա-դօ, Հուշեր Տաեկա-Հայաստանի ճանապարհորդությունից, «Նոր հոսանք», 1913, № 4, 5: Ազատարար շարժում բանակին հաղթական մուտքն ի Կ. Պոլիս, Պոլիս, 1909:
- Առոմ (Շահրիկյան Հ.), Բարենորոգումներու հարցը..., Կ. Պոլիս, 1914, էջ 144:
- Առոմ, Պետական վերանորոգությունն ու հողային հարցը, Կ. Պոլիս, 1910, էջ 68:
- Առոմ, Օսմանյան կայսրության անկման պատմությունը, Կ. Պոլիս, 1913:
- Առուպետ, 1878—1928 50-ամյա ոսկյա հորեկյան հայ հեղափոխության, լենինական, 1927 թ.:
- Արամյան Հմայակ (Մ. Գ. Շվոտ), Գյուղատնտեսի տարեցույցը, Կ. Պոլիս, 1914:
- Արժունի Գր., Թուրքաց հայերի տնտեսական դրությունը, Քիֆլիս, 1894:
Բարեփոխված կանոնադիր Թուրքիո ընկերվարական կուսակցության, Կ. Պոլիս, 1920:
- Բզեյան Միսակ, Հարազատ պատմություն Տարսուշ, Կահիրե, 1962:
- Բերբերյան Ռ., Թուրքիայի ֆինանսները, «Մուրճ», 1905, № 2—3, 4, 5:
- Բերդալայն էտ., Հայկական տանջանքները և Եվրոպան, Ժնև, 1906:
- Բրանդեն Գ., Հայաստանը և Եվրոպան, Ժնև, 1907:
- Դանիել Վարսուճան, Նամականի (1901—1915), Եր., 1965:
Դիվան հայոց պատմության, գիրք ԺԳ. (Վավերագրեր 1801—1888) հրատ. Գյուտ Աղայանց, Քիֆլիս, 1915:
- Էփրիկյան Հ. Ս., Բնաշխարհիկ բառարան, 2-րդ հրատ., Վենետիկ, 1903—1905:
- Քարիխ-ի Լյաքֆի, «Օտար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին» 7, Թուրքական աղբյուրներ, Դ, Երևան, 1972:
- Քափյան Ն., Որտասարդ Թուրքիան և հայերը, Քիֆլիս, 1909, Թուրքիան ընդդիմադրության տարիներին:
«Օսմանական», ջառաստանամյա հիշատակարան, պատրաստեց Ք. Ազատյան, Իսթանպուլ, 1948:
- Ան, Երկրի ժողովածու, հատ. 3, Երևան, 1969:
- ✓ Արփուսն Նահանգն, Հայաստանի շարժերը, Կ. Պոլիս, 1919:
- Լյուսենբուրգ Ռ., Ազգային պայքարը Թուրքիայում և սոցիալ-դեմոկրատիան, «Բաները Երևանի համալսարանի», № 2, 1971:
- Խաժակ Գ., Հողկերը Տաեկաստանում, ուսումնասիրության մի փորձ, Բաքու, 1903:
- Խանյան, Աշխարհազորություն Օսմանյան պետության, Կ. Պոլիս, 1912:
- Կիրակոսյան Ջ. Ս., Առաջին համաշխարհային պատերազմը և արևմտահայությունը, Երևան, 1965:
- ✓ Հակոբյան Հ., Թուրքիան գերման ճանկերում մեջ, Քիֆ., 1918:
- Հակոբյան Հով., Ուղեգրություններ, հատ, 6, 19-րդ դ., Երևան, 1934:
- Համբարյան Ա. Ս., Ազրաբային հարաբերությունները Արևմտյան Հայաստանում (1856—1914), Երևան, 1965:

Հայ պարբերական մամուլի մատենագիտություն (1794—1967), համահավաք ցանկ. Երևան, 1970:

Հայաստանն ըստ Ռօբերտայի 1919-ի տեսության, Կ. Պոլիս, 1919:

Հիշատակագիր հայկական հարցի մասին, Իզմիր, 1921:

Հովհաննիսյան Ռ. Փ., Արևմտահայ ազգային-ազատագրական շարժումները և Կարինի պաշտպան հայրենյաց կազմակերպությունը (19-րդ դ. 70—80 թթ.), Երևան, 1965:

Ղազարյան Հայկ, Արևմտահայերի սոցիալ-տնտեսական և քաղաքական կացությունը 1800—1870 թթ., Երևան, 1967:

Ղազարյան Հայկազն Գ., Ցեղասպան թուրքը, Բեյրութ, 1968:

Ղարիբջանյան Գ. Բ., Ռոզա Լյուքսեմբուրգի նորահայտ հողավճիռ արևելյան հարցի մասին, Բանբեր Երևանի համալսարանի, 1971:

Մանգելյան Ա., Երիտասարդ թուրքերի պետությունը, էջմիածին, 1916 թ.:

Մարկոսյան Ս. Ս., Արևմտահայության վիճակը 19-րդ դ. վերջերին, Ե., 1968:

Մ (ըմբյան) Հ. Գ., Թուրքահայոց հին վաճառականությունն ու վաճառականք 1740—1890, Կ. Պոլիս, 1908:

Մ (ըմբյան) Հ. Գ., Մասնական պատմություն հայ մեծատուններու, Կ. Պոլիս, 1909:

Մսերյանց Մսեր, Պատմություն կաթողիկոսաց էջմիածին, 1876:

Մուրադյան Ա., Հողատիրությունը Թուրքիայում, Մուրճ, 1899, № 10:

Նարանյան Ա., Տեղեկանք Բալուչի, Խարբերդի... և այլ գավառն. մասին, Կ. Պոլիս, 1883:

Նաուսան էդ. էրզնրում, Թիֆլիս, 1896:

Շտերն Բ., Հիվանդ մարդը (Թարգմ. գերմաներենից), Մուրճ, 1905, №Ց 9, 10, 11—12:

Պողոսյան Եփր., Դադյան գերդաստանը, Բեյրութ, հրատ. Բ, 1969:

Պողոսյան Եփր., Կարապետ Արթին փառա Տավուսյանի կուսակալ և ընդհանուր կառավարիչ Լիբանանի (1816—1873), Վիեննա, 1949:

Սապան Գյուլյան Մ., Երիտասարդ Թուրքիա, Պարիզ, 1908, էջ 76:

Ստեփանյան Գառնիկ, Ուրվագիծ արևմտահայ թատրոնի պատմության, հատ. 2-րդ, Եր., 1969:

Սաֆրասյան Ա. Խ., Սանբուրյան Գ. Հ., Թուրքական աղբյուրներ, հատ. Դ., Օտար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին, հատ. 7, Երևան, 1972:

Սրվանդյանց Գ., Համով-հոտով, Փարիզ, 1949:

Քորոս աղբար, մասն Ա, 1879, և Բ, 1884, Կ. Պոլիս.

Վահն Հայկ, Խարբերդը և անոր ոսկեդեն դաշտը, Նյու-Յորք, 1953:

Պատերազմող Թուրքիա, 1914:

Վարդանյան Հ. Գ., Արևմտահայերի սոցիալական և ազգային ճնշման ուժեղացումը Բեռլինի կոնգրեսից հետո, «Պատմա-բանասիրական հանդես», 1964, № 3:

Վերներ Էրեստ (ԳՊՀ, Լալպցիկ), Թուրքիան եռյակ միության և Անտանտի միջև միջև 1914 թվականին. Պատրանքներ և իրականություն Բոսֆորի ափերին, Լրաբեր, 1970, № 7:

Վերֆի Ջրանց, Մուսա լեռան քառասուն օրը, Երևան, 1967:

Տաղավարյան Տօֆ. Ն., Երկրագործության, անտառաց և հանքաց զարգացումն ու շահագործումը: Ծառ Սեբաստիայի ղեկավարտի՝ արտասանած 1909 մայիսի 5 (18 մեյ-իսսմ), Կ. Պոլիս, 1909:

Օսմանյան կայսրության ընդդիմադիր ուժերի կոնգրեսը, 1907, ղեկտեմբեր, Ժնև, 1907:

Օսյան Գրիգոր, Մահմանդրական խոսքեր ու ճառեր, Կ. Պոլիս, 1910:

Ֆեներեան Հ., Պատմություն Արսլանպեկի, Փարիզ, 1971:

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Бакинские вести, 1909.

Вестник Европы, 1903, 1905, 1909, 1915.

- Вестник финансов, промышленности и торговли, 1892—1912.
 Военный сборник, 1891, 1905.
 Восточный сборник, 1913, 1916.
 Донесения императорских российских консульских представителей за границей
 по торгово-промышленным вопросам, 1912—1914.
 Записки Института востоковедения АН СССР, 1935.
 Известия Штаба Кавказского военного округа, 1904—1913.
 Исторический перегляд, 1963, № 3.
 Кавказское хозяйство, 1918.
 Коммунист, 1971.
 Красный архив, т. 43, 1931.
 Краткие сообщения ИВ АН СССР, 1956.
 Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР, 1958.
 Летопись, 1917.
 Международная жизнь, 1927
 Мир Ислама, 1912.
 Мусульманин, 1911.
 Народы Азии и Африки, 1965, 1970—1972.
 Новый Восток, 1922.
 Образование, 1909.
 Огонек, 1971.
 Правда, 1912, 1968, 1973.
 Правительственный вестник, 1914.
 Проблемы востоковедения, 1959.
 Проблемы мира и социализма, 1965.
 Рассвет, СПб, 1908—1909.
 Русское богатство, 1894—1910.
 Русский вестник, 1903.
 Русская мысль, 1896—1908.
 Санкт-Петербургские ведомости, 1913—1914
 Советское востоковедение, 1958.
 Современник, 1912, 1915
 Современный мир, 1908.
 Труды ИВ АН Узбекск. ССР, 1954.
 Ученые записки ИВ АН СССР, 1956.
 Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР, 1958.
 Ученые записки ЛГУ, 1962.
Ազատամարտ, 1909—1912;
Արաբս, 1887—1889;
Արօր, 1910—1911;
Արեւելագիտական ժողովածու, 1964;
Արեւելյան մամուլ, 1904;
Բաղմավեպ, 1877, 1878, 1882;
Բանբեր Երևանի համալսարանի, 1971;
Բյուզանդիոն, 1896—1914;
Բյուրակն (օրաթերթ), 1899;
Բյուրակն (շաբաթաթերթ), 1906—1908;
Գործ, 1917;
Գրական և պատմական հանդես, 1888;
Գյուղատնտեսի տարեցույցը, 1914;
Երկրի ձայնը, 1906—1908;
Ընդարձակ օրացույց, 1908;
Ժամանակ, 1908—1912;
Լրաբեր հասարակական գիտությունների, 1969—1970;

- Հայրենիք (Կ. Պոլիս), 1909:
Մասիս, 1880:
Մշակ, 1907, 1909, 1910:
Մուրճ, 1889—1909:
Նոր Հոսանք, 1913:
Պատմա-բանասիրական Հանդես, 1964:
Տարեցույց սփյուռքահայության, 1939:
Փորձ, 1876—1877:
Ceride: Ticaret tercümesi, 1856.
(Հայաստան Թուրքերեն Քերթ):
Akşam, 1928.
„Belleten“, 1964, cilt 12.
Milliyet, 1970—1971.
Yeni çağ, 1964.
Yön, 1963.
Etudes Balkaniques № 8, 1967, № 3, 1975.
Sächsische Arbeiter Zeitung №№ 234, 235, 236, X. 1896.
Weltwirtschafliches Archiv, Wien, 1917.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аба Оглу 112, 175
 Абадан Я. А. 16
 Абдул-Азиз 149, 183, 197, 201
 Абдул Гамид II 44, 46, 48, 110, 149, 158, 172, 202, 216, 219, 220, 226—230, 232, 233, 236, 239, 247, 256, 273, 276
 Абдул-Меджид 53
 Абдул Тамид Зохрави 243
 Абдулкадер 35
 Абдулла Джевдет 227, 243
 Абидин бей 172
 Абуд Эфенди 166
 Абудзаде Мехмет бей-эфенди 21
 Абук-паша 39
 Авджиоглу Доган 8, 14, 18, 117, 119, 145, 166, 280
 Аверьянов 37
 Авни Хусейн 10, 16, 104, 126, 137, 192, 203, 205
 Агатон Григор 42
 Агаян Ц. П. 23
 Адамов А. 57, 58, 208, 210
 Адамов Е. А. 12, 114
 А-до (О. Тер-Мартirosян) 10, 33, 38, 74, 255
 Азарян К. 149
 Азатян Торос 20
 Акопян Оганес 124
 Аксой Суад 10, 83, 84
 Алайбейзаде Садык бей 92
 Али Кемаль бей 243
 Али паша 171
 Али Риза 226
 Али Суави 52, 54
 Алибеков И. В. 9, 123, 124, 159, 286
 Алиев Г. З. 8, 9, 13, 225, 226, 227, 232, 239, 242, 249, 268
 Алимов А. А. 10, 13, 246, 264
 Амбарян А. С. 10, 23, 33, 34, 58, 68, 81, 82, 134
 Амин Шакер 17
 Ананов 209
 Андерлинд А. 73
 Андреа Ж. 93, 187
 Антонов В. К. 72
 Арамянц А. (С. Г. Швот) 40, 72
 Арасханян А. 21
 Аренц Эфенди 162
 Аристиди Эфенди 267
 Арпаджян 63
 Арпиарян, семья 124
 Арсланиан Дикран 10, 64, 68, 69
 Арцруни Григор 67
 Аль-Арьяни Саид 17
 Асатур-ага («Демирджи-башн») 161
 Астахов Г. 13
 Ата Мухаммед Мустафа 17
 Ататюрк, Мустафа Кемаль, 39, 47, 143, 190
 Атом (О. Шахриян) 10, 22, 217
 Атрпет 13, 67, 68, 196
 Аугаген Губерт 71
 Ахмед Вефик-паша 41
 Ахмед Джевдет 243
 Ахмед Джемаль 271
 Ахмед Риза 220, 225—228, 230—233, 237, 263
 Ахмед Хикмет 240
 Ашчян Г. 92
 Байрон 178
 Бакрадзе Дм. 9, 59
 Баркан Омер Люффи 118, 184
 Баюр Ю. Х. 217
 Баяр Джелял 162, 275, 276
 Бдеян Мисак 69
 Бекгулянц Р. 82, 251, 252
 Берберян Р. 22, 201, 203
 Беркенгейм А. М. 190
 Беркес Ниязи 16, 61, 74, 268, 269
 Бехаздин Шакир 233
 Бикерман Г. М. 58, 75
 Биллиоти А. 18

Бинат 209
Бинца Ж. А., братья 176
Бинца Х. А., братья 176
Боран Бехидже 15, 46, 47
Бояджиян 260
Бояджианц, братья 208
Брежнев Л. И. 6
Булутоглу Кенан 10, 16, 31, 32, 47, 201
Бутаев И. 10, 13, 57, 70, 202, 277
Бухнер 226

Вазов И. 178
Вайянос, братья 130
Валахов Д. 224, 260, 264
Валлон 34
Валуйский А. И. 13, 128, 137
Ван-Ревестейн В. 288
Вардовян Акоп 173
Вартанян А. Г. 38
Вартанянц В. 72
Василевский Казимир 15
Вдовиченко Д. И. 9, 159
Вернер Э. 217, 240, 278
Викель 249
Викторов-Топоров В. 13, 62
Виченян Серовбе—Сервичей 171
Вичинной Петер 187
Властори 200
Воровский В. В. 13, 247
Вронченко М. 154

Габидуллин Х. З. 10, 13, 218, 256, 258
Гаджемуклов В. 124
Галайджян Г. 175
Гапакчи заде Хафыз 165
Гарибджанян Г. Б. 65
Гаришян А. 165
Гасанова Э. Ю. 13, 240, 258, 266, 273, 275

Герцель 158
Гёк Альп Зия 226, 240, 241, 266
Гёмурджинский К. 28
Гичян 175
Гогониос оглы Серафим 92
Голобородько (Южанин) И. И. 13, 154, 202, 218, 238, 249

Гольбах 226
Гордлевский В. А. 121, 137
Гордон С. 202
Горцев 259

Грин Фр. 18, 124, 157
Губер А. А. 142
Гуланян Х. Г. 74
Гурко-Кряжин В. А. 13, 218, 237

Гусейн Авни-паша 149
Гусейн Джахид 245, 271
Гутор М. Д. 218
Гюмушгердан Антанас 160
Гюмушгерданы 160
Гюлбенкяны, Галуст и братья 161, 271

Давидов Онник 209
Дадиян Мкртч-бей 51
Дадиян Артин 171
Дадиян Ованес амира 128, 171
Дадияны 128, 161
Дамад Ферид паша 243
Даниелян О. 92
Данциг Б. М. 13
Даркот Б. 103, 105
Демир Якуб 85
Демирай Тахсин 242
Демолен Эдмонд 226
Денизли Хасан эффенди 176
Дерби 172
Джavid бей 227, 251, 253, 278, 280
Джеват А. 16
Джезаирли Мкртч амира 160, 161
Джелаледдин Ариф бей 271
Джелал-паша 48
Джем Исмаил 16, 119, 185, 265
Джемаль 227, 271, 273
Джемиль 75
Джиерджяны, братья 92
Джиерзаде Хаджи Али Дервиш 92
Джиллов Халюк З. 16, 120
Диллон Эм. 18, 33, 35, 124
Добровольский И. А. 115
Добрынский И. А. 124
Дрейфус 230
Дюлорье Эд. 130

Егер 193
Екавов В. 92
Еремеев Д. Е. 13, 85, 152, 272
Еоанидис 161
Есяяны, братья 161

Жаботинский Вл. 158
Жантисон Поль 52, 53, 248
Желтяков А. Д. 13, 52, 54, 217
Живков Тодор 178
Жолие 250
Жуковский П. М. 58

Завриев Д. С. 10
де Зара Филипп 274, 275

- Зарифи Леонидис 62, 161, 200
 Зарфи П. 127
 Захарянц, братья 208, 209
 Зеки-паша 49, 114, 149
 Зиновьев 233
 Зихни-паша 48
 Зия 52, 172
 Зия паша 47
 Зия паша, младотурецкий руководи-
 тель 271
 Золингер 93
 Зохраб Григор 253, 263
 Зурабов А. Г. 13, 190, 191
- Ибрагим Темо 243
 Ибраносян, братья 96
 Иззет паша 202
 Имам Заде Бекир 175
 Имам Заде Омер 175
 Иналджик Халл 36, 47, 87, 123, 197
 Инан Афет 137
 Инсаров Г. X. 13, 32, 34, 61, 124
 Ирандуст 10, 270, 272, 277
 Исмаил Хаккы паша 243
- Казале Р. 93
 Казаросян Г. 175
 Казарян А. Г. 166, 281, 282
 Казарян Г. М. 23, 33, 42, 133, 144,
 152, 285
 Калорини Б. 176
 Капчев Г. Н. 280
 Карал Энвер Зия 14, 16, 120, 129, 183,
 217
 Карассо Эм. 271
 Каратеодори-эфенди 172
 Касум бек 247
 фон Кауримский Э. Ф. 51
 Кафафян 209
 Кашинцев И. 274
 Кегинян Парунак 175
 Кемак 205
 Кемаль Мидхат 243
 Кеотажялыян 112
 Кетиджян Григор эфенди 92
 Кехути Григорий 209
 Кечеджи-Шаповалов М. В. 13, 57, 76,
 99, 103, 124
 Кине Виталь 18, 34, 124, 129
 Қиракосян Дж. С. 23
 Киреев И. Г. 167
 Клавани Давид 187
 Кнунянц Б. М. 13, 221, 247
 Ковалевский М. 29, 281
- Коджа Синан 173
 Коймен О. 28, 121
 Колобакин А. М. 9, 34, 41, 60, 63, 66,
 83, 102, 124, 146, 174, 179
 Кондурушкин С. 274
 Конкер Орхан 16, 130
 Конт О. 226
 Корбули Домокош 282
 Корниенко Р. П. 13, 137, 224, 259, 260
 Косев Д. 14, 97
 Кох Карл 93
 Кочаш Сади 156, 157, 173
 Крепфорд 249
 Кузьмин Д. 224
 Куран Ахмед Белеви 163, 164, 217
 Кюнлукчу заде 112
 Кютенян Б. 92
 Кямиль-паша 50, 248, 249
- Лавринович Ю. 124
 Лавров П. Л. 178
 Лазарев М. С. 26
 Ланглуа В. 124
 Лассаль Ф. 47
 Левковский А.И. 26, 27
 Лейард 179
 Лемли Оглу 149
 Ленин В. И. 6, 7, 11, 25, 26, 43, 54,
 56, 57, 70, 72, 75, 76, 79, 85, 93, 94, 96,
 106, 120, 151, 180, 192—196, 216,
 221, 260, 261, 273, 288, 289
 Ленский Н. А. 9, 58, 74, 267, 268
 Лео 28, 29
 Лепснус И. 77, 280
 Линч Х. Ф. Б. 18, 61, 124
 Лисенко В. К. 13, 105
 Лоран М. 249
 Лугенили 200
 Лудшувейт Е. Ф. 13
 Лукидис Василиаки 92
 Люксембург Р. 13, 65, 177
- Мавридиадис Николаки 165
 Мавримото 128, 143
 Мавритис Савва 149
 Маврокордато (Маврогордато) Н.
 127, 200, 249, 271
 Мак-Коан Карлайл 74
 Мак-Коль М. 18, 52, 124
 Максудян О. 92
 Малама Я. Д. 9, 97, 134, 135
 Мандельштам А. Н. 13, 220, 248, 277,
 278
 Манташев 209

- Манукян А. 175
 Маркосян С. С. 23, 33, 203
 Маркс К. 9, 11, 25, 30, 31, 37, 42, 49, 51—54, 65, 69, 75, 93—96, 99, 101, 106—108, 118, 120, 122, 132, 144, 150, 153, 155, 159, 160, 163, 181, 182, 193, 194, 211, 285, 286
 Махир Санд 243
 Махмуд II, 36, 40, 183
 Махмуд Дамад паша 226
 Махмуд Шефкет-паша 256
 Меймарян С. 92
 Меликян Кеворк 63, 175
 Мелхаме Хабиб, 127, 202
 Мендерес А. 145
 Мехмед Али Шевки 226, 227, 236
 Мидхад-паша Ахмед 40, 52, 144, 172, 177, 183
 Миллер А. Ф. 13, 28, 30, 52, 142, 218, 269, 276
 Минасянц Абгар 209
 Минасянц Мовсес 209
 Мирманов 175
 Мирский С. 283
 Мкртчян Манук 63, 175
 Мнацакянян А. Н. 23
 Моисеев П. П. 9, 10, 86, 119
 Молла Заде 147
 Морнер Джеймс 124
 Мсрьянц Мсер 124
 Мурад султан 230
 Мурад-бей (Мизанджи) 46, 227, 281
 Мурадян А. 10, 22, 68, 73
 Муса бек 247
 Мустафа Кемаль см. Ататюрк Мустафа Кемаль
 Мустафа-паша Байрактар 36, 40
 Мустафа Хайруллах Эфенди 172
 Мутран Ю. 202
 Мырмян А. Г. 22, 89, 90, 116, 144, 156, 161, 164, 186, 187, 206
 Мюмтаз Т. 16, 120, 183, 184
 Мютеферрика Ибрагим 173
 Мюфти Заде 112
 Назым 237, 246
 Найт Э. Ф. 18, 218, 248, 259, 262
 Намык Кемаль 52, 172
 Насрулла эфенди Мюфти Заде 175
 Натаян А. 22
 Науман Эдмонд 98
 Нерсян М. Г. 12, 23
 Николанди Е. 176
 Новичев А. Д. 9, 10, 13, 70, 73, 75, 81, 103—105, 109, 111, 112, 113, 129, 132, 141, 157, 189, 195, 207, 254, 256, 260, 261, 263, 264, 266, 268
 Норатункян (Норадунгиан) Габриель 243, 249, 257
 Носик Фред 158
 Нур бей 271
 Нуреддин Тевфик 240
 Нури бей 271
 Нури Джелаль 36, 217, 227, 267
 Нури Осман 46
 Ованес амира см. Дадиян Ованес амира
 Ованян С. В. 23
 Оганес Паша Сакиз 249
 Оганесян Р. Ф. 23
 Одян эфенди см. Отян Григор
 Озген Х. 15, 222
 Окан Халис 14, 29, 58, 85, 118, 204, 219, 280
 Омар 197
 Осман Адил бей 271
 Османа династия 231
 Отян Григор 42, 172
 Охания, Бакрат и братья 209
 Павлович М. (М. Вельтман) 13, 188, 204
 Палтаян Хаджи Назар 92, 112
 Паляны, братья 161, 173
 Палазян Грант 173
 Парзус (Гельфанд А. Л.) 223
 Парлакзاده Хаггы Эфенди 92
 Пастелли 187
 Перно М. 155
 Пертев Тевфик 243
 Петкович К. 132
 Петров С. 257
 Петросян Ю. А. 13, 52, 88, 164, 172, 173, 217, 226—228, 231, 232, 234, 236
 Петряев А. М. 88, 124
 Пеш Ф. 109, 127
 Пешков Н. 48, 196
 Пинчев 237
 Погосян Е. 128
 Полага Хабиб 176
 Портал Роже 97
 Постанчи Оглу Т. 175
 Путята 70, 139, 140
 Рагиб-паша 147

- Рагозина Е. А. 177
 Раковский Г. С. 177
 Ралли Т. 187
 Рамиз эфенди 172
 Рахми 202
 Рахми-бей 270, 275, 276
 Рашид-паша 177
 Рашид Сади бей 271
 Реклю Элизе 274
 Риза 243
 Риза паша 170
 Риза Нур 243
 Риза Тевфик 243
 Ричард М. 191
 Ролен-Жекмен М. Г. 32, 34, 124
 Розалиев Ю. Н. 9, 265, 270, 277
 Романенко А. С. 115
 Рорбах 191
 Рубакин Н. 47
 Руппин Артур 9, 58, 61, 62, 71, 72,
 77—79, 84, 90, 135
 Рызгалла Хайеат 112
- Саадулла 271
 Саадулла эфенди Муфти Заде 175
 Саакян Р. Г. 19
 Сабакхэддин Мехмед 16, 87, 88, 121,
 226—228, 232—235, 236
 Сава паша 172
 Савджи Б. 16
 Саври-Хисарлян 175
 Садек Махмед 165
 Садык бей 243, 245
 Санд Амин 17, 45
 Санд-паша 253, 263, 267, 271
 Сакаллоглу Юван 112
 Салиби Кемаль С. 221
 Сарафяны, братья 92
 Саркисян Е. К. 10, 13, 23, 33
 Сарру А. 18, 251, 257
 Сафрастян А. Х. 105
 Седад Ахмед 18
 Сейдов Р. А. 288
 Селим III 36, 40, 183, 226
 Селим Мелхаме паша 127
 Селим Хадат 112
 Сенджер Музаффер 10, 15, 16, 29,
 118, 119, 184, 272
 Сенджер Оя 10, 15, 16, 156, 163, 183,
 184, 217
 Сен-Симон 226
 Сертель Йылдыз 14, 253, 272
 Скулиди 187
 Смирнов В. Д. 28, 36
- Снегаров И. С. 14, 45
 Соланелли 133
 Спартали Е. 271
 Срвандзтянц Г. 136, 138
 Степанян Г. 173
 Степанян С. 202
 Степняк-Кравчинский С. М. 178
 Стефанович 187
 Субхи Али 265
 Субхи Мустафа 16, 219
 Сурейя паша 127
 Сюрейя бей 243
- Тачалан Нурдоган 16, 92, 176, 188,
 190
 Тадиян Эфенди 131
 Тагаварян Н. 69, 78, 140, 278, 279
 Талаат-паша 227, 271, 273, 275, 276
 Тальчев 264, 274
 Тарабани 134
 Таслакчян А. 175
 Татищев А. 60
 Ташбаши заде Мехмед эфенди 112
 Тверитнинова А. С. 13
 Тевфик Фикрет 243
 Текози 187
 Телли оглу, братья 112
 Темер-оглы 62, 63, 175
 Тер-Арутюнов А. 13, 219
 Термен Р. И. 9, 10, 124
 Тёкин Ф. X. 150, 222—224, 232, 241—
 244
 Тигран Завен 229
 Тирагуян К. 92
 Годоров Н. Т. 14, 121—123, 160
 Томилов П. А. 45, 81, 100, 124
 Топчян Е. 33, 34, 57
 Торгомян К. 136
 Тотомянц В. 13, 57, 84, 124, 218
 Тофик Пырро 17
 Трайков Г. 179
 Трумпенер Ульрих 19
 Туло Ф. А. 176
 Туманский 208
 Туна Орхан 260
 Туна Т. З. 16, 183, 228, 239
 Тухолка С. 63, 71, 124
 Тыркова Ариадна 13, 57
 Тюркер Суат 147, 201
- Убичини М. А. 18, 124, 128
 Угурлу Оглу Рашид 165
 Узунчаршылы И. X. 14
 Ушакизаде Муаммер 190

- Фалькштейн 131
 Фенерджян Г. 111
 Ферит-паша 261
 Фехертайн Тибор 282
 Феш Поль 18, 121, 124, 192, 228, 233
 Фируз Ахмед 18, 225, 253
 Фишек Куртан 15, 16, 119, 137, 138, 184, 186, 203
 Флеровский И. 13, 113, 196, 198
 Фуад-паша, визирь 43, 171
 Фуад-паша, сенатор 243
 Фулле 226
- Хаджетлаше М. Б. 269
 Хаджи-ага 145
 Хаджи Али 145
 Хаджи Иззет-паша 62
 Хаджи Магомед-паша Сапунджи 271
 Хаджи Эснеф эфенди Гарно 175
 Хаджопуло 175
 Хажак Г. 10, 22, 33, 74, 114
 Халаджян 257
 Халепли Кости Суха 112
 Халепли Юсуф Шар 112
 Халиде Эдиб 273
 Халил бей 227, 279
 Халил Рифаат паша 32
 Халфазаде Али Эфенди 165
 Хамамчи Заде 165
 Ханджян 57, 76, 100, 103, 104, 110, 125, 127
 Хасан Фехми 220
 Хасвель 226
 Хашматян 63, 81
 Хащаб А. 102
 Хейфец А. Н. 13
 Хикмет Аффан 17
 Хильми паша 250
 Хитрово Т. Л. 13, 264
 Ходжа Заде Эфенди 165
 Ходжа Таха Эфенди 262
 Хомси Албер 93
 Хомси Насри 93
 Хорикян М. 175
 Хосейн-паша 61
 Хулусси бей 257
 Хусейн Джахид 247
 Хусейн Сират 243
 Хюсейн бей 164
 Хюсейн Кемаль 243
- Хюсрев Исмаил 10, 16, 85, 204, 205, 277, 280
- Чавдар Тевфик 16, 166, 265
 Чамич Ованес эфенди 172
 Чарк 173
 Чарыков М. В. 209
 Чеха Ильяс 162
 Чечення 187
 Чичагов 196, 199
 Чихачев П. А. 13, 31, 46, 49, 51, 57, 99, 101, 124, 149, 183, 198, 201
 Чухаджян Тигран 173
- Шавров Н. И. 131, 132, 169
 Шамйлов А. 72
 Шамсутдинов А. М. 10, 268
 Шаховский В. Н. 114
 Шахтагтинский Мехмед бей 45, 172
 Шериф Азиз 221
 Шехабеддин Дженаб 155
 Шикарин 187
 Шинаси Ибрагим 52
 Шпилькова В. И. 13
 Штери Б. 49
 Шукри паша 127
 Шукри Эль Асени 243
 Шуэйби Ахмед 45
 Шюб 93
- Щеглов 249
- Эверт 32
 Экизлар Маргар 176
 Элиаско 200
 Эмир-оглу 208
 Энвер-паша 227, 264, 273
 Энгельгардт Е. 18, 53
 Энгельс Ф. 11, 30, 31, 37, 40, 42, 49, 51—54, 69, 75, 93, 95, 99—101, 106, 107, 119, 120, 132, 144, 150, 153, 155, 163, 181, 182, 193, 194, 211, 284, 285, 286
 Эскифоглу Хаджи Садык 165
 Эфрикян А. С. 70
- Юнг Курт М. 191
 Юнг Э. 255
 Юсуф Асым 147
- Языджи Б. 277
 Янко бей 161
 Яунтиран 154, 166

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Австрия см. Австро-Венгрия
 Австро-Венгрия 49, 187—189, 191, 192, 204, 256, 279
 Аграна Маден 125
 Агын (Акн) 124, 191
 Адабазар 111, 131, 140, 148, 260
 Адана 58, 70, 77, 94, 96, 133, 134, 139, 147, 205, 257, 270
 Аданский вилайет 70, 77, 265
 Аданский р-н 70, 266
 Адилджеваз 100
 Адрианополь 94, 156, 227, 243, 257
 Азиатская Турция 62, 63, 66, 68, 76, 96, 99, 102, 114, 146
 Азия 7, 19, 20, 86, 87, 100, 101, 106, 181, 277
 Айдын 90, 94
 Айдын, вилайет 265
 Айнтаб 95, 102, 134, 135
 Акн см. Агын
 Акшехир 146, 207
 Алашкертская долина 101
 Албания 233, 253, 255, 262
 Александрия 87
 Александретта 96, 102
 Алеппо 58, 61, 82, 87, 92, 95, 98, 102, 108, 123, 131—133, 151, 187, 202, 210, 260, 281
 Алеппский вилайет 50
 Амаься 96, 131, 132, 134, 136
 Америка см. Соединенные Штаты Америки
 Анатолия 28, 47, 60, 62, 72, 74, 87, 90, 93, 109, 131, 133, 149, 156, 157, 165, 175, 180, 184, 192, 219, 270, 272, 280, 281, 282
 Англия 49, 101, 106, 110, 126, 186, 187—193, 195, 204, 205, 206, 233, 256, 279, 280
 Ангора см. Анкара
 Анкара 77, 81, 94, 102—108, 109, 123, 136, 151, 167, 187, 243, 251, 282
 Анкарский вилайет 95, 96, 165, 265
 Анталия 96
 Арабкир 95, 124, 136, 138, 191
 Аравия 26, 76, 233
 Армения (см. также Восточная и Западная Армения) 19, 26, 43
 Армянское царство см. Армения
 Арсланпек 111
 Артамет 82
 Африка 19, 20, 181
- Бабадаг 187
 Багдад 58, 61, 87, 94, 110, 134, 151, 210, 271
 Багдадский вилайет 58, 62, 210
 Баку 208
 Балканы, Балканский п-ов 14, 34, 61, 63, 87, 96, 132, 148, 153, 156, 175, 178, 179, 180, 191, 209, 286
 Балканские страны 233, 288
 Балькесир 72, 95, 146, 147
 Бандырма 131
 Басра 57, 58, 87, 134, 210
 Баязетский санджак 38
 Баязид 69, 209
 Бейкоз 128
 Бейпазар 145
 Бейрут 58, 82, 87, 89, 94, 108, 131—133, 135, 151, 210, 260
 Бельгия 103, 186, 189, 205, 280
 Бессарабия 44
 Бига 265
 Битлис 63, 74, 82, 89, 90, 94, 103, 134, 135, 175
 Битлис, вилайет 265
 Ближний Восток 190, 277
 Болгария 14, 44, 97, 121, 144, 156, 160, 178, 179, 233, 284
 Босния 44, 256
 Бремен 186
 Буланых 63, 174
 Бурса 61, 87, 95, 111, 131, 136, 138, 139, 147, 151, 156, 160, 167, 169, 201, 226, 260
 Бурса, вилайет 265
 Валахия 44
 Ван 22, 33, 62, 63, 83, 89, 94, 98, 99, 100, 103, 116, 131, 134, 138, 140, 151, 165, 175, 208, 260, 262
 Ванский вилайет 39, 66, 82, 208, 265
 Ванское озеро 61, 100
 Вардо 66
 Великобритания см. Англия
 Вена 226
 Венеция 19, 182
 Верхняя Мезра 62
 Византия 182
 Восток 6—8, 11, 19, 26, 30, 54, 59, 86, 87, 117, 150, 216, 284
 Восточная Армения 21, 207
 Восточная Фракия 272
 Галаца 115

- Гамбург 186
 Гейве 131
 Гелиполу 103
 Генуя 182
 Гераклея 128
 Германия 19, 110, 187—193, 195, 202, 204, 205, 223, 256, 275, 279, 280, 289
 Герцеговина 44, 178, 256
 Гёктепелер 145
 Гёрдез 129
 Гизкинский дистрикт (каза) 32
 Гилян 87
 Голландия 186, 188, 205, 280
 Греция 43, 97, 180, 188, 233
 Гюмуш-Маден 95

 Дагестан 227
 Дальний Восток 106
 Дамаск 58, 61, 82, 94, 102, 133, 135, 151, 202, 210, 258
 Дания 186
 Дарданеллы 95
 Дедеагач 133
 Демирчи 129
 Дерсим 83, 110
 Джерр 74
 Диадии 38, 101
 Диез 101
 Диярбекир 82, 94, 95, 98, 131, 135, 187, 191, 239, 260
 Диярбекирский вилайет 50, 265
 Древний Рим 181, 182

 Евдокия см. Токат
 Европа 18, 20, 31, 77, 82, 86, 98, 106, 172, 181, 182, 184, 185, 196, 198, 207, 210, 224, 226, 228, 234, 259
 Европейская Турция 57, 61, 71, 105, 106, 114, 118, 250, 280
 Евфрат 100
 Египет 98, 103, 130, 156, 190, 195
 Едикуле 134, 135
 Ереван 208
 Ерекёй 128

 Закавказье 20, 207
 Запад 16, 18, 19, 46, 86, 87, 117—119, 183—185
 Западная Азия 157
 Западная Анатолия 148, 157
 Западная-Армения 20—22, 60, 63, 66, 68, 69, 81, 83, 97, 131, 133, 148, 154, 157, 174, 207—210, 262, 263, 281, 282

 Западная Римская империя 182
 Зейтун 38
 Зиле 96, 132, 135, 207
 Зонгулдак 161

 Иерусалим 71, 72, 94
 Измир 20, 22, 76, 77, 82, 87, 89, 90, 92, 94—96, 102, 104, 111, 123, 130, 133, 135, 136, 141, 147, 151, 156, 160, 162, 169, 170, 175, 176, 181, 186, 188, 190, 209, 227, 251, 258—260, 270, 275, 278, 280
 Измир, вилайет 265
 Измит 76, 109, 128, 131, 156, 171, 175
 Измитский р-н 111
 Индия 106, 135, 188, 210
 Ионджалу 63, 175
 Ирак 81, 255
 Иран 87, 100—102, 165, 192, 193, 210, 235
 Искандерун 108
 Ислахийе 145
 Испарта 169
 Испания 186
 Испирский дистрикт (каза) 32
 Италия 187—189, 193, 195, 203, 205, 206, 280

 Иемен 253
 Иозгат 96

 Кавал 260
 Кавказ 20, 97, 169, 207
 Кайсери 69, 94, 131, 133, 134, 136, 147, 151; 156, 165, 175, 282
 Карахилиса 101
 Карасу 90, 95, 127
 Каркар 255
 Карсская область 208
 Касаба 198, 251
 Кастамону 68, 137, 235
 Кастамону, вилайет 96, 165
 Кастория 62
 Кебан-Маден 124
 Кегн 83, 90
 Кёнен 155
 Кипр 190
 Китай 106, 135, 181
 Конийский вилайет 95, 112, 146, 165, 265, 266
 Константинополь (Стамбул) 20—22, 57, 59, 61, 69, 76, 78, 81, 82, 87, 89—91, 94, 96, 101, 102, 104, 109, 110, 112, 115, 117, 121, 123, 128, 133, 135, 137,

- 141, 144, 147, 149, 152, 154, 156,
 163—166, 172, 173, 175, 176, 179, 182,
 184, 186—188, 191, 196, 200, 206—
 209, 220, 224, 226, 238, 251, 257—260,
 270, 280
 Конья 77, 90, 92, 96, 102, 123, 130,
 145, 151, 162, 175, 187, 207, 251
 Красное море 104, 210
 Крит 160, 233
 Кугле 129
 Курдистан 26, 60, 210, 255
 Кыршехир 129
 Кючюк Чекмедже 161
 Кяваш 66

 Латинская Америка 181
 Ливан 41, 72, 132
 Ляйда 71
 Любек 186

 Маден 207
 Мадрас 19
 Мазра 103
 Македония 35, 50, 61—63, 85, 116,
 179, 180, 219, 233, 261, 264, 274
 Малатия 95, 132, 165, 191
 Малая Азия 84, 86, 87, 105, 106, 125,
 147, 148, 165, 181, 182, 250, 286
 Мамурет эль Азиз 82, 124
 Мамурет эль Азиз, вилайет 265
 Маняса 162
 Манчестер 175, 186
 Мараш 94, 282
 Марашский санджак 38
 Мартан 255
 Мерзифон 95, 96, 134, 151
 Мерсин 81, 96, 102, 133, 191, 257
 Месопотамия 26, 57, 210, 255
 Мидилли 112
 Молдавия 44
 Монастырь 187, 251
 Москва 11
 Мосул 58, 61, 81, 82, 132, 134
 Мраморное море 103
 Мурад-чай 82
 Мутталап 205
 Муш 63, 66, 89, 95, 174
 Мушский санджак 38, 69
 Мушско-Буланыхская равнина 83
 Мчкандц 66

 Наллы хан 207
 Нигде 130
 Никодимия см. Измит

 Норвегия 186
 Овачык 111
 Орду 67, 103

 Палестина 158, 159
 Палу 22, 50, 63, 81, 82, 95, 110, 146
 Париж 228, 247, 278
 Партизак 111, 252, 260
 Передняя Азия 87
 Персидский Азербайджан 89
 Персидский залив 104
 Персия см. Иран
 Португалия 216
 Престина 116
 Принцезы о-ва 128
 Причерноморье 73
 Пруссия 186

 Ризе 246
 Рим см. Древний Рим
 Родопский р-н 160
 Родосто 95
 Россия 11, 12, 20, 21, 46, 49, 57, 77,
 101, 132, 151, 157, 178, 181, 186, 188,
 189, 191—193, 207—210, 235, 249
 Румелия 90, 187
 Румыния 97, 188
 Русь см. Россия

 Сач 61
 Салмаст 102
 Салоникки 62, 90, 94, 112, 131, 133, 134,
 187, 223, 227, 251, 252, 257, 258, 260,
 264, 265
 Самсун 90, 96, 98, 102, 149, 191, 270
 Сан-Стефано 128
 Сардиния 186
 Сасун 255
 Себастья см. Сивас
 Северк 95
 Сербия 43, 44
 Сивас (Себастья) 82, 95, 96, 130, 135,
 147, 151, 168, 175, 191, 243, 260, 278
 Сивасский вилайет 78, 96, 168
 Синоп 102
 Сирия 26, 62, 71, 72, 78, 87, 105, 134,
 17, 233
 Смирна см. Измир
 Советский Союз (СССР) 12, 14, 23
 София 187
 Спакерт 255
 Средиземное море 61, 90, 96, 103, 141,
 150, 181
 Средиземноморье 47, 71, 156

- Стамбул см. Константинополь
Соединенные Штаты Америки (США)
20, 57, 63, 77, 106, 205, 207, 234, 280
Сулейманше 270
Сулейманская губерния 116
- Тавриз 100—102
Тарсус 133, 134, 257
Тбилиси 20, 110, 208
Тегут 63, 175
Телекей 81
Терджан 83
Тигр 100, 125
Тифлис см. Тбилиси
Токат (Евдокия) 95, 96, 132, 134, 135,
147, 151, 168
Томарзе 282
Топрак-кале 101
Тортумский дистрикт (каза) 32
Тоскана 186
Тосья 165
Трапезунд (Трабзон) 82, 87, 89, 90, 94,
98—102, 104, 110, 133, 134, 147, 164,
187, 209, 258, 260, 270, 272, 280
Трапезундский вилайет 34, 67, 96
Триполи 278
Триполитания 57
Тульчинская губерния 116
Туркестан 101
- Унне 103
Урмия 102
Урфа 82, 94, 95
Урфа, вилайет 265
Ускюдар 117, 172
Учкилиса 38
Ушак 11, 129, 130
- Филиппе 187
Франция 7, 49, 110, 186, 187—189, 191—
193, 195, 204—206, 226, 256, 279, 280
- Хаджын 113
Хайдар-паша 81, 107—109
Хайфа 278
Хама 62, 135
- Харберд (Харпут) 22, 73, 77, 81, 83,
90, 95, 98, 99, 102, 103, 114, 131,
134, 135, 139, 146, 151, 164, 191
Харпутская долина 82
Харпутская каза 146
Хауран 202
Хизан 255
Хиос 177
Хнус 83, 90
Хой 102
Хомс 135
Хоргенц 66
Худавендикяр 95
- Цвастан 33
- Чабахчур 83, 110
Чатаалджа 76, 282
Черногория 43, 44
Черное море 61, 104, 141, 181, 209
Чорум 96
- Швейцария 110, 234
Швеция 186
Ширван 87
- Эгейские о-ва 156
Эгейский р-н 80, 91, 126, 145, 190
Эгейское море 176
Эдирне см. Арианополь
Эйюби 128
Эрегли 126, 137, 147, 161
Эреглийский р-н 126
Эргани Маден 167
Эрзерум 33, 77, 82, 83, 89, 90, 94, 97—
102, 110, 114, 123, 131, 134, 151, 187,
208, 210, 235, 262
Эрзерумский вилайет 34, 67, 72, 82,
208
Эрзинджан 83, 90, 94, 141
Эскишехир 108, 205, 207, 251
- Южная Америка 135
- Янина 116
Яффа 71, 98, 278

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Введение	5
Глава I — <i>Исторические условия и генезис капитализма в Османской империи</i>	25
Глава II — <i>Развитие капиталистических отношений в экономике империи</i> . Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве	56
Роль торговли, ремесел и промышленности в экономике империи	86
Глава III — <i>Процесс формирования буржуазии и особенности ее развития</i> . О внутренних факторах, влиявших на формирование буржуазии	143
Влияние иностранного капитала на формирование буржуазии	181
Глава IV — <i>Экономическая политика младотурок и дальнейшее развитие буржуазии</i>	216
Об экономической платформе младотурок	223
Экономическая политика младотурок и дальнейшее развитие буржуазии империи	246
Заключение	284
Список использованных источников и литературы	290
Указатель имен	304
Указатель географических названий	310

ИНДЖИКЯН ОГАНЕС ГРИГОРЬЕВИЧ
БУРЖУАЗИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

*Печатается по решению ученого совета
Института востоковедения
АН Армянской ССР*

Художник *К. К. Кафадарян*
Технич. редактор *С. К. Закарян*
Корректор *И. Г. Апкарян*

ВФ 05054   Изд. 4399   Заказ 315   Тираж 1000
Сдано в набор 13/IV 1976 г. Подписано к печати 16/II 1977 г. Печ. 19,75 л.
изд. 21,87 л. Бумага № 1, 60×84¹/₁₆. Цена 2 р. 34 к.

Издательство Академии наук Армянской ССР, 375019, Ереван, Барекамутян, 24-г.
Типография Издательства АН Армянской ССР, Ереван, ул. Барекамутян, 24.